

ПРОШЛОЕ НАШЕЙ РОДИНЫ
В ПАМЯТНИКАХ НУМИЗМАТИКИ

Государственный ордена Ленина Эрмитаж

ПРОШЛОЕ
НАШЕЙ РОДИНЫ
В ПАМЯТНИКАХ
НУМИЗМАТИКИ

Сборник статей

ИЗДАТЕЛЬСТВО „АВРОРА“

Ленинград 1977

74 (069)

П 84

*Печатается по решению Ученого совета
Государственного ордена Ленина Эрмитажа*

Редактор В. М. Потин

ОТДЕЛ НУМИЗМАТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА, сотрудниками которого составлен настоящий сборник, является одним из крупнейших нумизматических хранилищ (собрание музея насчитывает более миллиона монет, медалей, а также орденов, жетонов, весов и гирь для взвешивания монет, монетных штемпелей и т. д.). Ни советские, ни зарубежные ученые, работающие над темами, касающимися монетного дела стран Европы, Азии и Америки, не могут обойтись без обращения к нумизматическому собранию Эрмитажа.

Сборник посвящен прошлому нашей Родины, нашедшему отражение в нумизматических источниках. Родившись из коллекционирования, нумизматика превратилась в науку о монетах и монетных кладах как памятниках денежного обращения, экономических связей, политической истории, истории искусства и культуры. Поэтому не удивительно, что авторы ряда статей значительное внимание уделяют экономике феодального периода или международным связям Русского государства (М. А. Львов, В. М. Потин, М. Б. Северова). Е. С. Щукина в статье о западноевропейских медалях в собрании Эрмитажа, которые были чеканены в связи с различными историческими событиями в России конца XVII — первой четверти XVIII в., показывает возрастающий интерес к России за рубежом и укрепление ее международного авторитета.

Большинство статей и публикаций посвящено монетам, их типологии, атрибуции и датировке (статьи Л. Н. Беловой, В. М. Брабича, Ю. Л. Дюкова, И. Г. Добровольского и И. В. Соколовой), технике монетной чеканки (статьи В. А. Калинина и И. Г. Спасского), монетнымкладам (И. Г. Добровольский и Т. Н. Минасян).

В сборнике читатель найдет интересные материалы о монетах античного Причерноморья и средневекового Херсона, Грузии VII—XVIII вв., но основное внимание уделено русской нумизматике. Так, М. П. Сотникова сообщает об итогах изучения древнейших русских монет в Эрмитаже, статьи В. А. Калинина и М. А. Львова рассказывают о чеканке Великого Новгорода. Ряд других статей касается истории русского денежного обращения.

Длительное время не появлялось ни одной специальной работы о чистке монет. Рекомендации по реставрации нумизматических памятников, составленные О. В. Васильевой, в определенной мере восполняют этот пробел.

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ МОНЕТ X—XI ВЕКОВ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ЭРМИТАЖЕ

Название их не известно... Эти монеты принадлежат к самым большим нумизматическим редкостям, потому что таких больше нигде нет или есть весьма немного похожих в частных коллекциях и в Эрмитаже*.

Древнейшие русские монеты чеканены без малого тысячу лет назад, в конце X в. Но всего только около двухсот лет они известны науке; всего только сто лет прошло с тех пор, как доказано, что они являются русскими, и только двадцать лет, как окончательно стало ясно, что первоначальному русскому чекану именно тысяча, а не девятьсот — восемьсот лет. Причина — в сравнительной малочисленности и плохой сохранности этих монет, в редкости их находок.

В настоящее время насчитывается около 340 экземпляров русских монет X—XI вв., 96 из них не разысканы¹. Все монеты сконцентрированы в нескольких крупных советских и зарубежных музеях. Эрмитажу принадлежит 152 экземпляра. В частных коллекциях древнейших русских монет практически нет: всего три человека в мире владеют девятью экземплярами.

В древнерусских письменных источниках не имеется сведений о начале русской национальной чеканки. И привычное именование древнейших русских монет златниками и сребрениками условно.

Для обозначения серебряных монет первоначального русского чекана нумизматами и историками XIX в. был заимствован термин из Ипатьевской летописи², хотя он относится к началу XII в., когда интересующие нас монеты не только не чеканились, но уже и не участвовали в денежном обращении. По аналогии со сребреником для обозначения древнейших русских золотых монет употребляется термин „златник“, известный по договору 945 г. князя Игоря с греками³.

Большинство древнейших русских монет содержит в легендах имя Владимира, некоторая часть — имя Святополка или Ярослава. Еще несколько экземпляров имеют спорно читаемые легенды.

В составе двух кладов византийского золота находились 10 известных в настоящее время златников⁴.

Серебряные монеты делятся на четыре группы. Большинство монет относится к первой группе. Происходят они из двух так называемых чистых, содержащих исключительно русские монеты, кладов — Нежинского 1852 г. и Киевского 1876 г.⁵ Ко второй группе принадлежит очень не-

* Страшкевич К. Клады, рассмотренные в Минц-кабинете Университета святого Владимира с 1838 по 1866 г. — „Университетские известия“, Киев, 1866, № 9, отд. 2, с. 56.

большое количество сребреников, которые обнаружены в десятке кладов, состоявших из западноевропейских, арабских и византийских монет; в третью входят сребреники, найденные при археологических раскопках (чаще в погребениях, реже — на городищах); в четвертую — сребреники, встреченные как случайные находки.

Общая последовательность чеканки монетных типов установлена И. И. Толстым, исходящим из чтения надписей, наличия перечеканок и стилистического анализа⁶. Попытка Толстого найти монеты киевской чеканки Ярослава, напрасная в свете сегодняшних представлений о денежном обращении X—XI вв., но понятная для уровня знаний конца XIX в., вызвала обоснованные возражения⁷, однако хронология самих монетных типов, независимо от атрибуции, остается непоколебленной до сих пор и используется при попытках переопределения этих типов⁸.

В недавно законченном в отделе нумизматики Государственного Эрмитажа сводном каталоге русских монет X—XI вв. монеты с упоминанием Владимира, Святополка и Ярослава в легендах подразделяются, по классификации И. И. Толстого, на восемь — девять типов в зависимости от изображений, надписей и родовых знаков князей и с учетом последующих поправок атрибуций для типов со спорно читающимися легендами. Основанием для выделения типа служит одинаковое сочетание в монетах лицевой и оборотной сторон той или иной определенной композиционной схемы. Другими словами, монеты относят к одному типу, если не вызывает сомнения, что на всех сравниваемых штемпелях древний художник стремится повторить одну и ту же комбинацию изображений — будь то персонаж с теми или иными, одинаково размещенными атрибутами и надписью или родовой знак определенной формы.

Наиболее обособленное место в этой классификации занимают монеты Ярослава (около 1015): принадлежность к этому чекану выражена в притяжательной форме надписи, окружающей родовой знак, а изображение правителя на лицевой стороне заменено изображением святого патрона князя (табл. I, 9). Самый мощный слой в остальном комплексе составляют монеты Владимира (988—1015), серебряные и золотые (табл. I, 1—5), причем из четырех типов серебряного чекана резко выделяется один, следующий типу золотых монет, где „светское“ изображение правителя сочетается с каноническим изображением Пантократора, тогда как во всех остальных типах — не только Владимира, но и Святополка (1015; см. табл. I, 6) и со спорными легендами (1018; см. табл. I, 7, 8) — место последнего занимает родовой княжеский знак.

Приводимая ниже таблица фиксирует общее количество известных в настоящее время древнейших русских монет и число соответствующих им пар штемпелей.

Самым многочисленным по обоим показателям является тип II сребреников Владимира, что, на первый взгляд, как будто бы противоречит классификации Толстого, поскольку наибольшим количеством экземпляров в монетных кладах должен быть представлен самый поздний чекан. Однако это наблюдение верно лишь для монет, разделенных столетиями, и неприменимо к выпускам одного — полутора десятилетий. Кроме того, противоречие легко устраняется, если предположить возможность одновременной чеканки сребреников Владимира II—IV типов, представляющих, в сущности, один монетный тип по композиции изображений и легенде.

Табл. I. Русские монеты X—XI вв.:

1 — златник Владимира Святославича; 2—5 — сребреники Владимира Святославича;

6—8 — сребреники

Святополка Окаянного; 9 — сребреник Ярослава Владимировича

Монетный тип	Количество пар штемпелей	Количество монет
Златники Владимира	6	11
Сребреники Владимира, тип I	45 (—13)*	76 (—13)
То же тип II	66 (—5)	86 (—5)
" тип III	42 (—4)	57 (—5)
" тип IV	18 (—2)	25 (—3)
Сребреники Святополка	29 (—1)	51 (—1)
То же с именем Петрос	5 (—1)	5 (—1)
" с именем Петар	8 (—2)	12 (—3)
" неизвестных типов	3	3
" Ярослава	3	6
" Ярослава с латинской легендой	3	5
Всего	227	338 (—31)

* В скобках знаком минус помечено количество штемпелей и монет каждого типа, известных только по упоминаниям в литературе.

Едва ли правильно было бы сравнивать непосредственно со II типом сребреников приближающийся к нему по числу известных монет тип I сребреников Владимира: ведь сребреники I типа никогда не встречаются в находках с монетами остальных типов.

Чекан с именем Святополка связан с IV типом монет Владимира: штемпели обоих типов сделаны одним мастером, что указывает на непосредственную замену одного монетного типа другим, т. е. позволяет вполне определенно датировать монеты с именем Святополка 1015 г. Малочисленность монет Святополка с именем Петра объясняется, по видимому, кратковременностью владения Святополком киевским столом в 1018 г., в результате авантюрного захвата города с помощью войска Болеслава Храброго.

Также эпизодичны были, очевидно, чекан Ярослава и выпуск золотых монет Владимиром.

Много это или мало — 340 монет от 220 штемпелей? Ответить на вопрос, какое количество монет было отчеканено данными штемпелями, при современных объеме источников и состоянии знаний — невозможно. Методологически неверной была бы попытка назвать хотя бы порядок числа, как это сделано для более поздних русских монет⁹, так как на материале всего 300 монет нет оснований утверждать, десятками или сотнями тысяч экземпляров измеряется первоначальный русский чекан. Но соотношение общего количества известных монет и количества штемпелей (приблизительно 3:2) позволяет судить о некоторых особенностях самого процесса производства древнейших русских монет.

Только единичные штемпели представлены в каталоге 16, 9, 6 монетами. От 6 штемпелей сохранилось по 4 монеты, от 10 — по 3, от 33 — по 2. Подавляющее же большинство штемпелей известно по единичным экземплярам отчеканенных ими монет.

Большое количество штемпелей указывает на их нестойкость. Только этим можно объяснить плохое качество чеканки и множество близких разновидностей, являющихся результатом неоднократных правок штемпеля и копирования. Такими мягкими или хрупкими могли быть бронзовые штемпели.

Свойственное всем русским монетам X—XI вв. постоянное соотношение сторон по вертикальным осям изображений ($\uparrow \downarrow$ для златников, I типа сребреников Владимира и части монет Ярослава; $\uparrow \uparrow$ для остальных типов) указывает, что лицевой и оборотный штемпели были сопряжены в орудии, имевшем форму щипцов. Редчайшие случаи нарушения этой ориентации (сребреники Владимира III типа, монеты Ярослава) вызваны, по-видимому, поломками штемпелей-щипцов или заменой износившегося штемпеля.

Сребреники, в большинстве своем обрезанные (след участия монет в денежном обращении), и наличие множества штемпелей опровергают дожившее до нашего времени мнение, что памятники рассматриваемой группы служили жетонами, медалями или верительными знаками русских должностных лиц¹⁰: жетоны не были бы столь разнообразны по типам и штемпелям. Впрочем, о монетности данного материала говорит и то обстоятельство, что использование его в качестве украшений всегда оказывается вторичным: монету для этого специально пробивали или приделывали к ней ушко.

На основе пристального сличения монет удалось выявить образцовые варианты штемпелей, стоявшие в начале русского чекана, и установить хронологическую последовательность большинства вариантов внутри каждого монетного типа.

Оказалось, что над каждым из восьми монетных типов русских монет X—XI вв. работало по одному „ведущему“ мастеру с несколькими помощниками или учениками. Вследствие многократного копирования быстро изнашивавшихся штемпелей монетные легенды быстро „портятся“ даже у авторов штемпельных образцов. Поэтому смысл многих буквенных начертаний удается уловить только при сравнении надписей на всех монетах данного типа.

Письмо легенд на монетах первоначального русского чекана безусловно кирилловское. В нем нет ни одного глаголического знака, нет и знаков загадочного „русского письма“, которое, по мнению Н. В. Энгватова, якобы предшествовало на Руси употреблению кириллицы и глаголицы¹¹. При исходной близости кириллицы греческому алфавиту чисто греческие начертания некоторых букв в наиболее грамотно исполненных монетных легендах усиливают внешнее сходство последних с греческими надписями.

Характер письма на лучших образцах древнейших русских монет чрезвычайно близок к торжественному письму мозаик, монументальной живописи, предметов торевтики, печатей. Поэтому выяснение нумизматической характеристики древнейших русских монет и „биографий“ всех известных экземпляров этих монет превращает русские златники и сребреники X—XI вв. в надежный сравнительный материал при изучении других древнейших памятников древнерусского письма, языка и искусства, а также для эпиграфики.

Западноевропейские монеты, современные древнейшим русским, чеканились на круглых заготовках, вырезанных из раскованного листа

металла¹². Русские монеты, как доказал И. Г. Спасский, чеканены на кружках, отлитых в складных двусторонних формах. Именно этим объясняются часто встречаемые на древнейших русских монетах различные не механического происхождения отверстия („свищи“, „залиты“ или не плотно прилегающие „заплаты“), являющиеся дефектами литья¹³.

Сырьем для чеканки русских монет X—XI вв. мог служить металл только иноземного происхождения, собственного серебра Древняя Русь не имела. Однако к началу XI в. некогда мощный поток серебра с Востока иссяк. Сами дирхемы их „последнего эшелона“ свидетельствуют о кризисе серебра на Востоке. Так, низкопробными (600-я проба) оказались 6 из 14 апробированных обломков куфических монет клада у с. Денисы¹⁴. Но в целом содержание серебра в дирхемах для русского денежного дела было, очевидно, еще слишком высоко. Знаменательно, что среди более чем 300 сребреников не нашлось ни одного перечеканенного дирхема. Следовательно, для чеканки монет на Руси в X—XI вв. употребляли собственный сплав, в котором дирхемы могли служить серебряной добавкой.

Апробировано около 60 процентов всех известных монет. Девять экземпляров имеют 960-ю пробу, два — 875-ю, шесть — 860—800-ю, восемь — 700—600-ю пробу, около тридцати монет — ниже 500-й, около двадцати — 300-ю пробу. Таким образом, три четверти сребреников практически не являются серебром.

Высокопробные сребреники имеются в каждом выпуске русских монет X—XI вв., кроме монет Святополка. Они чеканены теми же штемпелями, что и низкопробная масса. Но лишь такие экземпляры встречаются в кладах с восточными и западноевропейскими монетами, лишь они уходят далеко от места чеканки и попадают за границы Русского государства. Поэтому можно предположить, что немногочисленные неапробированные сребреники западноевропейских кладов имеют достаточно высокую, приблизительно 900-ю, пробу.

Сходные явления наблюдаются на рубеже X—XI вв. и в XI—XII вв. в Средней Азии, где состояние запасов серебра не позволяло равно насытить серебром и внешний и внутренний рынок и где на внутреннем рынке ходили монеты из сплавов серебра с медью и меди с оловом, а также — с принудительным курсом — медные, покрытые тонким слоем серебра¹⁵.

Золотые монеты русской чеканки X в. закономерно повторяют весовую норму византийских солидов, которым они следуют также в размере и внешнем облике. В XI в., судя по составу Пинского и Кинбурнского кладов, златники Владимира вместе с византийским золотом участвовали в международном денежном обращении.

С выяснением весовой нормы серебряных монет первоначального русского чекана дело обстоит сложнее. Вес медных сребреников в лучшем случае можно рассматривать как рудимент, пережиток каких-то весовых норм серебряной монеты. Говорить серьезно о метрологии тут невозможно. Определенна только ориентация на „средний“ дирхем. К тому же для метрологических исследований пригодны не все 300 с лишним сребреников. За вычетом около 100 неразысканных или просто обломанных экземпляров остается не более 200 монет, в большинстве биллоновых и медных да притом еще и обрезанных. Весовые графики, составленные для каждого монетного типа в отдельности и по

обоим „чистым“ кладам, не противоречат в целом мнению В. Л. Янина (обосновавшего метрологическую связь древнейших русских серебряных монет с дирхемом) о чеканке сребреников по весовой норме куны в южнорусской денежно-весовой системе X в.¹⁶, но, к сожалению, и не уточняют этого представления из-за ограниченного количества материала.

Значительные отклонения от нормы в 3 г, достигающие 0,5—0,8 г, зависят, по-видимому, от состава и качества металлических сплавов, употреблявшихся для чеканки сребреников. Крайне низкопробные в своей массе, сребреники, строго говоря, не были серебряной монетой. Биллоновая и медная монета существовала в денежном обращении в средние века и на Западе, и на Востоке. Таким образом, пожалуй, будет вернее всего признать вслед за И. И. Толстым, что древнейшие русские монеты X—XI вв., как медные в своем большинстве, чеканены, по-видимому, без всякой весовой системы¹⁷.

Чеканка древнейших русских монет продолжалась не более 25—30 лет на рубеже X—XI вв. и не возобновлялась даже уже во время длительного киевского княжения Ярослава Владимировича (1019—1054), а почти все находки этих монет происходят из кладов и захоронений не позднее XI в.

Как материальные остатки денежного обращения X—XI вв. первые русские монеты представляют собой важный вид исторических источников для изучения экономики Древней Руси. Их чеканка была тщетной попыткой создать собственную монету, когда неиссякавший столетиями приток дирхемов в Южную Русь резко сократился во второй половине X в. Наполнить освободившуюся от дирхема сферу русского денежного обращения рубежа X—XI вв. Русскому государству не удалось. Слишком эпизодичны и малочисленны были монетные выпуски, осуществлявшиеся, по-видимому, не регулярно, а только в связи с определенными событиями (принятие христианства и женитьба Владимира на внучке Оттона Великого; оба захвата киевского стола Святополком; конфликт Ярослава с Владимиром в 1014 г.). Чересчур „негодными средствами“ было предпринято это новое для Руси монетное производство, страдавшее отсутствием прочной сырьевой базы и недостатками технической организации самой чеканки при полном неведении ее устроителями законов товарно-денежного обращения.

Несравненно большее значение имеют древнейшие русские монеты как памятники политических отношений эпохи средневековья. Действительно, монеты с изображениями русского князя на престоле и княжеского знака, а также с беспрецедентной по декларативному содержанию легендой, представляют собой, в сущности единственный вид русских государственных документов X—XI вв., дошедших до нас в подлинниках. Поэтому они, безусловно, являются ценным историческим источником при изучении политики Древней Руси периода наивысшего расцвета Киевского государства. Наряду с принятием христианства в качестве единой государственной религии и учреждением государственного официального летописания, выпуск собственной монеты означал провозглашение государственной независимости Руси и равенства ее другим европейским государствам.

Если само появление русской монеты было стимулировано утверждением на Руси христианства как государственной религии, то нельзя исключить и догадку, что спорадические выпуски сребреников, за корот-

кий срок несколько раз достаточно заметно менявших свой вид, удовлетворяли потребность в монете, используемой не столько по ее основному назначению, сколько в качестве пожалований, во время торжественных церемоний и т. д.

Составляя подавляющее большинство всех известных русских письменных памятников X—XI вв., монеты первоначального чекана—поистине драгоценный материал и для изучения древнейшей русской письменности и древнерусского языка.

Наконец, чрезвычайно интересны русские монеты X—XI вв. и как памятники искусства, которые сохранили до наших дней древнейшие русские портреты.

¹ Сотникова М. П. Неразысканные экземпляры русских монет X—XI вв. К корпусу древнейших русских монет.—ТГЭ, 1971, т. 12, с. 138.

² ПСРЛ, т. 2, М., 1962, стб. 281.

³ ПСРЛ, т. 1, Спб., 1846, с. 21.

⁴ Спасский И. Г. Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минц-кабинета—отдела нумизматики.—НЭ, 1970, т. 8, с. 134—136; Спасский И. Г. Новые данные о златниках Владимира Святославича.—ВИД, Л., 1974, вып. 6.

⁵ Сотникова М. П. Сребреники Киевского клада 1876 г.—НисС, 1968, вып. 3, с. 114—137; Сотникова М. П. Нежинский клад 1852 г. (реконструкция состава).—НисС, 1971, вып. 4, с. 15—41; Сотникова М. П. Неразысканные экземпляры..., с. 138.

⁶ Толстой И. И. Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского. Спб., 1882, с. 187—194.

⁷ Чернев Н. Заметки о древнейших русских монетах.—Вестник археологии и истории, 1888, вып. 8, с. 86—197; Петров Н. И. Монеты Великого князя Киевского Изяслава Ярославича (1054—1078).—В кн.: Труды IX Археологического съезда в Вильне. М., 1895, с. 109—115; Орешников А. В. Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936; Янин В. Л. Древнейшая русская печать X в.—КСИИМК, М., 1955, вып. 57, с. 44—46; Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, с. 166.

⁸ Там же.

⁹ Спасский И. Г. Талеры в русском денежном обращении 1654—1659 годов. Л., 1960, с. 5.

¹⁰ Романов Б. А. Деньги и денежное обращение.—В кн.: История культуры Древней Руси. Домонгольский период, т. 1. М.—Л., 1948, с. 386; Comte Serge Stroganoff, «Le trésor de Néjine», *Zeitschrift für Numismatik*, Bd. 10, Berlin, 1883, S. 116, 117.

¹¹ Янин В. Л., Рыбаков Б. А. По поводу так называемых „открытий“ Н. В. Энгватова.—СА, 1960, № 4.

¹² R. Walther, «Die Entwicklung der europäischen Münzpräge-Technik von den Karolingern bis zur Gegenwart», *Deutsches Jahrbuch für Numismatik*, München, 1939, Nr. 2, S. 142; M. Haisig, «W mennicy królewskiej a. d. 1657», *Zapiski numizmatyczne*, Wrocław, 1949, Nr. 4, str. 4, 5.

¹³ Спасский И. Г. Насущные вопросы изучения русских монет X—XI вв.—СГЭ, 1961, [вып.] 21, с. 54; Спасский И. Г. Русская монетная система. Изд. 4-е. Л., 1970, с. 52.

¹⁴ Ильин А. А. Топография кладов древних русских монет X—XI вв. и монет удельного периода. Л., 1924, с. 15, № 20.

¹⁵ Массон М. Е. К истории горной промышленности Карамазара.—Труды Таджикской базы АН СССР, М.—Л., 1935, т. 4, с. 229; Давидович Е. А. Из области денежного обращения в Средней Азии XI—XII вв.—НЭ, 1961, т. 2, с. 97—107. Плакированные серебром медные куфические монеты обнаружил недавно в собрании Эрмитажа И. Г. Добровольский.

¹⁶ Янин В. Л. Денежно-весовые системы..., с. 170.

¹⁷ Толстой И. И. Указ. соч., с. VII.

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ ОБ ИЗОБРАЖЕНИИ НА НОВГОРОДСКИХ МОНЕТАХ

Лицевая сторона монет Новгорода Великого (1420—1477 или 1478) издавна привлекала к себе внимание многих исследователей-нумизматов—далеко не в последнюю очередь благодаря „редкостной верности однажды принятому тилу изображения“¹. Действительно, на всех без исключения новгородках (а этих монет только в собраниях Эрмитажа, Государственного Исторического музея и Новгородского историко-архитектурного музея-заповедника насчитывается около 13 000 экз.) помещена характерная двухфигурная композиция, в которой левая фигура представлена в одежде, в короне (венце?) и с жезлом (мечом?) в правой руке, тогда как правая обнажена и нередко показана в „просительной“ позе. В деталях композиция варьируется: левая фигура может быть изображена стоящей или сидящей, правая—с „даром“ (в виде овала или столбика из точек) в руках или без такового „дара“ (табл. I). Однако эти различия, не говоря уже о более мелких, отступали в глазах нумизматов перед фактом удивительной устойчивости сюжета в целом—особенно на фоне необозримой пестроты монетных типов русской чеканки конца XIV—XV в., где такое сюжетное постоянство выглядит как почти единственное и потому интригующее исключение.

Первая, по-видимому, попытка описать новгородские денги принадлежит Герберштейну. „Новгородская денга, — пишет он, — имеет на одной стороне фигуру князя, восседающую на престоле (седалище), а перед ним стоит склоненная мужская фигура“². Отметим, что автор данного описания настолько же категорически определяет левую фигуру, насколько отказывается от определения правой.

М. М. Щербатов один из первых исследователей указанного изображения, предположил (в 1781 г.), что левая фигура — это „посадник или какой судья“³. С другой стороны, как бы вторя Герберштейну, просто „князя“, без каких-либо уточнений, видели в левой фигуре А. Д. Чертков, С. И. Шодуар, Я. Я. Рейхель, Ф. Ф. Шуберт, В. К. Савельев, Д. П. Сонцов и Э. К. Гуттен-Чапский⁴. Серьезных попыток выяснить, что символизирует собой правая, нагая фигура, практически не было до выхода в свет в 1884 г. монографии И. И. Толстого „Монеты Великого Новгорода“.

Один из талантливейших русских нумизматов, И. И. Толстой выгодно отличался от всех своих предшественников стремлением исчерпать любую тему, к которой он обращался, именно поэтому его монографии по древнерусским монетам стали на многие десятилетия недостижимым образцом широты охвата материала и глубины проникновения в тему. Проблеме изображения на новгородках И. И. Толстой уделяет немало внимания и приходит к выводу, что левая фигура знаменует собою великого князя московского, тогда как „без натяжки можно предположить,

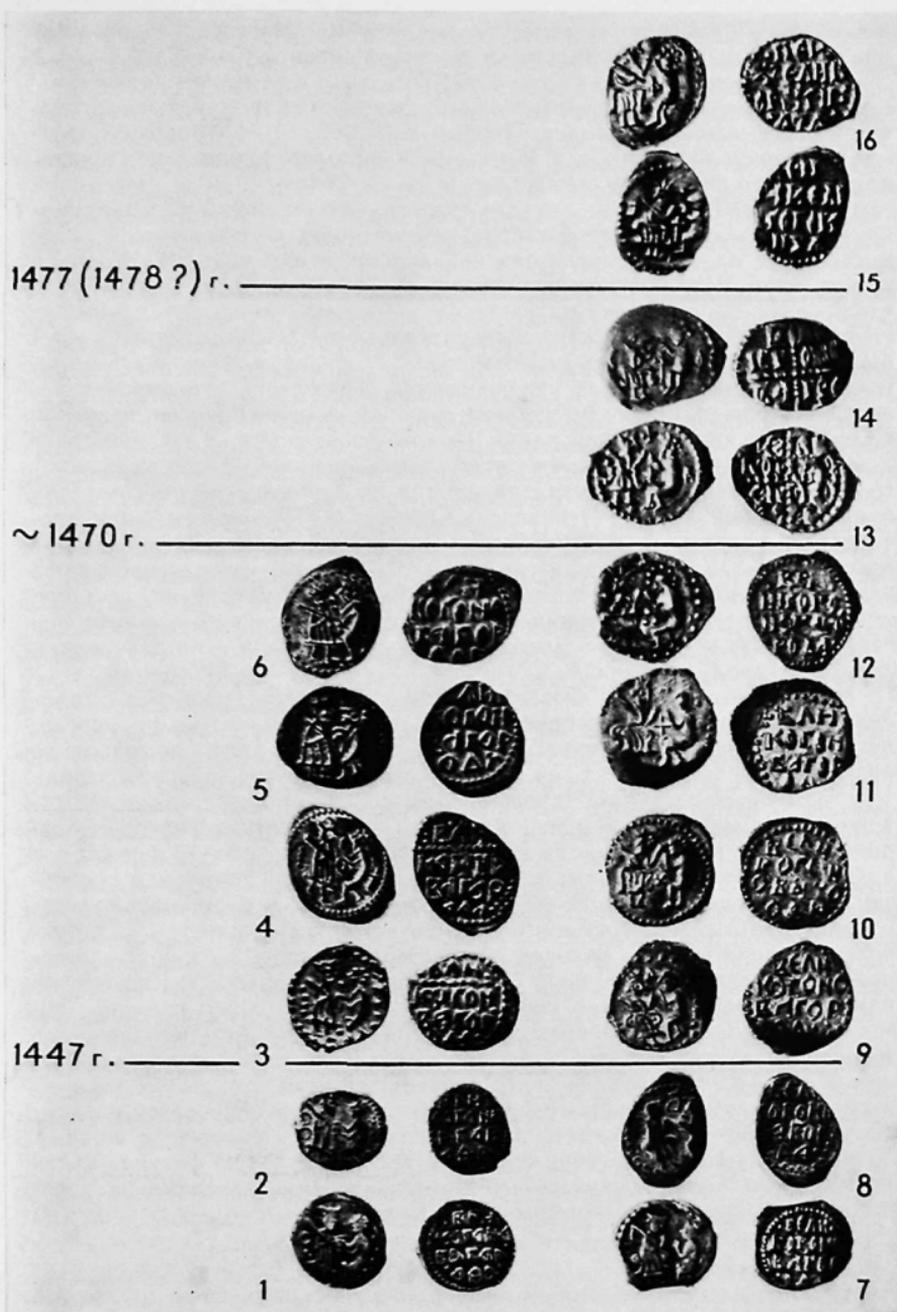

Табл. I. Новгородские денги некоторых массовых типов (групп):
 1-14 - монеты с суверенной надписью; 15, 16 - „великохняжеские“ монеты

что нагой фигурой олицетворяется сам вольный Новгород с волостью, признающий свою зависимость от великого князя“⁵.

Истолкование, предложенное И. И. Толстым, встретило, однако, серьезные возражения со стороны как его современников, так и исследователей более позднего времени. Первым на работу И. И. Толстого — и на его трактовку двухфигурной композиции на новгородках — откликнулся Д. Н. Чудовский. Не соглашаясь с И. И. Толстым, Д. Н. Чудовский заметил не без сарказма: „Нечего сказать, оригинальный тип придумали новгородцы для лицевой стороны своих монет: тут и великий князь московский, власть которого они ненавидели, и сам вольный Новгород в какой-то подлой позе просителя!..“⁶ Новгородцы именно в этом (1420.—М. Л.) году уже наверное не поместили бы на своих монетах великого князя московского. Все царствование Василия Дмитриевича было лучшею эпохой борьбы Новгорода с Москвою; в течение всего этого царствования Новгород удачно воевал с Москвою, игнорировал все ее требования и ни разу не уплатил поминок великому князю, несмотря на все его назойливые требования. Поэтому новгородцы в эту эпоху уже наверное не изобразили бы на своих монетах великого князя московского, власть которого не признавали, и тем более не изобразили бы себя в просительной позе“⁷. Эти возражения Д. Н. Чудовского были впоследствии развиты А. В. Арциховским, который писал: „Дата введения монет, 1420 г., признаваемая самим И. И. Толстым, говорит против его взглядов. Ведь в Москве тогда княжил Василий Дмитриевич, находившийся с Новгородом в отношениях непрерывной вражды и соперничества. Он в своих войнах с Новгородом терпел неудачи и ни разу не получал новгородской дани“⁸.

Но, как это нередко бывает, критика Д. Н. Чудовского оказалась сильнее его позитивной концепции. Излагая свои воззрения на пресловутую композицию, он заявил: „Мы того убеждения, что на дошедших до нас новгородских монетах, на лицевой стороне новгородцы изобразили дорогое по памяти для них право свободного выбора себе князя. На левой стороне выбираемый князь, которому символическая фигура Новгорода вручает власть. Власть эта на некоторых монетах изображена в виде овала — щита, символа защиты и воинственности, вручаемого князю для обороны Новгорода от врагов; на других, в виде свитка, договорная грамота* ; на третьих, в виде точек, круглых пластинок, монет, условной пени и вири, наконец, на четвертых власть вручается символически, подачею друг другу рук. Все это на большинстве известных нам монет сопровождается крестом между фигурами или крестами позади их, ясно выражающими крестное целование, обоюдно данное“⁹. Как можно видеть, Д. Н. Чудовский, фактически присоединяясь к мнению И. И. Толстого относительно значения правой фигуры (Новгород) и справедливо оспаривая его предположение о значении левой фигуры (великий князь московский), сам впал едва ли не в большую ошибку. Впрочем, для данного автора его точка зрения на левую фигуру (князь новгородский) оправдывалась его же ошибочными взглядами на начало чеканки новгородок, которое Д. Н. Чудовский относил к периоду до

* В высшей степени загадочное утверждение. Нам монеты с изображением свитка или чего-либо подобного неизвестны (за исключением единственного штампея, где столбик из точек, изображающий „дар“, в результате правки напоминает веретено).

начала монетной чеканки в Москве¹⁰, „когда в Новгороде были еще свои (свободно выбираемые новгородцами.— М. Л.) князья“¹¹.

А. В. Орешников, который в равной степени не признавал как традиционных представлений (если они опирались только на традицию), так и легковесных гипотез, не принял ни одной из указанных точек зрения по поводу изображения на новгородках, а „с обычной своей прозорливостью“¹² допустил возможность „видеть в человеке с атрибутами власти не князей московского или новгородского, а символическое изображение самого Великого Новгорода, а в нагом человеке, вероятно, новгородца“¹³.

Однако решающий удар по „княжеской“ версии был нанесен лишь в XX в. П. Л. Гусев обратил внимание на известное сходство левой фигуры на новгородках с иконописной Софней и предположил, что эта фигура символизирует именно Софию как покровительницу Новгорода¹⁴.

Дальнейшие этапы в исследовании изображения на новгородках связаны уже с именами советских ученых. Наиболее обстоятельный анализ этого вопроса принадлежит А. В. Арциховскому, который, опираясь на многочисленные иконографические наблюдения (на материале иллюстрированных летописей, икон и — к сожалению, в меньшей степени — монет), пришел к выводу, что истолкование П. Л. Гусевым левой фигуры на новгородках как святой Софии „надо признать окончательным“¹⁵.

Здесь уместно привести некоторые положения работы А. В. Арциховского.

Сопоставление левой фигуры на новгородках и Софии на иконах дает возможность отождествить некоторые атрибуты этих двух изображений (зубчатый венец, жезл, далматик и престол) „с точностью, которая допускалась малыми размерами монет“¹⁶.

Наличие зубчатого венца или короны не позволяет видеть в левой фигуре изображение князя (новгородского или московского — безразлично), поскольку на летописных миниатюрах князья всегда представлены не в венцах, а в княжеских шапках. В то же время София на иконах изображалась с зубчатым венцом на голове; так показана она и на храмовой иконе новгородского Софийского собора.

«Есть, — пишет А. В. Арциховский, — еще один признак Софии (обычный, но не обязательный), редко встречаемый на монетах. Это крылья за спиной. П. Л. Гусев в своей упомянутой превосходной работе, быть может, ошибается, считая „намеком на крылья точки или кружки сзади фигуры на монете“. Я подходящих новгородок не нашел: кружки часто бывают за спинами обеих фигурок (уточнение: кружки за спиной правой фигуры не встречаются; они — „монополия“ левой.— М. Л.). На малом пространстве денги такая деталь, как крылья, могла опускаться. Однако Н. Д. Мец, разбиравшая коллекцию новгородок Исторического музея, любезно показала мне монеты, где контуры крыльев сидящей фигуры заметны над тронem»¹⁷.

Внимательно рассмотрев левую фигуру на новгородках и развернуто аргументировав свое истолкование этого изображения, А. В. Арциховский останавливается также на правой фигуре: „Кто склоняется перед Софией? Видеть здесь олицетворение Новгорода трудно, такая отвлеченность для древней Руси маловероятна. Ни посадником, ни тысяцким, ни владыкой, ни князем эта фигурка не может быть — все эти лица всегда изображались с теми или иными атрибутами власти. Остается

предположить денежного мастера, и это подтверждается обликом подпосимого Софии дара. Дар, состоящий из нескольких точек, естественнее всего считать изображением монет. Овал также можно признать монетой... ведь форма новгородок обычно овальная“¹⁸.

Следующим и весьма поучительным эпизодом в изучении изображения на новгородских монетах явилась работа Н. Д. Мец „Московская деньга новгородского типа“¹⁹. Исследовательнице посчастливилось обнаружить в собрании ГИМ необычайно интересную монету, одна из сторон которой несет обычную для московских монет 20—30-х гг. XV в. надпись: „Великий князь Василий“ (в современной транскрипции), а другая — изображение, подражающее, по мнению Н. Д. Мец, новгородским монетам: те же две фигуры в типичных для новгородок позах. Однако на этой монете, „кроме Софии и нагого человека, изображен змий, извивающийся кольцом за спиной Софии“²⁰. Эта деталь, неизвестная на новгородках, тем не менее послужила для Н. Д. Мец еще одним аргументом в пользу предположения П. Л. Гусева и А. В. Арциховского о том, что на новгородских монетах изображена София, поскольку (опускаем более развернутое доказательство Н. Д. Мец) „первоначально змея, возможно, рисовалась рядом с Софией, олицетворяя ее мудрость“²¹.

Статья Н. Д. Мец приводила читателя к выводам, значительно более масштабным и далеко идущим, нежели можно было бы ожидать от публикации единственной в своем роде монеты. Так, с одной стороны, Н. Д. Мец уточняла не оспаривавшееся ею мнение И. И. Толстого о приоритете новгородок со стоящей левой фигурой по отношению к монетам с сидящей фигурой, датируя момент смены первого из этих типов вторым самое позднее 1434 г.²² Следует, впрочем, заметить, что в дальнейшем Н. Д. Мец отнесла указанную монету к правлению уже не Василия Темного, а Василия Дмитриевича²³. С другой стороны, поскольку Н. Д. Мец с убежденностью утверждала, что публикуемая ею монета есть московское подражание новгородкам, ей пришлось допустить, что наблюдения И. И. Толстого над этими монетами неполны, так как среди приводимых им в упоминавшейся выше монографии разновидностей этих монет экземпляры со змием отсутствуют: „...появление типа со змием за спиной коронованной фигурки должно быть отнесено... за счет ранних новгородских монет, до нас не дошедших, как не дошли, за незначительным исключением, монеты с изображением крыльев у Софии“²⁴. Свое предположение Н. Д. Мец аргументирует ссылкой на известное сообщение Новгородской летописи за 1447 г., когда в Новгороде — вследствие каких-то злоупотреблений „ливцов и весцов серебряных“, а возможно и денежников — „начаша переливати старые денги“, что, по бесспорно правильному суждению Н. Д. Мец, „безусловно повлияло на количество сохранившихся ранних новгородских монет“²⁵.

В этом кратком историографическом обзоре нельзя не упомянуть позицию И. Г. Спасского, который видит на лицевой стороне новгородок „вызывавшую много споров сцену, изображающую скорее всего поклонение Новгороду святой Софии, божеству главного новгородского храма — подобно тому, как на монетах другой республики, далекой заморской Венеции, веками изображался ее патрон — святой Марк, вручающий дожу эмблемы власти“²⁶. Таким образом, в трактовке левой фигуры И. Г. Спасский практически присоединяется к позиции П. Л. Гусева

ва — А. В. Арциховского — Н. Д. Мец, подкрепляя попутно высказанное впервые А. В. Арциховским предположение о сюжетной близости новгородок и венецианских монет²⁷. Что же касается правой фигуры, то И. Г. Спасский следует концепции И. И. Толстого и Д. Н. Чудовского.

Последнее по времени высказывание на интересующую нас тему принадлежит В. Л. Янину. Присоединяясь к авторам, видящим в левой фигуре Софию, В. Л. Янин в то же время выдвигает свою гипотезу о значении правой фигуры. «Сходная композиция, — пишет он, — составленная из изображения патрона и человека, стоящего перед ним в

Таблица 1

Трактовка изображения на новгородках различными авторами

Автор и дата	Левая фигура	Правая фигура
С. Герберштейн, XVI в.	Князь	„Кланяющаяся мужская фигура“
М. Д. Чулков, 1781 ²⁸	„Не Марфа посадница“	—
М. М. Щербатов, 1781	„Посадник или какой судья“	—
Лунул, 1827 ²⁹	Идол, которому поклонялись новгородцы	Следовательно, новгородец
К. М. Оболенский, 1834 ³⁰	„Князь или посадник“	Человек
А. Л. Чертков, 1834	Князь	То же
С. И. Шодуар, 1841	То же	„
Я. Я. Рейхель, 1842	„	„
Я. Я. Рейхель, 1847 ³¹	„Коронованный великий князь с саблею в руке“	„Фигура в умоляющем положении“
Ф. Ф. Шуберт, 1843	Князь	Человек
В. К. Савельев, 1856	То же	То же
Д. П. Сонцов, 1860	„	„
Э. К. Гуттен-Чапский, 1875	Князь	Человек
И. И. Толстой, 1884	Московский великий князь	Олицетворение Новгорода
Д. Н. Чудовский, 1887	Князь новгородский	То же
А. В. Орешников, 1896	Символ Новгорода	Новгородец
Э. Берендтс, 1898 ³²	Человек	Медведь
И. И. Кауфман, 1905 ³³	„Весь рисунок эмблематически выражает покорность. Кому? Неизвестно. И именно в этом суть“	
П. Л. Гусев, 1911	Св. София	Новгородец
А. В. Арциховский, 1948	То же	Денежный мастер
Н. Д. Мец, 1955	„	Нагой человек
И. Г. Спасский, 1957 ³⁴ , 1960 ³⁵ , 1962, 1970 ³⁶	Св. София („скорее всего“)	Олицетворение Новгорода
В. Л. Янин, 1960 ³⁷	Св. София	Денежный мастер
В. Л. Янин, 1962, 1970 ³⁸	„	Посадник

„просительной“ позе, в нумизматике и сфрагистике имеется. Она является традиционной на венецианских монетах и печатях XIII—XIV вв., где изображен патрон Венеции св. Марк, вручающий дожу символы власти со словами: „*Sit tibi datus iste Ducatus*“, т. е. „Да будет тебе дано это правление“*. Исключительное композиционное сходство изображений на венецианских и новгородских монетах заставляет нас заново подойти к проблематике изображения на новгородских деньгах. Если ранее исследователи видели во второй фигуре изображение человека, вручающего дар, то венецианские аналогии заставляют предположить, что он, наоборот, принимает дар. Что же это за дар? Св. София вручает стоящему перед ней человеку щит, т. е. символ защиты, символ оберегания, символ власти. Сходство новгородских и венецианских монет, таким образом, оказывается не только внешним, но и смысловым. В условиях преобразования республиканской власти перед самым началом чеканки собственной монеты такой интерес к венецианской эмблеме не может быть случайным. Если ход наших рассуждений верен, то во второй фигуре следует усматривать изображение носителя новгородского суверенитета, скорее всего посадника, принимающего из рук патронессы Новгорода символы власти»³⁹.

Выше помещена сводная таблица известных нам трактовок изображения на новгородских денгах.

Итак, исследователи XX в. весьма единодушно признают левую фигуру на новгородках изображением Софии, причем каждый стремится добавить к аргументации предшественников какие-то свои доказательства. Круг этих доказательств достаточно широк и включает наблюдения агиографические, эмблематические, сфрагистические, литературные и, наконец, собственно нумизматические. Напротив, правая фигура трактуется различно (денежник — посадник — олицетворение Новгорода). А. В. Арциховский и И. Г. Спасский предположительно, а В. Л. Янин с уверенностью сопоставляют всю композицию на новгородских монетах с изображением на монетах Венеции, и если А. В. Арциховский говорит о случайном сходстве сюжетов („никакого подражания, конечно, не было“⁴⁰), то В. Л. Янин убежденно заявляет: „Такое сходство могло возникнуть только в результате осмысленного копирования венецианского типа и восприятия его символики“⁴¹.

ДВУХФИГУРНАЯ КОМПОЗИЦИЯ — „ВЕНЕЦИАНСКАЯ“ ВЕРСИЯ

Композиция из двух симметрично расположенных фигур появляется на монетах Венеции — вначале на серебряных гроссо — при доже Энрико Дандоло (1192—1205). Над резчиками штемпелей ранних гроссо (табл. II, 2) явно тяготела византийская традиция: оборотная сторона гроссо приняла частое на монетах Византии изображение сидящего Христа, а лицевая уподобилась византийскому типу (табл. II, 1), известному с VI в. и особенно популярному в X—XII вв.⁴² Аверс ранних гроссо в своде итальянских монет описывается так: „Св. Марк в нимбе, бородатый, стоит справа в фас, держит в левой руке Евангелие, а пра-

* По нашим сведениям, на венецианских печатях XIII—XIV вв. такой или подобной надписи нет.

вой протягивает знамя (орифламм) дожу, бородатому, стоящему слева в фас... Дожд, одетый в богатое платье с украшениями, держит левой рукой свиток (книгу), а правой придерживает знамя...⁴³ Как можно видеть, на венецианской почве византийский тип трансформировался „применительно к местным условиям“ (на гроссо показан покровитель Венеции св. Марк, не изображавшийся на византийских монетах; на последних слева обычно представлен император — на гроссо его место занимает дож Венеции), но расположение на гроссо фигур патрона и покровительствуемого, их ракурс и позы не оставляют сомнения по поводу источника этого сюжета, который позже стал одной из важнейших эмблем Венецианской республики.

Данный тип лицевой стороны гроссо [несколько измененный при доже Андреа Контарини (1368—1382) — табл. II, 3] сохраняется до конца XV в. Этот же тип (в раннем варианте) мы находим на актовых печатях Венеции XIII — середины XV в. (табл. II, 4).

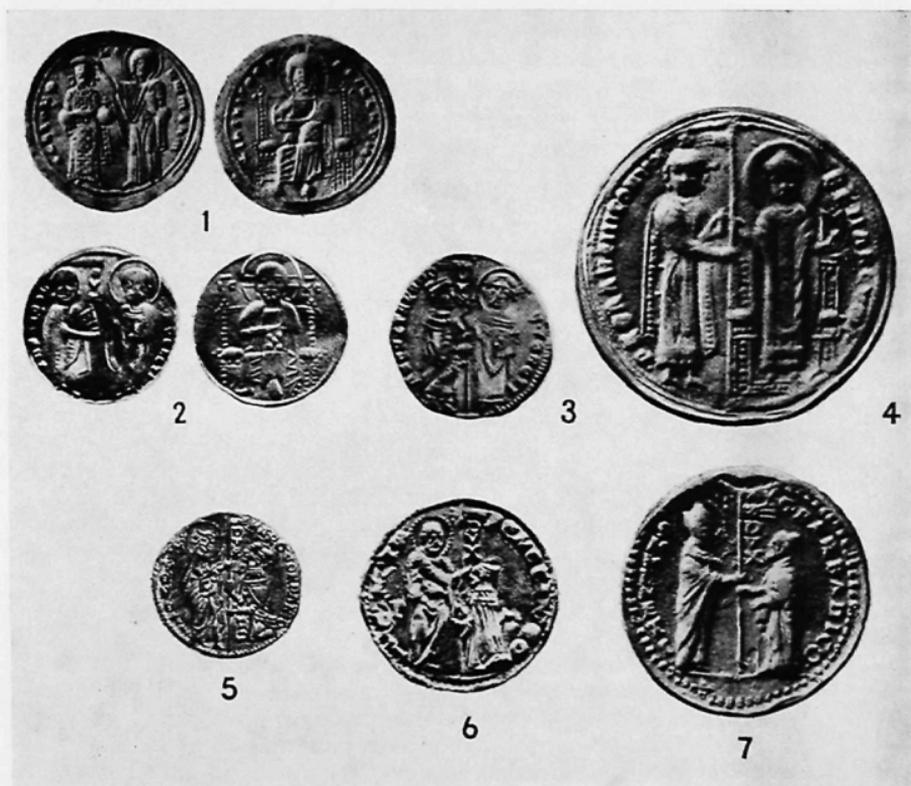

Табл. II

1 — Византия, золотая номисма Романа III (1028—1034); 2—7 — Венеция: 2 — гроссо 1-го типа, дож Энрико Дандоло (1192—1205); 3 — гроссо 2-го типа, дож Андреа Контарини (1368—1382); 4 — актовая печать дожа Пьетро Градениго (1289—1311); 5 — золотой дукат, дож Марко Корнери (1365—1368); 6 — марчелло (мещалира), дож Пьетро Мочениго (1474—1476); 7 — актовая печать дожа Августино Барбариги (1486—1501)

Объективный исследователь не может не прийти здесь к выводу, что ни серебряные монеты Венеции, ни венецианские печати не были использованы новгородцами для „осмысленного копирования венецианского типа“ — слишком уж мало общего между композицией со св. Марком справа и изображением на новгородках. Остаются дукаты — венецианские золотые (тем более, что только эти монеты несли упоминаемую В. Л. Яниным надпись „*Sit tibi . . .*“).

Чеканка золотых дукатов началась в Венеции при доже Джованни Дандоло (1280—1289). Двухфигурная композиция на них изначально выглядела иначе, чем на гроссо и печатях (табл. II, 5): „Св. Марк слева, в нимбе, бородастый, в широкой мантии, с Евангелием в левой руке, повернувшись вправо, протягивает правой рукой нитяной коленопреклоненному дожу, который сжимает древко обеими руками. Дож одет в богатое платье, украшенное мехом; он в головном уборе дожей“⁴⁴.

Оформление дукатов оставалось неизменным на протяжении нескольких столетий; чеканка этих монет была массовой и регулярной, без сколько-нибудь заметных перерывов. Это означает, что дукаты, безусловно, могли послужить образцом при „проектировании“ внешнего облика новгородок.

Но послужили ли?

Нумизматика знает много примеров заимствования сюжетов, но все эти примеры могут быть, пожалуй, сведены к трем основным группам.

Наиболее часто результатом заимствования оказывались „подражания“ с такими характерными их чертами, как упрощенная (до схемы) передача самого сюжета, неправильности в надписях (до бессмысленного набора значков) — при отсутствии, однако, сознательного стремления как-то „авторизовать“ сюжет. Нумизматы обычно сталкиваются с подражаниями монетам, распространенным в данном ареале на правах своеобразной международной валюты (таковы многочисленные подражания античным тетрадрахмам, русские подражания ордынским монетам, „мордовки“ и т. п.). Этот путь избирался, по-видимому, тогда, когда требовалось дать местному населению монету „почти такую же“, как популярный валютный эталон (как правило — иноязычный, почему в подобных случаях и сходила с рук любая тарабарщина), — главное было в том, чтобы подражания хотя бы в общих чертах напоминали „эталонные“ монеты и принимались бы наравне с ними и в их качестве.

Согласно распространенной точке зрения, вследствие относительно малого притока золота на Русь монеты из этого металла в русском денежном обращении XIV—XVII вв. практически не участвовали⁴⁵. Наличие золота выступало, вероятно, скорее в роли товара, нежели в роли всеобщего товарного эквивалента; во всяком случае, по весьма авторитетному для данного эпизода свидетельству Герберштейна, золотые монеты еще в первой половине XVI в. не имели в Московском государстве такого необходимого для денег свойства, как устойчивый паритет [«Стоимость их они („московиты“ — М. Л.) часто изменяют; в особенности, если иностранец хочет купить что-нибудь на золото, они тотчас уменьшают его стоимость. Если же он, собираясь куда-нибудь отправиться, нуждается в золоте, то они тогда снова увеличивают его стоимость»⁴⁶]. В силу сказанного, видеть в новгородках — в условиях фактического серебряного монометаллизма — подражания золотым венецианским монетам было бы по меньшей мере нелогичным.

Второй путь заимствования сюжета — копирование, — в отличие от подражаний, предполагает возможно более точное воспроизведение подлинника. Этот путь избирался реже, и причины, приведшие к копированию, должны всякий раз исследоваться отдельно, поскольку общих закономерностей, здесь, видимо, нет (ср., например, „терезианские“ талеры, своеобразные новоделы которых буквально до последнего времени изготовлялись в Австрии, но для обращения в некоторых странах Ближнего Востока, и голландские червонцы русской чеканки). Заслуживает также внимания тщательное воспроизведение резчиками штемпелей псковских монет XV в. части рисунка (голова в короне, принимаемая современными исследователями за изображение князя Довмонта-Тимофея⁴⁷) с монет дерптских епископов XIV—XV вв.⁴⁸ Во всяком случае, усматривать на лицевой стороне новгородок копию с венецианского сюжета также не приходится, поскольку различия слишком очевидны.

Остается третий путь — путь развития сюжета, путь „вариаций на тему“ данного сюжета. По-видимому, авторы, предполагающие несамостоятельность сюжета новгородок и его генетическую связь с изображением на дукатах, имеют в виду именно этот путь заимствования. Но, в отличие от двух первых, третий путь не имеет или почти не имеет объективных характеристик, и исследователь, столкнувшись с двумя схожими сюжетами, прежде всего должен задаться вопросом, является ли данное сходство результатом намеренного заимствования или же оно возникло как случайное совпадение. Приверженцы „венецианской“ версии в этом пункте, как мы видели, разошлись во взглядах (см. с. 18 настоящего сборника).

Заметим здесь, что симметричная двухфигурная композиция есть вообще один из популярных монетных сюжетов, известный, в частности, и в русской чеканке XV в. Так, А. В. Орешников приводит, помимо новгородского материала, 12 разновидностей монет с аналогичным изображением⁴⁹. Некоторые из этих разновидностей относятся к княжению Василия Темного (1425—1462), две другие — к княжению Михаила Андреевича Верейского (1432—1485), почему и могут быть истолкованы — в отношении сюжета — как заимствования с новгородок. Об их сравнительно позднем появлении говорит и их вес (данные А. В. Орешникова): за исключением разновидности № 565, имеющей вес 17 долей, близкий к весу новгородок, эти монеты (суммарно 21 экземпляр) в среднем весят по 10 долей. Но три монеты Юрия Дмитриевича Галицкого (1389—1434) — № 702—704 и две неопределенные — № 939—939а имеют средний вес в 19,5 долей, или 0,86 г, тогда как средний вес новгородок различных типов (в том числе и ранних) колеблется, по нашим данным, в пределах 0,76 — 0,81 г. Последнее обстоятельство как будто бы свидетельствует в пользу предположения о более ранней, в сравнении с новгородками, чеканке этих пяти монет, что должно исключить мысль о заимствовании их сюжетов из Новгорода.

Далее, едва ли стоит настаивать, как это делает В. Л. Янин, на „исключительном композиционном сходстве“ дукатов и новгородок. Напротив, если и предполагать здесь заимствование, необходимо подчеркнуть (и, очевидно, объяснить этот факт), что в Новгороде сюжет венецианских монет был основательно переработан: фигуры патрона и покровительствуемого изменили позы и утратили практически все свои атрибуты (нимб, знамя, книги, а правая фигура — и одежду), приобретя взамен

некоторые новые (жезл или меч, зубчатый венец, „дар“). В итоге беспристрастный наблюдатель, сопоставляя изображения на дукатах и новгородках, может обнаружить между ними лишь самое общее сходство (две фигуры, одна из которых явно „главная“).

Венецианские аналоги заставляют В. Л. Янина предположить, что правая фигура принимает дар. Но сцена, переданная на новгородках, по нашему мнению, не дает решительно никаких оснований видеть в ней акт дарения (поднесения, вручения) „слева направо“, т. е. от „старшей“, „главной“ фигуры к фигуре покровительствуемой. На венецианских дукатах действительно изображается такой акт, но на новгородках со стоящей левой фигурой — если видеть то, что есть — столь же отчетливо, без каких бы то ни было исключений, представлен акт дарения или поднесения „справа налево“. Только у правой фигуры (обнаженной) показаны обе руки, в которых и помещается сам „дар“. Левая, „старшая“ фигура в гордой позе; дана—схематически — лишь одна ее рука, притом правая, но и она занята жезлом (мечом?). Добавим, что и в наши дни, когда требуется (на плакатах, указателях и т. п.) символически-обобщенно изобразить какую-либо социальную ситуацию, графически она всегда передается через жест активного действующего лица.

Важно и то, что монеты со стоящей левой фигурой и, следовательно, со сценой „поднесения“ или „дарения“ составляют, по нашим данным, менее четверти общего количества сохранившихся монет, тогда как более 75% приходится на монеты с сидящей левой фигурой, на которых ни „дара“, ни акта „дарения“ не показано. Последние по оформлению лицевой стороны еще более далеки от венецианских дукатов, особенно если учесть, что до второй половины XV в. св. Марк на монетах Венеции изображался только стоящим. Первые монеты, где св. Марк показан сидящим, появляются лишь при доже Андреа Вендрамине (1476—1478)⁵⁰ — и уж не предположить ли по этому поводу, что новгородки, в силу некоей обратной связи, в свою очередь, повлияли на тип венецианских монет?!

Кстати, как можно видеть, сторонники „венецианской“ версии вольно или невольно оперируют с несуществующими новгородками или, вернее, с противоестественной комбинацией из двух реальных монетных типов. Если нужен „огнезрачный ангел, сидящий на престоле с овальной подушкой“⁵¹ (София), используются монеты с сидящей левой фигурой; требуется „посадник, принимающий из рук патронессы Новгорода символы власти“, — используются монеты со стоящей левой фигурой. (В. Л. Янин идет и дальше, описывая фантастический монетный тип, где сочетаются изображенная „по древним канонам“ сидящая левая фигура и правая фигура с „даром“⁵².)

Наконец, нужно сказать несколько слов и о надписи на венецианских монетах, к которой В. Л. Янин обращается в поисках смысловой связи между сюжетами дукатов и новгородок. Заметим, что на дукатах надпись помещается на оборотной стороне, а двухфигурная композиция — на лицевой (рис. 1); уже одно это заставляет усомниться в непосредственной связи изображения и надписи (с учетом ее содержания в трактовке В. Л. Янина). С другой стороны, надпись на дукатах приводится В. Л. Яниным с неоправданными купюрами, отчего, естественно, страдает и перевод. Полная надпись, в обычном для дукатов начертании — SIT · T · XRE · DAT · Q · TU · REGIS · ISTE · DUCAT', что расшифровывается

Рис. 1. Венецианский золотой дукат XIV в. (увеличен)

как „Sit tibi, Christe, datus, quem tu regis, iste Ducatus“⁵³ и может быть переведено лишь как традиционное для венецианских монет обращение отнюдь не к дожу, но к Христу: „Да будет тебе, Христос, посвящено (вручено, дано) это правление, им же ты правишь“*. (С. А. Розанов переводит: „Христос, пусть это герцогство, которым ты управляешь, будет дано тебе“⁵⁴.) Кстати, на той же стороне дукатов, где помещается эта надпись, находится и изображение ее адресата — Христа.

Имеется и еще одно обстоятельство, косвенно свидетельствующее, на наш взгляд, против „венецианской версии“; оно связано с изображением правой фигуры. В. Л. Янин определяет правую фигуру однозначно (посадник), усматривая в сцене на монетах Великого Новгорода местную интерпретацию венецианской символики (св. Марк вручает власть дожу — София вручает власть посаднику). Но такое определение едва ли можно принять — и не только потому, что В. Л. Янин в угоду своей концепции прибегает, как мы видели, к отчаянной натяжке, отвергая зримое содержание сцены на новгородках и пытаясь доказать, что на этих монетах изображено действие не „справа налево“, а „слева направо“. Важно и то, что правая фигура, будучи наиболее устойчивым элементом оформления новгородских денег, представлена на них всегда полностью лишенной и каких-либо признаков одежды, и каких бы то ни было знаков общественного положения или власти. Последний факт, в сочетании с действительно „просительной“, выражающей подчиненность позой правой фигуры, вынуждает нас отнестись к доводам В. Л. Янина еще более настороженно и признать, что А. В. Арциховский в этом вопросе („Ни посадником, ни тысяцким, ни владыкой, ни князем эта фигурка не может быть — все эти лица изображались с теми или иными атрибутами власти“⁵⁵) более последователен.

* Инверсия придаточного предложения в подлиннике объясняется тем, что вся надпись представляет собой рифмованное двусишише.

Итак, гипотеза о заимствовании новгородцами сюжета для своих монет с венецианских дукатов убеждающего подтверждения в нумизматическом материале не находит. Прочие же аргументы, вроде „интереса к венецианской эмблеме в условиях преобразования республиканской власти перед самым началом чеканки собственной монеты“⁵⁶, не подкрепленные конкретными фактами, приобретают, на наш взгляд, сугубо умозрительный и субъективный характер. От „могло быть“ до твердого „было“ еще очень и очень далеко.

ЛЕВАЯ ФИГУРА — СОФИЯ?

Полемизировать по поводу трактовки левой фигуры на новгородках с ранними авторами нам представляется излишним, поскольку и наиболее солидные из высказанных ими гипотез уже опровергнуты еще более, на наш взгляд, солидными возражениями. Остановимся поэтому здесь лишь на отождествлении левой фигуры с Софией.

Заметим, прежде всего, что на русских монетах XIV—XV вв. изображения христианских святых в каноническом „иконописном“ облике практически не встречаются. Этим русские монеты указанного периода резко отличаются и от монет Киевской Руси, и от монет Западной Европы, и — что важно — от современных им русских вислых печатей. Но, может быть, новгородские монеты являются в этом смысле своеобразным исключением (как и псковские, если видеть на последних изображение канонизированного церковью князя Довмонта-Тимофея), и на них действительно показана покровительница Новгорода святая София?

Сторонники этой точки зрения обычно исходят из двух основных аргументов:

1. В изображении на новгородках — при его необычайной устойчивости — логично усматривать некий символ новгородской государственности, а главнейшим таким символом была София.

2. Сидящая левая фигура на новгородках в общих чертах сходна с иконописной Софией, прежде всего — с изображением на храмовой иконе Софийского собора в Новгороде.

Рассмотрим эти аргументы.

П. Л. Гусев пишет: „Св. София была символическим властелином Новгородского государства“⁵⁷. Ему вторит А. В. Арциховский: „Значение Софии в Новгороде общеизвестно. Это было олицетворением Новгородской республики“⁵⁸. Но какой смысл вкладывается здесь в понятие „София“?

Названных авторов, по-видимому, может устроить единственное и притом вполне конкретное значение этого понятия, а именно личность или персонафицированный образ самой „патронессы Великого Новгорода“. Во всяком случае, они охотно подкрепляют свой тезис многочисленными отрывками из летописи (сошлемся на А. В. Арциховского: «Показательны такие летописные выражения, как „умрем честно за святую Софию“, „кровь свою прольяха за святую Софью“, „у нас князя нетуть, но бог и правда и святая Софья“, „Новгород ублюде бог и святая Софья“, „хотим поискати святой Софии пригородов и волостей“ и т. д.»⁵⁹).

Но вот что говорит тот же П. Л. Гусев: „С падением княжеской власти в новгородском государстве... на место этой власти становится веч-

ная вотчинница новгородских земель — св. София, как отвлеченная идея власти, а конкретно — поставленный ею на земле, по жребию, ею выданный, владыка — архиепископ новгородский“⁶⁰. Это положение позволяет глубже понять популярность словосочетания „святая София“ в летописях и других источниках и откорректировать конкретное значение этого словосочетания в каждом отдельном случае его употребления.

В Синодальном списке Новгородской первой летописи словосочетание „святая София“ (или „Софья“) встречается 77 раз; в части Комиссионного списка, продолжающей Синодальный (т. е. за 1352—1447), — 62 раза⁶¹. Это не слишком много для „олицетворения Новгородской республики“, однако и из этого количества большинство примеров нельзя отнести персонально к Софии. „Святая София“ летописей — это чаще всего храм, главный храм Новгородской земли (в псковской летописи в этой функции выступает соответственно „святая Троица“): „бысть знамение Новгороде в святен Софии от грома“ (известие 1117 г.); „архиепископ Нифонт поби святыю Софию свиньцем“ (1151 г.); „положиша в святен Софии“ (1180, 1218 гг.); „сзвонивше вече у святой Софии“ (1299 г.); „кгде святая София, ту Новгород“ (1216 г.) и т. п. Личная форма во всех приведенных отрывках („святая София“ вместо „церковь святой Софии“) не должна смущать, так как употребление имени святого, которому посвящен храм, в значении самого храма было в Древней Руси более чем обычным (ср. в Синодальном списке под 1299 г.: „В святом Иване над товаром сторожа убиша, а в святом Якове сторожгоре“). Другая большая группа примеров из летописи и других источников заставляет прямо интерпретировать „святыю Софию“ как новгородскую архиепископскую кафедру или — шире — как власть новгородского архиепископа со всем ее административным аппаратом. В „Уставе“ князя Святослава Ольговича (1137 г.) читаем: „...уоставил есмь святой Софи, ать емлет пискуп за десятину от вир и продаж 100 гривен новых кун“⁶². В этом же значении говорят источники о „доме святой Софии“, „клире святой Софии“, а летопись под 1194 г. и Новгородская судная грамота⁶³ прямо называют слуг новгородского архиепископа, выполнявших судебные-административные функции, „софьянами“.

Что же остается на долю „лично“ Софии? Несколько конструкций, преимущественно фразеологического характера (типа „бог и святая Софья“), заключенных в торжественно-религиозных репризах — „богом диавол поправ бысть и святыю Софьею“ (летописные известия 1219 и 1220 гг.), „пособи бог и крест честныи и святая Софья, премудрость божья, над погаными князю Ярославу с новгородци“ (1234 г.) и т. п. (см. также третий и четвертый отрывки из числа приведенных А. В. Арциховским), — т. е. конструкций, выражающих скорее социальные симпатии софийского „придворного“ летописца, нежели мировоззрение рядовых новгородцев.

Особого внимания заслуживает гипотетическое отождествление левой фигуры на новгородках и центральной фигуры на храмовой иконе Софийского собора в Новгороде — главный аргумент сторонников „софийской“ версии.

Подобное отождествление допустимо, по-видимому, лишь при условии признания того, что либо изображение на монетах впоследствии было „развернуто“ в композицию иконы Софии новгородской (что, разумеется, маловероятно), либо резчики монетных штемпелей сознательно

копировали иконописную Софию (на такой позиции, собственно, и стоят авторы, которые видят в левой фигуре Софию). Однако для копирования необходимо, как минимум, наличие копируемого предмета. Это практически означает, что те, кто видит в левой фигуре иконописную Софию, должны прежде всего доказать существование самой иконы к моменту начала чеканки новгородок. Доказуемо ли это положение?

Известно, что христианская теология, следуя библейской традиции, на протяжении многих веков трактовала Софию как абстрактное понятие — „премудрость Божию“ (ср. сопровождающие Софию в синодике такие же абстрактные образы-понятия — Веру, Надежду, Любовь). В византийском искусстве за тысячелетнюю его историю персонафицированный иконописный тип Софии так и не сложился (хотя главный из византийских храмов был посвящен также Софии). «Византийцы изображали „Софию“ либо в виде ангела „великого совета“, который снизошел к людям, чтобы дать им новое учение, либо в виде навеянной образами античных муз женской фигуры, воплощавшей отвлеченное понятие боговдохновенности»⁶⁴.

На Руси поиски канонического иконописного типа для Софии также были весьма длительными. Софии были посвящены три главных храма Руси XI в. (в Киеве, Новгороде и Полоцке), но иконы собственно Софии ни в одном из этих храмов изначально не было, поскольку «понятие „София“ в это время воспринималось как символ света христианского учения и как приобщение к мудрости этого учения»⁶⁵, т. е. более чем отвлеченно. В Киевской Софии идея „премудрости Божией“ была передана через связь двух центральных и наиболее масштабных мозаик — Богоматери Оранты в конхе центральной апсиды и Пантократора в куполе, — и нет решительно никаких оснований полагать, что оформителями двух других софийских храмов, которые, как и София Киевская, восходили к византийским образцам, могла быть предложена какая-либо иная трактовка этой идеи. Правда, Г. Д. Филимонов пытался утверждать, что иконописный тип новгородской Софии („огнезрочная“, сидящая на престоле символическая фигура) сложился уже к моменту оформления Софийского собора в Новгороде и рано получил там широкую популярность, но его панегирик новгородской Софии⁶⁶, написанный если не по заказу, то на потребу русской православной церкви, остался голословным и не нашел единомышленников (кроме П. Л. Гусева⁶⁷).

Отсутствие собственного иконописного типа для Софии прослеживается и в Новгороде XII—XIV вв. Единичные изображения Софии в этот период (например, в росписях Волоотовской церкви 1363 г., где София предстает в облике вдохновляющей евангелистов молодой женщины с жезлом в руке и с голубой восьмиконечной звездой вокруг головы⁶⁸) лишь подчеркивают тот факт, что каноническая икона Софии к этому времени еще не сложилась. В пояснение этого факта следует заметить, что в Новгороде (как и в Киеве) София — видимо, не без влияния оформления софийских храмов, о котором говорилось выше, — обычно отождествлялась с Богоматерью или (реже) с Христом. Это отождествление было устойчивым, традиционным и многообразным, нередко выходящим за рамки собственно иконографии. Так, ни в Киеве, ни в Новгороде храмовый праздник софийских соборов не совпадал с календарным праздником св. Софии (17 сентября): в Киеве он отмечался 15 августа — на Успение Богородицы, а в Новгороде — сначала 24 декабря,

т. е. накануне Рождества Христа, а затем 8 сентября, т. е. на Рождество Богородицы. В известной легенде о битве новгородцев с суздальцами в 1169 г. фигурирует икона Богоматери „Знамение“, а отнюдь не образ Софии. Богатейший фонд древнерусских печатей свидетельствует о том, что эмблемой и киевских митрополитов, и новгородских владык было изображением той же Богоматери „Знамение“, в котором, как кажется, можно усматривать также своеобразное олицетворение „премудрости божией“ — Софии. В этом отношении представляют интерес буллы новгородских архиепископов Далмата (1251—1273) и Климента (1276—1299) с традиционным изображением Богоматери „Знамение“: на месте, где обычно помещаются титула Христа, здесь имеются буквы СО-ΘЕ... или СО-ΘИ, которые могут быть расшифрованы только как имя „София“. В. Л. Янин⁶⁹ полагает, что в данном случае слово „София“ является эпитетом Христа-Эммануила; мы склонны видеть в нем эпитет Богоматери. Но важно, что в любой интерпретации перед нами яркий пример воплощения Софии в другом, более каноническом образе.

Когда же была написана икона Софии новгородской?

Первое достоверное упоминание этой иконы относится к 1528 г., когда архиепископ Макарий (впоследствии московский митрополит) расположил в новом порядке иконы софийского иконостаса⁷⁰. Более ранние свидетельства неизвестны. Правда, А. В. Арциховский ссылается на рукопись „Слово о премудрости“ середины — конца XV в.⁷¹, где имеется описание того иконописного типа, к которому принадлежит новгородская София, но, во-первых, в „Слове“ описывается именно тип, а никак не конкретная икона, а во-вторых, рукопись эта происходит не из Новгорода, а из Москвы. И хотя последнее обстоятельство служит для А. В. Арциховского существенным аргументом в пользу относительной древности новгородской Софии („Итак, в XV в. этот новгородский образ успел даже проникнуть в Москву“⁷²), нельзя не заметить, что как раз XV в. с его политической атмосферой (резкое усиление Москвы, ее настойчивая экспансия в отношении Новгорода, окончившаяся присоединением последнего в 1478 г.) — не слишком-то подходящее время для заимствования Москвой из Новгорода иконописного типа, который, по убеждению того же А. В. Арциховского, был одним из символов новгородского суверенитета.

П. Г. Лебединцев, анализируя софийскую икону, приходит к интересному выводу о ее прямой связи с последним по времени вариантом росписи храма Софии в Константинополе и указывает, что подобная икона „могла быть составлена не раньше второй половины XIV века и не позже первой половины XV века, в котором Константинополь был взят турками“⁷³. Но где она была составлена? Учитывая великорусские тенденции Москвы XV в. — тенденции, не ослаблявшиеся даже временными военными и политическими неудачами, — учитывая претензии русской церкви на роль Москвы как преемницы „второго Рима“⁷⁴, мы полагаем, что иконописный тип, получивший впоследствии наименование „Софии новгородской“, возник — как развитие константинопольских росписей — сначала в Москве, а уже оттуда был перенесен в Новгород. Во всяком случае, в Москве XV в. этот тип был уже хорошо известен, и не только в литературных описаниях (А. В. Арциховский ничтоже сумняшеся отмечает: „В наружной росписи Успенского собора в Кремле московском... София изображена по новгородскому образцу“⁷⁵), тогда

как наличие подобных икон в Новгороде до присоединения его к Москве ничем, как можно видеть, не доказывается.

Следует учесть и „показания“ самой иконы новгородской Софии. Даже прорись (рис. 2) позволяет усомниться в принадлежности этой иконы классической новгородской школе. Напротив, торжественно-праздничное звучание композиции, динамичность поз отдельных фигур и богатый декор сближают данную икону с произведениями московской школы и косвенно подтверждают московское происхождение данного иконописного типа.

Думается, что появление иконы Софии в Новгороде уместно связывать с самим фактом присоединения Новгорода к Москве. Действительно, московское правительство было после 1478 г. весьма заинтересовано в скорейшей ликвидации следов былой новгородской вольности и проводило в этом направлении довольно последовательную политику (уничтожение веча и института посадничества, увоз вечего колокола, ссылка наиболее влиятельных новгородских бояр и т. п.), но „культ Софии продолжал оставаться в Новгороде основным и после московского завоевания, московский великий князь его не запрещал, наоборот, сам в нем участвовал“⁷⁶. Это обстоятельство нисколько не противоречит общему направлению политики Ивана III в отношении Новгорода, поскольку теперь культ Софии представал — в сравнении с традиционным новгородским культом — как бы выхолощенным, лишенным связи с новгородской государственностью и с властью новгородского архиепископа, и лишь теснее привязывал (по линии церковной иерархии) Новгород к могущественному Московскому государству. В условиях такого „обновленного“ культа Софии могла также оказаться полезной и новая святая — софийская икона.

Итак, существование иконы новгородской Софии к моменту начала чеканки новгородок представляется очень и очень проблематичным. Это положение не исключает, однако, целесообразности прямого сравнения и развернутого сопоставления центральной фигуры на иконе и левой фигуры на тех новгородках, где она показана сидящей (табл. I, 7—16), тем более, что поборники „софийской“ версии, как мы видели, решительно утверждают если не тождество, то почти полное сходство этих двух изображений.

Проведем такое сопоставление.

На иконе София изображена сидящей в трехчетвертном повороте влево, торс и голова ее даны в фас — на монетах сидящая фигура представлена в трехчетвертном повороте вправо, торс и голова ее даны в профиль.

София правой рукой придерживает длинный жезл, стоящий почти вертикально, — на монетах жезл (меч?) короткий, он лежит на плече левой фигуры. Рука Софии касается жезла выше его середины — левая фигура на монете держит жезл (меч?) за рукоятку. Вершина жезла Софии представляет сложный крест — на монетах вершина жезла (меча?) лишена каких-либо поперечных деталей.

Правая рука Софии опущена ниже пояса — правая рука левой фигуры на монетах поднята почти до плеча. Левая рука Софии, со свитком, прижата к груди — левая рука фигуры на монетах протянута вправо-вверх. Свитка в руке фигуры на монете нет.

Рис. 2. Икона „София премудрость божия“
(прорись; подлинник хранится в Архангельском соборе Московского Кремля)

София сидит на престоле обычной формы, с параллельными ножками — на монетах изображены сидалища различной конфигурации, никогда, однако, не напоминающие престол. Показаны всего лишь две ножки, причем нижние концы этих ножек отогнуты наружу (благодаря такому условному изображению сидалища некоторые исследователи принимали его за часть одежды левой фигуры).

Уже эти детали, взятые в совокупности, заставляют предположить для каждой из сравниваемых фигур самостоятельную разработку, исключая взаимное влияние. Но, может быть, перед нами просто два различных варианта одного образа — так сказать, „иконописный извод“ и „монетный извод“ Софии?

Продолжим наш анализ.

Характерным атрибутом Софии на иконах, притом атрибутом традиционным, являются крылья за ее спиной („огнезранный ангел“). На иконе новгородской Софии центральная фигура также показана с большими ангельскими крыльями. Понимая важность этого признака для отождествления левой фигуры на монетах с Софией, уже П. Л. Гусев пытался усмотреть крылья в кружках, иногда помещаемых за спиной левой фигуры, а А. В. Арциховский сумел даже увидеть и самые крылья (см. с. 15 настоящего сборника). Однако мы можем заявить со всей категоричностью, что ни на одной из более чем 14 000 новгородок, обследованных нами (включая сюда и все новгородки собрания ГИМ), крыльев у левой фигуры нет. А. В. Арциховского ввел в заблуждение случайный штрих на штемпеле!

Нет у левой фигуры и нимба, — а между тем этот важный в христианской иконографии признак святого был для центральной фигуры той или иной канонической композиции практически обязательным. При этом нужно отметить, что нимб сопровождал изображения святых не только на собственно иконах. Так, Христос и святые последовательно изображались с нимбами на древнерусских монетах X—XI вв. Это же можно сказать и об актовых печатях Древней Руси, в том числе и о новгородских. Последние, сохранившиеся в сотнях экземпляров, представляют целую агнографическую галерею, и все святые, независимо от их „ранга“, на печатях всегда показаны с нимбом. Кстати, и венецианцы на своих монетах и печатях изображали с нимбами и Христа, и св. Марка, и даже льва св. Марка. На этом фоне отсутствие нимба у левой фигуры на новгородках говорит, по нашему мнению, лишь о том, что левая фигура вообще, видимо, не является изображением святого.

Наконец, полезно отметить, что среди новгородок нередки такие, где изображения не просто искажены (это можно было бы объяснить неопытностью резчиков штемпелей), а намеренно превращены в своеобразные карикатуры. Так, один из штемпелей („разновидность“ № 393, по И. И. Толстому) представляет левую фигуру с окладистой бородой; И. И. Толстой не придал этому обстоятельству большого значения, видя в левой фигуре изображение великого князя, — но София?! На нескольких штемпелях в руках у одной или обеих фигур недвусмысленно показаны кубки или чаши (например, № 191 и 193, по И. И. Толстому), благодаря чему вся сцена приобретает вид дружеского застолья. Надо думать, что, если бы на новгородках действительно изображалась святая София — покровительница Новгорода, развлекаться подобным образом резчики штемпелей не рисковали бы.

МОНЕТЫ И ПЕЧАТИ.

ДВУХФИГУРНАЯ КОМПОЗИЦИЯ — СИМВОЛ НОВГОРОДА?

Приведем развернутое сопоставление монет и актов печатей — отдельно венецианских и новгородских, не выдвигая при этом задачи доказать или опровергнуть преемственную связь новгородского материала с венецианским, но исходя лишь из самых общих закономерностей развития монетных и сигиллографических типов и полагая, что для двух сходных по своей политической структуре государственных образований одной и той же эпохи конкретные проявления этих закономерностей также должны во многом быть сходными.

Как отмечалось (см. с. 18—20), двухфигурная композиция со св. Марком и дожем утвердилась вначале на серебряных гроссо, а затем на золотых дукатах и актовых печатях Венецианской республики. За этой первой стадией унификации изображений последовала вторая, в ходе которой лицевые стороны гроссо и печатей еще более уподобились аверсу дукатов: тематическая общность оформления дополнилась общностью композиционной и сюжетной (табл. I, 6). Однако унификация оформления затронула только лицевые стороны монет и печатей Венеции; на оборотных же сторонах гроссо по-прежнему изображался сидящий Христос, на дукатах — стоящий, а на печатях помещалась, как и раньше, строчная надпись с именем и титулом дожа.

Нечто похожее происходит и с новгородскими печатями и монетами. В середине второго десятилетия XV в., в связи с преобразованием института посадничества, личные печати новгородских посадников и тысяцких в массе своей сменяются анонимными буллами с надписями: **НОВГОРОДСКАЯ ПЕЧАТЬ** или **ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА**⁷⁷. (Первый из этих вариантов в XV в. был, по мнению В. Л. Янина, пережиточным, тогда как «„Печати Великого Новгорода“ существовали с середины 1410-х гг. вплоть до падения новгородской независимости»⁷⁸.) Когда же в 1420 г. Новгород начал выпуск собственной монеты, на новгородках (а впоследствии и на четверетцах-полушках) появились явно заимствованные с актовых печатей слова: **ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА**.

В то же время при оформлении лицевой стороны своих денег новгородцы словно бы сознательно стремились избежать повторения эмблем, ранее употреблявшихся на печатях.

А выбор был немалый. Упомянем прежде всего изображение Богоматери „Знамение“, которое помещалось на буллах новгородских епископов, а затем архиепископов по меньшей мере с XII в. Эта эмблема, правда, прослеживается на владычных буллах лишь до начала XV в., но сохранившиеся во множестве печати владычных наместников констатируют последовательное употребление ее до самого конца новгородской самостоятельности⁷⁹. Хотя „Знамение“ было в Древней Руси атрибутом печатей всех высших церковных иерархов, только в Новгороде епископ (архиепископ) обладал светской властью, и владычные буллы мы находим не при церковных, а при государственных актах; это позволяет видеть в „Знамении“ на новгородских печатях подобие государственной эмблемы.

Частым на печатях новгородских посадников и Совета господ было изображение Вседержителя (В. Л. Янин считает это изображение одной из кончанских эмблем⁸⁰, но, по ряду соображений, нам представляется

более логичным усматривать в нем городскую эмблему). Собственно посадничьи печати с изображением Вседержителя датируются сравнительно небольшим отрезком времени (третья четверть XIV в.)⁸¹, однако анонимные буллы Совета господ позволяют расширить рамки применения этой эмблемы как минимум до интервала с середины XIII в. до середины 1410-х гг.⁸². Наличие этих двух эмблем следует объяснить, видимо, традиционным сочетанием и соперничеством власти владыки и власти Совета господ. Это же обстоятельство, вероятно, обусловило и выбор эмблемы для посадничьих печатей (Пантократор как своеобразный pendant Богоматери).

Помимо указанных, новгородские актовые печати представляют не-малый круг иных изображений эмблематического характера (святые, крест, всадник, воин, птицы и др.). И ни одно из этих изображений не попало на новгородки. Почему?

Видимо, причина игнорирования столь богатого эмблематического наследия в данном случае заключается в том, что эти эмблемы не воспринимались новгородцами как символы Новгорода. Были эмблемы владык и посадников, концов и монастырей, но государственной эмблемы Новгородской республики не было.

Но, может быть, именно двухфигурная композиция на новгородках явила собой такую эмблему? Этот вопрос, как нетрудно заметить, имеет весьма принципиальное значение, поскольку доводы сторонников „венецианской“ и „софийской“ версий фактически базируются на априорно положительном ответе на него.

Однако для положительного ответа, по нашему мнению, оснований нет. Ведь если, как утверждают поборники „софийской“ версии, не позднее 1420 г. сложился символ новгородской государственности (притом включавший изображение Софии — патронессы Новгорода), закономерным и по сути необходимым следствием этого факта должен был бы стать перенос данного символа и на актовые печати (тем паче при наличии тенденции к усилению авторитета государства, государственной власти). Но на новгородских буллах XV в. мы не обнаруживаем никаких намеков на эмблему, раз и навсегда поместившуюся на новгородках. Только на двух печатях (№ 765 и 773, по перечню В. Л. Янина)⁸³ изображены две фигуры — и то в канонической сцене Благовещения (кстати, левая фигура — фигура ангела — показана на этих печатях действительно с крыльями...). Еще на одной булле (№ 443)⁸⁴ сидящая фигура напоминает левую фигуру на новгородках — но это печать великокняжеского тиуна, на которой едва ли могла быть помещена хотя бы и половина новгородской эмблемы. Резчики матриц для печатей на протяжении более чем полувека словно бы не замечали двухфигурной композиции на монетах, а ведь, скорее всего, эти же резчики изготовляли и штемпели для чеканки новгородок!⁸⁵

Вернемся к венецианскому материалу и попытаемся установить закономерности, приведшие к унификации лицевой стороны гроссо, дука-тов и печатей, но помешавшие такой унификации оборотной стороны.

Рассмотрим лицевую сторону дука-тов, которой впоследствии полностью уподобились лицевые стороны гроссо и печатей. Ее оформление (рис. 1) несет весьма разностороннюю и обширную информацию. Во-первых, оно сообщает, что данная монета выпущена в Венеции (S. M. Veneti); во-вторых, изображает и называет (S. M. Veneti) патро-

на Венецианской республики; в-третьих, изображает и именуется правителя страны; наконец, в-четвертых, воспроизводит в целом государственную эмблему Венеции. Напротив, оборотная сторона дукатов, строго говоря, никакой конкретной информации не содержит. Это же можно сказать и о гроссо, и об актовых печатях Венеции. На последних, правда, помещено именование дожа, но и оно по сути лишь дублирует соответствующий фрагмент легенды на лицевой стороне.

Таким образом, лицевая сторона венецианских монет и печатей как бы сконцентрировала все значащие элементы их оформления, и потому оформление оборотной стороны, будучи по существу почти декоративным, могло быть практически каким угодно (с сидящим Христом, с Христом стоящим, с надписью и т. д.).

Но на новгородских печатях и монетах вся важнейшая информация также помещалась на одной стороне, исчерпываясь словами: **ВЕЛИКОГО НОВАГОРОДА!**

В течение немногих десятилетий формула „Великий Новгород“ (она возникает в конце XIV в.⁸⁶) прочно утвердилась в договорных актах, в официальной речи, в летописях, на актовых печатях и, наконец, на монетах — денгах и четвертцах. Политическое звучание этой формулы, выражение в ней новгородского суверенитета неплохо иллюстрируются нумизматическим материалом, поскольку ее исчезновение с монет совпадает с утратой Новгородом независимости. С другой стороны, медные пула, в больших количествах чеканившиеся в Новгороде после присоединения его к Москве (обстоятельство, доказуемое, между прочим, применением маточника при изготовлении штемпелей этих монет, тогда как штемпели суверенных новгородок, как правило, резались „от руки“), несли на себе надпись **ПУЛО НОВАГОРОДА**, и эта надпись не вызывала недовольства московских властей, будучи, очевидно, всего лишь указанием на место изготовления этой монеты⁸⁷.

Можно утверждать, по-видимому, что словосочетание „Великий Новгород“ воспринималось современниками — и в Новгороде, и в Москве — как своеобразная словесная эмблема или символ Новгородской республики. Эта эмблема жила, пока жил сам Господин Великий Новгород; она умерла с его падением.

Геральдический же эквивалент этой эмблемы не сложился или не успел сложиться⁸⁸. Поэтому стороны новгородских булл, противолежащие надписи **ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО НОВАГОРОДА**, поражают разнообразием изображений. Если это разнообразие и не говорит о безразличном отношении к изображаемому, т. е. если звери, птицы и т. п. суть действительно эмблемы концов, как полагает В. Л. Янин⁸⁹, то оно, во всяком случае, недвусмысленно свидетельствует об отсутствии единой геральдической эмблемы Новгорода.

И в изображении на новгородках едва ли следует, по нашему мнению, искать такую эмблему — для этого, как мы видели, достаточных оснований нет. Появившись на денгах, это изображение на денгах и осталось. Добавим, что оно пережило надпись-эмблему **ВЕЛИКОГО НОВАГОРОДА** и некоторое время мирно соседствовало с новой надписью, которая, обязательно включая слова: **ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ**, бескомпромиссно отрицала и букву и дух старой. Подобный симбиоз, надо думать, был бы противоестественным и просто невозможным, если бы изображение хотя в какой-то степени было эквивалентным прежней надписи.

Двухфигурную новгородскую композицию надлежит считать, по-видимому, чисто монетной эмблемой. В этом качестве она вполне сопоставляется с такими изображениями, как птичка на новгородских же четвергцах, денежник на тверских монетах или розетка на монетах московских (в подобных изображениях никто, кажется, и не пытался усматривать какой-то особый смысл или какую-то символику). Что же касается содержания двухфигурной композиции, то, видимо, следует откровенно признать, что мы не знаем (а возможно, и никогда не узнаем точно), кто именно представлен на ней в каждой из двух фигур. „Новгород и денежник“, „человек и медведь“, „София и посадник“ и т. п. — вся эта комбинаторика, порождаемая единственно дефицитом достоверной информации, сама по себе этот дефицит еще не компенсирует.

Устойчивость же оформления новгородок, „редкостную верность однажды принятому типу изображения“ можно, очевидно, объяснить и не прибегая к анализу содержания или значения самой двухфигурной композиции. Если принять во внимание, что новгородская денежная система была одной из немногих на Руси XV в., сохранявших постоянный вес своей денги⁹⁰ (в этом отношении весомой параллелью новгородкам служат псковские монеты), изображение на новгородках, независимо от его конкретного значения, не могло не превратиться в своеобразный „знак качества“, удостоверявший и гарантировавший полновесность и доброкачество новгородской валюты.

¹ Спасский И. Г. Русская монетная система. Изд. 3-е. Л., 1962, с. 89.

² Наш перевод с немецкого издания 1557 г. Ср.: Герберштейн С. Записки о московитских делах. Перевод А. И. Маленна. Спб., 1908, с. 88.

³ Цитируется по работе: Спасский И. Г. Очерки по истории русской нумизматики.— „Труды ГИМ“, 1955, вып. 25 (Нумизматический сборник, ч. 1), с. 94.

⁴ Чертков А. Д. Описание древних русских монет. М., 1834, с. 144; S. de Chaudoir, *Aperçu sur les monnaies russes*, 2^e partie, Paris, 1837, p. 278; *Die Reichelsche Münzsammlung...*, T. I, 1842, S. 355; Шуберт Ф. Ф. Описание русских монет и медалей, т. I. Спб., 1843, с. 33; Савельев В. К. Описание русских монет, найденных в 1854 г. близ Казани. Спб., 1856, с. 12; Сонцов Д. П. Деньги и пулы древней Руси. М., 1860, с. 59; Гуттен-Чапский Э. К. Удельные, великокняжеские и царские деньги древней Руси. Спб., 1875, с. 48.

⁵ Толстой И. И. Русская допетровская нумизматика, вып. 1. Монеты Великого Новгорода. Спб., 1884, с. 20—21.

⁶ Чудовский Д. Н. Новгородки. Киев, 1887, с. 44.

⁷ Там же, с. 42—43.

⁸ Арциховский А. В. Изображение на новгородских монетах.— ИАН, серия истории и философии, 1948, т. 5, № 1, с. 103.

⁹ Чудовский Д. Н. Указ. соч., с. 51—52.

¹⁰ Там же, с. 35.

¹¹ Арциховский А. В. Указ. соч., с. 100.

¹² Там же.

¹³ Орешников А. В. Русские монеты до 1547 г. М., 1896, с. 7.

¹⁴ Гусев П. Л. Символы власти в Великом Новгороде, 1. Святая София.— „Вестник истории и археологии“. Спб., 1911, вып. 21, с. 105—113.

¹⁵ Арциховский А. В. Указ. соч., с. 101.

¹⁶ Там же, с. 106.

¹⁷ Там же, с. 102.

¹⁸ Там же, с. 106.

¹⁹ Мец Н. Д. Московская денга новгородского типа.— „Труды ГИМ“, 1955, вып. 25 (Нумизматический сборник, ч. 1), с. 124—127.

²⁰ Там же, с. 125.

²¹ Там же, с. 127.

- ²² Там же, с. 125.
- ²³ Мец Н. Д. Монеты великого княжества Московского середины XV в. (1425—1462 гг.)— Нумизматический сборник. М., 1974, ч. 3, с. 40.
- ²⁴ Мец Н. Д. Московская деньга... , с. 125—126.
- ²⁵ Там же, с. 126.
- ²⁶ Спасский И. Г. Русская монетная система. Изд. 3-е. Л., 1962, с. 89.
- ²⁷ Арциховский А. В. Указ. соч., с. 106.
- ²⁸ Цитируется по работе: Спасский И. Г. Очерки по истории русской нумизматики, с. 96.
- ²⁹ Там же, с. 98.
- ³⁰ Оболенский К. М. Деньги Великого Новгорода. М., 1834, с. 1—2.
- ³¹ Рейхель Я. Я. Дополнения к русской нумизматике, вып. 1. Спб., 1847, с. 15—16.
- ³² Берендтс Э. Описание русских монет Ярославской Ученой Архивной комиссии. Ярославль, 1898, с. 3, 35—36.
- ³³ Кауфман И. И. Русский вес, его развитие и происхождение. Спб., 1906, с. 45.
- ³⁴ Спасский И. Г. Русская монетная система. М., 1957, с. 47.
- ³⁵ То же. Изд. 2-е. М., 1960, с. 47.
- ³⁶ То же. Изд. 4-е. Л., 1970, с. 99.
- ³⁷ Янин В. Л. Монетные клады Новгородского музея.— НЭ, 1960, т. 2, с. 144.
- ³⁸ Янин В. Л. Деньги и денежные системы.— В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV веков, ч. 1. Материальная культура. М., [1970], с. 346.
- ³⁹ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962, с. 273.
- ⁴⁰ Арциховский А. В. Указ. соч., с. 106.
- ⁴¹ Янин В. Л. Новгородские посадники. с. 273.
- ⁴² W. Wroth, *Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum*, v. 1—2, London, 1908.
- ⁴³ *Corpus nummorum Italicorum*, v. 7, Roma, 1915, p. 27.
- ⁴⁴ *Ibid.*, p. 46.
- ⁴⁵ Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в XVI и XVII вв. Л., 1961, с. 27—28; Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода. М., 1963, с. 304—305.
- ⁴⁶ Герберштейн С. Указ. соч., с. 89.
- ⁴⁷ Мельникова А. С. Псковские монеты XV в.— НЭ, 1963, т. 4, с. 227, 232—233.
- ⁴⁸ Янин В. Л. Деньги и денежные системы, с. 346. Ср.: Федоров Д. Я. Монеты Прибалтики XIII—XVIII столетий. Таллин, 1966, с. 29—49.
- ⁴⁹ Орешников А. В. Указ. соч., № 565, 566, 601, 602, 626, 702—704, 783, 784, 939, 939а.
- ⁵⁰ *Corpus nummorum Italicorum*, v. 7, p. 160.
- ⁵¹ Мец Н. Д. Московская деньга... , с. 124.
- ⁵² Янин В. Л. Деньги и денежные системы, с. 346.
- ⁵³ *De monetis Italiae medii aevi. quae in patrio museo servantur*, Ferrariae, MDCCLXXIV, p. 99.
- ⁵⁴ Розанов С. А. Золотые лобанчики.— Труды ОНГЭ, 1945, т. 1, с. 147.
- ⁵⁵ Арциховский А. В. Указ. соч., с. 106.
- ⁵⁶ Янин В. Л. Новгородские посадники, с. 273.
- ⁵⁷ Гусев П. Л. Указ. соч., с. 109.
- ⁵⁸ Арциховский А. В. Указ. соч., с. 103.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Гусев П. Л. Указ. соч., с. 107.
- ⁶¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Сонова, М., 1950.
- ⁶² Памятники русского права, вып. 2. М., 1953, с. 117.
- ⁶³ Там же, с. 215.
- ⁶⁴ Лазарев В. Н. Мозаика Софии Киевской. М., 1960, с. 20.
- ⁶⁵ Там же, с. 21.
- ⁶⁶ Филимонов Г. Д. Очерки русской христианской иконографии. София премудрость божия.— Вестник общества древнерусского искусства. М., 1876, ч. 1, с. 13: „Служа заветною святынею великого Новгорода, она распространялась во множестве списков, двигаясь по-сюду вместе с новгородскими колониями, изображалась на хоругвах, составляла существенную, необходимую принадлежность икон, изображавших новгородских святых“.
- ⁶⁷ Гусев П. Л. Указ. соч., с. 105—106.
- ⁶⁸ Арциховский А. В. Указ. соч., с. 105.

⁶⁹ Янин В. Л. Актовые печати древней Руси, т. 2. Новгородские печати XIII—XV вв. М., 1970, с. 46.

⁷⁰ Лебединцев П. Г. София премудрость божия.—«Киевская старина», 1884, декабрь, с. 557—588.

⁷¹ Арциховский А. В. Указ. соч., с. 105—106.

⁷² Там же, с. 106.

⁷³ Лебединцев П. Г. Указ. соч., с. 561—562.

⁷⁴ Дьяконов М. А. Власть московских государей. Спб., 1889, с. 73—78; Чаев Н. С. «Москва—третий Рим» в политической практике московского правительства XVI в.—«Исторические записки», 1945, т. 17; Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских. М.—Л., 1955, с. 4, 6, 155; Лихачев Д. С. Культура русского народа X—XVII вв. М.—Л., 1961, с. 79.

⁷⁵ Арциховский А. В. Указ. соч., с. 106.

⁷⁶ Там же, с. 102.

⁷⁷ Янин В. Л. Актовые печати..., т. 2, с. 126—132.

⁷⁸ Там же, с. 130.

⁷⁹ Там же, с. 179—185.

⁸⁰ Там же, с. 142, 143.

⁸¹ Там же, с. 197.

⁸² Там же, с. 220—221.

⁸³ Там же, с. 231, 233.

⁸⁴ Там же, с. 171.

⁸⁵ Ср. там же, с. 132.

⁸⁶ Там же, с. 130.

⁸⁷ Спасский И. Г. Русская монетная система. Изд. 4-е. Л., 1970, с. 95.

⁸⁸ Лихачев Н. П. Печати Великого Новгорода, его посадников и тысяцких. Архив АН СССР, ф. 246, оп. I, л. 103.

⁸⁹ Янин В. Л. Актовые печати..., т. 2, с. 142—143.

⁹⁰ Чижов С. И. Азбаский клад. М., 1911, с. 16; Львов М. А. К вопросу о методике метрологического исследования русских монет XV в.—Нумизматический сборник, ч. 3. М., 1974, с. 139.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕХНИКИ ЧЕКАНКИ
РУССКИХ МОНЕТ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XV — НАЧАЛА 30-х ГОДОВ XVI ВЕКА

Рассматриваемый нами период в истории русского денежного хозяйства занимает исключительно важное место, являясь своеобразным переходным этапом от разобщенной денежной чеканки удельного времени к организации единого денежного производства в масштабах всего Московского государства. Во второй половине XV в. прекращается или переходит под контроль великого московского князя самостоятельная чеканка в большинстве крупных феодальных центров (в уделах она прекратилась еще раньше). К концу правления Ивана III (1462—1505) все русское денежное производство сосредоточилось в Москве, Твери и Новгороде, не считая Пскова, денежная чеканка которого приобрела общегосударственный характер только после его присоединения к Московскому государству в 1510 г. По мере централизации русской денежной чеканки наблюдается резкое сокращение числа монетных типов в ней, особенно заметное в правление Василия III (1505—1533). Одновременно прослеживается тенденция к увеличению объема чеканки, вызвавшая некоторые изменения в технологии денежного производства. Наиболее отчетливо эти изменения проявляются в денежной чеканке Новгорода со времени его присоединения к Московскому государству.

В последние годы вопросы техники чеканки постоянно находятся в центре внимания исследователей. И это вполне понятно: анализ технических данных изучаемых монет, помимо чисто систематизационных задач (исследование соотношений штемпелей), позволяет уточнить и дополнить содержащиеся в письменных источниках сведения о технологии русского денежного производства¹. К настоящему времени достаточно полно и всесторонне изучена техника чеканки русских монет XVII в., восходящая в основных чертах к более раннему времени — к концу XIV—XVI в.² Поэтому, рассматривая особенности техники чеканки интересующего нас периода, мы будем неоднократно обращаться к технологии денежного производства XVII в., сравнительно подробно освещенной в письменных источниках.

До начала XVII в. в русском денежном производстве сохранялось разделение технологического процесса на плавку серебра и чеканку (денежный передел). В свою очередь, денежный передел состоял из ряда последовательных операций: переработки выплавленного слитка серебра в проволоку, приготовления из нее монетных пластинок и самой чеканки, осуществлявшейся изготовленными на денежном дворе штемпелями³. Следы всех перечисленных операций, за исключением плавки серебра, можно видеть на отчеканенных монетах. Для изучения техники чеканки русских монет XIV—XVII вв. перспективным материалом оказываются монеты с различными специфическими дефектами, возникавшими на всех этапах денежного производства — от волочения проволоки до чеканки.

С возникновением в 80—90-х гг. XV в. общерусской денежной системы в Московском государстве выпускались монеты двух основных номиналов: денги московского веса (0,38—0,39 г) в Москве и Твери и вдвое более тяжелые денги-новгородки (0,77—0,78 г); по весовой норме последних к этому времени, видимо, уже осуществлялась чеканка псковских денег. Среди монет обоих номиналов наблюдаются отклонения от нормального веса в ту или иную сторону, иногда довольно значительные. Так, среди денег новгородского веса обнаружилась монета весом 1,04 г.

Определенное колебание веса свойственно всем русским средневековым монетам и объясняется чрезвычайно простым и экономичным способом приготовления монетных пластинок. Выплавленный слиток серебра („гнездо“) расковывался в тонкий прут, из которого на волоочильной доске вытягивали серебряную проволоку. Наиболее ответственной и трудоемкой операцией на этом этапе денежного производства была резка проволоки на кусочки приблизительно одинаковой длины („чурки“), так как вес будущих монет определялся всего двумя размерами — диаметром (калибром) проволоки и длиной отрезаемого кусочка.

По предположению И. Г. Спасского, для деления калиброванной проволоки на отрезки постоянной длины использовали специальное орудие, обеспечивавшее устойчивый средний вес поступавших в чеканку монетных пластинок независимо от исходного веса взятого в денежный передел слитка серебра⁴. Нечто подобное — закрепленный на оси нож с регулируемым упором — известно, например, в денежном деле Бухарского ханства второй половины XVIII — начала XX в., где техника чеканки приближалась к русской допетровской технике „проволочных“ монет⁵. Не исключено, что денежники Москвы и Новгорода — основных центров монетной чеканки в рассматриваемое время — пользовались аналогичным приспособлением, упрощавшим в условиях возросшего объема производства разрезание проволоки на чурки.

Перед чеканкой чурки всегда оплющивались. В документах, освещающих деятельность московского Нового денежного двора в конце 50—начале 60-х гг. XVII в., упоминаются „бойцы“ — особая категория рабочих, которые занимались плющением чурок „гладкими чеканы“ (т. е. обычными штемпелями с гладким рабочим полем) на наковальнях⁶. Смысл употребления этого орудия заключался в том, что после оплющивания чурки приобретали форму округлых или продолговатых пластинок, чего невозможно было добиться при плющении их молотком⁷. Как правило, на таких пластинках прочеканивалась лишь часть изображения и надписи штемпеля. При оплющивании дефектных чурок — искривленных и перекрученных кусочков проволоки — получались пластинки самых разных очертаний, все равно поступавшие в чеканку⁸.

Монеты рассматриваемого нами периода, несомненно, тоже подвергались предварительному оплющиванию, так как по форме они мало чем отличаются от монет второй половины XVI—XVII в. Денги московского веса чеканились на округлых пластинках размером около 13×11 мм; более продолговатую форму имеют денги-новгородки размером около 16×12 мм; на довольно широких (17×14 мм), но тонких пластинках отчеканены монеты новгородского веса с татарской надписью ИБАН (т. е. Иван; см. № 648 по каталогу А. В. Орешникова⁹). Удлиненные края монет почти всегда сохраняют следы обреза проволоки, некоторые монеты отчеканены на расплющенных только с одного конца чурках.

Вообще следует отметить, что применявшийся в русском денежном производстве до начала XVIII в. способ изготовления монетных пластинок обеспечивал весьма устойчивый средний вес выпускавшихся в обращение монет. Изредка встречающиеся среди русских средневековых монет сверхтяжелые экземпляры, как, например, упомянутая выше денга-новгородка, или, наоборот, сверхлегкие экземпляры монет, вероятно, были отчеканены на концевых отрезках проволоки, длина которых не укладывалась в норму. Но подавляющее большинство русских монет имеет вполне выверенный вес. Не случайно в XVI в. русские монеты — копейки и денги — считались в известной мере точным и общедоступным весовым эталоном: по свидетельству „Торговой книги“, они употреблялись в качестве мелких разновесов в торговле пряностями и другими особо редкими на русском рынке товарами¹⁰.

Главными орудиями монетной чеканки являлись штемпели, способы изготовления которых с течением времени совершенствовались. В начальный период русской монетной чеканки штемпели вырезались, т. е. избранные для обеих сторон будущей монеты изображения и надписи в негативном виде вырезались денежником на рабочем поле вновь приготавливаемого штемпеля. Впрочем, при вырезывании штемпеля вручную набор инструментов мастера не ограничивался резцами — для нанесения на штемпель кольцевого ободка, различных точек, некоторых деталей изображения или надписи употреблялись простейшие пунсоны. Новгородские денежники в отдельных случаях пользовались даже буквенными пунсонами, набирая ими на штемпеле оборотной стороны всю надпись¹¹.

Эпизодическое употребление буквенных пунсонов при работе над монетными штемпелями пока отмечено только в денежном деле Новгорода, основная же масса русских монет удельного времени отчеканена штемпелями, изготовленными с помощью разного рода резцов. Сравнительно быстрое разрушение штемпелей в процессе чеканки требовало повторения этой трудоемкой операции на новых штемпелях. Уже в начале XV в. московскими денежниками был изобретен так называемый маточник — штемпель с выпуклым позитивным изображением и надписью на рабочем поле, который позволял механическим путем получить несколько совершенно одинаковых штемпелей¹².

Механический способ изготовления штемпелей русских монет XV—XVII вв. упомянут в письменных источниках и хорошо прослеживается на самих монетах, в частности на „ефимках с признаком“. В ходе неудачных реформ, осуществленных правительством Алексея Михайловича в период с 1654 по 1663 г., в русское денежное обращение на некоторое время были допущены западноевропейские талеры, известные в России под названием „ефимки“. После неудавшейся попытки перечеканивать их в русские монеты рублевого достоинства они около года надчеканивались обычным копеечным штемпелем. При этом на крупной серебряной монете оттискивалось не только изображение всадника, буква М под ногами коня, кольцевой ободок, но и весь торец штемпелей болванки. Все дошедшие до наших дней подлинники клейменные талеры надчеканены переведенными с одного маточника разными штемпелями, которые различаются лишь диаметром и очертанием рабочего поля¹³.

Во второй половине XV в. маточник повсеместно утверждается в русском денежном производстве, но, пожалуй, единственный пример, где

прослеживается непосредственный переход от архаичной техники вырезанных вручную штемпелей к технике маточника дает нам новгородская чеканка. Новгородские денежники в период самостоятельной чеканки (1420—1478) по каким-то причинам не применяли маточник при изготовлении монетных штемпелей, а вырезали последние вручную. В этой же архаичной технике после 1478 г. осуществлялась чеканка новгородских денег под контролем московского князя (так называемых великокняжеских новгородок), а с начала 1480-х гг. производилась чеканка новгородских денег общерусского типа с изображением традиционного московского „ездеца“ и строчной надписью: **ОСПОДАРЬ ВСЕЯ РУСИ**.

Именно в это время в Новгороде и появляются маточники или, может быть, начинает работать московский мастер, внедривший более совершенный способ изготовления монетных штемпелей. Во всяком случае, с этого момента новгородские монеты навсегда утрачивают свой характерный „почерк“ и становятся похожими на прочие русские монеты конца XV — начала XVI в.¹⁴ Внедрение техники маточника в денежное производство Новгорода привело к заметному, по сравнению с предшествующим периодом „архаичной“ чеканки, увеличению в обращении количества дефектных монет. Среди них особый интерес представляют монеты с дефектами, возникшими при размножении штемпелей.

Как известно, изображения и надпись маточника „переводились“ на штемпели вручную: стальной закаленный маточник ударом молота вбивался в торец раскаленной штемпельной болванки¹⁵. При выполнении этой операции требовалась быстрота, поскольку перемещаемый из горна торец штемпельной болванки почти мгновенно остывал и утрачивал пластичность. Перевести изображение и надпись маточника на рабочее поле штемпеля достаточно быстро можно было только в том случае, если вынутая клещами из горна раскаленная болванка сразу же наставлялась на неподвижно укрепленный маточник. Ударяя по ней молотом, мастер оттискивал выпуклые детали маточника на штемпеле. Если ему не удавалось вбить маточник в торец штемпельной болванки с одного удара, на рабочем поле штемпеля получался двойной удар маточника, передававшийся на отчеканенные этим штемпелем монеты.

Среди новгородских денег типа „осподарь“ иногда встречаются по две-три монеты, которые имеют совершенно одинаковые сдвоенные изображения на лицевых сторонах или строчную надпись на оборотных (табл. I, 1, 2). Впервые подобного рода дефект был отмечен С. И. Чижевским, считавшим, что наблюдаемый на монетах „повторный удар (тождественный на всех экземплярах. — В. К.) относится не к моменту чеканки копеек, а к моменту перевода рисунка на штамп с матрицы“¹⁶.

Воздействуя на штемпель, маточник деформировал его поверхность, т. е. происходило лишь определенного рода перемещение металла на рабочем поле штемпеля, поэтому перед употреблением штемпель нуждался в окончательной зачистке. В упоминавшихся выше документах московского Нового денежного двора эта операция названа „обтиркой“¹⁷. Повидному, следы такой окончательной зачистки штемпелей — штрихи разного направления — прослежены М. П. Сотниковой на московских монетах начала XV в.¹⁸ Однако это вовсе не означает, что рабочее поле штемпеля зачищалось только после перевода с маточника.

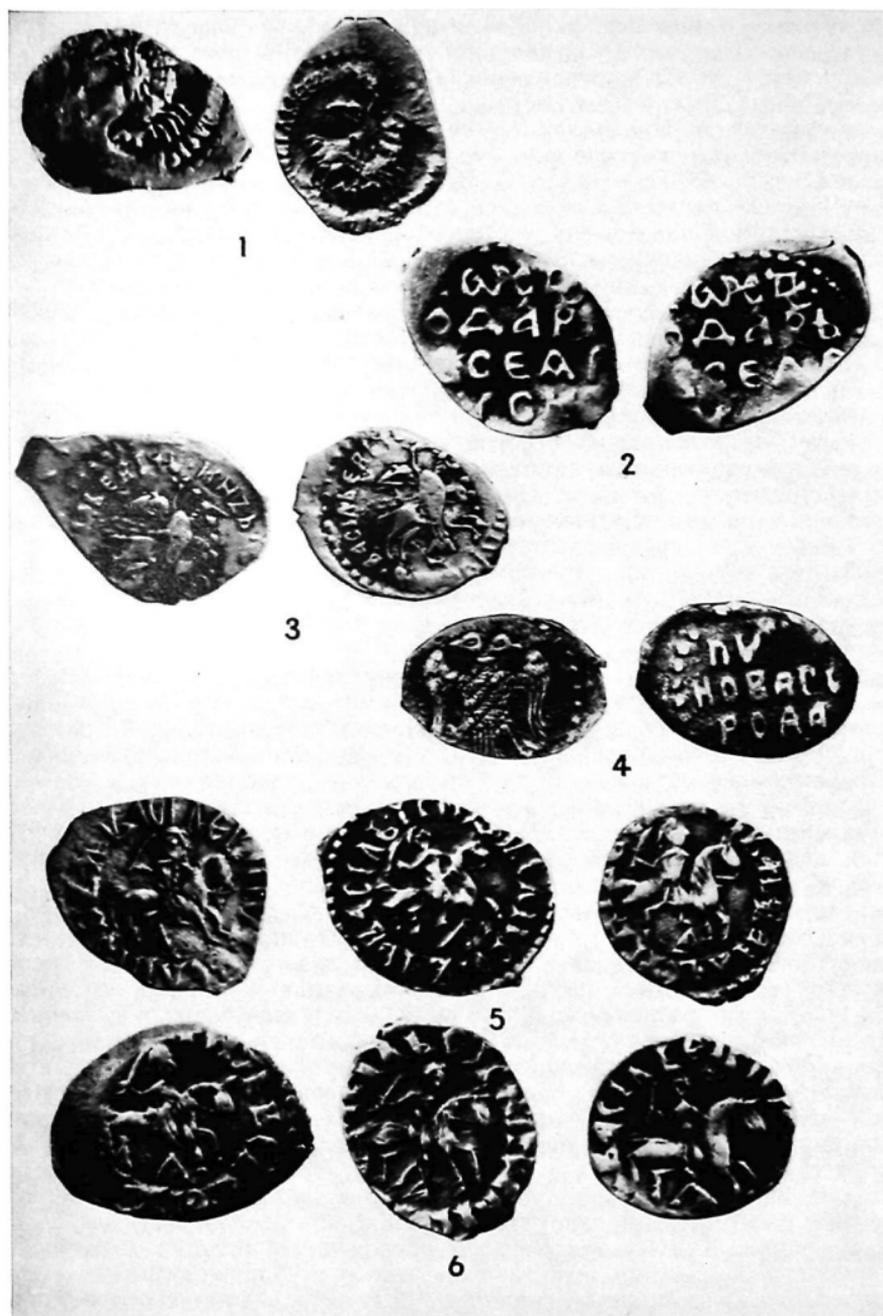
Очевидно, штемпельной болванкой довольно часто служили уже использованные, разрушившиеся штемпели, с рабочих полей которых пред-

варительно счищались напильником остатки прежнего изображения и надписи. В случае небрежной зачистки следы старого изображения и надписи проступали на отчеканенных новым штемпелем монетах¹⁹. Иногда подобные дефекты имеют решающее значение в атрибуции спорных монетных типов. Так, например, под изображением ездоца на лицевой стороне трех экземпляров новгородской монеты с буквой М под ногами коня (тип № 661, по каталогу А. В. Орешникова) отчетливо просматривается крыло птицы. Аналогичное крыло можно видеть на лицевых сторонах новгородских медных пул с изображением двуглавого орла (№ 54, по А. В. Орешникову), плохо зачищенный штемпель одного из которых и был использован для изготовления отчеканившего эти дефектные монеты штемпеля (табл. I, 3, 4). Таким образом, благодаря этому случайно обнаружившемуся дефекту исчезают всякие сомнения в существовании новгородской чеканки в период с 1480-х до начала 1530-х гг.²⁰ (Это наблюдение сохраняет ценность и для датировки самого пула).

Многочисленное использование одной и той же штемпельной болванки, вероятно, практиковалось и до появления в Новгороде техники маточника. Существующий в настоящее время фонд монет, относящихся к периоду самостоятельности Новгорода, представлен огромным количеством штемпелей, поражающих удивительным типологическим единообразием. Даже среди ранних монет типа „оподарь“, отчеканенных в архаичной технике, выделяются группы схожих по исполнению штемпелей (до 4—6 штемпелей), различающихся только мелкими деталями в изображении ездоца и начертанием отдельных букв надписи или их расположением в строке (табл. I, 5, 6).

Наличие множества родственных штемпелей легко объяснить профессиональным умением мастеров, „набивших руку“ на вырезывании однотипных штемпелей и выработавших в результате длительной практики свой сугубо индивидуальный „почерк“. Но представляется возможным и несколько иное объяснение. Для вырезывания изображения и надписи будущего штемпеля требовалась предварительная разметка его рабочего поля, следы которой действительно встречаются на некоторых новгородских монетах, в частности на великокняжеских денгах (табл. I, 7). С разрушением такого штемпеля в процессе чеканки мастер, перед тем как вырезать на этой же болванке новый штемпель, должен был удалить с ее поверхности следы старого штемпеля. Однако половину зачищенные напильником изображение или надпись износившегося штемпеля могли служить своеобразным шаблоном при вырезывании нового штемпеля. Следовательно, не исключено, что указанные выше серии родственных штемпелей восходят к одной штемпельной болванке, периодически „подновлявшейся“ в продолжение чеканки. Если это так, то следы разметки сохранялись лишь на тех монетах, которые были отчеканены самым первым штемпелем, вырезанным на данной болванке. В таком случае практика длительного использования одной и той же штемпельной болванки объясняет сравнительно невысокий процент дефектных монет — с раковинами, напыльями, царапинами и т. п. — в „архаичной“ чеканке, поскольку было нежелательно доводить штемпели до полного износа.

До начала XVIII в. все русские „проволочные“ монеты, в том числе и медные пулы, чеканились свободными, т. е. несопряженными, штемпелями. Один из штемпелей — нижний — был неподвижно укреплен в верстаке („стуле“) чеканщика, а другой — верхний — чеканщик держал в

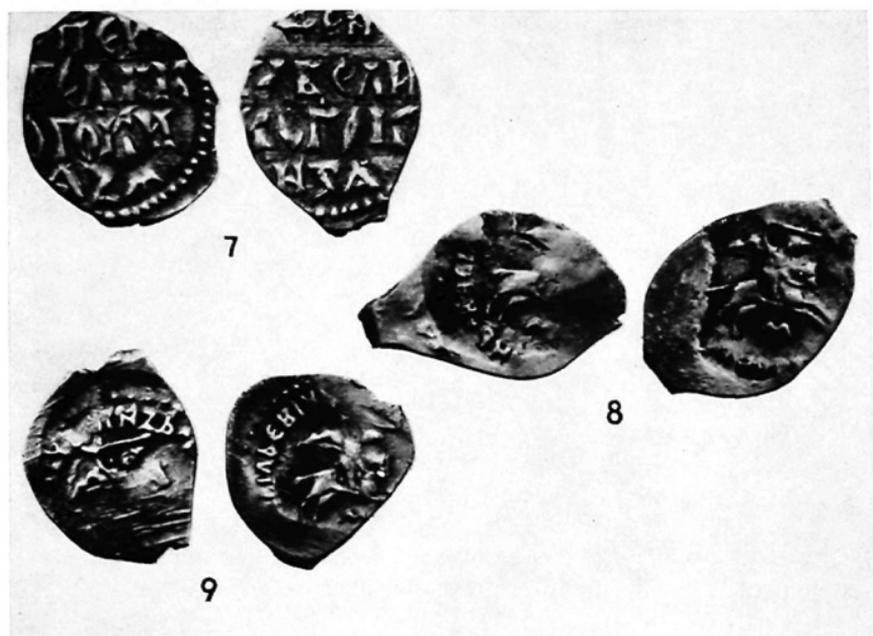

Табл. 1

1—2 — следы повторного оттиска маточника на штемпелях лицевой и оборотной сторон новгородских монет; 3 — лицевая сторона новгородской серебряной денги со следами прежнего плохо зачищенного штемпеля медного новгородского пула; 4 — лицевая и оборотная стороны новгородского медного пула с изображением двуглавого орла; 5—6 — группы сходных штемпелей ранних новгородских монет типа „осподарь“; 7 — следы разметки на рабочем поле штемпелей; 8—9 — следы разрушения и последующего опиления штемпеля (увеличено в два раза)

свободной руке. Ударяя молотком по верхнему штемпелю, чеканщик направлял его на подложенную подметчиком (помощником чеканщика) на нижний штемпель монетную пластинку. Документы второй половины XVII в. сохранили нам названия этих штемпелей: нижний — неподвижный — назывался „исподником“, верхний — свободный — „вершником“²¹.

Судя по копеечным штемпелям начала XVIII в. из собрания ГИМ²², верхние и нижние штемпели имели некоторые конструктивные различия. Так, верхние штемпели представляют собой округлые стержни диаметром около 20 мм и длиной до 80 мм, выкованные из железных полос прямоугольного сечения (приблизительно 22×17 мм). Причем один из них настолько сработан (длина 68 мм), что в сущности уже не пригоден к употреблению. Нижние штемпели длиной до 60 мм изготовлены из массивных, но коротких брусков, раскованных только с одного конца в округлые стержни. Их широкое четырехгранное основание (30×31 мм и более) можно было легко заклинить в соответствующем углублении верстака, а при необходимости также легко освободить (рис. 1).

Указанный способ чеканки русских монет допетровского времени целиком определял характер износа и разрушения штемпелей, как, впрочем, и характер возникавших в процессе чеканки дефектов. В частности, по лицевым сторонам некоторых новгородских монет отчетливо

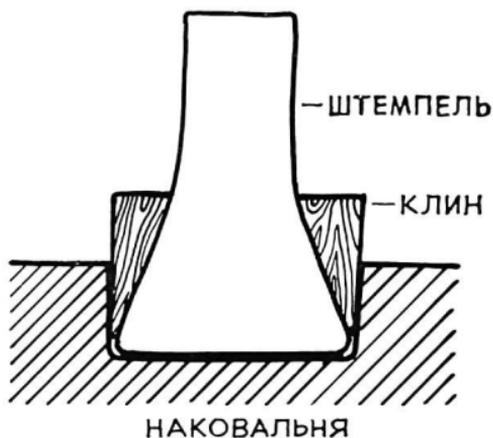

Рис. 1. Предполагаемый способ крепления нижних штемпелей в верстаке чеканщика

прослеживается постепенное исчезновение ободка, круговой надписи; на многих монетах можно видеть только изображение ездока и букву под ногами коня. Это объясняется тем, что периферия нижнего штемпеля, на который с маточника переводились изображение ездока и круговая надпись „Князь великий Иванъ Васильевичъ (Василий Иванович)“, испытывала большие, по сравнению с центральной

частью штемпеля, ударные нагрузки. В продолжении чеканки края нижнего штемпеля оплывали и обламывались, получавшиеся на нем раковины в виде разнообразных наплывов передавались на отчеканенные монеты. Чтобы предотвратить его дальнейшее разрушение, мастер закливал обломившийся край, захватывая при этом и часть рабочего поля. Употребление такого штемпеля даже в паре с новым оборотным штемпелем приводило к тому, что подложенная монетная пластинка с обеих сторон прочеканивалась лишь наполовину (табл. I, 8, 9). Правда, подобные „недочеканки“ получались и в том случае, когда плохо закрепленный в верстаке нижний штемпель имел перекос по отношению к верхнему штемпелю²³.

Более равномерно, т. е. по всей поверхности рабочего поля, но, как показывают подсчеты, значительно быстрее нижних штемпелей, разрушались верхние, свободные штемпели, несущие четырехстрочную надпись: ОСПОДАРЬ ВСЕЯ РУСИ. В течение рассматриваемого нами периода сложился вполне устойчивый общерусский тип монет. Если на монетах удельного времени надписи и изображения занимают обе стороны, то уже на монетах Ивана III надписи постепенно отделяются от изображений. По-видимому, некоторое воздействие на создание общерусского типа монет оказали особенности разрушения штемпелей, несомненно, осознаваемые денежными мастерами: сначала на монетах московской чеканки, а после денежной реформы Елены Глинской (1533—1537) и на всех русских монетах, надписи занимают только оборотную сторону.

Переведенные с маточника и небрежно зачищенные при „обтирке“, штемпели иногда удерживали отчеканенную монету. Освобождалась она обычно повторным ударом штемпеля, поэтому в процессе чеканки возникали следующие дефекты: двоянное изображение на лицевой стороне монеты или надпись на оборотной; двоянное изображение и надпись на обеих сторонах монеты одновременно; переворот монеты между штемпелями таким образом, что на ее обеих сторонах прочеканивались и изображение и надпись (табл. II, 1—3). В редких случаях, когда по подложенной монетной пластинке ударяла застрявшая в одном

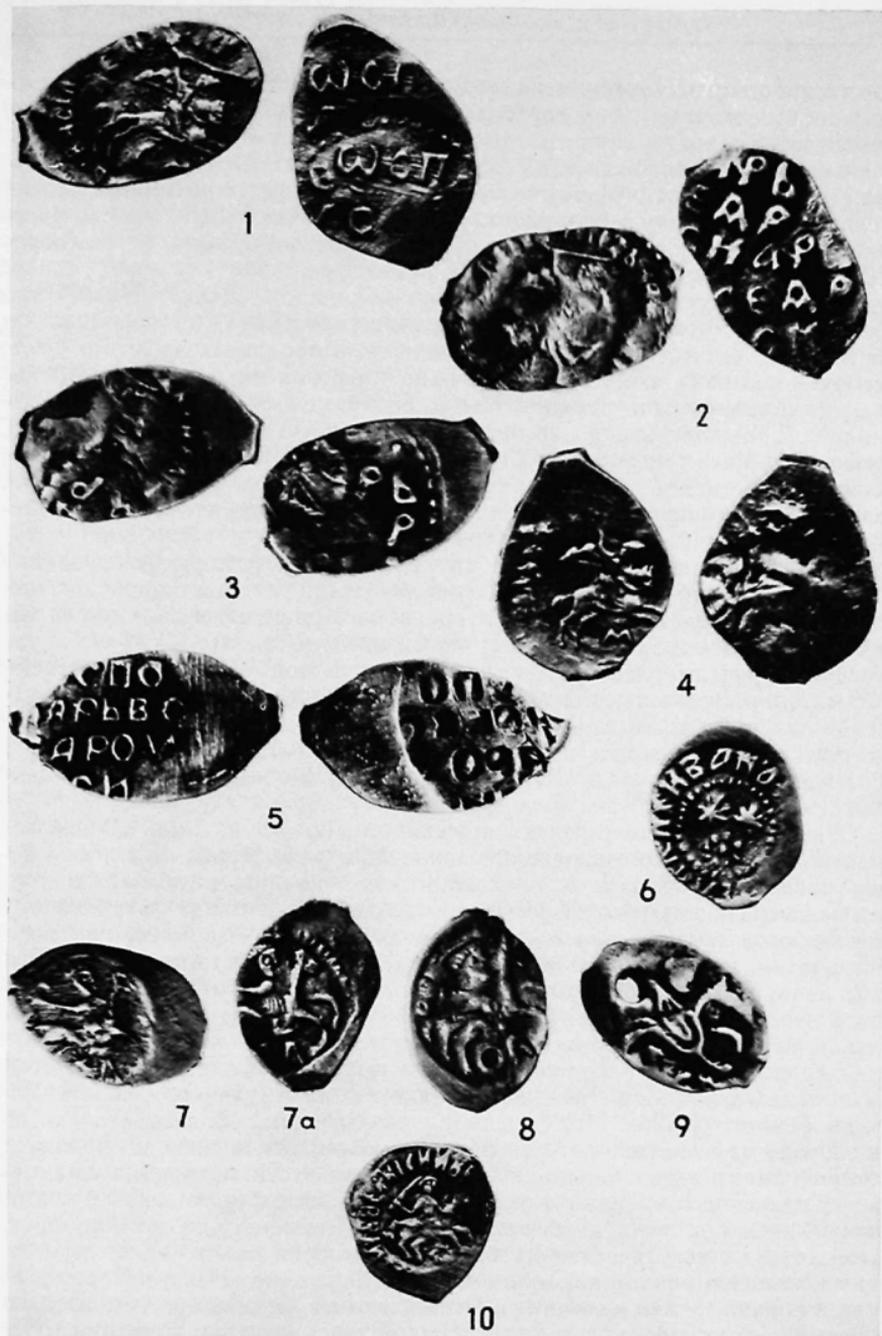

Табл. II

1 — двойной удар штемпеля на одной из сторон монеты; 2 — двойной удар штемпеля на обеих сторонах монеты; 3 — «переворот» монеты между штемпелями; 4 — «односторонка» с изображением; 5 — «односторонка» с надписью; 6 — лицевая сторона московской денги Ивана III с изображением «роетки»; 7, 7а, 8, 9 — маточки лицевой стороны московских денег Ивана III с буквами СЛ под ногами коня; 6, 10 — «выворотные» буквы в надписях на московских денгах Ивана III

из штемпелей отчеканенная монета, получались так называемые „одно-сторонки“ — монеты, на которых прочеканивалось изображение только одного штемпеля; на оборотной стороне этих монет можно видеть углубленный след того же самого изображения (табл. II, 4). Как правило, монеты с такого рода дефектом имеют изображение лицевого штемпеля с ездоком, поскольку в большинстве случаев отчеканенную монету удерживал оборотный штемпель с надписью. Однако изредка встречаются „односторонки“ с надписью (табл. II, 5).

А. Д. Быков считает, что подобная разновидность „односторонок“ свидетельствует об отсутствии строгой сопряженности между лицевыми и оборотными штемпелями в русском денежном производстве XVI в. (т. е. строчная надпись, по мнению А. Д. Быкова, могла находиться на любом из штемпелей — как на нижнем, так и на верхнем)²⁴. В своих рассуждениях А. Д. Быков исходил из предположения, что отчеканенную монету всегда удерживал верхний свободный штемпель. Между тем, она могла застрять и остаться незамеченной в нижнем штемпеле с изображением ездока. В этом случае на следующей монете прочеканивался лишь оборотный — верхний — штемпель с надписью.

В заключение необходимо рассмотреть вопрос о технике изготовления маточников. Наибольшие затруднения вызывает решение вопроса о способе изготовления выпуклого позитивного изображения и надписи на рабочем поле маточника. В документах второй половины XVII в. почти всегда говорится о резке маточников. „Будет которые вору учнут денежные матошники резать, и с них чеканы (т. е. штемпели. — В. К.) переводить и денги делать, и тем воров чинить казнь, сечь у них по левой руке, да ноги обе“, — гласит первая статья указа Алексея Михайловича 1661 г., изданного в связи с массовой подделкой обесценивавшихся медных денег²⁵.

О вырезывании штемпелей упоминается, пожалуй, лишь в жалобе властям головы Нового денежного двора Афанасия Нарбекова: „... а резец только один человек, а чеканов резать и почищать некому, а иных резцов сыскать не мочно“²⁶. Но в этом документе речь идет о штемпелях для чеканки крупных серебряных и медных монет — рублей, полтин и полуполтин, т. е. штемпелей, вырезавшихся вручную, а не переводившихся с маточников. Таким образом, в письменных источниках достаточно четко отражено различие в изготовлении маточников, которые вырезались, и штемпелей, которые с них переводились.

До сих пор точно не установлено, где вырезался кольцевой ободок — на штемпелях или на маточниках. Н. Д. Мец, систематизируя монеты Василия Темного (1425—1462), выявила разные типы ободков (точечный, линейный) на монетах одного и того же маточника, что свидетельствует о вырезывании их на каждом переведенном с этого маточника штемпеле²⁷. Сравнение сохранившихся ободков на монетах московской и новгородской чеканки последней четверти XV — начала XVI в., наоборот, убеждает в их идентичности на монетах одного маточника. К этому времени кольцевой ободок наравне с изображением, надписью превратился в постоянную деталь маточника. Все сказанное позволяет усомниться в существовании особого вспомогательного маточника для набивания ободков на переведенные с основного маточника штемпели²⁸. Следовательно, маточник представлял собой единый сложный пунсон для формовки негативных рабочих штемпелей.

Однако насколько же соответствуют указания источников о способе изготовления маточников техническим возможностям резчиков? В самом деле, вырезая выпуклое позитивное изображение, надпись и кольцевой ободок непосредственно на торце стальной болванки, мастер сталкивался с серьезными техническими затруднениями. При изготовлении, например, маточника лицевой стороны московских монет с изображением „розетки“ он должен был вырезать две крохотные звездочки, розетку из девяти точек, внутренний точечный ободок, круговую надпись: КНЯЗЬ ВЕЛИКИЙ ИВАНЪ и, наконец, внешний точечный ободок — все это на узком торце стальной болванки диаметром около 11 мм (табл. II, 6). Кроме того, маточник, подобно любой стороне монеты, имел два уровня: нижний — гладкое поле и верхний — поверхность выпуклого изображения, надписи и ободка. Получить сколько-нибудь ровное нижнее поле маточника, выбирая резцом „лишний“ металл на глубину 0,3—0,5 мм, практически невозможно. Еще более сложной задачей было вырезывание на маточнике выпуклого ободка.

Практика современного монетного производства подсказывает, что за маточником может стоять еще одно орудие — негативная „форма“. Детали будущего маточника или только их общие контуры — изображение, надпись и ободок — мастер мог сначала вырезать заглубленно и негативно, как на обычном штампе, на торце специальной стальной болванки — матрицы. С этой матрицы на рабочем поле маточника формовался выпуклый позитивный оттиск, т. е. рисунок матрицы переводился на маточник так же, как и рисунок маточника переводился на штамп. Получившийся позитивный оттиск, который являлся еще только заготовкой маточника, мастер дорезал вручную, после чего готовый маточник закаливался и поступал в производство. Если маточник действительно формовался матрицей, встречающееся в источниках выражение „матешники резать“ в таком случае отчасти соответствует истине²⁹.

Применение матрицы в русском денежном производстве XV—XVII вв. при изготовлении маточников как будто бы находит подтверждение в нумизматическом материале, в частности — в материале рассматриваемого нами периода. В одном из самых обширных в московской чеканке Ивана III типа монет с буквами СЛ под ногами коня (6122 экз.), на первый взгляд, выделяется всего три маточника (табл. II, 7—9). В свою очередь, среди монет первого маточника (3732 экз.) можно выделить, по крайней мере, два варианта, имеющих хорошо заметные отличия в изображении короны, головы и туловища („юбочки“) ездоца, хотя остальные детали рисунка на монетах выделенных вариантов вполне тождественны (табл. II, 7, 7а).

Бесспорно, в данном случае мы встречаемся с разными, но очень близкими по исполнению маточниками, ибо выступающие детали закаленного маточника уже не могли быть подправлены и, следовательно, передавались неизменно одинаковыми на все переведенные с него штампы, а затем — на отчеканенные этими штампами монеты. Трудно сказать, чем объясняется сходство в изображении ездоца на этих двух маточниках — принадлежат ли они руке одного резчика или восходят к общей матрице? Ведь при благоприятных условиях одной матрицей можно было отформовать несколько маточников-близнецов, различающихся между собой лишь мелкими деталями изображения (результат окончательной доводки маточника вручную).

Далее, в надписях на некоторых типах московских монет наблюдается неправильное начертание отдельных букв: перевернута, например, последняя буква Ъ (Ѣ) в слове ИВАНЪ на лицевой стороне московских денег с изображением „розетки“ (табл. II, 6), на лицевой стороне монет с татарской надписью: ЭТО ДЕНГА МОСКОВСКАЯ перевернута первая буква В (Ѣ) в слове ВЕЛИКИЙ (табл. II, 10). Подобные ошибки характерны для ранних русских монет, надписи которых в зеркальном порядке вырезались на самих штемпелях, но не совсем понятны в отношении монет, отчеканенных переведенными с маточника штемпелями. Может быть, происхождение „выворотных“ букв на московских монетах обусловлено использованием для изготовления маточников матрицы, вырезавшейся тем же самым способом, что и штемпели, — негативно и заглубленно.

Правда, не следует забывать, что ошибки в надписях, а подчас и вовсе нечитаемые надписи — нередкое явление в московской чеканке Ивана III. Как известно, во второй половине XV в. в Москве работало немало денежников-иностранцев, преимущественно — итальянцев, которые были не только организаторами денежной чеканки, но и ее непосредственными исполнителями³⁰. Очевидно, слабое знание русского языка заставляло их в ряде случаев весьма приблизительно копировать незнакомые надписи с монет, отчеканенных русскими денежниками. Поэтому наши наблюдения на материале рассматриваемого периода еще не доказывают применения матрицы в русском денежном производстве XV—XVII вв. Окончательное решение вопроса о технике изготовления маточников, видимо, нуждается в экспериментальном обосновании.

¹ Спасский И. Г. Анализ технических данных в нумизматике.— КСИИМК, 1951, № 39, с. 69—75.

² Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в XVI и XVII вв. Л., 1961, с. 6—13.

³ Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г.— МИА, 1955, № 44, с. 239—262.

⁴ Там же, с. 233.

⁵ Бурнашева Р. З. Организация производства и техника чеканки монет в Бухарском ханстве со второй половины XVIII до начала XX в.— НЭ, 1967, № 6, с. 256—273.

⁶ Мельникова А. С. Новый („Английский“) денежный двор в Москве в 1654—1663 гг.— НЭ, 1971, № 9, с. 144—158.

⁷ Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве..., с. 232—233.

⁸ Там же, с. 233—234, рис. 3.

⁹ Орешников А. В. Русские монеты до 1547 г. М., 1896.

¹⁰ Торговая книга.— ЗОРСА, Спб., 1851, № 1, отд. 3, с. 129 (раздел XI, „О золоте цевочном“).

¹¹ Львов М. А. О некоторых технических особенностях изготовления монетных штемпелей в Великом Новгороде.— НЭ, 1971, № 9, с. 133—143.

¹² Сотникова М. П. К вопросу о технике чеканки русских монет в XV в.— КСИИМК, 1956, № 66, с. 31—35.

¹³ Спасский И. Г. Талеры в русском денежном обращении 1654—1659 годов (Сводный каталог ефимков). Л., 1960, с. 3—6, табл. 5—23.

¹⁴ Спасский И. Г. Русская монетная система. Изд. 4-е. Л., 1970, с. 103.

¹⁵ Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве..., с. 237.

¹⁶ Чижов С. И. К истории денежного производства на Руси за царский период.— В кн.: Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой. М., 1916, с. 39.

¹⁷ Мельникова А. С. Указ. соч., с. 152.

¹⁸ Сотникова М. П. Указ. соч., с. 33.

¹⁹ Там же, с. 34.

²⁰ Калинин В. Новгородский денежный двор в начале 1480-х годов.—СГЭ, 1972, [вып.] 36.

²¹ Мельникова А. С. Указ. соч., с. 152.

²² Изданы С. И. Чижевым (Указ. соч., с. 35—37, табл. I, рис. 2—4) и И. Г. Спасским (Денежное обращение в Московском государстве... , с. 235—236, рис. 5).

²³ Этот термин — „недопечатки“ — встречается в документах первой половины XVIII в. См.: Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве... , с. 239.

²⁴ Быков А. Д. К вопросу о сопряженности штемпелей при чеканке русских монет в XVI в.—ИЭ, 1968, № 7, с. 149—153.

²⁵ Чижев С. И. Указ. соч., с. 42.

²⁶ Базилевич К. В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М., 1936, с. 19.

²⁷ Мец Н. Д. Монеты великого княжества Московского середины XV в. (Василий II. 1425—1462 гг.). Диссертация, представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1955, с. 22—42 (рукопись диссертации хранится в библиотеке ГИМ).

²⁸ Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве... , с. 237.

²⁹ Применение матрицы для изготовления маточников обосновывается в готовящейся к печати статье М. А. Львова „К вопросу об изготовлении монетных штемпелей в XVI—XVII вв.“.

³⁰ Орешников А. В. Указ. соч., с. 123—124.

ТАЛЕРЫ НА ТЕРРИТОРИИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В XVI—XVII ВЕКАХ

Хотя советские нумизматы проделали большую работу по изучению денежного обращения Русского государства XVI—XVII вв., многие вопросы все еще остаются недостаточно освещенными, нередко спорными. Это происходит по нескольким причинам. Не все даже опубликованные русские материалы были использованы с предельной полнотой. Только эпизодически привлекались для решения проблем русского денежного обращения источники иностранные. Частично как следствие последнего обстоятельства развитие русской монетной системы рассматривалось слишком обособленно от развития монетных систем других европейских государств. Более тридцати лет назад К. В. Базилевич писал: „Общий характер экономического развития Московского государства был тот же, что и на Западе... Влияние конъюнктуры международного рынка на русскую торговлю, нам кажется, не подлежит сомнению“¹. С еще большим основанием можно говорить о влиянии конъюнктуры международного рынка благородных металлов (которые в России в интересующий нас период практически не добывались) на русское монетное дело и денежное обращение.

Основное внимание в настоящей статье уделено талерам, выяснению начала их поступления в пределы Русского государства, раскрытию связанной с ними терминологии, определению роли и влияния этих монет. Однако, привлекая источники, сравнительно мало использованные в советской нумизматике, было бы неразумным не коснуться и некоторых других разновидностей монет и других вопросов денежного обращения XVI—XVII вв., нашедших отражение в исследуемых документах.

Развитие товарно-денежных отношений во второй половине XV — начале XVI в. вызвало рост потребности не только в мелкой, но и в крупной монете. Сдвиги в торговле и денежном обращении привели к недостатку в золотой монете, с помощью которой вершились большие платежи, которой оплачивались иноземные пошлины и товары и которая накапливалась в сокровищницах феодалов и банкиров. Разработка богатых серебряных рудников в Саксонии, Чехии, Тироле, развитие горной техники и металлургии в конце XV в. стимулировали создание монеты из серебра, по своей стоимости равной золотому гульдену. Именно поэтому первые крупные монеты из серебра конца XV — начала XVI в. получили название гульденгрошенов, т. е. грошена, равноценного золотому гульдену. Такие монеты появились в последней четверти XV в. в Брабанте, Тироле и в 1500 г. — в Саксонии². Однако талеры еще не чеканились „в десятках европейских государств“³. Это была только предыстория талеровой чеканки, даже в австрийских землях, в Тироле, крупная серебряная монета еще не приобрела существенного значения⁴. Решающую роль сыграла чеканка саксонских гульденгрошенов с 1500 г.

и особенно гульденгрошенов в Иоахимстале (ныне г. Яхимов в Чехословакии) с 1519 г. Богатство серебряных рудников Иоахимстале и близость Лейпцигских ярмарок способствовали распространению иоахимстальгульденгрошенов, которые вскоре стали называться более кратко иоахимсталерами, а затем в различных странах просто талерами, иоахимками, ефимками⁵.

Ни старые исследователи русского денежного обращения, ни современные нумизматы не останавливались на важном во всех отношениях вопросе датировки начала поступления талеров на территорию Русского государства. Для С. И. Шодуара древнейшим документом о ефимках в России являлась таможенная грамота 1571 г.⁶ Н. П. Бауер считал, что со второй половины XVI в. русское правительство из ефимков создает источник серебра для собственной чеканки⁷. И. Г. Спасский не останавливается на интересующем нас вопросе, подчеркивая значение талера для России XVI—XVII вв.⁸ Заведомо неточно в смысле датировки было, конечно, утверждение Ф. Ф. Гейтца, что „среди обращавшихся в России с XV по XIX ст. иностранных монет, первое место по своему значению и влиянию на русское монетное дело, занимают ефимки“⁹.

В 1938 г. Гуннар Миквитц, исследуя таллинские торговые книги первой половины XVI в., установил, что ввоз талеров в Ливонию имел место уже в конце 20-х гг. XVI в.¹⁰ Миквитц пришел к выводу, что с этого времени ввоз слиткового серебра из Германии в Россию сменился импортом талеров, благодаря чему значительные массы талеровой монеты шли через Ливонию¹¹. Можно указать и на конкретный случай получения новгородцами платы за товар ефимками, датированный 1540 г. В этом году таллинский купец Ольрик Элерс заплатил новгородцу Павлу Сорнову за доставленный воск 617 $\frac{1}{4}$ иоахимсталера¹². Анализируя торговые записи О. Элерса 1536—1541 гг., В. В. Дорошенко установил, что новгородские товары чаще всего оплачивались серебром в слитках или талерах¹³. Стоимость талеров составляла более 30% общей стоимости полученных новгородцами от О. Элерса слитков серебра и талеров¹⁴. В 1546 г. в финских шхерах штормом был выброшен на берег корабль, который вез принадлежавшие гамбургским, а главным образом любекским купцам товары, предназначенные для России. Кроме товаров, на корабле находились 3650 талеров, 3 сумы денег (содержание их неизвестно), 8 фунтов золота (почти целиком в виде золотой монеты)¹⁵.

На Ганзейском съезде в Любеке в 1549 г. раздавались жалобы на вывоз талеров в Россию, причем представители Риги и Таллина заявили, что без уплаты талерами заниматься торговлей с русскими сейчас невозможно¹⁶.

В 1550 г. Рижский совет в ответе Ивану IV, жаловавшемуся на плохое качество ввозившихся талеров, отмечал, что талеры поступают теперь вместо серебряных слитков и чеканятся в большом количестве за границей. В этом же году шведский король Густав I Ваза в своем проекте о перемещении русской торговли в шведские транзитные гавани в Южной Финляндии среди товаров, которые нужно продавать русским, на первом месте называет талеры. В 1559 г. при обсуждении вопроса о русской торговле в Выборге Густав I снова подчеркнул, что шведские купцы должны платить русским талерами¹⁷. Шведский наместник в Выборге Книс Кристерсон Хурн 28 июня 1559 г. сообщает, что русские покупают только соль и талеры¹⁸.

Сведения о ввозе талеров в Россию в 60—70-х гг. XVI в. достаточно многочисленны. Об этом свидетельствуют грузы датских, любекских, французских, голштинских, голландских кораблей, на борту которых всегда находилось значительное количество талеров и которые были задержаны шведами на пути их следования в Нарву¹⁹. В 1565 г. итальянец Рафаэлло Барберини сообщает, что, несмотря на Ливонскую войну, в Россию ввозится огромное количество талеров²⁰. Ряд немецких документов 1571 г. говорит о массовом вывозе талеров в другие страны, прежде всего в Московское государство, „на Неву“. Этим объясняется даже редкость талеров в Нижней Саксонии и в немецких приморских городах²¹. Оживленную торговлю с Прибалтикой, Нарвой, Псковом вела компания антверпенских купцов в 70-е гг. XVI в., расплачиваясь не только товарами, но и талерами, серебром²². Эта торговля была продолжением оживленных связей 60-х гг. названного столетия²³. В 1567 г. находилось в Балтийском море, направляясь в Нарву или Гданьск, значительное число французских кораблей: шесть из Дьеппа, пять или шесть из Руана, несколько из Ла Рошели²⁴. Безусловно, они везли и талеры, как французский корабль, державший путь в 1563 г. в Нарву и конфискованный шведским штатгальтером в Ревеле Сванте Стуре²⁵. Не отставали от других и англичане. В 1567 г. в Нарве бывало до 70 английских кораблей²⁶. Несмотря на строгие запрещения вывоза из Англии монет и драгоценных металлов, Московская компания английских купцов неоднократно получала особые разрешения на такой вывоз²⁷. В упоминавшемся свидетельстве Рафаэлло Барберини говорится о ввозе огромного количества талеров из Польши и Австрии²⁸. Однако важнейшим пунктом экспорта талеров и драгоценных металлов был Любек. К такому выводу пришел Г. Миквитц в отношении первой половины XVI в.²⁹ Один из ганзейских источников 1571 г. содержит сведения о вывозе в Москву из Любека многих тысяч талеров³⁰. Через Любек в Нарву и из Нарвы шли торговые корабли различных стран — гамбургские, французские, английские, голландские, шотландские, датские³¹. Значение Любека в XVII в. для импорта драгоценных металлов и монеты в Восточную Европу подчеркивает в своем специальном исследовании о морской торговле этого города с Россией Элизабет Хардер, использовавшая новые архивные материалы³².

Рассмотрев ранний этап ввоза талеров в Россию с конца 20-х гг. по 70-е гг. XVI в., нельзя обойти молчанием совершенно четко определяемую связь между началом импорта талеровой монеты и русской денежной реформой 1534—1535 гг. В результате реформы вместо чеканки русских денег из гривенки серебра на 2,6 рубля была введена трехрублевая стопа. В связи с этим вес монеты понизился с 0,77 г до 0,68 г, т. е. несколько более, чем на 11,5% (на 11,69%). Реформа объясняется в нумизматической литературе следующим образом: „Причиной уменьшения веса новых монет было, по-видимому, стремление уберечь их на первых порах от порчи в короткий период одновременного обращения их вместе со старыми. В дополнение к строгому запрещению обрезывания это могло быть нелишним. Кроме того, увеличение количества монет, выделяемых из гривенки серебра, делало для сдачиков серебра менее ощутимой разницу в количестве сданных и полученных денег при переливке, поскольку среди подлежащих ей старых денег, вследствие обрезки их было много неполновесных“³³. Уменьшение веса рассматривается как

наиболее обычное в таких случаях явление³⁴. Реформа происходила и была вызвана, вероятно, изменениями в ввозе серебра на территорию Русского государства. Как установил Г. Миквитц, смена ввоза слитков импортом талеров относится к концу 20-х гг. XVI в. В 30-е гг. указанного столетия эти изменения должны были достичь значительной глубины и сказаться так или иначе на русском монетном деле.

Прежде всего надо отметить, что в XVI в. и ранее слитковое серебро рассматривалось как чистое серебро³⁵. В записях таллинского купца О. Элерса 1536—1541 гг. фигурируют именно слитки чистого серебра³⁶. Причиной запрета русским купцам вести торговлю в Нарве в 1513 г. была продажа недоброкачественных товаров, прежде всего нечистого серебра³⁷. Двумя годами ранее, в 1511 г., в Любеке было принято постановление, по которому серебро, ввозимое из Ливонии в Россию, должно быть пробой не ниже 953, 125³⁸. Требование это было выше, чем в 1490 г., когда серебро, ввозимое в Россию, могло иметь пробу не менее 937,5³⁹. В 1549 г. в одном из документов подчеркивалось, что русским поставляется чистое серебро⁴⁰. Для нас представляет исключительный интерес запись таллинского монетного мастера, сделанная в мае или июне 1525 г., где сопоставляются проба и стоимость марки весового серебра и марки иоахимсталеров. По документу, составленному человеком, постоянно имеющим дело с серебром, его плавкой, пробированием и чеканкой монеты, любекская весовая марка очищенного серебра должна быть 16-лотовой чистоты и стоить 21 марку рижской монеты; весовая марка талерового серебра, соответственно — 15-лотовой чистоты, 20 марок рижской монеты⁴¹, т. е. теоретически проба весового (слиткового) серебра была 1000 и талерового 938,5. Однако здесь легко обнаружить вполне допустимую для того времени неточность. Практически чистое серебро тогда имело пробу 985,5⁴². Реальная же проба иоахимсталеров того времени — 931⁴³. Следовательно, проба талеров ниже пробы слитков на 54,5/1000 или примерно на 5,5%, цена же — на 5,2%. Однако величина угара при обработке этих видов монетного сырья различна. По расчетам И. Г. Спасского, базирующимся на данных „Торговой книги“, серебро в слитках, превращаясь в русские деньги, теряет около 7%, а различные ефимки от 15 до 25%⁴⁴. Если мы примем даже наименьшую величину потерь при переработке талерового серебра, т. е. 15%, то разница с потерями при работе со слитковым серебром составит примерно 8%. Эта цифра очень близка к норме снижения веса денги в 1534—1535 гг. Имеющаяся разница, возможно, в условиях 1534—1535 гг. могла почти вовсе исчезнуть, если иметь в виду рост цен на серебро. Если наиболее высокая стоимость марки весового серебра в 1527—1529 гг. составляла 20 1/2 марок рижских денег, то в 1533—1534 гг. она поднялась до 22. Иоахимсталиер стоил в Ливонии в 1528 г. 2 марки 29 рижских шиллингов, в 1533 г. — 3 марки и 1 шиллинг⁴⁵. Цена слиткового серебра выросла на 7,3%, талеров — на 7,9%.

Если ввоз слиткового серебра сменился ввозом талеров уже в конце 20 — начале 30-х гг. XVI в., то чем было вызвано упоминавшееся выше письмо Ивана IV и ответ на него Рижского совета? В универсале польского короля Сигизмунда Августа от 14 июня 1567 г. говорится о ввозе на территорию Польши большого количества плохих и легких новых талеров, которые отличаются от тяжелых старых монет⁴⁶. Когда же появились эти монеты, более легковесные или более низкопробные по

сравнению с ранними иоахимсталерами или саксонскими талерами? Если саксонский гульденгрошен в 1500 г. имел вес 29,23 г, пробу 938 и чистого серебра 27,41 г, в 1518 г. — 29,23 г — 931 — 27,20 г, то в 1534 г., при сохранении старого веса, проба была снижена до 903, вес чистого серебра стал 26,39 г. Иоахимсталиер в 1519—1547 гг. весил 29,23 г, имел пробу 931 и чистого серебра 27,20 г, а с 1547 г. — 29,23 г. — 895—1000, 26,16 г⁴⁷. В 1543 г. в Чехии начал чеканиться кутногорский талер весом в 28,93 г, пробы 925 и с содержанием чистого серебра 26,76 г. В 1547 г., при сохранении старого веса, проба кутногорского талера была снижена до 895, а содержание чистого серебра — до 25,89 г⁴⁸. В 1540 г. в Нидерландах начинает чеканиться серебряный гульден Карла V, имеющий вес 22,85 г, пробу 833 и чистого серебра 19,03 г⁴⁹. Он был введен в обращение ордонансом 7 апреля 1544 г.⁵⁰ Если шведский риксдалер 1534 г. весил 29,44 г, имел пробу 953 и чистого серебра 28,06 г, то риксдалеры, начатые чеканкой в 1542—1543 гг., соответственно — 29,25 г — 875 — 25,69 г⁵¹. Датский далер 1537 г. весил 29,232 г, имел пробу 906,25 и чистого серебра 26,491 г, а далер 1547 г. — 29,232 г — 890,625 — 26,035 г⁵². Если талеры ганзейских городов имели в 1519 г. пробу 937 и чистого серебра 27,405 г, в 1536 г. — 902,77 — 26,389 г, то в 1546 г. наблюдается дальнейшее снижение пробы и веса чистого серебра (895,83 и 26,187 г)⁵³. Таким образом, незадолго до письма Ивана IV Рижскому совету о плохом качестве ввозившихся талеров, в 40-х гг. XVI в. заметное понижение пробы и содержания чистого серебра в талерах происходило почти повсеместно, затронув важнейшие центры экспорта крупной серебряной монеты в Восточную Европу. Естествен и ответ Рижского совета, что сделать ничего нельзя, так как теперь ввозят не слитки (как это было сравнительно недавно), а талеры, чеканящиеся во многих странах (т. е. на основе различной монетной стопы).

Появление местного названия для иностранной монеты — свидетельство ее достаточно глубокого внедрения в экономическую жизнь страны. Как правильно отметил Ф. Ф. Гейтц, слово „ефимок“ встречается в русских источниках с середины XVI в.⁵⁴ В жалобе псковского гостя Прокофия посадникам и судьям кольванским, датируемой 20 августа 1554 г., говорится, что у него украли „сто яфимков и семнадцать“⁵⁵. В городских денежных записях Вены талеры появляются в 1531 г., а в г. Кремсе — в 1539 г.⁵⁶ в Скандинавии наиболее рано талер упоминается в датских источниках: в 1528 и 1530 гг. (jochimdaler), в 1534, 1535 (jochemdaler), а также перед 1543 г. Упоминается он и в других северных странах как jochimsdaler, jasondall, jacobdaler⁵⁷. В одном из русских источников, предположительно составленном до 1540 г., встречается слово „юхондан“, которое Ф. Ф. Гейтц, на наш взгляд, правильно связывает с народным эстонским названием иоахимсталера⁵⁸. Н. П. Бауер выводит русское „ефимок“ из польского „иоахимик“. Вероятно, ему следует М. Фасмер⁵⁹. Надо полагать, что ранние иоахимсталеры поступали в Россию через Лейпцигские ярмарки⁶⁰. Путь от Лейпцига до России мог лежать через Польшу, из которой, по свидетельству Барберини, привозили большое число талеров. В начале XVI в. новгородские и смоленские купцы посещали ярмарки в Люблине⁶¹. Металлы, в том числе серебро, поступали в Люблин главным образом из Познани⁶². Таможенные записи Познани первой четверти XVI в. и более позднего времени свидетельствуют о связях с Лейпцигом⁶³. Роль польских купцов на

Табл. I

1 — воакмисталер; 2 — немецкий рейхсталер (после 1566 г.). Любек, 1568 г.; 3 — шведский риксдалер 1573 г.; 4 — патагон, Брандент, 1616 г.

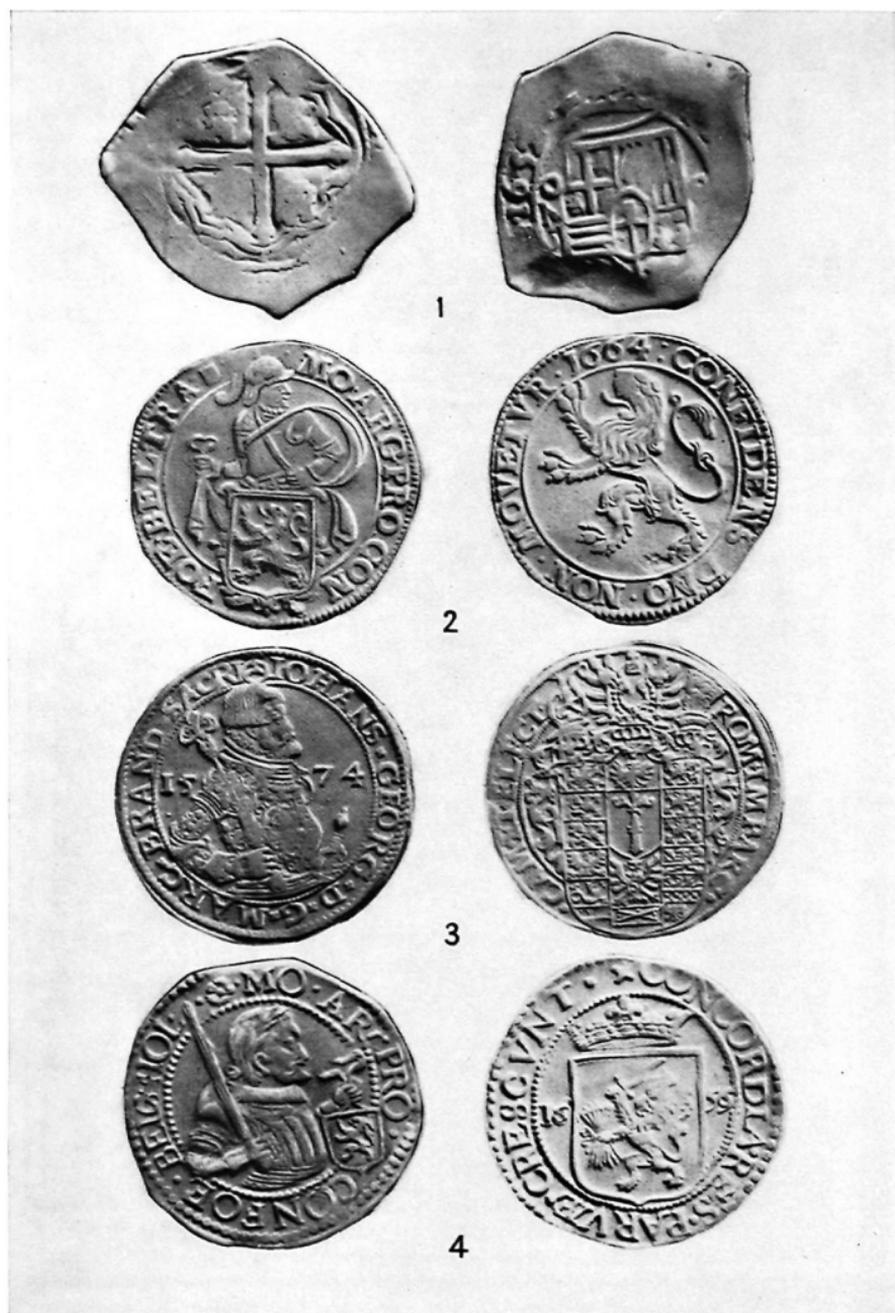

Табл. II

1 — испано-американские 8 реалов (песо) 1652 г.; 2 — левендаальдер, Утрехт, 1651 г.; 3 — бранденбургский талер 1574 г.; 4 — голландский рейксдаальдер 1659 г.

Лейпцигских ярмарках была весьма значительна⁶⁴. Однако не менее прочные связи с Лейпцигом имел Любек⁶⁵. В Польше термин „ноахимик“ не был распространен, обычное название монет — „талар или талер“⁶⁶. Немецкое название Jochimsdaler (Jochendaler) на территории Эстонии превратилось, как мы уже знаем, в юхондан, т. е. сравнительно редкое Joachimstaler было воспринято как распространенное Juchan. В Латвии слово Joachimstaler превратилось в juckumadahleris⁶⁷. Среди русских сравнительно редкое имя Иоахим трансформировалось в достаточно распространенные Ефим, Ефимок. Примером такой замены может служить замена имени члена шведского посольства в Россию в 1674 г. Иоахима фон Лилленгофа, называющегося в русских источниках Ефимом⁶⁸. Таким образом, французское „жюкондаль“, польское „ноахимик“, скандинавское „якобсдалер“, эстонское „юхондан“, латышское „юкумадалерис“ и русское „ефимок“ возникли не путем взаимовлияний, но, вероятно, вполне самостоятельно, имея общую основу в немецких названиях XVI в. Jochimsdaler, Jochimsdaler или латинском термине *punus Joachimicus*.

Продолжающийся в конце XVI в. и в течение всего XVII в. наплыв талеров вызвал появление местных, русских, названий и разновидностей, которые объяснены не совсем точно или вовсе не объяснены нумизматами и лингвистами. Если слово „ефимок“ обозначало сначала преимущественно ноахимсталер, затем рейхсталер, то с конца XVI — начала XVII в. ефимки — название талеровой, т. е. крупной серебряной, монеты, нередко требующее дополнительного пояснения. Так, „Торговая книга“ различает „старые“ и „новые“ ефимки⁶⁹. Цитированный выше универсал Сигизмунда Августа 1567 г. также выделяет старые, более тяжелые талеры. В нижнесаксонских вальвационных таблицах 1572 г. перечень талеров озаглавлен: „Die guten Alten und Newen Taler welche Heiligen Reichs Münzordnung nach in der Prob bestanden und Gemess gefunden“, т. е. добрые старые и новые талеры, которые по пробе и весу соответствуют имперским монетным постановлениям⁷⁰. Такое же название имеет раздел талеров вальвационной таблицы, напечатанной в Лейпциге в 1583 г. Иногда, для того чтобы подчеркнуть, что речь идет о целых (а не о серебряных гульденах или полуефимках) и полновесных талерах, к слову „ефимок“ добавлялось пояснение „большой“⁷². С начала XVII в. появляется термин „люпский“, „любский“, т. е. любекский ефимок. Среди талеров, сданных в 1611 г. на Новгородский монетный двор, 10232 любских ефимка⁷³. В 1615 г. в приходо-расходной книге нижегородской четы среди других разновидностей ефимков названы любские⁷⁴. В росписи казны русской церкви в Таллине, составленной в мае 1619 г., упомянуты „сорок один яфимок любских“⁷⁵. Более поздние источники, где говорится о любских ефимках, весьма многочисленны и достаточно хорошо известны. В нумизматической литературе термин „любские ефимки“ объясняется по-разному. С. И. Шодуар считал, что это талеры г. Любека⁷⁶. Н. П. Бауер полагал, что „любские“ охватывают все немецкие талеры⁷⁷. По сути дела, такого же мнения придерживается И. Г. Спасский, который пишет, что „любские (любекские) составляли наиболее широкую группу, складывавшуюся из десятков разновидностей талеров главным образом германских государств“⁷⁸. При таможенных сборах любские принимались по 14 экземпляров на фунт, т. е. каждый ефимок весил в среднем 29,25 г⁷⁹. Вес, требовавшийся

обычно от любских ефимков на русских таможенных, совпадает с весом рейхсталера, чеканившегося по закону 1566 г., — 29,23 г при пробе 889 и содержании чистого серебра 25,98 г⁸⁰. Однако, если рассматривать „любские“ только или преимущественно как немецкие талеры, выпадут важнейшие для русской экономики группы талеров, например, голландские. Немецкие рейхсталеры вызвали ряд подражаний в других странах⁸¹. Шведский риксдалер 1542—1543 гг. имел вес 29,25 г, пробу 875, вес чистого серебра 25,60 г; в 1569 г. при сохранении старого веса риксдалер получил более высокую пробу (891) и содержание серебра (26,05 г)⁸². Датский ригсдалер в 1537 г., как уже было сказано выше, имел вес, равный 29,232 г, пробу 906,25 и вес чистого серебра — 26,491 г. В течение XVI—XVII вв. вес чистого серебра в ригсдалере не опускался ниже 25, 28 г⁸³. С 1580-х гг. начали чеканиться голландские рейксдальдеры нескольких типов. В 1586—1597 гг. — весом 29,24 г, 888-й пробы, с содержанием чистого серебра 25,965 г (Leicestersrijksdaalder), и в 1606—1700 гг. — весом 29,03 г, 885-й пробы и весом чистого серебра 25,691 г (Nederlandse rijksdaalder)⁸⁴. Таким образом, под любскими ефимками следует понимать большую группу монет, чеканных по стопе немецких рейхсталеров (или близкой к ней) и носивших, по сути дела, одинаковые названия (Reichstaler, Rigsdaler, Riksdaler, Rijksdaalder), хотя и выпускавшихся в разных странах.

Из наиболее часто встречающихся в русских источниках наименований талеров надо отметить „крестовые“, или „крыжовые“, ефимки. Это русское название — калька с немецкого слова Kreuztaler. Название „крыжовые“ подчеркивало, что на талере изображен католический „латинский“ крест — крыж⁸⁵. В литературе нет разногласий по поводу того, что крестовые ефимки — это патагоны или альбертусталеры, однако неверно, что их „обильная чеканка... началась... в конце XVI в.“⁸⁶ Характерно, что ни в „Торговой книге“, ни в упомянутом списке сданных в 1611 г. на Новгородский монетный двор талеров крестовые ефимки не названы. Но в 1615 г. ими уже платят таможенникам Кольского острога. Это вполне понятно, так как патагоны (альбертусталеры, крейтталеры) начали чеканиться только с 1612 г. Они имели вес 28,10 г, пробу 875 и чистого серебра 24,587 г (т. е. почти на 1,5 г меньше, чем рейхсталеры)⁸⁷. По изображению на одной из своих сторон так называемого бургундского креста патагоны похожи на „бургундский“ талер Филиппа II, чеканившийся в 1567—1571 гг., имевший вес 29,38 г, а пробу 892 и, таким образом, не отличавшийся от рейхсталеров. Число выпущенных бургундских талеров сравнительно с огромными эмиссиями патагонов не велико, и можно с уверенностью сказать, что русское название „крестовые ефимки“ относится только к последним. В Латвии крестовые ефимки получили название Krusta dalderis. Им обозначались только альбертусталеры⁸⁸. С 1659 г. в Голландии чеканился по стопе альбертусталеров серебряный дукат, весивший 28,25 г и имевший пробу 873⁸⁹. Крестовые ефимки получили широкое распространение. Так, челобитная 1653 г. рассказывает, что среди пропавшего при ограблении имущества старца Арсения, возвращавшегося из Иерусалима через Дагестан, было 260 ефимков крестовых⁹⁰. Не совсем точно встречающееся в литературе утверждение, что после 1649 г. покупка крыжовых была правительством запрещена, так как было признано, что качество их ухудшилось⁹¹. Предупреждение таможенным властям, что патагоны не

следует покупать, потому что крыжовые ефимки „учали делать с медью“, делалось не только в 1649 и 1654 гг.⁹² Оно снова повторено в наказной памяти, составленной 9 мая 1667 г.⁹³ Надо полагать, что эти предупреждения касались фальшивых патагонов, так как вес и проба патагонов, чеканенных при Филиппе IV (1621—1665), не изменились⁹⁴. Известно об изготовлении приблизительно в этот период фальшивых патагонов в Тур а Глер в Люксембурге⁹⁵. Поэтому встречающиеся запрещения, вероятно, нужно рассматривать лишь как единовременные. В 1649 г. крестовые ефимки, как обычно, поступали в таможи Архангельска и Холмогор⁹⁶. Известно, что в 1651 г. крестовые ефимки принимались таможенниками в Архангельске⁹⁷. В этом же году совершались с их помощью торговые сделки⁹⁸. Среди ефимков с русской надчеканкой 1655 г. есть достаточное количество крестовых, в том числе чеканенных в 1654 г.⁹⁹ Нам кажется, что исчезновение названия „крестовых“ из официальных русских источников второй половины XVII в. не следует объяснять тем, что стали привозиться и приниматься только любские. Рейхсталер, как мы уже знаем, имел пробу 889, шведский риксдалер XVII в. — 878, голландские рейксдаальдеры — 885, т. е. очень близкую к пробе патагонов (875). К середине XVII в. складываются особые условия для слияния крестовых ефимков с любекскими. Около 1648 г. началась чеканка русских денег из ефимочного серебра, и вопрос о незначительной разнице в пробе не был так остр, как ранее, когда приходилось серебро очищать. Но зато источники настойчиво говорят о приемке талеров в вес, иногда добавляя „в довески“, как это подчеркивает торговый устав 1653 г.¹⁰⁰ При приеме 14 ефимков на фунт „с довесом“ исчезла разница между столь близкими по пробе рейхсталерами (любскими) и патагонами. Аналогичный процесс уравнивания в стоимости рейхсталера и патагонов можно наблюдать на территории Ливонии. Если до 1627 г. рейхсталер оценивался здесь в 90, а альбертусталер (патагон) в 86 грошенов, то с 1627 г. монета получает название рейхсталер-альбертус и устойчивый курс в 90 грошенов¹⁰¹.

Одновременно с первым потоком ноахимсталеров ввозились испанские, а затем испано-американские „реалы“, т. е. талерова монета в 8 реалов (песо). Песо де а око рождено еще постановлением 1497 г., но настоящая чеканка началась только при Карле I (1516—1556), при нем же началась чеканка этих монет в американских владениях¹⁰². Кроме монет регулярной чеканки, из-за океана ввозились песо грубой угловатой чеканки, которые назывались *Masquina* (слово, объясняемое как название металла, добытого незаконным путем из покинутых рудников), в Испании — *Moneda cortada* (т. е. угловатая), у немцев — *Schiffspeso*, т. е. корабельное песо (по преданию, чеканенное на испанских кораблях на пути из Америки в Испанию). Наиболее правдоподобное объяснение угловатости монет и плохой техники их чеканки состоит в том, что макушки чеканились не на регулярных монетных дворах, а владельцами рудников, которые должны были добытый металл сразу превратить в монету и сдать королевским властям¹⁰³. Проба испанских и испано-американских песо достаточно высока. По данным Х. Г. Медини, песо, чеканенные в Мехико при Филиппе II (1556—1598), весили 27 г, имели пробу 931 и чистого серебра содержали 25,137 г. Те же показатели характерны и для времени правления Филиппа IV (1621—1665)¹⁰⁴. Немецкий монетный мастер Захарий Гейцкофлер в 1607 г. утверждал, что

значительная часть чеканки в Тироле, славившемся своими серебряными рудниками, идет не за счет добытого металла, а за счет переработки испанских песо (Spanisch Real-Silber)¹⁰⁵. Песо были достаточно распространены в Грузии¹⁰⁶, Турции, где они ценились несколько выше голландских левендаальдеров¹⁰⁷. Персидский шах Аббас в 1603 г. дарит императорскому послу Стефану Какашу 900 немецких и испанских талеров¹⁰⁸. За верблюдов при путешествии от Гиляна до Ормуза, по свидетельству Родеса, расплачиваются реалами¹⁰⁹. Еще во второй четверти XVI в. значительное количество реалов (т. е. песо) поступает в Таллин¹¹⁰. Среди 7500 талеров, находившихся на четырех голландских кораблях, направлявшихся в Нарву и захваченных недалеко от Таллина, было 200 испанских реалов¹¹¹. В 1590-х гг. Московской компании английских купцов было разрешено вывезти в Россию 500 фунтов в реалах и талерах за рожь, которая была там приобретена¹¹². В 1598 г. ганзейские купцы жаловались в Любеке, что в Пскове, как и раньше, их заставляют платить талерами или реалами¹¹³. На Новгородском монетном дворе в 1611 г. среди преобладающих любекских названы и 410 ефимков рьяльских. Нашлись они в 1619 г. и в казне русской церкви в Таллине¹¹⁴. Шведский резидент в Москве Петр Леофельд в своих письмах 1643—1669 гг. пишет о ввозе через прибалтийские портовые города в Новгород и Псков различных товаров, а также на крупные суммы рейхсталеров и испанских реалов¹¹⁵. Савари в своем известном торговом словаре, изданном в 1674 г., пишет, что пошлины в Архангельске берутся в дукатах, талерах и монетах в 8 реалов¹¹⁶. „Торговая книга“, как ни удивительно, не называет испанские песо, а знает лишь итальянские ефимки, которые „весом полегче, а серебро в них чистотою, как в больших же“¹¹⁷. „Наравне со старыми любскими ценились более редкие рьяльские или итальянские. Эта группа объединяла итальянские талеры и испанские монеты в 8 реалов“, — пишет И. Г. Спасский, имея в виду терминологию „Торговой книги“¹¹⁸. В другой своей работе он выделяет в качестве наиболее вероятных для этой группы итальянские монеты, прежде всего тосканские таллеро¹¹⁹. Эти справедливые предположения подтверждаются тем, что в ряде итальянских городов чеканились талеры по стопе испанских песо. Тосканские таллеро также были такими монетами. Перечисленные выше высказывания о реалах несколько меняют наше представление о роли этой монеты в России XVI—XVII вв.; она значительнее, чем думали раньше. Такой вывод подтверждается и монетными находками. В 1970 г. при строительных работах в Ипатьевском переулке в Москве был найден клад из 3398 талеров. Предварительный просмотр монет клада показал, что часть их — испанские песо, но большинство составляют монеты испано-американского происхождения. Кроме монет в 8 реалов, имеются монеты в 4 реала, а также значительное число корабельных песо. Клад зарыт после 1627 г.¹²⁰ В 1972 г. клад аналогичного состава был найден в с. Коломенском под Москвой¹²¹. Не выяснен состав клада, найденного в 1941 г. в с. Бородино. Большие серебряные монеты с крестами и именем Филиппа не обязательно должны были быть нидерландскими патагонами Филиппа IV, но могли являться испанскими или испано-американскими монетами в 8 реалов одного из правителей с именем Филипп¹²².

Вероятно, большее значение, чем принято думать, для экономики России XVII в. имели левендаальдеры — голландские талеры, чеканив-

шися как провинциальные монеты с 1575 г. и как общегосударственные с 1606 г. Вес левендаальдеров — 27,68 г, проба 750, вес чистого серебра, следовательно, 20,76 г ¹²³. Левендаальдеры чеканились в огромных количествах, были широко распространены на Украине, Белоруссии, Закарпатье, Ближнем Востоке ¹²⁴. Левендаальдеры вызвали чеканку многочисленных подражаний и фальшивых монет. Особенно много подражаний изготовлялось в Италии — в Модене, Корреджо, Саббьонете, Маканьо, Боццоло, Лоано, Фринко, а также в Дании, в Рагузе, графами Ритберг. В 1673 г. бранденбургский обермюндиректор и монетный мастер в Кроссене Николай Гилли предложил тайно изготовить для России, татар и Турции большое количество левендаальдеров. Монеты были отчеканены якобы по весу и пробе голландских ¹²⁵. Подражания были все же более низкопробными, чем подлинные левендаальдеры, не говоря уже о фальшивых монетах, среди которых встречались медные, плакированные серебром ¹²⁶. Низкая проба этой группы монет, носивших название левендаальдеров, вызвала попытки запрета использовать их при торговых сделках. Шведское правительство в 1648—1650 гг. вело по этому поводу переговоры с Ригой. Представители Риги настаивали на приеме левендаальдеров по свободному курсу, считая, что это незаменимый товар для торговли с Россией или Литвой, которые перепродают левендаальдеры в Турцию ¹²⁷. В 70-е гг. XVII в. Рига упорно продолжала держаться своей точки зрения, хотя шведская королевская казна не принимала от нее платежей левендаальдерами ¹²⁸. Позиция Риги и само содержание рижско-шведской дискуссии говорят не только об импорте левендаальдеров в Россию, но и об основной цели его: реэкспорте в пограничные страны Востока. В России левендаальдеры, как известно, носили название левков. В конце XVII — начале XVIII в. неоднократно в источниках упоминается „левковое серебро“. В 1650 г. среди товаров моголевского торгового человека Семена Мартынова было „3000 левков“ ¹²⁹. О левках на Украине и в России и даже об их стоимости говорит Павел Алеппский ¹³⁰.

В русских источниках XVI—XVII вв. встречается еще несколько названий талеров, уточняющих характер монеты.

В XVI, а затем и в XVII в. упоминаются „свейские“, или „свицкие“, т. е. шведские талеры ¹³¹. „Торговая книга“ так описывает известную ее составителью группу шведских талеров. „А свицкие ефимки—плешивцы, сказывают весом немалы, а в иных есть нечисть, и надобе их имати в вес четвертью денег меньше“ ¹³². Такое оригинальное название ефимков можно связать с далерами конца 1580—1590-х гг. Карла IX, герцога Сёдерманладского, на которых Карл действительно изображен лысым. Среди ефимков, собранных в 1615 г. в качестве таможенного сбора в Кольском остроге, были ефимки „сабельные“ ¹³³. Учтывая дату и происхождение источника, это название можно предположительно отнести к шведским далерам Юхана III (1569—1592), Сигизмунда (1592—1599) и Карла IX (1599—1611), на которых был изображен правитель с мечом. Но не исключено, что под „сабельными“ ефимками понимались не шведские, а голландские даальдеры с изображением воина с мечом (так называемые нидерландские рейсдаальдеры), чеканившиеся в 1606—1700 гг. На территории Латвии эти даальдеры получили название skēraini dālderī или skehpju nauda (немецкое Schwerttaler, Schwertgeld), т. е. мечевых талеров или мечевых денег ¹³⁴. В записи переговоров

русских послов со шведским правительством в июле 1649 г. упомянуты „7 ефимков любских да 20 белых“, которые „насильством“ были взяты у олонцкого посадского человека Дорофейки Трофимова¹³⁵. Ближайшую аналогю снова можно обнаружить в Ливонии, связанной торговыми отношениями как с Россией, так и со Швецией. Здесь белыми талерами называли бранденбургско-прусские. Бранденбургские талеры были достаточно широко распространены и вызвали чеканку подражаний во многих итальянских городах, как Тассороло, Корреджо, Дезана, Флоренция, Мантуя, Мессерано, Модена¹³⁶. Легко расшифровывается название „цезарские (цысарские) ефимки“, встречающееся в ряде русских источников¹³⁷. Это *Kaiserliche Taler*, т. е. императорские талеры, чеканенные на территории „священной Римской империи“, нередко на территории Австрии. К этому названию близко и другое: „орловые ефимки“. В „отписке“ из Кольского острога 1615 г., а также, вероятно, у Павла Алеппского, они фигурируют как „полновесные орлиные реалы“¹³⁸. Сложнее упоминаемый в одной из грамот 1654 г. термин „ульянские“ ефимки¹³⁹. Распространенное среди англичан имя „Уильям“ писалось в русских источниках как „Ульян“ и в связи с этим под „ульянскими“ можно понимать английские кроны, но, вероятнее всего, это искаженное слово „голландские“.

Наконец, кроме уже упоминавшихся свейских и любских, источники называют ефимки „лятские“ (т. е. польские), „аглинские“ (английские), анбурские (гамбургские)¹⁴⁰.

Говоря о ефимках с поддельными клеймами 1655 г., И. Г. Спасский ссылается и на то, что «даже состав „сырья“ — множество левков и гульденов, в Москве *в те годы еще почти неизвестных*, (курсив мой.— В. П.) противоречит этому»¹⁴¹. Мы уже видели, что в середине XVII в. левки должны были ввозиться в Россию в значительных количествах. Источники свидетельствуют и о достаточно хорошем знакомстве с гульденами. Уже составители „Торговой книги“ знают и голландские стойверы (стюверши), и гульдену. Гульден весил 6 алтын и 4 деньги¹⁴². Голландские серебряные гульдену (флорины), равные 28 стойверам, чеканились с 1601 г., весили по 17,30 г, имели 765 пробу, содержали чистого серебра 13,234 г. С 1617 г. одновременно с прежним чеканился новый тип гульдена, весившего 19,50 г, но имевшего более низкую пробу — 673¹⁴³. Конечно, в „Торговой книге“ речь может идти только о более ранней разновидности гульдена. Вновь голландские гульдену упоминаются в источниках 1667—1668 гг. в делах о постройке корабля „Орел“, где плата мастерам исчисляется в смешанном счете на гульдену и русские деньги (например, 15 гульденов 5 алтын)¹⁴⁴. В 1698 г. голландский гульден приравнивается, как и прежде, к 20 копейкам¹⁴⁵. В 1643 г. в Вязьме у могилевских купцов Власова и Емельянова были украдены деньги, среди которых находились золотые червонные, ефимки, „да золотковых 23 ефимка“¹⁴⁶. Польские злотые были счетной единицей, злотувки (30 грошей) появляются только через два десятилетия. Но на территории Белоруссии нередко встречаются голландские гульдену, гульдену городов Зволле, Девентера, Эмдена¹⁴⁷. Не исключено, что это были так называемые немецкие рейхсгульдинеры, которые равнялись 60 крейцерам и начаты были чеканкой еще по имперскому закону 1559 г. Их первоначальный вес был 24,62 г (чистого серебра 22,91 г). Немецкое название рейхсгульдинеров также *Guldentaler*, и вы-

ражение „золотковые ефимки“ явилось бы в таком случае дословным переводом западного термина.

Существуют две точки зрения на значение талеров в русском денежном обращении. Одна, защищавшаяся С. И. Шодуаром и Ф. Ф. Гейтцем, исходит из допущения участия этих монет в русском денежном обращении XVI—XVII вв. Другая, в некоторой степени предостерегающая Д. И. Прозоровским, особенно твердо сформулирована в наше время И. Г. Спасским: „Встречающееся в исторической литературе утверждение, что в XVI и XVII вв., в частности непосредственно перед осуществлением реформы Алексея Михайловича, западноевропейские талеры участвовали в русском внутреннем обращении, является плодом недоразумения. Бесплезно искать упоминания о ефимках — так называли в России XVI—XVII вв. западноевропейские талеры — в каких-либо русских документах первой половины XVII в., связанных с торговыми оборотами на внутреннем рынке, да и любыми другими платежами обычного порядка. Можно лишь встретить отдельные упоминания о жалованье, выдававшемся иностранцам в талерах, причем и тут далеко не всегда ясно, какая реальная монета выдавалась... Для России XVI—XVII вв., не имевшей собственного серебра, хорошо знакомый ей ефимок-талер был только товаром, традиционной формой приходившего из Западной Европы серебра — сырья...“¹⁴⁸

В доказательство этого тезиса приводится то, что в русских кладах XVI—первой половины XVII в. талеры отсутствуют, что более всяких мер действовали соображения прямой экономической выгоды использовать талеры только как сырье¹⁴⁹. Рассмотрим фактический материал, который позволил бы присоединиться к той или другой концепции.

В настоящей статье у автора нет возможности проследить все важнейшие юридические акты, регулировавшие ввоз и вывоз драгоценных металлов, прежде всего серебра в любом качестве: в виде лома, вещей или монет. В XVI в. и еще в начале XVII в. „серебро-товар могли беспрепятственно приобретать для своих весьма определенных надобностей русские торговые люди“, но „с конца 40-х годов ефимки становятся заповедным товаром“, результатом чего было установление „монопольного права государства на закупку серебра у иностранцев“¹⁵⁰. Регулировать торговлю серебром пытались, можно сказать, все правители всех государств XVI—XVII вв. Однако драгоценные металлы, особенно в монетовидной форме, обладают исключительной портативностью, предоставляют владельцу возможность надежно их спрятать, повсеместно пользуются спросом. Вероятно, это только часть причин, которые делали в значительной мере безрезультатными многочисленные и грозные предупреждения, ограничивающие торговлю и транспортировку серебра. Сошлись только на запрещения покупки серебра из основной страны-поставщика этого металла для России того времени, из Германии¹⁵¹. Еще в 1551 г. рейхстаг в Аугсбурге грозил конфискацией всего имущества за вывоз или продажу серебра за пределы империи¹⁵². В 1571, 1573 гг. строго запрещался вывоз как монеты, так и необработанного серебра¹⁵³. Ювелирам запрещалась торговля серебром и покупка благородных металлов сверх потребности (1604, 1620, 1622 гг. и т. д.)¹⁵⁴. Широко известны запреты вывоза драгоценных металлов из островной Англии. Отсутствие английских кроун среди контрамаркированных ефимков и в кладах Восточной Европы привело даже к заключению, будто

это „неоспоримо“ свидетельствует, что „законодательный запрет вывоза ее (английской монеты.— В. П.) из Англии на континент был вполне действенным“¹⁵⁵. Однако имеются сведения конца XVI в., говорящие о противоположном. Герцог Лüneбургский, жалуясь на вывоз драгоценных металлов из Германии, отмечает тщетность мер, предпринимаемых в этом отношении в Англии¹⁵⁶. Таким же образом, как свидетельствуют источники и первой и второй половины XVII в., на территории Русского государства в нарушение установленных правил велась оживленная пограничная торговля, совершались сделки в обход таможен и т. п. В 1620 г. новгородский воевода Д. И. Мезецкий, обосновывая необходимость постройки шведского гостиного двора, писал о „немецких торговых людях“: „Оне, приезжая, в таможенной избе товары свои объявляют, которые на возех, а которые, государь, товары мелкия, *ефимки* (курсив мой.— В. П.) и золото цевочное и серебро и жемчуг и деньги старые, и всякие мелкие товары, которые им утаить мочно, привозя в Новгород, на подворьях таят и продают их у себя по подворьям тайно, а у новгородцов, государь, у торговых людей мелкия всякия товары сами покупают для таможенных пошлины, по тому ж тайно“¹⁵⁷. В 1628 г. Посольский приказ сообщал, „что ладожские торговые люди и олончане и сермакшане в Новгородском и в Ладожском уездах и в Заонежских и в Лопских погостех мимо нашего указу закупают многой хлеб и отвозят на продажу в немецкие города, и зарубежные люди приезжают к ним в Великий в Новгород...“¹⁵⁸ Уже в следующем году снова поднимается вопрос о беспошлинной торговле и по городам и по деревням Новгородского, Порховского, Старорусского уездов¹⁵⁹. В 1622 г. царский наказ вновь назначенным воеводам в г. Вязьму предупреждал: „... а вяземским всяким людям заказатиж накрепко, чтоб они литовским купцом заповедных товаров, меду, воску, и вина, и хлеба и рыбы, и мяса, и соли, не продавали и денег бы, и золотых, и ефимков, за рубеж не пропускали, однолично, никакими мерами“¹⁶⁰. Аналогичное распоряжение было в наказе 1628 г. торопецкому воеводе¹⁶¹. В 1640 г. великолукский воевода пишет о самовольном проезде купцов из Витебска, Полоцка и Усвята мимо таможенных застав в Старую Руссу, Торопец, Холм¹⁶². В 1647—1651 гг. источники неоднократно сообщают о беспошлинной торговле на Семлевском рубеже, в которой принимали активное участие жители Вязьмы, Ржева и даже Москвы¹⁶³. Многочисленны сведения о беспошлинной торговле в Архангельске и Холмогорах во время прихода иностранных кораблей¹⁶⁴. Вот как рассказывается об этом в документе в 1667 г.: „Да иные заморские немцы, приехав к Архангелскому городу, посылают на Колмогоры прикащиков своих русских людей и немец, которые на Руси живут, и сами ездят, в таможне не являсь, у города на Колмогорах покупают тайно всякие товары, а иные иноземцы с корабли пристават по морским местам, не являя у города, для того, чтоб им у волостных людей покупать рыбу, и сало, кожи, и воск, и всякие товары, а с того товару немцы и всякие русские люди пошлин не дадут“¹⁶⁵. Примерно такую картину рисует и один из разделов челобитной русских торговых людей, составленной сорока годами ранее, в 1627 г.¹⁶⁶ Элизабета Хардер, автор монографии о морской торговле Любека с Россией в XVII—XVIII вв., пришла к выводу, что значительная часть благородных металлов шла контрабандой, которую при ввозе в Россию было труднее учесть, чем при ввозе

в Любек¹⁶⁷. Русские торговые люди, возвращаясь из-за рубежа, также пытались обойти таможенные заставы, а иногда даже прорваться через них силой¹⁶⁸. Движение ефимков могло происходить не только от пограничных областей в глубь России, как это может показаться с первого взгляда. Прекрасно разбирающийся в общерусских и зарубежных делах, псковитянин по происхождению, А. Л. Ордин-Нащокин так обосновал в 1665 г. необходимость возобновления деятельности монетного двора в его родном городе: „И для беспомешные торговли и скорые розделки в товарах меж рускими людьми и к великому сбору денежные казны быть во Пскове денежному двору... и сего ради *приезжие русские люди отвозить ефимков не учнут в розные порубежные города* (курсив мой.— В. П.), а для добрыя цены у кого сколько ефимков и сверх трети указныя учнут отдавать ефимки во Пскове на денежный двор, и прибыль учинетца из фунтов великого государя казне большая“¹⁶⁹. Сложность контроля за торговлей драгоценными металлами, беспощинная, особенно порубежная торговля содействовали тому, что часть ефимков оставалась у населения.

Интересен в этом отношении сенатский указ 1711 г. о продаже ефимков и старых денег в Купецкую палату. „Всяких чинов людям объявить его Великого государя указ: чтоб они ефимки, серебро, какое у кого есть, и в слитках, также и старые деньги приносили на продажу в Купецкую палату, которая на Красном Большом Денежном дворе без опасения. А им за те ефимки и серебро и старые деньги даны будут деньги по настоящей цене без задержания, а имен их при той покупке записывать не будут“¹⁷⁰. Надо думать, что указ предполагал сбережения в виде ефимков, серебра и старых денег не только за первые 11 лет XVIII в., но и за более раннее время.

Перейдем теперь к вопросу об экономической выгодности перечекивания талеров в русскую монету, предварительно отметив, что использование талеров в качестве сырья на монетных дворах вовсе не было только русским явлением. Выше уже говорилось об использовании испано-американских „реалов“ (песо) как сырья в богатом серебряными рудниками Тироле¹⁷¹. Герцог Ульрих Мекленбургский был автором специального протеста, составленного в 1571 г., против вывоза талеров из Нижней Саксонии в Россию, Ливонию, Польшу, Пруссию, Данию, Нидерланды, где они бросаются в тигель, чтобы изготовить мелкую местную монету¹⁷². В 1607 г. в одном из источников встречается упрек венским и пражским купцам, вывозящим хорошую монету в Польшу для перечекивания¹⁷³. В 1604 и 1617 гг. раздаются жалобы о вывозе из Германии талеров в Англию и Швецию¹⁷⁴. В середине XVII в. в Ливонии известны попытки запрещения переплавки талеров для чеканки мелкой монеты, которые оказались безуспешными. Ограничения коснулись лишь шведских талеров¹⁷⁵. Использование талеров для чеканки шиллингов приносило доход от 8 до 10%¹⁷⁶. В Бранденбурге в середине XVII в. значительно труднее было купить серебро для чеканки в Гамбурге, чем прибегнуть к переплавке талеров¹⁷⁷. Плавил талеры для этой же цели в Саксонии и Брауншвейге. Этим занимался и сам император¹⁷⁸. Прибыль от чеканки при использовании талеров оценивалась примерно в 15%¹⁷⁹. В основном на переплавку шли немецкие рейхсталеры и нидерландские талеры. В конце XVII в. это были более высокопробные старые талеры¹⁸⁰. Переплавлялись десятки тысяч монет¹⁸¹.

То, что ефимки в России большей частью принимались на вес, также не является специфической особенностью экономической жизни Восточной Европы. В период античности и средневековья, а также и позже монеты для проверки взвешивались, что было одним из способов установления их подлинности, упрощения расчетов при крупных сделках¹⁸². Золотые и серебряные монеты при больших платежах рекомендовалось взвешивать. Об этом говорит в своей „Политической речи о монетном деле“ в 1601 г. Пауль Вельзер и в 1607 г. имперский монетный мастер Захарий Гейцкофлер¹⁸³.

Как упоминалось выше, одним из основных аргументов, подтверждающих невозможность вовлечения талеров в денежное обращение Русского государства XVI—XVII вв., является якобы экономическая невыгодность для русского населения использовать эти монеты, тезис о „постоянной, надежной выгоде превращения поступавших в страну талеров в копейки“ и что „именно это пуще каких бы то ни было запретов делало невозможным — по очевидной невыгодности — обращение талеров в России как тогда, когда еще существовало право свободной чеканки, так и после установления монопольного права государства на закупку серебра у иностранцев“¹⁸⁴. Для того, чтобы проверить правильность такого утверждения, обратимся к данным таблицы о курсе талера в XVI—XVII вв.

Данные таблицы позволяют сделать ряд наблюдений, ценных для решения вопроса о роли талера в России. Указной курс рейхсталеров (любских ефимков), судя по данным, собранным в таблице и отраженным в специальных постановлениях, указах, может быть представлен следующим образом. Семидесятые годы XVI в. — 1600 г. — 33,3 копейки; около 1600—1610 гг. — 36 копеек; позже, после 1610 г. до конца XVII в. — 50 копеек. Но даже правительственный курс талеров не был единым. Уже Д. И. Прозоровский более ста лет назад различал реальную стоимость талера, его курс при продаже товаров и при покупке в казну. Так, по его расчетам „польский талер в 1667 году стоил полною ценою 60 коп., заменною 56 коп., и покупною 47 к.“¹⁸⁵. Существовала и еще одна официальная расценка талера при выдаче царской денежной ссуды тому или иному купцу. „И государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии пожаловал ярославцу Антону Лаптеву, 1000 рублей дана, а на те деньги покупать ему в Ярославле и на Костроме хлеб и просо и мяса на свое имя и продовать... в немецких в свейских городах своим же имянем, а за деньги поставить ему ефимки любские, по 13 алтын по 2 денги ефимок“¹⁸⁶. Аналогичное разрешение было дано Антону Лаптеву двумя годами ранее в 1651 г.¹⁸⁷ То есть ефимки должны были сдаваться в казну по 40 копеек. В литературе высказывалось сомнение в правдивости показаний Г. Котошихина о цене ефимка в 42—40 копеек¹⁸⁸, однако источники подтверждают, что такая цена также существовала. Кроме официальных, правительственных цен на талеры существовал курс неофициальный, рыночный. В 1576 г. ефимок стоил 66—69 денег, т. е. 33—34,5 копейки. Жак Маржерет в начале XVII в., хотя и определяет цену талера в 36 копеек, пишет о золотых, близких к ефимкам по их роли в экономической жизни Русского государства: „Я видел, что за один червонец иногда платили 24 алтына, или около 4 ливров 16 су, иногда 16 алтын, нередко и 2 рубля; обыкновенная же цена им была от 8 до 21 алтына“¹⁸⁹. Интересны данные о талерах,

Курс талера в России и за рубежом в русских деньгах (середина XVI—конец XVII в.)

№ п.п.	Год	Курс талера в копейках	Количество чистого серебра в указанных номиналах в граммах	Источник	Примечание
1	1557	36 (40)	27,50—23,04 (24,94)	Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. 2. Спб., 1896, с. 113; Гейтц Ф. Ф. Ефимки.—МС, М., 1913, т. 2, с. 180—182	Соглашение с Ливонией. Имеются два расчета стоимости талера—36 коп. и 40 коп.; первый кажется более достоверным
2	Около 1573	33,33	25,98—20,66	Горсей Д. Записки о Московии XVI века. Спб., 1909, с. 32	Москва*
3	1576	33—34	26,39—20,47—21,40	ЧОИДР, 1876, кн. 4., с. 70 (Даниил Принц)	"
4	1588	27	25,98—16,84	Сб. РИО, Спб., 1883, т. 38, с. 7224	Германия
	1598	33,33	25,98—20,66	ЧОИДР, 1875, кн. 2, с. 18 (Михаил Шиле)	Москва
5	1600—1606	36	25,98—22,45	Маржерет. Состояние Российской державы. Спб., 1830, с. 46	"
6	1604	33,33	25,98—20,78	ЧОИДР, 1863, кн. 4, с. 92	"
7		36	25,98—22,45	Буссов К. Московская хроника. 1584—1613, М.—Л., 1961, с. 97, 223	"
8		36	25,98—22,45	Карамзин Н. М. История государства Российского, т. 10. Спб., 1824, с. 131, примечание 426	Холмогоры
9	1608	36 (рейхсталер)	25,98—22,45	ЧОИДР, 1867, кн. 2, с. 390 (Петрей)	Москва
	Около 1610	36—36,5	25,98—22,45—23,38	ЗОРСА, Спб., 1851, т. 1, с. 116, 130	Россия
		33—33,3	25,98—20,59—20,77	Там же	Нарва

* Здесь и далее указывается место сделки с использованием талеров, данные о которой послужили основанием для вычисления курса, а иногда также для определения характера денежной операции.

№ п.п.	Год	Курс талера в копейках	Количество чистого серебра в указанных номиналах в граммах	Источник	Примечание
		32,75	25,67—20,54	ЗОРСА, Спб., 1851, т. 1, с. 127, № 148	Голландия? (Возможно, расчет по нарвским расценкам)
10	1614	30	25,98—14,40	РИБ, т. 28. М., 1912, с. 219	Кольский острог
11	1615	30	25,98—14,40	Там же, с. 220	" "
12		42 (риксдалер)	25,98—20,16	ВИД, Л., 1972, т. 4, с. 169 (мнение Густава Адольфа)	Польша, Гданьск, Литва, Рига
13	1618	50 (английская крона)	27,53—24,00	Сб. РИО, Спб., 1902, т. 116, с. СХVII—СХVIII	Соглашение с Англией
14	1615—1619	51,4—52,5	25,98—24,67—25,20	РИБ, т. 12. Спб., 1890, с. 37	Холмогоры
15	1620	50	25,98—21,00	<i>Oxford Slavonic Papers</i> , vol. 2, Oxford, 1951, p. 144 (письмо царя Михаила Федоровича Якову I от 17/VI 1621 г.)	Москва
16	1621	42	25,78—19,35	ПДС, т. 2. Спб., 1852, с. 137	Лондон
17	1624	48	25,67—22,12	НС, М., 1890, т. 2, с. 194	
18	1624—1625	45,8 (ефимок крестовый)	24,88—21,10	РИБ, т. 12. Спб., 1890, с. 61	Холмогоры
19	Перед 1630	51—52 (любский ефимок)	25,67—21,42—21,84	РШЭО, с. 92	Новгород, Псков
20	После 1690	48 (любский ефимок)	25,67—20,16	Там же	Новгород, Псков
21	1631	48	25,67—20,16	Там же, с. 88	Архангельск
22	1631—1632	47	25,67—19,74	Греков Б. Д. Монастырское хозяйство XVI—XVII вв. Л., 1924, с. 49	Тихвин
23	1632	49—50	25,67—20,58—21,00	РШЭО, с. 89	Архангельск

№ п. п.	Год	Курс талера в копейках	Количество чистого серебра в указанных номиналах в граммах	Источник	Примечание
24	1633	50	25,67—21,00	РШЭО, с. 89	Архангельск
25		46 (альбергусталер)	24,88—19,32	Подсчитано на основании данных в кн.: E. Harder, <i>Seehandel zwischen Lübeck und Russland</i> , Bd. I, Lübeck, 1962, S. 46	Любек
26	1635	48	25,67—20,16	Соловьев С. М. Указ. соч., с. 1217	Москва
27		90	25,67—37,80	Там же	Польша
28	1642	50	25,67—20,00	Русско-белорусские связи, с. 203	Торонец—Полоцк
29	1645	64 (ефимок любский)	25,60—25,60	РШЭО, с. 127	Стокгольм
		50 (ефимок любский)	25,60—20,00	ЧОИДР, 1910, кн. 3, с. 19—20	Москва. Если учесть отмеченный убыток в 35 руб. за 1720 крестовых ефимков (около 2 копеек на один ефимок), указная цена их была 48 копеек
		50 (ефимок крестовый)	24,88—20,00	Там же	Псков; указная цена
30	1648—1649	50 (ефимок любский)	25,67—20,00	РШЭО, с. 141	
		48 (ефимок крыжовый)	24,88—19,20	Там же	
31	1649	46—48 (ефимок любский)	25,67—18,40—19,20	РШЭО, с. 158—159	Псков, Новгород
32		46—47 (ефимок любский)	25,67—18,40—18,80	Р о л е с, с. 215	Архангельск
		45—46 (ефимок крестовый)	24,88—18,00—18,40		

№ п.п.	Год	Курс талера в копейках	Количество чистого серебра в указанных номиналах в граммах	Источник	Примечание
33		50 (ефимок любский)	25,67—20,00	ДАИ, т. 3. Спб., 1848, с. 190	Архангельск, Холмогоры
		48 (ефимок крыжовый)	24,88—19,20		
34		49 (ефимок любский)	25,67—19,60	Там же	Москва
		47 (ефимок крыжовый)	24,88—18,80		
35	1651	50 (ефимок любский)	25,67—20,00	Родес, с. 227	Архангельск, таможня
		48 (ефимок крыжовый)	24,88—19,20		
36		35 и 40 (левок)	20,73—14,00 и 16,00	Русско-белорусские связи, с. 252	Москва
37		50 (ефимок крестовый)	24,88—20,00	Там же, с. 251	"
38		40 (ефимок любский)	25,67—16,00	Скандинавский сборник, вып. 2. Таллин, 1957, с. 55	Поставки в казну
39	1653	50 („реал“, в источнике означает монету в 8 реалов)	26,76—20,00	ЧОИДР, 1897, кн. 4, с. 116 (Павел Алеппский)	Москва
40		50 (ефимок любский)	25,67—20,00	СГГД, ч. 3. М., 1822, с. 198	Архангельск
41		40 (ефимок любский)	25,67—16,00	РШЭО, с. 181	Русские купцы должны отдавать в казну по такой цене
42		47 (ефимок любский)	25,67—18,80	ДАИ, т. 3. Спб., 1848, с. 425	Архангельск

№ п.п.	Год	Курс талера в копейках	Количество чистого серебра в указанных номиналах в граммах	Источник	Примечание
43	1654	47 (ефимок любский)	25,67—18,80	Там же, с. 426	Архангельск
44	1656	50	25,67—20,00	Бантыш - Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России, ч. 1. М., 1894, с. 194	Москва, Новгород, Псков
45	1660	60	25,67—24,00	Кашин В. Н. Торговля и торговый капитал в Московском государстве. Л., 1926, с. 204	Архангельск
46	1661—1662	50 (ноахимсталер)	26,39—20,00	ЧОИДР, 1874. кн. 1, с. 178 (Мейерберг)	Москва
47	1662	51	25,60—20,40	РШЭО, с. 203	Стокгольм
48	1663	50	25,60—20,40	Крепостная мануфактура в России, ч. 1. Л., 1930, с. 104	Москва; выдача жалованья из казны
49	1666	63 45	25,60—25,20 25,60—18,00	} РШЭО, с. 289	Стоимость при оплате русских товаров—63 коп.; при взятии пошлин с русских купцов за шведские товары—45 коп.
50	1667	51	25,60—20,40		Там же, с. 304
51		50	25,60—20,00	ДАИ, т. 5. Спб., 1853, с. 200	Москва
52		50	25,60—20,00	СГГД, ч. 4. М., 1828, с. 207	Москва; при взятии пошлин
53		20—24 (голландский гульден)	15,26—8,00	ДАИ, т. 5. Спб., 1853, с. 218, 233—234	Торговый устав 1667 г.
		50 (ефимок)	25,60—2,00	Там же	Москва; при расчете заработка и обмена на копейки

№ п.п.	Год	Курс талера в копейках	Количество чистого серебра в указанных номиналах в граммах	Источник	Примечание
		50 (средний вес—28,647; предположительно, нидерландский рейксдаальдер)	26,69—20,00	ЗАНО, Спб., 1865, т. 12, с. 416—417	Вологда; цена средняя
	1669	53 (средний вес—29,442; предположительно, рейхсталер)	25,60—21,20		То же
	1671	47,06 (средний вес—27,102; предположительно, левендаальдер)	20,73(?)—18,82	Там же	"
		50		"	"
		45		"	"
		57 (предположительно, рейхсталер)	25,60—22,80	"	"
		54 (предположительно, рейхсталер)	25,60—21,60	"	"
		51		"	"
		50 (средний вес—28,803; предположительно, нидерландский рейксдаальдер)		"	"

№ п.п.	Год	Курс талера в копейках	Количество чистого серебра в указанных номиналах в граммах	Источник	Примечание
	1672	49,6 (средний вес—28,152; голландский серебряный дукат?)	24,66(?)—19,84	ЗАО, Спб., 1865, т. 12, с. 416—417	Вологда; цена средняя
		50 (средний вес—29,312; предположительно, рейхсталер)	25,60—20,00	Там же	То же
		50 (средний вес—29,152; предположительно, рейхсталер)	25,60—20,00	"	"
		50 (средний вес—28,803; предположительно, нидерландский рейксдаальдер)	25,69—20,0	"	"
		42 (вес—27,737; предположительно, патагон)	24,88—16,80		Вологда
		49			То же (2 ефимка стоимостью 32 алтына 4 деньги); у Л. И. Прозоровского (Монета и вес в России до конца XVIII столетия.—ЗАО, Спб., 1865, т. 12) средняя цена каждого ефимка—50 копеек—подсчитана неправильно Любек
54	1674	46 (альбергусталер)	24,88—18,40	Подсчитано на основании данных кн.: E. Harder, <i>op. cit.</i> , S. 46	

№ п.п.	Год	Курс талера в копейках	Количество чистого серебра в указанных номиналах в граммах	Источник	Примечание
55		56—57	25,60—22,40—22,80	Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915, с. 154	Москва
56	1676	52—54 50 55—60	25,60—20,80 25,69—20,00 25,09—22,00—24,00	Там же, с. 160 Из статейного списка русских послов И. В. Бутурлина и И. А. Прончищева, ведших переговоры со шведскими послами... — В кн.: РШЭО, № 228, с. 401 ЗАНО, Спб., 1865, т. 12, с. 426—427	Нарва Указная цена Розничная цена
	1677	52 (средний вес—28,803; предположительно, нидерландский рейксдаальдер) 50 (средний вес—28,590) 52 (вес 27,737; предположительно, патагон) 45 (вес 27,737; предположительно, патагон)	25,69—20,80 25,69—20,00 24,88—20,80 24,88—18,00	Там же " "	Вологда, цена средняя То же Вологда То же
	1679	50 (вес 28,803; предположительно, нидерландский рейксдаальдер)	25,69—20,00	"	"

№ п.п.	Год	Курс талера в копейках	Количество чистого серебра в указанных номиналах в граммах	Источник	Примечание
	1682	50 (вес 27,737; предположительно, патагон)	24,88—20,00	ЗАНО, Спб., 1865, т. 12, с. 426—427	Вологда, цена средняя
		40 (средний вес—28,803; предположительно, нидерландский рейксдаальдер)	26,69—20,00	"	"
57	1689	60	25,67—22,20	Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. М., 1965, с. 158	Москва
	1690	54,5		ЗАНО, Спб., 1865, т. 12, с. 426—427	Вологда, цена средняя
58		10—12 (шведская марка)	3,75—3,70—4,44	Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города. М.—Л., 1951, с. 277	Тихвин
59	1696	40 (альбертусталер)	24,38—14,80	Подсчитано на основании данных в кн.: E. Harder, <i>op. cit.</i> , S. 46	Любек
60	1698	50—55 (талер)	25,60—21,00—23,10	J. G. Korb, <i>Tagebuch der Reise nach Russland</i> , hrsg. von G. Korb, Graz, 1968, S. 175—176	Москва
61		20 (гульден)	15,28—8,00	Воронежские акты, ч. 1. Воронеж, 1853, с. 85; Розоровский Д. И., Указ. соч., с. 442	Воронеж

купленных вологодским архиерейским домом. Например, в 1671 г. цена талеров, которые входили в разряд „любских“, была 49 и 49,6, 50, 51, 54, 57 копеек, т. е. колебалась между 49 и 57 копейками¹⁹⁰. Здесь хотелось бы отметить не только колебания рыночных цен, но и саму возможность приобретения талеров, говорящую о наличии их у населения. Кроме разницы между различными правительственными ценами талеров, между ценами правительственными и рыночными, необходимо учесть территориальные колебания цен. Так, на Кольском полуострове талер стоил в 1615—1619 гг. 30 копеек, в Холмогорах же цена в 1615—1619 гг. достигала 51,4 копейки и даже 52,5 копейки¹⁹¹. В 1649 г. при указанной цене в 50 копеек любский ефимок стоил в Пскове и Новгороде 46—48, а Архангельске 46—47 копеек. В 1689—1690 гг. при цене ефимка в Москве в 60 копеек в Вологде он стоил 54,5 копейки. Эти различия в стоимости талеров, возникавшие, когда их рыночная цена поднималась выше указной, должны были способствовать стремлению торговых людей использовать колебания цен в свою пользу.

Из данных таблицы мы можем сделать также некоторые выводы, сопоставив цены талеров в русской монете в России и за рубежом. В 1615 г., по утверждению шведского короля Густава Адольфа, в Польше, Литве, Данциге и Риге риксдалеры идут по 42 копейки. Надо полагать, что вся операция Густава Адольфа по чеканке русских денег в Новгороде была задумана уже тогда, когда официальная цена талера в России была 50 копеек. Во всяком случае, по соглашению 1618 г. с Англией английская крона оценивалась в 50 копеек. Рыночная цена ефимков в Холмогорах в 1615—1619 гг. была также достаточно высока (51,4—52,5 копейки). В то же время цена талера в русских деньгах в Лондоне была даже в 1621 г. еще 42 копейки.

Таблица 2

Эквивалент талера в граммах серебра в России и за рубежом в XVI—XVII вв.

Год	Россия	Англия	Германия	Швеция	Польша	Прибалтика
1588	(20,47—21,40)*		16,84			
Около						
1610	22,45—23,38					20,59—26,77
1615	(24,00) 14,40; Кольский острог (21,00)	19,35			20,16	20,16
1621	(20,16)*		19,32*			
1635	20,16				37,80(?)	
1645	20,00			25,60		
1666	20,40			18,00 и 25,20		
1674	20,00** 22,40—22,80		18,40**			20,80—21,60

* В скобках помещены данные, не датированные точно указанным в первой графе годом, но вполне реальные для того времени.

** Альбергусталер (патагон, крестовый ефимок).

Из только что приведенных данных видно, что в России талер обычно соответствовал большему эквиваленту в серебре, т. е. был дороже, чем в других отмеченных в таблице странах. Исключение составляют цифры 1635 г. для Польши, 1645 г. и частично 1666 г. — для Швеции. Данные 1666 г. объясняют нам высокую стоимость ефимков в Швеции в 1645 г. В 1666 г. в Стокгольме при оплате русских товаров ефимок приравнялся 63 копейкам (25,20 г серебра), при взятии пошлин с русских купцов за шведские товары — 45 копейкам (18,00 г серебра)¹⁹². Это искусственно снижало стоимость русских товаров и увеличивало таможенные пошлины на вывозимые шведские. Надо полагать, однако, что стоимость талера в 45 копеек наиболее близка к нормальной для Стокгольма оценке талеров в русских деньгах, а случай 1645 г. аналогичен событиям 1666 г., когда стоимость ефимков искусственно завышалась. В 1645 г. манипуляциями с ценой ефимка, вероятно, хотели поднять стоимость экспортируемой русскими шведской меди¹⁹³. Теперь рассмотрим указание на высокую цену талера (30 алтын) в Польше в 1635 г. Оценка эта исходит от русских послов, которые вели переговоры в Польше и, правильно указав стоимость ефимков в России в 48 копеек (они действительно стоили 48—50 копеек, см. выше таблицу курса талеров), назвали стоимость талера в Польше в 30 алтын или 90 копеек. Они были и правы и не правы. Талер в Польше в 30-х гг. XVII в. действительно оценивался в 90 грошей. Польский грош приравнивался одной копеейке¹⁹⁴. Однако такой пересчет на мелкую монету далеко не всегда бывает точным. Можно привести следующий пример. Стоимость нидерландского рейксаальдера в начале XVII в. в русской монете должна была быть не более 33 копеек (см. вышеназванную таблицу). В то же время нидерландский рейксаальдер заключал в себе 47 стюверов¹⁹⁵. Русская „Торговая книга“ приравнивает стювер („стюверш“) к двум деньгам, т. е. копеейке¹⁹⁶. Тогда получается, что стоимость рейксаальдера — 47 копеек, т. е. почти в полтора раза больше действительной стоимости. Качество русских денег, чеканившихся из высокопробного серебра, а также значительные выгоды, получаемые от их реализации при приобретении высокоценных русских товаров давали возможность более дешево приобрести на них талеры, чем на голландские стюверы или польские гроши. В нашем распоряжении имеется источник о цене талера в 1642—1643 гг. в Полоцке, т. е. на территории, в то время входившей в состав Речи Посполитой. По этому документу талер стоил 50 копеек. Так как цена талера и в Польше, и в России имела тенденцию к увеличению, можно сказать, что действительная стоимость талера в Польше в 1635 г. была значительно ниже, чем это указано в упомянутой речи русских послов.

Польский историк Мария Богуцка, исследуя вопрос о прибыли в зарубежной торговле Гданьска в XVII в., составила таблицу эквивалентности польского золотого определенному количеству серебра в граммах за ряд лет в Амстердаме и Гданьске. Приведем часть этой таблицы, представляющую интерес для нашей темы¹⁹⁷ (см. таблицу 3).

М. Богуцка делает резонный вывод, что в большинстве случаев цена серебра в странах Балтики была выше, чем в Западной Европе, примерно на 9,7%. Голландским купцам было выгодно расплачиваться за польские товары серебром или монетой, так как они получали таким образом дополнительную прибыль в указанном выше размере¹⁹⁸. Из

Таблица 3

Год	Эквивалент польского золотого в граммах серебра	
	Амстердам	Гданьск
1595	22,88	20,85
1613	19,47	17,40
1617	18,36	16,71
1618	17,55	16,32

таблицы об эквиваленте талера в граммах серебра в России и за рубежом в XVI—XVII вв., составленной нами, также можно сделать заключение о более высокой цене серебра (талеров) в России по сравнению с ценами в других европейских странах. Если мы возьмем для сопоставления с ценой талера в Германии в 1588 г. наиболее близкие по времени данные для России — цену 1576 г., то получим соотношение 16,84 : 20,47, т. е. в России талер стоил дороже минимум на 21,5%. При подсчете была взята наименьшая стоимость талера для России (и соответственно минимальный эквивалент серебра, хотя более высокий равнялся 21,40). Около 1610 г., по данным „Торговой книги“, талер стоил в Москве примерно на 9% дороже, чем в Нарве. В 1615 г. талер в России, если не считать Кольского полуострова с его особыми условиями, должен был стоить 50 копеек (24 г серебра). По утверждению Густава Адольфа, талеры в Восточной Прибалтике и Польше можно было закупать по 42 копейки (20,16 г серебра), и, следовательно, прибыль от продажи талеров здесь составляла примерно 19%. Естественно поэтому стремление Густава Адольфа провести в жизнь операцию по закупке талеров и перечеканке их в русскую монету. Разница в цене талера в Москве и Лондоне в 1621 г. составляла примерно 8,5%, а в Москве и Нарве в 1674 г. — 7,6%. Этим вполне объясняется стремление иностранных купцов к ввозу талеров в Россию. Выгодно ли было чеканить из талеров русские деньги? Как, например, подсчитал И. Г. Спасский, при чеканке русских денег по трехрублевой стопе из талера, принимавшегося за 36 копеек, чеканилось монет на 42 копейки¹⁹⁹. Таким образом, чеканка денег приносила не менее 8,5% дохода. Однако мы уже знаем, что купцы должны были отдавать в казну ефимки значительно ниже указанной цены, что приводило к росту прибыли. В конечном итоге такие денежные операции проводились за счет крестьянского и ремесленного населения России. После 1649 г., когда прекратилась очистка талерового серебра, из каждого талера получали 64 копейки²⁰⁰. Указанная цена, по которой в это время принимались талеры, оставалась 50 копеек. В то же время, как мы знаем, некоторые русские купцы, получившие ссуды или определенные льготы от царя, должны были поставлять царю ефимки даже по 40 копеек. В таких случаях царь, получая из каждого талера, стоившего ему 40 копеек, 64 копейки, имел до 60% прибыли, если не считать расходов, связанных с чеканкой.

Выгодно ли было представителю купечества или богатому ремесленнику удержать у себя ефимки, пустить их в оборот, или единственно выгодным было отправить их в царскую казну на перечеканку, сдав их по

указной цене, хотя рыночная цена нередко была выше? Можно назвать много случаев, когда рыночная цена талера была ниже указной цены. Владельцу ефимков при этом было выгодно продать их в казну, однако при условии, если ему никто не предлагает цены более высокой. Купцу, приехавшему из Архангельска, Холмогор или Москвы, в Кольском остроге в 1614—1615 гг., например, было выгодно приобрести ефимки по 30 копеек. По такой цене их можно было вывезти даже за рубеж, не говоря о том, что в ряде стран, например в Швеции, таможенные сборы, как и в России, собирали ефимками и золотыми. В 1614—1620 гг. стоимость талера в России колебалась от 30 до 52,5 копеек, при указной цене в 50 копеек. Естественно возможность их неоднократной перепродажи, которая могла принимать форму оплаты товаров, податей. Известны и займы, ссуды ефимками. Если талеры приобретались по цене выше указной, то сдавать их в казну по более низкой цене не было смысла. Владелец монет должен был желать такой торговой сделки, при которой он оправдал бы их приобретение по дорогой цене.

Список сдатчиков ефимков на монетный двор в 1610—1611 гг. называет нам купцов, ремесленников, монастыри. Указ 1711 г. об исключительной продаже ефимков обращен ко „всяким чинов людям“, имеющим ефимки. Ниже мы приведем конкретные факты использования ефимков населением Русского государства как до середины XVII в., так и позже. Кладов с талерами на территории Русского государства найдено немного. В настоящее время можно назвать следующие находки.

1. Ростов, 1875 г. 105 брабантских талеров Филиппа IV (1621—1665)²⁰¹.
2. Бородино, 1941 г. Нидерландские патагоны (?) Филиппа IV²⁰².
3. Новгород, 1947 г. 151 монета — 144 талера, 6 полуталеров и четверть талера (Северные и Южные Нидерланды, Швеция, Норвегия, Польша, Чехия, Австрия, Венгрия, Саксония, Брауншвейг, Люнебург и др.) и две серебряные ложки. Клад зарыт после 1649 г.²⁰³
4. Новгород, 1941—1944 гг. Клад из 15 талеров [Дания, Христиан IV (1588—1648), талеры 1624 и 1631 гг.; Швеция, Кристина (1632—1654), 1 марка 1647 г.; Северные Нидерланды, Провинция Голландия, талер 1625 г., 1/2 талера 1649 г., провинция Зеландия, талер 1624 г.; Южные Нидерланды, Брабант, Альберт и Елизавета (1598—1621), 1/4 патагона 1616 г.; Померания, Богислав XIV (1620—1637), талер 1632 г.; Брауншвейг, Август (1635—1666), талер 1645 г.; Саксония, Иоанн Георг (1615—1656), 1/4 талера 1615 г., талеры 1623 и 1632 гг.; Мюрбах и Людерс, герцог Леопольд (1619—1637), 1/2 талера б. г.; Тироль, Фердинанд II (1619—1637), талер 1621 г.; Зальцбург, Парис (1619—1653), талер 1623 г.]. Клад был зарыт в середине XVII в.²⁰⁴
5. Новая Ладога, около 1855 г. „Серебряная монета испанского короля Филиппа II (1555—1598)“²⁰⁵.
6. Зажупанье, Гдовский уезд, 1891 г. В курганах, кроме вещей, были найдены обрубки шведских серебряных монет XVII в.²⁰⁶
7. Гдовский уезд, 1901 г. Клад из 84 монет, среди которых 80 серебряных западноевропейских, две шведские серебряные монеты по две марки XVI и XVII вв.²⁰⁷
8. Москва, около 1902 г. 100 талеров XVII в. найдены в горшке при обвале старого дома²⁰⁸.

9. Москва. В 1970 г. в Ипатьевском переулке найден клад талеров из 3398 экземпляров. Почти все монеты испанские и испано-американские в 8 и 4 реала. Клад, по предварительным данным, зарыт после 1627 г.²⁰⁹

10. Коломенское под Москвой. В 1972 г. был обнаружен клад, частично разошедшийся по рукам. Однако значительная его часть из 1200 монет поступила в Государственный Исторический музей. Клад по своему составу аналогичен предыдущему²¹⁰.

11. Святонаволока Повенецкого уезда Олонецкой губернии, 1903 г. Клад из 400 монет, из которых известны 14 серебряных русских монет (13 — Михаила Федоровича и 1 — Алексея Михайловича) и брауншвейгский талер 1630 г.²¹¹

12. Ковыряево Опочечского района Калининской (в настоящее время Псковской) области, 1938 г. Клад из 17 западноевропейских талеров XVII в.²¹²

13. Вологда, 1951 г. Клад из 22 талеров 1622—1666 гг.²¹³

14. Гамалеевка Бузулуцкого уезда Самарской губернии, 1881 г. Клад из 92 золотых и 6 серебряных монет. В Археологическую комиссию были присланы 9 золотых и 2 серебряные монеты. Золотые монеты: 68 турецких Сулеймана I (1520—1560), Селима II (1566—1574), Мурада III (1574—1595), Мехмеда III (1595—1603), Ахмеда I (1603—1617); западноевропейские дукаты: данцигские, поморские, голландские, венгерские, чешские, венецианские и мелких итальянских государств, всего 22 экземпляра. Две серебряные монеты — талеры: из Зальцбурга, времени Вольфганга Теодора (1587—1612), и Тироля, времени Фердинанда (1564—1595)²¹⁴. Еще недавно исследователи опирались на три талеровых клада, найденных в пределах Русского государства XVI—XVII вв.²¹⁵ В вышеперечисленные 14 талеровых находок вошли клады, обнаруженные в русских районах смешанного обращения, на которые временно распространялась власть тех или иных соседних государств (Польша, Швеция). Обращение талеров, например, на оккупированном шведами Северо-Западе Русского государства бесспорно, это подтверждают письменные источники и клады²¹⁶. Но несомненно также обращение талеров на Черниговщине и Смоленщине, присоединившихся к Русскому государству, по сути дела, еще до начала талерового обращения. Сами за себя говорят клады талеров, найденные на указанных территориях²¹⁷.

Чем объяснить, что перечень талеровых кладов, приведенный нами, не велик? Талеры — монеты, прежде всего обслуживавшие крупную торговлю, крупные денежные сделки, операции, связанные с иностранной торговлей. Такую роль они играли не только в России, но и в других странах. Монеты же, предназначенные для таких целей, редко входят в клады. Пражские гроши XIV в. в кладах на территории Австрии находят очень редко. Известно всего два клада, хотя письменные источники постоянно упоминают о грошах. Б. Кох объясняет кажущееся противоречие между данными находок и письменными источниками тем, что в то время пражские гроши служили в основном средством крупной торговли²¹⁸. Потребность в талерах как в сырье и как в монете была столь велика, что было невыгодно превращать эти монеты в сокровище, надолго, а возможно, навсегда скрытое от его владельца. Только запретительные меры правительства в 40-х гг. XVII в. вызвали появление некоторого количества кладов. Однако нельзя думать, что талеры

не вовлекались в денежное обращение Русского государства более широко. В запретной пограничной торговле участвовали и ремесленники и крестьяне. Наряду с купцами-оптовиками, зарубежной торговлей занимались „средние и худшие“ торговые люди²¹⁹. По данным Э. Д. Рухмановой, „в начале 50-х годов XVII века средние и мелкие купцы понесли на Балтике убытки на такие суммы, как 300 руб. (Степан Аверкиев, Новгород), 203 руб. (Андрей Кулик, Ярославль), 80 руб. (Петр Мартыанов, Ярославль), 10 руб. (Декин, Печора), 90 коп. (Судоплат, Печора)“²²⁰. В силу условий их поездок они не только могли, но должны были владеть тем или иным количеством ефимков. Однако, хотя ефимки и вовлекались в русское денежное обращение, распространение их нельзя сравнивать с распространением русских денег — основного средства обращения в стране.

Рассмотрим теперь вопрос об использовании талеров на территории Русского государства XVI—XVII вв. на основании группы источников, которые ранее привлекались исследователями лишь частично. Мы имеем в виду иностранные словари русского языка. Учитывая характер источников, а также малую изученность их с нумизматической точки зрения, мы заострим внимание не только на вопросе о талерах, но и на некоторых помещенных в словарях терминах, относящихся к русскому денежному обращению.

В настоящее время трудно назвать страну, где бы не изучался русский язык. Однако интерес к нему возник еще в далеком прошлом частью из любознательности, а прежде всего ради практических целей торговли. Недаром слава о русских мехах и изделиях ремесла запечатлена и в скандинавских сагах, и во французском эпосе, и в „Песне о Нибелунгах“. Известный средневековый поэт тирольский рыцарь Освальд фон Волькенштейн (1377—1445), по его собственному утверждению, бывал на Руси и знал русский язык. Отдельные русские выражения, вкрапленные в его произведения, подтверждают, что слова тирольского рыцаря — не поэтический вымысел²²¹. Источники, касающиеся ганзейской торговли, уже с XIII в. говорят о специальных переводчиках русского языка, обслуживавших немецких купцов²²². Такие толмачи должны были хорошо знать свое дело, за неверный перевод виновного ждало строгое наказание вплоть до вырывания языка²²³.

Из ряда стран в Россию присылали молодых людей, часто совсем мальчиков, „поучити языку русскому“. В 1516 г. датский король Христиан направил к великому Московскому князю Василию Ивановичу „своих ребят“ учиться „грамоте и языку“, в 1519 г. в Псков, „к священнику добру и дьяку“ был послан немец из Пруссии. В 90-х гг. XVI в. в России обучались датские мальчики Люткен и Броквальд, пятнадцатилетний англичанин Ульянко Ульянов, восемнадцатилетний „францовский немчин“ Жан Паркент. Аналогичную картину можно наблюдать и в XVII в.²²⁴

Требования точности перевода, а также необходимость передачи знаний ученикам не могли не вызвать появления специальных пособий: разговорников, словарей. К сожалению, до нашего времени не сохранились словари, написанные ранее XVI в., однако и более поздние представляют исключительный интерес для филологов, историков, этнографов, нумизматов. Как источник для истории русского денежного обращения в специальной литературе использовался, и то далеко не

полностью, лишь русско-английский словарь Ричарда Джемса, составленный в начале XVII в. В. К. Трутовский в небольшой статье, посвященной старинным названиям некоторых денежных номиналов, мог опираться лишь на отрывочные выписки из рукописи Р. Джемса, сделанные для него П. К. Симоном²²⁵.

Однако к настоящему времени не только полностью опубликован словарь Р. Джемса, но было издано несколько других словарей, появилось значительное число исследований, анализирующих подобные памятники с точки зрения лингвистики и истории культуры. Эти интересные источники остались вне поля зрения нумизматов, что вызывает необходимость хотя бы бегло коснуться ряда нумизматических терминов, упоминаемых в некоторых, доступных автору, словарях XVI — первой половины XVII в.

В Государственной Берлинской библиотеке хранились две рукописи таких словарей (*F 18, Q 14*)²²⁶. Первая, если не считать двух более поздних дополнений, заключает в себе русские слова и фразы, написанные латинскими буквами и относящиеся главным образом к области торговли. Все они имеют немецкий перевод. Основной части предпослано стихотворное предисловие, помеченное 1546 г. В тексте названо также имя составителя словаря или инициатора его переписки в 1546 г. — Томаса Шrove. Именно к этому времени почти все исследователи относят интересующую нас рукопись. Однако М. П. Алексеев датирует рукопись концом XV в., а упомянутого в тексте Томаса Шrove идентифицирует с одноименным дерптским купцом и бургомистром, участником ганзейского посольства в Москву (1494)²²⁷. М. П. Алексеев полагает, что рукопись Берлинской библиотеки — копия, исполненная с оригинала, составленного каким-либо немцем в Новгородской области или с помощью выходца из Северо-Западной Руси²²⁸. Книга Т. Шrove известна автору настоящей статьи лишь по отрывкам, опубликованным в вышеупомянутых исследованиях. Нумизматическая часть рукописи помещена в работе С. М. Строева²²⁹.

VON DEN RUSSISCHE MÜNZE

Rubell nougrotzkoye jest petnaseł gryuen da sest denock.
 Ein Rubell nougr. ist fuftein marck und 6 deneck.
 Poltyna nougrotky iest sem gryuen da deset denycky.
 Ein Poltin nougr. ist sieben marck undo 10 denik.
 Rubell moskausky iest sem gryuen da dwa denick.
 Ein Rubell muskowitzsch ist sieben marck und zwei denick.
 Poltina muskausky iest polsetssorty gryuen da odna denycky.
 Ein Poltin muskowitzsch ist 31/2 marck und ein denick.
 Grywna nowgrocky iest satyrnatseth denycky.
 Ein mark naug. ist 14 denycky.
 Grywna muskausky ist dedsedt denycky.
 Ein mark muskousky ist 10 denycky.
 Altyn nougrotsky iest try denycky.
 Ein Alten nougr. ist drey denick.

Вторая рукопись Берлинской библиотеки, значительно меньшая по объему, чем первая, также содержит русские фразы и слова, написанные латинскими буквами, с переводом на нижненемецкий язык. С. М. Строев относил рукопись к XVII в.²³⁰, однако П. Сырку датирует

ее XVI в. и предполагает, что именно она значится среди нескольких русских манускриптов, записанных в каталог Берлинской библиотеки 1568 г.²³¹ Более поздние исследователи также придерживаются датировки, предложенной П. Сырку²³². Публикацией нумизматической части рукописи мы снова обязаны С. М. Строеву²³³. Приводимый ниже раздел рукописи носит название „О русских деньгах“²³⁴.

DENGY, PENESY IST GELDT.

Odin Rubell, 1 Rubell dat ist 100 nougartsche dening.
 Grywna nowgorotska, Nougartsche mark ist 14 dening.
 Grywna moskowska, Muschkawitsch mark ist 10 dening.
 Polgrywny nowgorodky, 1/2 M. N. ist 7 dening.
 Und Moskowitisch 1/2 mark ist 5 dening.
 Ein Altyn ist 3 dency.
 Poltyna 50 denningen, ist 1/2 Rubell.
 Nowgorodka ein Denningen.
 Moskowska denga, halbdeningen.
 Setweretz dat ist vierte part ein Dening.
 Schulluk, ein Schulling.
 Lubetz, ein Pennyg.
 Soltoi, ein Gulden.
 Tamosny dency, Zollgeldt.

Еще один документ подобного рода — французско-русский „Парижский словарь московитов“ датируется 1586 г. Словарь был издан в СССР в 1948 г. Б. А. Лариным по рукописи, хранящейся в Парижской национальной библиотеке (Collection Dupuy, N° 844, Fol. 418—423)²³⁵. Авторами рукописи являются или капитан Жан Соваж, глава французской экспедиции из Дьеппа до устья Северной Двины, или участники этого плавания купцы Колас и Дю-Ренель²³⁶. Хотя в словаре не перечисляются названия монет, в нем есть два интересных для нас термина:

318. Ung monnoyeur Denesnicq

319. Ung faulx monnoyeur Amanenicq deinnessay²³⁷.

Первый термин — хорошо известное обозначение древнерусского монетчика-денежника, второй — редкий памятник русского разговорного языка конца XVI в. Название фальшивомонетчика как „оманщик (обманщик) денежный“²³⁸ было неизвестно нумизматам и сблизается с более поздними и, вероятно, более официальными выражениями „вор денежный“, „денежного дела вор“²³⁹.

Наконец, недавно были полностью изданы два интересных словаря начала XVII в. Рукопись первого, русско-нижненемецкого словаря, хранящаяся в Копенгагенской библиотеке, была издана факсимильным способом в 1961 г. Словарь был составлен Тёни Фенне, близким к торговым ганзейским кругам, в Пскове в 1607 г.²⁴⁰

Золотой	Soltoi Gulden	
Гривенка серебра	Grivenka serebra	Marklodig
VAN DE RUSSISSEN MÜNZE		
Денги	Dengi Geldt	Geldt
Рубел новгратской	Rubel Noug ratskoi	210 Dennig

Рубел мусковской	Rubel Moskoffskoi	100 Deng
Гривен новагратской	Griuen Nouagratskoi	14 Deng
Гривен мусковской	Griuen Muskovckoi	10 Deng
Алтын	Altinn	3 Deng
Полтина	Poltina	50 Deng
Грош	Grosch	2 Deng
Копейка	Kopeka	1 Deng
Московка	Moskofska	1/2 Deng
Полушка	Poluska	1/4 Deng
Ефимка	Jeffimka	Daller
Пула	Pula	1/24 Deng

Второй доступный нам памятник начала XVII в.—уже упоминавшийся русско-английский словарь Ричарда Джемса²⁴¹. Р. Джемс был членом посольства Томаса Финча (1618—1619), капелланом и главным толмачом на английском корабле, еще до своего прибытия в Россию знавшим русский язык. Он жил в Холмогорах и, возможно, побывал в Москве²⁴². Данные нумизматического порядка разбросаны на различных страницах рукописи Р. Джемса.

- p. 15a: 9. *rꝥbla*, 33 alt. et cop. 33 алтына и копейка
 10. *grivna*, 3 alt. et cop. 3 алтына и копейка
 11. *alteine*, 3 cop. 3 копейки
 12. *copéka*, minus aliquot 2 denar. Ang. немного меньше двух английских пенсов
- p. 15a: 13. *moskóveski* } denari Ang. пенсы английские
dingo }
- p. 33b: 48. *gros*, 2 copekes. 2 копейки
- p. 44a: 1—5 *novogorodski*, a copeke, in новгородская копейка. В Новгороде была в древности чеканка монеты, тогда на ней было изображение всадника с саблей, а на некоторых с булавой, которую они называют меч, и монета тогда называлась не копейка, а сабленица²⁴⁴. Позже чеканка была перенесена в Москву, и по изображению копья называли уже копейкой, а другие монеты — деньги московски
- p. 61a: 7. *pirogam*, a farthinge полушка, 1/4 пенни
 p. 70: 10. *uřimka*, a dollar доллар²⁴⁵

Ознакомившись с мнениями о происхождении и датировке нескольких иностранных словарей XVI—начала XVII в., можно приступить к анализу изложенного выше нумизматического материала. Чтобы облегчить задачу, выразим русские денежные и счетно-денежные единицы через одну из них — новгородскую денгу, которая, собственно, и является основой денежных расчетов составителей всех четырех словарей (см. таблицу 4, с. 91).

Не вдаваясь в критику указанных источников с позиции лингвиста и историка (этим вопросам посвящена обширная литература), необходимо отметить, что берлинские и копенгагенский словари составлены людьми, знавшими русский язык, знакомыми с условиями русской жизни того времени и предначинавшими свои словари, в первую очередь, для целей торговли. В определенной мере такой же характер имеет труд Р. Джемса. Все это делает данные названных словарей, относящиеся к русскому денежному обращению, важными и достойными доверия и с нумизматической точки зрения.

Нумизматический материал словарей уточняет время их написания. Это особенно касается обеих берлинских словарей, о датировке которых мнения исследователей расходились. Так, словарь Т. Шrove, судя по денежной терминологии, мог быть написан в конце XV — начале XVI в. и никак не позже середины 30-х гг. XVI в. Такой вывод подтверждает предположение М. П. Алексеева. Другой словарь (*Q 14*), вероятно, относится к середине XVI в., что согласуется с датировкой, предложенной П. Сырку и принятой большинством современных исследователей.

Самое беглое рассмотрение данных первого словаря обнаруживает наличие двух русских областных денежных систем: новгородской (рубль, равный 15 гривнам и 6 денгам, или 216 денгам; гривна, равная 14 денгам) и московской (рубль, равный десяти московским гривнам, или 200 московским денгам; гривна, равная 20 московским денгам)²⁴⁶.

Такого рода счет, характерный для времени, предшествующего денежной реформе 1533—1535 гг.²⁴⁷, говорит, что дата 1546 г. в конце стихотворного предисловия к словарю не может быть датой его составления. Такой вывод подкрепляет гипотезу М. П. Алексеева о создании оригинала словаря в самом конце XV в.²⁴⁸ Во всяком случае, речь может идти о периоде перед реформой 30-х гг. XVI в.

Преобразования 1530-х гг., иногда называемые реформой Елены Глинской, объединили две денежные системы в одну общерусскую, что с достаточной полнотой отражено в письменных источниках, например в „Торговой книге“, датируемой концом XVI — началом XVII в.²⁴⁹, по данным которой в рубле 10 гривен, в гривне — 10 новгородок, в новгородке — 2 (московские) денги, в алтыне — 6 (московских) денег; в рубле — 2 полтины, в полтине — 5 гривен, в гривне — 20 (московских) денег, в (московской) денге — две полуденги (полушки)²⁵⁰.

Во втором разделе таблицы 4 вовсе нет упоминания о новгородском рубле и новгородской полтине, а счетные денежные единицы, выраженные опять-таки через новгородскую денгу, соответствуют полностью только что приведенным данным „Торговой книги“. Следовательно, словарь Берлинской библиотеки *Q 14* (Строев С. Указ. соч., с. 134—135, № 72) не мог быть создан ранее 1535 г., а вероятнее всего, вскоре после 1547 г., когда была достигнута полная унификация монетной чеканки²⁵¹.

Если принять предположение П. Сырку, что словарь *Q 14* был вписан в каталог Берлинской библиотеки 1568 г., то его создание нужно отнести примерно к середине XVI в.²⁵²

Счетно-денежные системы, как они отражены в двух других словарях, датируемых 1607 г. и 1618—1619 гг., принципиально ничем не отличаются от только что упомянутой. В словаре 1607 г., правда, называется

новгородский рубль, равный 210 денгам. Однако это явный анахронизм, почерпнутый Тённи Фенне из старых источников или устной традиции. Об этом говорит, вероятно, и ошибка, сделанная составителем словаря, приравнявшим новгородский рубль не 216, а 210 денгам²⁵³.

В 1970 г. И. Г. Спасский писал: „Однако вплоть до начала XVIII в. народ и государственные учреждения признавали только старинный московский счет на денгу, никогда не упоминая копейку-новгородку как счетную величину. За нею шел все тот же счетный алтын в 6 денег (т. е. в 3 копейки); 33 алтына и две денги составляли счетный 200-денежный рубль“²⁵⁴. С таким утверждением нельзя полностью согласиться.

Легко заметить, что в основе счетно-денежных единиц трех анализируемых словарей лежит не московская денга, а новгородская денга, или новгородка, с начала XVII в. называемая копейкой²⁵⁵. Это можно объяснить не только тем, что словари были созданы в Новгородско-Псковских землях, но и преимущественной чеканкой новгородок-копеек по сравнению с монетами других номиналов²⁵⁶.

Поэтому на Северо-Западе и Севере Русского государства в основе народного денежного счета, счета при практических торговых делах, вероятно, была новгородка, в отличие от официальных документов, прежде всего великокняжеских и царских грамот, где еще долгое время ведется счет на московские денги²⁵⁷. В этом соотношении новгородки-копейки к рублю, как известно, — черты более поздней десятичной монетной системы.

По вопросу о первоначальном значении алтына и его соответствии трем или шести денгам в нумизматической литературе высказывались противоречивые мнения. Одни исследователи (например, И. Г. Спасский) считают его искони равным 6 московским денгам, другие (например, В. Л. Янин) полагают, что эта счетная единица первоначально заключала в себе 3 московские денги и лишь в середине XV в., в результате падения веса московских денег, стала равна 6 денгам²⁵⁸. Словари, которые ориентировочно были нами датированы концом XV—началом XVII в., называют всегда алтын, равный 3 новгородским денгам. Если принять датировку словаря Т. Шrove 90-ми гг. XV в., как это предлагает М. П. Алексеев, то упоминание в нем алтына — одно из самых первых в известных нам новгородско-псковских источниках²⁵⁹.

В. Л. Янин рассматривает алтын XIV—XV вв. как своеобразную „переводную единицу областных денежных систем“²⁶⁰. Такую роль алтын играет, вероятно, и позже, в XVI—XVII вв., уже в качестве „переводной единицы“ при счете на московскую денгу и новгородку. Денежная запись в алтынах была ясна без всяких добавлений и для тех, кто считал на денги и кто пользовался счетом на копейки, что и объясняет заметное предпочтение счета на алтын в документах XVI—XVII вв.

Все указанные словари, кроме составленного Т. Шrove, упоминают полушки, т. е. монеты, равные половине московской денги. Однако они носят здесь специфические для новгородских или северных земель названия. В словаре, который был нами датирован примерно серединой XVI в., рассматриваемая денежная единица называется четвертьдой. И. Г. Спасский пишет в одной из своих работ, что он не может согласиться с отнесением Г. Б. Федоровым к полушкам Грозного значительно более древнего названия „четвертьца“²⁶¹. Однако свидетельство словаря и данные писцовой книги Шелонской пятины 1535 г., где постоян-

но упоминается интересующий нас номинал, не исключает названия „четвертьца“ для Северо-Западной Руси времени Ивана IV. По словарю 1607 г. полушка — четверть новгородской денги.

В словаре Р. Джемса термин „полушка“ объясняется словом „обол“ (половина английского денария, или пенни, к которому Р. Джемс приравнивал московскую денгу).

В этом же словаре фигурирует еще один интересный термин „pirogam“, переводимый на английский язык как „a farthing“, т. е. четверть (пенни). Издатель и комментатор словаря Б. А. Ларин установил, что „пирогам“ — запись формы творительного падежа слова „пирог“. Он же опубликовал сопоставительный материал актов конца XVI—XVII в., который мы здесь и используем.

1584 г. «„Продад соли в Колмогорах 2374 пуда по осми денег без пирога“. Книга приходно-расходная Николо-Корельского монастыря, № 945, л. 5—6.»

1605 г. «„Купил 11 бочек рыбы судочины и лещвины, бочка по 14 алтын по 3 денги без пирогов“. Книга расходная Кирилловского монастыря, № 381, л. 39.»

1677 г. «„Оброку... 2 рубля 27 алтын полторы денги с пирогом“. Акты Холмогорско-Устюжской епархии, 1, 1677, с. 18.»

1695 г. «„В доимки за ними остался 10 алтын 2 денги с полденгов и с пирогом“. Книга осмирублевого сбора 1685 г., л. 24»²⁶².

Однако значение слова „пирог“, на наш взгляд, истолковано не совсем точно. Сам Ричард Джемс объясняет его как a farthing, т. е. „четверть пенни“, что Б. А. Ларин переводит русским термином „полушка“. Однако стоит сопоставить текст рукописи Р. Джемса на с. 61 (7), посвященный термину „пирог“, с его же толкованием слов „копейка“ и „московская денга“ на с. 15 (12, 13), как становится ясной ошибочность такого объяснения. Р. Джемс пишет: „сорека — minus aliquot 2 denar Ang.“, т. е. сорека — minus aliquot 2 denarii Anglorum — „копейка немного меньше двух английских пенни“; „moskoveski dingo — denari Ang.“, т. е. „московская денга — пенни английские“. Таким образом, следуя Р. Джемсу, под „пирогом“ или фартингом следует понимать не полушку, или половину московской денги, но лишь четверть последней²⁶³. Такое толкование подтверждают и источники, приведенные уже самим Б. А. Лариным. В только что цитированной записи „Книги осмирублевого сбора“, где указывается сумма в 10 алтын 2 денги с полденгою и с пирогом, было бы необъяснимым повторение рядом двух терминов (полденга и пирог), если бы они оба означали „полушку“. Также труднообъяснима тогда и запись 1677 г. Наконец, надо отметить, что слово „пирог“ было достаточно широко известно в специальной литературе как метрологическое понятие. В „Торговой книге“ конца XVI в. записано: „В золотнике почек 25, а почка тянет одну полушку, а полпочки полполушку“. Сопоставление данных „Торговой книги“, словаря Ричарда Джемса и частных актов заставляет ассоциировать „пирог“ с полуполушкой, т. е. четвертью московской денги. По данным А. С. Мельниковой, средний вес полешек Михаила Федоровича (по 939 экземплярам Костромского клада) — 0,10 г, что для полуполушки должно дать около 0,05 г²⁶⁴. По расчетам Д. И. Прозоровского, пирог как весовая единица равнялся около 0,04 г²⁶⁵. Цифры получаются довольно близкие, но утверждение того же автора о равенстве почки

четырем пирогам не подтверждается. Такой вывод подкрепляется также следующим расчетом. По данным „Торговой книги“, почка тянет полушку. Тогда, исходя из расчетов Прозоровского, при равенстве почки 4 пирога, умножаем вычисленный им вес пирога — 0,044 г на 4, получаем 0,176 г, т. е. вес, почти вдвое больший, чем указанный выше фактический средний вес полушек Миханла Федоровича. Название „пирог“, как можно судить по приведенным выше актовым материалам, было распространено на довольно точно определяемой территории Северо-Востока Русского государства, от Белого озера до устья Северной Двины. Здесь же был, как известно, составлен Р. Джемсом и его дневник.

Теперь вкратце изложим свое мнение еще о двух терминах русского денежного обращения: гроше и пуле. Грош назван и в словаре 1607 г. и в словаре Р. Джемса (1618—1619). В обоих случаях он приравнен к двум копейкам. В специальной литературе появление термина „грош“ в русских источниках датируется не всегда точно. «В XVII в. „грош“ — монета, равная двум копеечным. Впервые упомянут в документах времен реформы Алексея Михайловича», — пишет один из исследователей²⁶⁶. Через несколько лет тот же автор уже говорит о существовании счетного понятия грош, основываясь на документе 1626 г., где названы „грошевые“ хлебы и калачи²⁶⁷.

Автор настоящей статьи обратил внимание специалистов на более раннее употребление термина „грош“ в русских источниках еще в докладе на научной сессии Государственного Эрмитажа в 1965 г.²⁶⁸ В четвертом издании известной среди нумизматов книги „Русская монетная система“ ее автор, И. Г. Спасский, пишет, что „существовало еще одно, зафиксированное документами XVI и XVII вв. счетное понятие грош, соответствовавшее четырем денгам“²⁶⁹. Однако гроши упоминаются не только в обоих словарях начала XVII в., документах XVI в., но и в более ранних русских документах начала XV в. В одной дарственной записи, датированной примерно 1412 г., называются десять грошей, предназначенных „Семену паробку“²⁷⁰. В памяти неизвестного торговца второй половины XVI в. записано, что „на Иване на Харламове 3 грошем рубль“²⁷¹. В жалованной грамоте Терехову-Воскресенскому монастырю (Рязанский уезд) устанавливался размер мыта на р. Оке: „а имати им мыта: с насаду и с лодьи, по нашему указу, по гривне, а с паузка по два алтына, а с прибойного струга по десяти денег, а с однодеревого по два гроша, а что на судах тяглых людей, со всякого человека по две денги“²⁷².

Грош упомянут и в одной из записей расходной книги Нижегородского Благовещенского монастыря 1604 г.²⁷³ Счет на грош в перечисленных источниках, особенно в словарях начала XVII в., а также последующая чеканка медных грошей в период реформы Алексея Михайловича являются подтверждением большей значимости этой единицы в денежном счете Русского государства первой половины XVII в., чем об этом было принято думать. А. А. Ильин, описывая некоторые серебряные монеты Михаила Федоровича в каталоге Эрмитажа, назвал их „грошами“, исходя из их сравнительно высокого веса, от 0,61 до 0,70 г²⁷⁴, при обычном весе копеек от 0,50 до 0,45 г²⁷⁵. Тщательное исследование этой группы монет, вероятно, дало бы интересные результаты и, возможно, показало бы, что предположение А. А. Ильина было сделано не без оснований²⁷⁶.

В словаре 1607 г. упомянута также медная монета — пуло. По мнению И. Г. Спасского, чеканка медных пулов прекратилась в начале XVI в., а их обращение — в конце этого столетия²⁷⁷. Очень возможно, что упоминание медного пула среди русских денежных единиц является таким же анахронизмом, как неточное свидетельство о величине новгородского рубля²⁷⁸. Однако здесь интересно другое. До сих пор не установлено точное соотношение между пулом и другими денежными единицами XVI в. Источники XVI—XVII вв. определяют пуло как 1/100, 1/60 и 1/10 московской денги²⁷⁹. Автор же словаря дает новое соотношение: пуло — 1/24 копейки, или, следовательно, 1/48 московской денги.

Рассмотрим теперь группу иностранных монет, помещенных авторами словарей среди русских счетно-денежных единиц. В словаре Берлинской библиотеки, примерно датированном серединой XVI в., назван золотой, переведенный немецким словом „гульден“, т. е. золотой флорин, дукат. В словаре Т. Фенне 1607 г. золотой помещен не среди монет, но под рубрикой „Золото и серебро“. Различный подход к наиболее распространенной золотой монете прекрасно иллюстрирует ее двойственное значение в экономике Русского государства XVI—XVII вв. В последних работах о золотой монете в России этого периода высказывается мнение о том, что она являлась для страны лишь товаром, сырьем, в лучшем случае в ограниченной мере служа лишь средством накопления, что в русском денежном обращении золотые монеты не участвовали²⁸⁰. Нельзя не согласиться, что участие иностранных золотых монет в денежном обращении Русского государства было очень ограниченным. Однако оно имело место. И. Г. Спасский не раз подчеркивал, что „различные названия тех или иных западноевропейских золотых монет стали русскими метрологическими понятиями, выражая лишь определенный вес золота в монетовидной форме“²⁸¹. В этой характеристике иноземной монеты на Руси заложены, можно сказать, все условия для ее обращения: население знает иностранную монету; ее разновидности стали для него определенными метрологическими понятиями, настолько хорошо усвоен вес того или иного вида иноземного золота; это иноземное золото имеет удобную монетовидную форму. Иностранные путешественники, посещавшие Русское государство, подтверждают, что жители городов прекрасно знали соотношение стоимости золотой иноземной и русской монеты²⁸². „... Золотая монета и золото в слитках различаются между собой только по внешности...“, — писал Карл Маркс²⁸³. Тем более странно отделять непреодолимой преградой золотую монету как товар и золотую монету как таковую. Не ограничиваясь теоретическими рассуждениями, приведем несколько примеров использования иноземной золотой монеты. Иностранцы платят в России пошлины, а также за проезжие грамоты золотыми и ефимками. В отчете Т. Шrove о путешествии в Москву в 1494 г. говорится об оплате за лошадей от Новгорода до Москвы 25 марками серебра и 8 золотыми гульденами и 9 венгерскими гульденами за охранные грамоты²⁸⁴. Золотые широко использовались на Руси при денежных расчетах с иностранцами, бралась с собой как наиболее удобный и портативный вид монет в заграничные путешествия. В казне Немецкого двора в Новгороде в 1406 г. были золотые нобли, гелдернские и рейнские гульдены²⁸⁵. В 1488 г. золотые отняты у русских купцов в Литве, в 1489 г. на землях волошского воеводы Стефана, в 1502 г. у „человека“ московских гостей

Тридиных близ Азова, в 1639 г. в Могилеве²⁸⁶. Золотые использовались и для выкупа пленных воевод²⁸⁷. Приданным Ксении Борисовны, по предложенным условиям брака (с герцогом шлезвиг-голштинским Гансом), должно быть 400 000 золотых²⁸⁸. В 1595 г. русские послы, будучи в Минске, передают Михаилу Рогозе, митрополиту Новгород-Северскому, от имени царя Федора Ивановича 5 золотых угорских²⁸⁹. В 1592 г. золотые угорские были посланы львовскому соборному причту на строительство храма Успения²⁹⁰. Однако источники говорят, что золотые имели хождение и внутри страны, вовлекались во внутреннее денежное обращение. Прежде чем привести конкретные факты, подтверждающие данный тезис, надо остановиться на свидетельствах современников о золотых, свидетельствах общего характера. С. Герберштейн говорит, что русские не чеканят своих золотых монет, но пользуются иностранными, прежде всего венгерскими²⁹¹. Агент английской торговой компании Джон Гасс пишет в 1554 г., что в России иностранная золотая монета обращается не по обычной цене, а согласно взаимному соглашению торговцев²⁹². Но на территории Русского государс.ва, особенно в XVII в., четко различаются два курса монеты — „указной“ и „рыночной“. Так, „указная“ цена золотого в 1638, 1650, 1651, 1653, 1667, 1680 гг. прочно держится одного рубля²⁹³. Эта цена была закреплена Торговым уставом Алексея Михайловича²⁹⁴. В то же время существует рыночная цена. „С 1 января по 1 мая 1674 года они, дукаты, подыались от 115 до 120 копеек, 17 мая они стоили 122, 1 июня — 123. Иногда они поднимаются до 125 копеек“, — пишет И. Кильбургер²⁹⁵. Этим же объясняются и резкие колебания цен на дукаты, о которых сообщает Маржерет²⁹⁶. Разница между „указным“ и „рыночным“ курсом дукатов, имевшая место в России, не являлась особенностью ее денежного обращения. На Западе обычно существовало различие между официальным курсом, публиковавшимся в вальвационных постановлениях, и рыночным курсом золотых монет. Уже само наличие двух курсов говорит о том, что иностранная золотая монета участвовала в экономической жизни страны, в той или иной степени была втянута во внутреннее денежное обращение. Характерно, что записи о золотых в царствование Михаила Федоровича ведутся в приходных и расходных книгах денежной казны, а записи золотых и серебряных изделий — в приходной книге товарам и вещам²⁹⁷. Теперь приведем несколько примеров, которые подтверждают участие золотых во внутренней экономической жизни Русского государства XVI—XVII вв. В 1484 г. золотые московские посылаются двум приглашенным иноземным мастерам „на протор“, на дорожные расходы²⁹⁸. В 1601 г. ювелир Франческо Асцентини получил за службу 100 золотых²⁹⁹. Золотыми выплачивается жалование войску³⁰⁰. Они используются в качестве вклада в монастырь³⁰¹. Среди конфискованного имущества Василия Третьякова-Далматова, по свидетельству С. Герберштейна, было 3000 флоринов³⁰². В описи имущества царя Василия Ивановича и его братьев Дмитрия и Ивана Шуйских, произведенной в сентябре 1612 г., названы и золотые и талеры (ефимки)³⁰³. В монастырской казне имелось иногда значительное количество золотых³⁰⁴. Золотые отдавали в клад и брали взаймы³⁰⁵. По свидетельству Петрея, золотыми давались взятки³⁰⁶. Владимирский епископ, будучи в Литве, занял у шляхтича Андрея Громацкого „на монастырские строенья две тысячи золотых“. В 1626 г. Громацкий пытался до-

браться до Москвы, чтобы добиться возвращения долга³⁰⁷. В 1674 г. псковский житель Козьма Зюнин ведет переписку о получении у Михаила Паульсона из Колывани трехсот золотых для закупки товаров. Причем из текста грамоты ясно, что товар должен быть закуплен на территории Русского государства и затем отослан в Ругодив (Нарву)³⁰⁸. Конечно, надо учесть, что золотые монеты, как и повсюду в те времена, имели ограниченное распространение, концентрируясь в руках феодальной верхушки и купечества.

То, что было сказано о золотых в экономической жизни Русского государства XVI—XVII вв., в значительной степени можно отнести и к талерам.

В словаре Т. Фенне 1607 г. ефимки помещены не в разделе „Золото и серебро“, но в части, озаглавленной: „О русских деньгах“. Так же рассматривает ефимки А. Олеарий, несколько раз побывавший в Москве в 30-х гг. XVII в. Он пишет: „У них ходят и наши рейхсталеры, которые они называют ефимки“³⁰⁹.

Ефимки были необходимы как своего рода международная монета для зарубежных поездок. В 1657 г. при отправлении посольства в Венецию велено было выдать „на проезд в подводы сухово пути пятисот ефимков“³¹⁰. Такое же распоряжение последовало в 1659 г., когда посланники Василий Лихачев и Иван Фомин отправлялись во Флоренцию³¹¹. Не меньшие расходы в талерах несли при поездках за границу русские купцы. Основываясь на Московском подворье в Риге или платя

Таблица 4

Русский денежный счет по материалам словарей

Название денежной и счетно-денежной единицы	Словарь			
	I	II	III	IV
	конец XV— начало XVI в.	середина XVI в.	1607 г.	1618—1619 гг.
Рубль новгородский	210*	—	210	—
Рубль московский	100	100	100	100
Полтина новгородская	108	—	—	—
Полтина московская	50	50	50	—
Гривна новгородская	14	14	14	—
Гривна московская	10	10	10	10
Полгривны новгородской	—	7	—	—
Полгривны московской	—	5	—	—
Алтын	3	3	3	3
Грош	—	—	2	2
Денга московская	—	1/2	1/2	1/2
Четвертьца (полушка)	—	1/4	1/4	1/2
				(денги мос- ковской)
Пирог	—	—	—	1,8
Пуло	—	—	1,24	—

* Величина единиц во всех четырех графах—в новгородских денгах.

Таблица 5

Иноземная монета на Руси по материалам словарей

Название монеты	Словарь			
	I	II	III	IV
Золотой	—	Гульден	Гульден	—
Ефимок	—	—	Талер	Талер
Шкили	—	Шиллинг	—	—
Любецкий	—	Пфенинг	—	—

постояло частным лицам в Стокгольме, они должны были рассчитываться ефимками³¹². За провоз двух людей от Стокгольма до Копорья морем „копорские мужики“ взяли в 1628 г. 7 ефимков³¹³. Иногда русские торговые люди, будучи за рубежом, должны были срочно занимать ефимки друг у друга. Так, Иван Самсонов одолжил в 1690 г. тихвинскому посадскому человеку Семену Иванову „329 ефимков и один марок свейских“. Тихвинец должен был возратить долг по возвращении на родину русскими деньгами³¹⁴. Эпизод интересен тем, что он говорит об определенной возможности русского купца распоряжаться имеющимися у него ефимками. Издавна русские торговые люди, находясь в чужой стране, платили ефимками таможенные сборы, „явочное“, „весчее“. В 1639 г., например, ладожские посадские люди Антипко Романов да Петрушка Прокофьев уплатили на шведской территории в Канцах с десяти сороков соболей „32 яфимка любских да 10 копеек“³¹⁵. Не только дипломаты и купцы, но и паломники в „святые места“ должны были платить турецким властям на Дунае и церковным в Иерусалиме. „Иже кто восхощет наплакаться у гроба господня в вечное поминание в синодик, и от единого имени по пяти ефимков дают, а от сорокоустия по полутора ефимка“³¹⁶. Если дипломаты, видные паломники и богатые гости получали талеры для путешествия за границу из царской казны, то было немало „худых“ торговых людей, зажиточных крестьян, которые ездили на рубеж и за рубеж и должны были иметь для этого ефимки.

Правительство на определенных, безусловно выгодных для него, условиях могло отсрочить выплату пошлин ефимками как для иностранцев, так и для русских людей³¹⁷. В источниках встречаются упоминания о долгах, исчисляемых в ефимках. Бывший архангельский воевода Григорий Плещеев был обвинен в том, что не отдает денег гамбургским купцам братьям Бахерахт. В грамоте Михаила Федоровича от 25 ноября 1636 г. утверждалось, что обвинение в том, будто „он Григорий должен был Давыдову брату Бахру пятьдесят пятью царских ефимками и того долгу ему не отдал“, ложно³¹⁸. Однако сама возможность подобного обвинения говорит о роли ефимков на территории Русского государства. Примечателен относящийся примерно к тому же времени факт займа жителями Колы в Москве у их бывшего воеводы 390 ефимков „на их кольских посадских людей в мирской расход“³¹⁹. В 1652 г. один рижский ремесленник должен был Василию Кузинову 200, а рижанин Беренд Долман Федору Харламову и Богдану Офонасьеву — 400 ефим-

ков³²⁰. Из документа о тяжбе 1654 г. псковского торгового человека Клим Балаксина с колыванцем Константином Кармахером узнаем, что последний должен был псковичу 500 ефимков, которые вовремя „не прислал к нему, Климку, во Псков“³²¹. Интересна заемная кабальная запись, датированная 1 марта 1660 г.: „Се аз иноземец Анбурские земли Винцент Юрьев сын Фос занял есми, будучи на Москве, у гостя у Ивана Савинова сына Худякова три тысячи триста шестдесят восемь ефимков любских добрых, прямых, серебряных, нынешнего сию шестдесят осьмого году, марта от первого числа, до срока до сто семьдесят первого году до Рождества Христова“³²².

Иногда талерами платились некоторые подати. Так, в 1615 г. сбор податей с саами и кольских крестьян должен был быть произведен не только русскими деньгами и мехами, но и ефимками³²³. Частично ефимками платят саами и позже, например, в 1623—1624 гг.³²⁴ В 1624—1625 гг. „дал Федор Возовой с товарищи весновалских судовых божьих участков с полчетвертных судов: с Федора Возового судна, да с Олексеева Волнова судна, да с Первого Плищечкина судна да с полусудна Ларнона Тимофеева, а денег у Федора с товарищи салних взял 70 руб. 23 акт. 2 д. Да с тех же судов взял 24 яфимка крестовых, а пришли те яфимки за 11 руб.“³²⁵ Еще в начале XVIII в., в 1704 г., холмогорский архиерейский дом получает от рыбных промыслов доход ефимками, кроме долей „промышленных людей“ (т. е. рыбаков)³²⁶. Ефимками брались взятки. Челобитые посадских людей Запсковья рассказывает о различных злоупотреблениях воевод, которые приглашали посадских людей на частые обеды и за это брали с них от 50 денег до ефимка и цевки золота, а уклоняющихся от обедов преследовали³²⁷.

В новгородских таможенных книгах имеется запись от 5 января 1650 г. о товарах, привезенных и купленных в Новгороде купцом г. Ниеншанца Д. Меллером. Кроме сукна, краски, меди и других товаров, у него „1050 ефимков любских“. „И из того числа отвесили в государеву казну на ефимочные деньги 472 ефимка любских. А на 300 ефимков купили товару: полтора сорока соболей, 2 рыси, 12 сороков горностаев; и тот товар послали во Псков с канецким же немчином, с Ъваном Ефимьевым, который с ним же приехал“³²⁸. Это была совершенно обычная, можно сказать, официальная покупка, в результате которой ефимки поступали в казну. Но были и другие покупки с помощью ефимков. Перед отъездом русских посланников за рубеж „у Архангельского городка куплено на государевы дела стопа бумаги, дано два ефимка, да для государевых дел куплено на стол два аршина сукна черватого, дано четыре ефимка. Того ж дни, для государевых дел, куплено пуд двадцать семь фунт свечь салних, дано четыре ефимка; да для приходу князей и владетелей и генералов розных куплено три свечи больших, витых, дано шесть ефимков“³²⁹.

Ефимками оплачивались войска иноземного строя³³⁰. В договоре от 25 июня 1631 г. „О наборе в Российскую службу полка вольных немцев“ было записано: „Полковнику давати на месяц по четьреста царских ефимков. Начальнику полковому поручику по двесте царских ефимков. Майору по сту царских ефимков... сто двадцати рядовым солдатам по полупята царских ефимков“³³¹. С цитированным документом интересно сопоставить окружную грамоту Михаила Федоровича в Устюг Великий, чтобы нанятым „немецким людям“ „давать наемные

деньги помесечно“, а на те деньги „покупати всякое съестное у харчевников самим“³³². Из текстов обоих документов можно заключить, что „ратные люди“ покупали съестное у харчевников на выданные им ефимки. Расчеты оплаты мастеров при постройке корабля „Орел“ производились в голландских гульденах и ефимках³³³. Оплата ефимками производилась мастерам иноземного происхождения, работавшим на тульских и каширских заводах³³⁴. В переписной книге стольника Афанасия Фонвизина в 1663 г. записано: „Да тех же заводов 3 человеком мастером в годовую дачю на полгода на Москве дано за обе ж половины из государевы казны 300 ефимков непечатанных, ценою положено по полтине за ефимок, итого 150 руб.“³³⁵

Мы уже видели, что талеры и золотые были в личной казне В. И. Шуйского и его братьев; источники говорят о ефимках в казне Печенгского и Соловецкого монастырей, в Спасской церкви Куропольского посада г. Холмогор³³⁶. В церковной казне патриарха Никона в 1658 г. находилось несколько тысяч ефимков³³⁷. В „подголовке“ гостя Гаврилы Фатеева в декабре 1676 г. обнаружили денег „пятсот рублей двесте золотых трицат ефимков“³³⁸. Среди „животов“ (имущества), оставшихся в Смоленске после Федора Никулина в 1655 г., было „денег и рублевых ефимком и четверти 10 рублей с четвертью; 6 левков да пол ефимка“³³⁹.

Источники, цитированные выше, свидетельствуют о наличии ефимков у населения. Приведем еще некоторые факты такого же рода. В 1649 г. гость Иван Стоянов скупал ефимки для государевой казны у новгородских и псковских посадских людей³⁴⁰. В другом источнике говорится о том, что многие крестьяне продают хлеб за „свейский“ рубез, иногда привозя оттуда ефимки³⁴¹. По этим записям таможенной книги Тихвинского монастыря видно, что значительная часть заонежан, олончан и зарубещев привозит с собой на местную ярмарку, кроме различных товаров, то или иное количество ефимков, с которых берется пошлина, как и с русских денег³⁴². Последние три свидетельства, как и ряд других, подтверждают наличие ефимков не только у крупных гостей и знати, но и у посадских людей и зажиточных крестьян.

Рассмотренные источники позволяют утверждать, что талер и его разновидности были хорошо известны достаточно широким кругам русского населения. Талеры, кроме „официального“ участия в русском денежном обращении в 1654—1659 гг., вопреки правительственным постановлениям, вовлекались в экономическую жизнь страны, особенно с конца XVI—начала XVII в. В XVI в., как это подтверждают рассмотренные нами иностранные словари, еще весьма существенную роль играет золото. Хотя активная роль талера начинает проявляться несколько позже, чем в Западной Европе, основные закономерности и в этом случае очень близки. По мнению В. Спунера, золото еще господствует в Западной Европе до середины XVI в.³⁴³ Участие талеровой монеты в экономической жизни Русского государства, а частично и в его денежном обращении, было одним из условий и основ денежных реформ правления Алексея Михайловича и Петра I.

¹ Базилевич К. В. Элементы меркантилизма в экономической политике правительства Алексея Михайловича.—Ученые записки МГУ, 1940, вып. 41 (История, т. 1), с. 4—5.

² Мы не говорим о венецианской лире Николо Трона и миланских тестонах, имевших значительно меньший вес, чем монеты, которые принято называть талеровыми. О ранней талеровой чеканке см.: L. Nemeškal, «K predchůdčím talarové ražbu» *Sborník Národního muzea, Řada A—Historie*, Sv. 15, 1961, str. 49—68; L. Nemeškal, *Jáchymovská mincovna v I. polovině 16. století*, Praha, 1964; K. Moeser und F. Dworschak, *Die große Münzreform unter Erzherzog Sigmund von Tirol*, Wien, 1936.

³ Ср.: Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654—1668 гг.—АЕ за 1959 г. М., 1960, с. 107.

⁴ В. Koch, «Goldgeld und Groschenmünze im Österreichischen Geldverkehr des Mittelalters», *NZ*, Bd. 81, 1965, S. 12—13.

⁵ L. Nemeškal, *Jáchymovská mincovna...*, str. 21—92.

⁶ Шодуар С. Обзорные русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древних времен, ч. I. СПб., 1837, с. 83.

⁷ N. Bauer, *Jefimok*, in *Wörterbuch der Münzkunde*, hrsg. von F. Schrötter, Berlin—Leipzig, 1930, S. 280.

⁸ Спасский И. Г. Указ. соч., с. 106—107; Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г.—МИА, М., 1954, № 44, с. 221—230; Спасский И. Г. Талеры в русском денежном обращении 1654—1659 гг. Л., 1960, с. 3.

⁹ Гейтц Ф. Ф. Ефимки.—НС, М., 1913, т. 2, с. 178.

¹⁰ G. Mickwitz, *Aus Revaler Handelsbüchern. Zur Technik des Ostseehandels in der ersten Hälfte des 16. Jahrhunderts*, Helsingfors, 1938, S. 86—87.

¹¹ *Ibid.*, S. 87.

¹² Дорошенко В. В. Русские связи таллинского купца в 30-х годах XVI в.—В кн.: Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968, с. 52—53.

¹³ Там же, с. 49, 57—58.

¹⁴ 2040,5 из 6641 рижских марок. См.: Дорошенко В. В. Указ. соч., с. 49, 53.

¹⁵ W. Stieda, «Über die Quellen der Handelstatistik im Mittelalter», *Anhang zu den Abhandlungen der königlich-preussischen Akademie der Wissenschaften*, Berlin, 1908, S. 17—18, 53—58; G. Mickwitz, *Aus Revaler Handelsbüchern...*, S. 87; A. Attman, *Den ryska marknaden i 1500-talets baltiska Politik. 1558—1595*, Lund, 1944, s. 69.

¹⁶ *Kölner Inventar 1531—1571. Bearbeitet von K. Höhlbaum, H. Klussen*, Bd. 2, Leipzig, 1896, S. 341; A. Attman, *op. cit.*, s. 74, 76.

¹⁷ *Katalog der Ausstellung zum X. Archäologischen Kongress in Riga*, Riga, 1896, S. 214; Потин В. М. Причины прекращения притока западноевропейских монет на Русь в XII в.—В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, с. 111—112.

¹⁸ G. Mickwitz, «Die Handelskaufleute in Wiborg 1558—1559», *Historiallinen Aristo*, 45, Helsingfors, 1939, S. 53, 112; A. Attman, *op. cit.*, s. 82.

¹⁹ A. Attman, *op. cit.*, s. 69—72.

²⁰ F. Adelong, *Kritisch-literarische Übersicht der Reisenden in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind*, Bd. 1, St. Petersburg, 1846, S. 233, 238.

²¹ M. Bahrfeldt, *Niedersächsisches Münzarchiv. 1551—1625*, Bd. 2, Halle a./S., 1928, S. 98, 111, 114, 143, 148, 474.

²² *Compagnie anversoise de Narva. Compte journalier d'une expédition en 1573—1576*, dans J. Denucé, *La Hanse et les compagnies commerciales anversoises aux pays baltiques*, Anvers, 1938, annexes, p. 12—34.

²³ J. Denucé, *op. cit.*, p. XXVI—XXVII.

²⁴ Жордания Г. Г. Первые французские купцы и мореплаватели в Русском Поморье. Зарождение франко-русских торговых и дипломатических сношений.—В кн.: Франко-русские экономические связи. Москва—Париж, 1970, с. 11.

²⁵ A. Attman, *op. cit.*, s. 70 (на борту корабля было 4542 талера).

²⁶ Любименко И. История торговых сношений России с Англией, вып. 1. Юрьев, 1912, с. 52—53; Кулишер И. М. Очерк истории русской торговли. Пб., 1923, с. 122.

²⁷ Любименко И. Указ. соч., с. 81—83, Приложения, с. 148—149.

²⁸ См. примечание 20.

²⁹ G. Mickwitz, *Aus Revaler Handelsbüchern...*, S. 64, 151, 148.

³⁰ M. Bahrfeldt, *op. cit.*, S. 98.

³¹ Форстен Г. В. Акты и письма к истории балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. СПб., 1889, № 41, с. 109.

³² E. Harder, «Seehandel zwischen Lübeck und Russland im 17./18. Jahrhundert nach Zollbüchern der Novgorodfahrer», Т. I, *Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde*, Bd. 41, Lübeck, 1961, S. 100.

- ³³ Спасский И. Г. Денежное обращение... , с. 285.
- ³⁴ Спасский И. Г. Русская монетная система. Изд. 3-е, Л., 1962, с. 100; Изд. 4-е, Л., 1970, с. 111.
- ³⁵ Schlüter, *Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII. bis XVII. Jahrhundert*, Dorpat, 1911, S. 123, 132, 190, Registrar; Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963, с. 290—291.
- ³⁶ Дорошенко В. В. Указ. соч., с. 50, 53.
- ³⁷ *HR*, 3. Abt., Bd. 6, Nr. 521, S. 481; Хорошкевич А. Л. Значение экономических связей с Прибалтикой для развития северо-западных русских городов в конце XV—начале XVI в.—В кн.: Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968, с. 27.
- ³⁸ *HR*, 3. Abt., Bd. 6, Nr. 188, § 135; A. Attman, *op. cit.*, s. 67.
- ³⁹ *HUB*, Bd. 11, Nr. 365, S. 262; L. K. Goetz, *Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters*, Lübeck, 1922, S. 333; Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода... , с. 290.
- ⁴⁰ *AR*, Bd. 3, Nr. 256, § 4; *HR*, 3. Abt., Bd. 9, Nr. 523, § 4. Практически чистое серебро могло быть получено с пробой 985,5. G. Agricola, *De re metallica Libri XII*, Berlin, 1928, S. 417; T. Dziekoński, *Metallurgia miedzi, ołowiu i srebra w Europie środkowej od XV do końca XVIII w.*, Wrocław—Warszawa—Kraków, 1963, str. 352. Ср.: Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода... , с. 290.
- ⁴¹ *AR*, Bd. 3, Nr. 201, § 7.
- ⁴² См. примечание 40.
- ⁴³ L. Nemeškal, *Jáchymovská mincovna...*, str. 60.
- ⁴⁴ Спасский И. Г. Денежное обращение... , с. 224.
- ⁴⁵ G. Mickwitz, *Aus Revaler Handelsbüchern...*, S. 84.
- ⁴⁶ *Constitutio Piotrkowskie roku 1567. Universal Króla Zygmunta Augusta z dnia 14 czerwca 1567 roku*, Warszawa, 1967.
- ⁴⁷ L. Nemeškal, *Jáchymovská mincovna...*, str. 174.
- ⁴⁸ *Ibid.*, str. 175.
- ⁴⁹ H. Enno van Gelder, Marcel Hoc, *Les monnaies des Pays-Bas bourguignons et espagnols. 1434—1713*, Amsterdam, 1960, p. 87.
- ⁵⁰ *Ibid.*, p. 75.
- ⁵¹ B. Tingström, *Svensk numismatisk Uplagsbok*, Stockholm, 1968, s. 74.
- ⁵² J. Wilcke, *Daler, mark og kroner. 1481—1914*, København, 1931, p. 154—155.
- ⁵³ *Ibid.*, p. 153.
- ⁵⁴ Гейтц Ф. Ф. Указ. соч., с. 180.
- ⁵⁵ РИБ, т. 15. Спб., 1894, № 63, с. 112.
- ⁵⁶ B. Koch, *op. cit.*, S. 9.
- ⁵⁷ N. L. Rasmusson, *Joachimsthaler*, in *Kulturhistorisk lexikon för nordisk medeltid*, Bd. 7, Malmö, 1960, s. 580—583.
- ⁵⁸ РИБ, т. 15. Спб., 1894, № 49, с. 87—90; Гейтц Ф. Ф. Указ. соч., с. 180. Ср.: Трутовский В. К. Старинные названия некоторых денежных знаков.—НС, М., 1911, т. 1, с. 558—559. Г. И. Гансен, первым опубликовавший документ, упоминающий «юхонданы», интерпретировал это название как юганнис-талер. (Гансен Г. И. Древние русские грамоты, хранящиеся в Ревельском городском архиве. Ревель, 1890, № 49, с. 134). Изображение св. Иоанна было и на талерах Лубека, но если датировка документа примерно верна, то нужно согласиться с В. К. Трутовским и Ф. Ф. Гейтцем, что юхонданы — иохамсталеры — наиболее распространенная разновидность талеров в Прибалтике в первой половине XVI в.
- ⁵⁹ N. Bauer, *Jefimok*, in *Wörterbuch der Münzkunde...*, S. 280; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. 2. М., 1967, с. 29.
- ⁶⁰ L. Nemeškal, *Jáchymovská mincovna...*, str. 8—9, 67—75, 82, 180—182.
- ⁶¹ H. Samsonowicz, «Handel Lublina na przełomie XV i XVI w.», *Przegląd historyczny*, t. 59, z. 4, Warszawa, 1968, str. 618.
- ⁶² A. Wawrzyńczyk, *Studia z dziejów handlu Polski z wielkim księstwem Litewskim i Rosją w XVI wieku*, Warszawa, 1956, str. 61.
- ⁶³ R. Rybarski, *Handel i polityka-handlowa Polski w XVI stuleciu*, t. 2, Warszawa, 1958, str. 48, 50—51, 62, 64, 66—68.
- ⁶⁴ G. Netta, *Die Handelsbeziehungen zwischen Leipzig und Ost- und Südosteuropa bis zum Verfall der Warenmessen*, Zürich, 1920, S. 25—27, 35—36.
- ⁶⁵ G. Mickwitz, *Aus Revaler Handelsbüchern...*, S. 40, 220; E. Hasse, *Geschichte der Leipziger Messen*, Leipzig, 1885, S. 331—332, 335, 368—369; E. Harder, *op. cit.*, S. 60.

- ⁶⁶ S. B. Linde, *Stownik języka polskiego*, t. 5, Lwów, 1859, str. 643.
- ⁶⁷ A. Platbärzdis, *Die königlich-schwedische Münze in Livland. Das Münzwesen 1621—1710*, Stockholm, 1968, S. 434.
- ⁶⁸ РШЭО, № 216, с. 396.
- ⁶⁹ И. Г. Спасский пишет в одной из своих работ, что в XVII в. различались „старые и новые любские“.— См.: Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. . . ., с. 108. Мне русские источники с такой терминологией неизвестны.
- ⁷⁰ *Niedersächsischen Valuation Druck*, s. 1., 1572, f. 1.
- ⁷¹ *Vergleichung und Gepräge der großen und kleinen Münzsorten...*, Leipzig, 1583, f. 29.
- ⁷² РИБ, т. 16. Спб., 1897, № 137.
- ⁷³ АЮБ, т. 2. Спб., 1864, № 129, с. 62—76; Спасский И. Г. Денежное обращение. . . , с. 241—249.
- ⁷⁴ РИБ, т. 28. Спб., 1912, с. 219.
- ⁷⁵ РИБ, т. 15. Спб., 1894, № 112, с. 225.
- ⁷⁶ Ш о д у а р С. Указ. соч., с. 84.
- ⁷⁷ N. Bauer, *Jefimok*, in *Wörterbuch der Münzkunde...*
- ⁷⁸ Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. . . ., с. 107—108.
- ⁷⁹ 409, 512 г: 14 = 29,23 г. См.: Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. М., 1965, с. 121—122.
- ⁸⁰ F. Schrötter, «Das Münzwesen des Deutschen Reichs von 1500 bis 1566» (*Sonderabzug aus Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft*), Leipzig, 1912, S. 127.
- ⁸¹ A. Suhle, *Reichstaler*, in *Wörterbuch der Münzkunde...*, S. 558.
- ⁸² B. Tingström, *op. cit.*, s. 74. В дальнейшем вес риксдалера при некоторых колебаниях сохранялся почти без изменений.
- ⁸³ J. Wilcke, *op. cit.*, p. 154—155, 168—171.
- ⁸⁴ H. Enno van Gelder, *De Nederlandse munten*, Antwerpen, 1965, blz. 73, 88, 218, 220, 268.
- ⁸⁵ Фасмер М. Указ. соч., т. 2. М., 1967, с. 388.
- ⁸⁶ Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. . . ., с. 108.
- ⁸⁷ J. Wilcke, *Albertustaler*, in *Wörterbuch der Münzkunde...*, S. 18; H. Enno van Gelder, Marcel Hoc, *op. cit.*, p. 163.
- ⁸⁸ A. Platbärzdis, *op. cit.*, S. 434.
- ⁸⁹ H. Enno van Gelder, *op. cit.*, blz. 225—226.
- ⁹⁰ АИ, т. 4. Спб., 1842, с. 180—181.
- ⁹¹ Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. . . ., с. 108 (со ссылкой на кн.: ДАИ, т. 3. Спб., 1848, с. 189, 410).
- ⁹² ДАИ, т. 3. Спб., 1848, с. 410; Ср.: Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. . . ., с. 108.
- ⁹³ ДАИ, т. 5. Спб., 1853, с. 185.
- ⁹⁴ H. Enno van Gelder, Marcel Hoc, *op. cit.*, p. 178—179.
- ⁹⁵ M. A. Pinchart, «Quelques particularités sur des ateliers de fausses monnaies au XVIIe siècle et sur les monnaies des seigneurs de Cugnon et des Hayons, dans le Luxembourg», *Revue numismatique de Belgique*, t. 4, Bruxelles, 1848, p. 47.
- ⁹⁶ ДАИ, т. 3. Спб., 1848, № 55, с. 185—207.
- ⁹⁷ Родес, с. 227.
- ⁹⁸ Русско-белорусские связи, с. 251.
- ⁹⁹ Спасский И. Г. Каталог ефимков 1655 г.— Нис, 1971, т. 4, с. 145—153.
- ¹⁰⁰ СГГД, ч. 3. М., 1822, № 158, с. 198, 201.
- ¹⁰¹ A. Platbärzdis, *op. cit.*, S. 110.
- ¹⁰² F. Mateu y Llopis, *La moneda española*, Barcelona, 1946, p. 253—257.
- ¹⁰³ A. Suhle, *Macuquina, Peso, Schiffgeld*, in *Wörterbuch der Münzkunde...*, S. 354, 503—504, 596; *Blätter für Münzfreunde*, 1928, S. 271.
- ¹⁰⁴ J. T. Medina, *Las monedas coloniales hispano-americanas*, Santiago de Chile, 1919, p. 13, 15, 71.
- ¹⁰⁵ J. Ch. Hirsch, *Des Deutschen Reichs Münz-Archiv*, T. 3, Nürnberg, 1757, S. 296.
- ¹⁰⁶ Кебуладзе Р. В. Обращение европейских монет в Грузии в XV—XVIII вв. Тбилиси, 1971, с. 70—82 (на груз. яз.).

¹⁰⁷ F. W. Hasluck, "The Revantine Coinage", *Numismatic Chronicle*, 5th series, v. 1, London, 1921, p. 39—91. Если левендаальдер в 1622 г. стоил 95 аспр, то испанские 8 реалов — 100 (*ibid.*, p. 75).

¹⁰⁸ Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 г. и их сочинений.— ЧОИДР, 1863, кн. 3, с. 81.

¹⁰⁹ См. Родес, с. 156—157 (подсчеты Родеса). Однако издатель выражение „ein halb Real von 8: ten“ перевел неправильно, считая, что платили по 1/2 реала от каждого восьмого верлюда. На самом деле немецкое Real von 8: ten — калька с испанского peso de 8 ocho, и, таким образом, за каждого верлюда платилось по 1/2 песо. Следовательно, все расчеты Б. Г. Курца в данном случае неверны. Ср.: Родес, с. 209, примечание 11 (подсчеты Курца). Эта ошибка повторялась и позже.— См.: Кашин В. Н. Торговля и торговый капитал в Московском государстве. Л., 1926, с. 175.

¹¹⁰ G. Mickwitz, *op. cit.*, S. 87.

¹¹¹ A. Attman, *op. cit.*, s. 71.

¹¹² Любименко И. Указ. соч., с. 83.

¹¹³ A. Attman, *op. cit.*, s. 110.

¹¹⁴ АЮБ, т. 2. Спб., 1864, № 129, с. 62—78; Прозоровский Д. И. Монета и вес в России до конца XVIII столетия.— ЗАО, Спб., 1865, т. 12, с. 390—401; Спасский И. Г. Денежное обращение..., с. 241—251; РИБ, т. 15. Спб., 1894, № 112, с. 225.

¹¹⁵ A. Attman, *op. cit.*, s. 112.

¹¹⁶ Savary des Bruslons, *Le Parfait Négociant*, 1674. Цитируется по кн.: Кашин В. Н. Указ. соч., с. 146.

¹¹⁷ Торговая книга.— ЗОРСА, Спб., 1851, т. 1, с. 116.

¹¹⁸ Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в..., с. 108.

¹¹⁹ Спасский И. Г. Денежное обращение..., с. 249.

¹²⁰ Клад из Ипатьевского переулкa хранится в Музее истории и реконструкции Москвы, где он и был просмотрен автором статьи. В кладе имеется фальшивый экземпляр песо, возможно, голландского происхождения. См.: M. d. M., «Valsehe Realen van aughten in Middelburg uitgegeven», *Tijdschrift voor Munt en Penningkunde*, Jg. 9, Amsterdam, 1901, blz. 297—299.

¹²¹ Об Ипатьевском и Коломенском кладах см.: Векслер А., Мельников А. Московские клады. М., 1973, с. 142—146, 202—203.

¹²² Ср.: Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в..., с. 115, примечание 50.

¹²³ H. Enno van Gelder, *op. cit.*, blz. 79, 221—222, 230—231, 263.

¹²⁴ Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в..., с. 108—109; Рябцевич В. Н. О чем рассказывают монеты. Минск, 1968, с. 49, 57; Кебуладзе Р. Указ. соч., с. 85—91, 140 (русское резюме); F. W. Hasluck, *op. cit.*, p. 50—52.

¹²⁵ E. Martinori, *La moneta. Vocabolario generale*, Roma, 1915, p. 504; A. Srespelani, *La zecca di Modena nei periodi comunale ed estense*, Modena, 1884, N 50, p. 265—266; E. Gnechi, «Documenti inediti della zecca di Correggio», *Rivista italiana di numismatica*, anno 1, Milano, 1888, p. 217—224, tav. 5—6; F. Schrötter, *Die Münzen Friedrich Wilhelms des Großen Kurfürsten und Friedrich III. von Brandenburg. Münz- und Geldgeschichte 1640—1700*, Berlin, 1922, S. 164—166.

¹²⁶ F. W. Hasluck, *op. cit.*, p. 51—52.

¹²⁷ A. Platbärzdis, *op. cit.*, S. 109—112.

¹²⁸ *Ibid.*, S. 113.

¹²⁹ Русско-белорусские связи, № 221, с. 243.

¹³⁰ Алеппский П. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в.— ЧОИДР, 1897, кн. 4, с. 6—7, 116; ЧОИДР, 1898, кн. 4, с. 66. И. Г. Спасский пытался на основании данных Павла Алеппского установить обычную стоимость левка в 37—38 копеек, однако нам кажутся сведения Павла Алеппского запутанными и не совсем точными. См.: Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в..., с. 108—109. В 1711 г. ефимочное серебро принималось по 12 левковою — по 8,5 рублей за фунт, т. е. только из расчета около 71% стоимости ефимков. Если принять за обычную стоимость рейхсталера 50 копеек, то левок должен был бы стоить 35—36 копеек. Конечно, соотношение стоимостей в 1653 г. и в 1711 г. могло быть несколько иным.

¹³¹ РИБ, т. 15. Спб., 1894, № 47, с. 86.

¹³² ЗОРСА, Спб., 1851, т. 1, с. 117.

¹³³ РИБ, т. 28. Спб., 1912, с. 219.

- 134 A. Platbärzdis, *op. cit.*, S. 343.
 135 РШЭО, № 103, с. 149.
 136 F. W. Hasluck, *op. cit.*, p. 50.
 137 Вести-куранты. 1600—1639 гг. М., 1972, № 7, с. 66; № 17, с. 89; № 21, с. 99;
 № 23, с. 120, 129; № 5, с. 237; СГГД, ч. 3. М., 1822, № 83, с. 321.
 138 РИБ, т. 28. Спб., 1912, с. 219; Аленпский П. Указ. соч.—ЧОИДР, 1897,
 кн. 4, с. 116.
 139 ДАИ, т. 3. Спб., 1848, № 1166, с. 434.
 142 ЗОРСА, Спб., 1851, т. 1, с. 122—123; Прозоровский Д. И. Монета и век
 в России до конца XVIII столетия.—ЗАО, Спб., 1865, т. 12, с. 442.
 143 Н. Енно van Gelder, *op. cit.*, biz. 235—236.
 144 ДАИ, т. 5. Спб., 1853, № 46, с. 211—247.
 145 Воронежские акты, ч. 1. Воронеж, 1853, с. 85; Прозоровский Д. И. Указ.
 соч., с. 442.
 146 Русско-белорусские связи, № 162, с. 184.
 147 Рябцевич В. Н. Указ. соч., с. 236—237.
 148 Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в середине
 XVII в. ..., с. 106—107.
 149 Там же; Спасский И. Г. Чеканка копеек шведскими властями в Новгороде
 в 1611—1617 гг.—ВИД, Л., 1972, вып. 4, с. 160—173.
 150 Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в середине
 XVII в. ..., с. 110, 112, 119. Спасский И. Г. Чеканка копеек..., с. 173.
 151 J. Ch. Hirsch, *Des Deutschen Reichs Münz-Archiv*, T. 1, Nürnberg, 1756, S. 212, 246, 310, 363, 369, 373, 398; T. 2, Nürnberg, 1756, S. 73, 76, 99, 102, 107, 112, 118, 125, 132, 148, 166, 180, 218, 240, 243, 245, 247, 283, 285, 297, 304, 313, 322, 324; T. 3, Nürnberg, 1757, S. 14, 29, 31, 73, 86, 89, 128, 138, 153, 154, 164, 189, 198, 291, 307, 321, 336, 365; T. 4, Nürnberg, 1758, S. 125, 138, 150, 154, 161, 169, 176, 178, 196, 204, 209, 219, 352, 376, 383, 392, 400, 403, 411; T. 5, Nürnberg, 1759, S. 267, 413, 450, 455.
 152 M. Bahrfieldt, *Niedersächsisches Münzarchiv*, Bd. 1, Halle a./S., 1927, S. 4—5.
 153 M. Bahrfieldt, *op. cit.*, Bd. 2, 1928, S. 142, 280, 287.
 154 M. Bahrfieldt, *op. cit.*, Bd. 4, 1930, S. 50, 463, 514, 527.
 155 Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в середине
 XVII в. ..., с. 136.
 156 M. Bahrfieldt, *op. cit.*, Bd. 3, 1929, S. 80—81.
 157 РШЭО, № 8, с. 35.
 158 Там же, № 10, с. 38.
 159 Там же, № 23, с. 53—54.
 160 АИ, т. 3. Спб., 1841, с. 173.
 161 АМГ, т. 1. Спб., 1890, № 202, с. 228.
 162 Русско-белорусские связи, № 150, с. 170—171.
 163 Там же, № 187, с. 208; № 188, с. 209; № 208, с. 229—230; № 246, с. 268—269.
 164 См., например: ДАИ, т. 3. Спб., 1848, № 55, с. 194; т. 4. Спб., 1851, № 52,
 с. 141—144; т. 5. Спб., 1853, № 40, с. 191, 197—198.
 165 ДАИ, т. 5. Спб., 1853, № 40, с. 191.
 166 Кашин В. Н. Указ. соч., с. 225—226.
 167 E. Harder, *op. cit.*, S. 102.
 168 Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского го-
 рода. Тихвинский посад в XVI—XVII вв. М.—Л., 1951, с. 276—277.
 169 ДАИ, т. 5. Спб., 1853, № 1, с. 7.
 170 Деммени М. Сборник указов по монетному и медальерному делу в России,
 вып. 1. Спб., 1887, № 2364, с. 38—39.
 171 J. Ch. Hirsch, *op. cit.*, T. 3, S. 296.
 172 M. Bahrfieldt, *op. cit.*, Bd. 2, S. 148.
 173 J. Ch. Hirsch, *op. cit.*, T. 3, S. 291.
 174 M. Bahrfieldt, *op. cit.*, Bd. 4, S. 48, 396.
 175 A. Platbärdis, *op. cit.*, S. 114—116.
 176 *Ibid.*
 177 F. Schrötter, *Die Münzen Friedrich Wilhelms...*, S. 24.
 178 *Ibid.*, S. 114—115, 365.
 179 *Ibid.*, S. 140, 147—150.

- 180 *Ibid.*, S. 150, 337.
 181 *Ibid.*, S. 148, 365.
 182 A. Luschin von Ebengreuth, *Allgemeine Münzkunde und Geldgeschichte*, München — Berlin, 1926, S. 157—158, 185, 195, 225.
 183 J. Ch. Hirsch, *op. cit.*, T. 3, S. 190, 303.
 184 Спасский И. Г. Чеканка копеек..., с. 172—173.
 185 Прозоровский Д. И. Указ. соч., с. 445.
 186 РШЭО, № 121, с. 181. См. также: РШЭО, № 167, с. 257, где говорится об отдаче русскими в царскую казну любских ефимков по 44—48 копеек.
 187 Там же; Рухманова Э. Д. Русско-шведская торговля на Балтике в середине XVII в. — В кн.: Скандинавский сборник, вып. 2. Таллин, 1957, с. 55.
 188 Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. ..., с. 116.
 189 Маржерет. Состояние Российской державы. Спб., 1830, с. 47.
 190 Прозоровский Д. И. Указ. соч., с. 426—427.
 191 РИБ, т. 28. М., 1912, с. 219—220; т. 12. Спб., 1890, с. 38.
 192 РШЭО, № 180, с. 289.
 193 Там же, № 91, с. 127.
 194 M. Gumowski, *Podręcznik numizmatyki Polskiej*, Kraków, 1914, str. 193.
 195 H. Enno van Gelder, *op. cit.*, blz. 220.
 196 ЗОРСА, М., 1851, т. 1, с. 122—123.
 197 M. Bogucka, "Profits in Gdańsk Foreign Trade in the 17th Century", *Acta Poloniae Historica*, t. 23, Warszawa, 1971, p. 89.
 198 *Ibid.*, p. 88—89.
 199 Спасский И. Г. Чеканка копеек..., с. 172.
 200 Там же, с. 172, примечание 24.
 201 Архив ЛОИА, ф. I, 1875, д. 5, л. 6а.
 202 Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. ..., с. 115, примечание 50. Определение монет сомнительно.
 203 Янин В. Л. Монетные клады Новгородского музея. — НЭ, 1960, т. 2, с. 148—150.
 204 Ныне в Музее истории культуры и искусства в г. Мюнстере (ФРГ), где его в 1966 г. видел автор статьи.
 205 Веселовский Н. И. История императорского Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846—1896. Спб., 1900, с. 329.
 206 ОАК за 1891 г., Спб., 1893, с. 95.
 207 Архив Государственного Эрмитажа, оп. 5, 1901, д. 31.
 208 *Der Numismatiker*, Danzig, 1902, Nr. 5, S. 43.
 209 Клад хранится в Музее истории и реконструкции Москвы, где был вскоре после поступления просмотрен автором статьи. См. примечание 120, 121.
 210 Клад хранится в Государственном Историческом музее (Москва).
 211 Архив ЛОИА, ф. I, 1903, д. 279; ОАК за 1903 г., Спб., 1906, с. 133, 211.
 212 Книга поступлений ОНГЭ, № 583, с. 67, № 504; акт № 67 от 4 февраля 1939 г.
 213 Мец Н. Д. Клады монет. — КСИИМК, 1953, вып. 52, с. 114—115, № 7.
 214 Архив ЛОИА, ф. I, 1881, д. 16.
 215 Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. ..., с. 115, 118—119.
 216 См.: РШЭО; Потин В. М. Пулковский клад талеров XVII в. — СГЭ, 1957, [вып.] 28, с. 56—58.
 217 Рябцевич В. Н. Монетные клады XVII и первой половины XVIII в. на территории Чернигово-Северской земли и Восточной Белоруссии. — НиС, 1963, т. 1, с. 152—202.
 218 В. Koch, *op. cit.*, S. 5—6.
 219 Рухманова Э. Д. Указ. соч., с. 54.
 220 Там же.
 221 Алексеев М. П. «Русский язык» у немецкого поэта XVI века. — В кн.: Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934, с. 557—572.
 222 W. Stieda, «Zur Sprachkenntniss der Hanseaten», *Hansische Geschichtsblätter*, Leipzig, 1885, S. 157—169.
 223 *Ibid.*, S. 159.
 224 РИБ, т. 16. Спб., 1897, № 6, с. 15; № 64, с. 283—284; Сб. РИО, Спб., 1887, т. 53, № 10, с. 96. Мулюкин А. С. Приезд иностранцев в Московское государство. Спб., 1909, с. 52—53, примечание 4, с. 53—54.

²²⁵ Трутовский В. К. Старинные названия некоторых денежных знаков.—НС, М., 1911, т. 1, с. 556—557. Еще более кратко те же данные были повторены И. Г. Спасским. См.: Спасский И. Г. Денежное обращение... с. 287.

²²⁶ Основная литература об этих рукописях: Строев С. Описание памятников славяно-русской литературы, хранящихся в публичных библиотеках Германии и Франции. М., 1841, с. 130—134; Кочубинский А. А. Отчет о занятиях славянскими наречиями с 1 февраля по 1 августа 1875 г.—«Записки Новороссийского университета», 1875, т. 20, с. 102—104; Берединок Я. О славянских рукописях, хранящихся в германских и французских библиотеках.—ЖМНП, 1844, № 5, с. 73—87; Сырку П. Два памятника живого русского языка XVI в.—«Известия Отделения русского языка и словесности АН», СПб., 1897, т. 2, кн. 4, с. 1058—1067; Яцимирский А. И. Описание южно-славянских и русских рукописей зарубежных библиотек.—«Сборник Отделения русского языка и словесности АН», Пг., 1921, т. 98, с. 484—488; Б. Цонев, *Славянски рукописи в Берлинската държавна библиотека*, София, 1937; Алексеев М. П. «Книга русского языка» Т. Шrove 1546 г. и ее автор.—В кн.: Сборник статей памяти академика Л. В. Щербы (1880—1944). Л., 1951, с. 103—112; K. Günter, «Slavische Handschriften in Deutschland», *Zeitschrift für Slavistik*, Bd. 5, Hft. 3, 1960, S. 52.

²²⁷ Алексеев М. П. «Книга русского языка»... с. 109.

²²⁸ Там же, с. 110—112.

²²⁹ Строев С. М. Указ. соч., № 71, с. 131.

²³⁰ Там же, № 72, с. 134.

²³¹ Сырку П. Указ. соч., с. 1059—1062.

²³² Яцимирский А. И. Указ. соч., с. 486—488; K. Günter, *op. cit.*, S. 328.

²³³ Строев С. М. Указ. соч., с. 134—135.

²³⁴ Там же, с. 135.

²³⁵ Ларин Б. А. Парижский словарь московитов 1586 г. Рига, 1948.

²³⁶ Там же, с. 8.

²³⁷ Там же, с. 111.

²³⁸ Там же (комментарий Б. А. Ларина).

²³⁹ ААЭ, т. 3. СПб., 1836, № 266, с. 406 (1637 г.); Деммени М. Указ соч., с. 8.

²⁴⁰ *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov, 1667*, edited by L. L. Hammerlich, Roman Jakobson, Elisabeth von Schoonveld, T. Starck and A. D. Stender-Petersen, v. 1 (facsimile copy), Copenhagen, 1961. Нижеприведенные сведения о драгоценных металлах и монете помещены на с. 119—121 издания.

²⁴¹ Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619). Л., 1959.

²⁴² Там же, с. 33—34.

²⁴³ Первоначально было написано *lance*, исправлено на *sable* (примечание Б. А. Ларина, издателя словаря Р. Джемса).

²⁴⁴ Очень интересное сообщение Р. Джемса о саблянице было уже использовано и объяснено В. К. Трутовским, Г. Б. Федоровым, И. Г. Спасским; последний считает слово «сабляница» старым названием дореформенных монет, имевших изображение всадника с мечом. См.: Спасский И. Г. Денежное обращение... с. 287.

²⁴⁵ Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник... с. 86, 125, 147—148, 179, 194. Русский перевод Б. А. Ларина.

²⁴⁶ Как видно из текста словаря (с. 54—55), московский рубль приравнивается к семи новгородским гривнам и двум новгородским денгам. Выражая это число в новгородских денгах ($7 \times 14 + 2 = 100$), получаем 100 новгородских денег или 200 московских.

²⁴⁷ Спасский И. Г. Денежное обращение... с. 295.

²⁴⁸ Алексеев М. П. «Книга русского языка»... с. 109.

²⁴⁹ Реформа 1530-х гг. детально исследована И. Г. Спасским. См.: Спасский И. Г. Денежное обращение...; Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в XVI и XVII вв. Л., 1961. См. также: Федоров Г. Б. Унификация русской монетной системы и указ 1535 г.—ИАН, серия истории и философии, 1950, т. 7, № 6, с. 547—558.

²⁵⁰ Торговая книга.—ЗОРСА, СПб., 1851, т. 4, с. 115. Слова в скобках добавлены автором настоящей статьи.

²⁵¹ Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в XVI и XVII вв., с. 15.

²⁵² Нумизматические данные, конечно, не исключают его датировки третьей или даже четвертой четвертью XVI в.

- ²⁵³ Янин В. Л. Деньги и денежные системы.—В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV вв., ч. 1. М., 1969, с. 327, 342.
- ²⁵⁴ Спасский И. Г. Русская монетная система. Изд. 4-е, Л., 1970, с. 114—115.
- ²⁵⁵ Об употреблении слова „копейка“ с начала XVII в. см.: Спасский И. Г. Денежное обращение. . . , с. 288—289.
- ²⁵⁶ Там же, с. 290.
- ²⁵⁷ ААЭ, т. 1. Спб., 1836, № 205, 212, 233, 298 и др.
- ²⁵⁸ Трутовский В. К. Алтын, его происхождение, история, эволюция.—ТСА РАНИОН, М., 1928, с. 131—137; Спасский И. Г. Алтын в русской денежной системе.—КСИИМК, 1956, вып. 66, с. 12—20; Янин В. Л. Алтын и его место в русских денежных системах. Там же, с. 21—30.
- ²⁵⁹ Ср.: Спасский И. Г. Алтын. . . , с. 13.
- ²⁶⁰ Янин В. Л. Алтын. . . , с. 29—30.
- ²⁶¹ Спасский И. Г. Денежное обращение. . . , с. 292.
- ²⁶² Ларин Б. А. Русско-английский словарь. . . , с. 254—255.
- ²⁶³ П. Ф. Симсон еще в начале нашего века считал пирог равным 1/8 копейки. Симсон П. Ф. Не только мортки, но и пироги и даже еще пулы в XVII в. (Дополнительные нумизматические факты и выводы к моему исследованию „Мортки на пороге XVIII в.“). Тверь, 1909, с. 7.
- ²⁶⁴ Мельникова А. С. Систематизация монет Михаила Федоровича.—АЕ за 1958 г., М., 1960, с. 88.
- ²⁶⁵ Прозоровский Д. И. Указ. соч., с. 578. Прозоровский Д. И. Древний русский вес в сравнении с римско-византийским и нынешним русским. Спб., б.г., таблица.
- ²⁶⁶ Спасский И. Г. Денежное обращение. . . , с. 352, примечание 1. Автор имеет, вероятно, в виду медные гроши, чеканившиеся при Алексее Михайловиче.
- ²⁶⁷ Спасский И. Г. Русская монетная система. Изд. 3-е. Л., 1962, с. 103.
- ²⁶⁸ Потин В. М. Термины русского денежного обращения в иностранных словарях XVI—первой четверти XVII в. Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1964 год. 10—12 мая 1965 г. Л., 1965, с. 30.
- ²⁶⁹ Спасский И. Г. Русская монетная система. Изд. 4-е, Л., 1970, с. 115—116.
- ²⁷⁰ Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, № 1—X. Спб., 1867, с. 62; Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода. . . , с. 294—295.
- ²⁷¹ РИБ, т. 15. Спб., 1894, № 47, с. 86.
- ²⁷² ААЭ, т. 1. Спб., 1836, № 386, с. 490.
- ²⁷³ РИБ, т. 2. Спб., 1875, № 51, с. 83.
- ²⁷⁴ ОНГЭ, Каталог русских монет, т. 2, л. 35, № 14—18. Спасский И. Г. Денежное обращение. . . , с. 352.
- ²⁷⁵ Мельникова А. С. Указ. соч., с. 66—89.
- ²⁷⁶ Ср.: Спасский И. Г. Денежное обращение. . . , с. 352.
- ²⁷⁷ Там же, с. 294.
- ²⁷⁸ Однако П. Ф. Симсон приводит данные о пулах в XVII в. См.: Симсон П. Ф. Указ. соч.
- ²⁷⁹ Спасский И. Г. Денежное обращение. . . , с. 294; Спасский И. Г. Русская монетная система. Изд. 3-е, Л., 1962, с. 104; изд. 4-е, Л., 1970, с. 116.
- ²⁸⁰ Спасский И. Г. „Золотые“—воинские награды в допетровской Руси.—ТГЭ, 1961, т. 4, с. 93—94; Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства XVI и XVII вв., с. 22; Спасский И. Г. Русская монетная система. Изд. 3-е, Л., 1962, с. 98; изд. 4-е, Л., 1970, с. 109. Здесь автор указанных работ говорит об использовании золотой монеты также при торговле с восточными купцами, при выкупе у „басурманов“ русских полонян.
- ²⁸¹ Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства XVI и XVII вв., с. 28.
- ²⁸² См. сочинения С. Герберштейна, Р. Барберини, Н. Варкоча, Ж. Маржерета. С. Какаша, И. Родеса, И. Кильбургера и др.
- ²⁸³ Маркс К. Капитал, т. 1. М., 1973, с. 135.
- ²⁸⁴ LECUD, Abt. 2., Bd. 1, Nr. 24, S. 16. А. Л. Хорошкевич, ссылаясь на изложенный выше факт, делает вывод, что венгерские золотые в конце XV в. завоевали твердое место среди иностранных денег, ввозимых на Русь, и отчасти вошли в обращение* (курсив мой.—В. П.). См.: Торговля Великого Новгорода. . . , с. 302.

²⁸⁵ HUB, Bd. 5, S. 387.

- ²⁸⁶ Сб. РИО, Спб., 1892, т. 35, с. 11, 24; Спб., 1884, т. 41, с. 408; Русско-белорусские связи, № 134, с. 156.
- ²⁸⁷ ПДС, т. 10. Спб., 1871, с. 271.
- ²⁸⁸ РИБ, т. 16. Спб., 1897, № 78, с. 337.
- ²⁸⁹ ПДС, т. 2. Спб., 1852, с. 306—307.
- ²⁹⁰ ДАИ, т. 4. Спб., 1851, № 139, с. 231.
- ²⁹¹ Герберштейн С. Записки о Московитских делах. Спб., 1908, с. 89—90.
- ²⁹² *Hakluyt's Collection of the Early Voyages, Travels and Discoveries of the English Nation* (a new edition, with additions), v. 1, London, 1809, p. 285.
- ²⁹³ АМГ, т. 2. Спб., 1894, № 146, с. 94—95; Родес, с. 17; Русско-белорусские связи, № 211, с. 232; № 229, с. 249—252; СГГД, ч. 3. М., 1822, № 156, с. 490—497; СГГД, ч. 4. М., 1828, № 56, с. 204—208; Деммени М. Указ. соч., с. 13.
- ²⁹⁴ СГГД, ч. 4. М., 1828, № 55, с. 198, 201.
- ²⁹⁵ Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915, с. 159.
- ²⁹⁶ Маржерет. Указ. соч., с. 46—47.
- ²⁹⁷ РИБ, т. 9. Спб., 1884.
- ²⁹⁸ Сб. РИО. Спб., 1884, т. 41, с. 43.
- ²⁹⁹ Аделунг Ф. Указ. соч., с. 9.
- ³⁰⁰ РИБ, т. 9. Спб., 1884, с. 82; АМГ, т. 1. Спб., 1890, № 81, с. 121.
- ³⁰¹ Иеромонах Леонид. Церковно-историческое описание упраздненных монастырей, находящихся в пределах Калужской епархии.—ЧОИДР, 1863, кн. 1, с. 42, 52; Сахаров И. П. Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря.—ЗОРСА, Спб., 1851, т. 1, отд. II, с. 78—79.
- ³⁰² Герберштейн С. Указ. соч., с. 22.
- ³⁰³ АИ, т. 2. Спб., 1841, с. 405—406.
- ³⁰⁴ ААЭ, т. 3. Спб., 1836, с. 440; т. 4. Спб., 1836, с. 199; Савич А. А. Соловецкая вотчина XVI—XVII вв. Пермь, 1927, с. 80.
- ³⁰⁵ АЮБ, Спб., 1864, т. 2, с. 267; РИБ, т. 9. Спб., 1884, с. 109.
- ³⁰⁶ ЧОИДР, 1867, кн. 2, с. 365.
- ³⁰⁷ РИБ, т. 8. Спб., 1884, № 10, XXIV.
- ³⁰⁸ РИБ, т. 15. Спб., 1894, № 128 (129), с. 289. К. Зюниен пишет Паульсону: «...и будет товар у меня на твои денги куплен» (курсив мой.—В. П.).
- ³⁰⁹ О л е а р и й А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Перевод А. М. Ловягина. Спб., 1906, с. 227—228. «Es gelten auch unsere Reichstaler bey ihnen...» Обычное значение глагола gelten в соединении со словом Münze — ходить, обращаться; см. J. Pawlowsky, *Deutsch-Russisches Wörterbuch*, 3. Aufl., Riga, o.J., S. 590.
- ³¹⁰ ПДС, т. 10. Спб., 1871, с. 1178—1182.
- ³¹¹ Там же, с. 510.
- ³¹² G. Jensch, «Der Handel Rigas im 17. Jahrhundert», *Mitteilungen aus der livländischen Geschichte*, Bd. 24, Riga, 1930, S. 109—111; РШЭО, № 28, с. 59.
- ³¹³ РШЭО, № 28, с. 59.
- ³¹⁴ Сербина К. Н. Указ. соч., с. 277.
- ³¹⁵ РИБ, т. 15. Спб., 1894, № 47, с. 86; РШЭО, с. 111, 183.
- ³¹⁶ Архимандрит Леонид. Иерусалим, Палестина и Афон по русским паломникам XIV—XVII веков.—ЧОИДР, 1871, кн. 1, с. 75, 79, 82.
- ³¹⁷ Родес, с. 228.
- ³¹⁸ РИБ, т. 16. Спб., 1897, № 132, с. 680.
- ³¹⁹ Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI—XVII вв. Л., 1930, с. 23.
- ³²⁰ Енш Г. Московское торговое подворье в Риге в XVII веке.—«Вопросы истории», 1947, № 11, с. 76.
- ³²¹ РИБ, т. 15. Спб., 1894, № 121, с. 262.
- ³²² Там же, с. 298—300.
- ³²³ РИБ, т. 28. Спб., 1912, с. 220—221.
- ³²⁴ Сборник материалов по истории Кольского полуострова... с. 58—59.
- ³²⁵ РИБ, т. 14. Спб., 1894, с. 61.
- ³²⁶ Сборник материалов по истории Кольского полуострова... с. 132—133.
- ³²⁷ ЧОИДР, 1870, кн. 1, с. 37. См. также ЧОИДР, 1867, кн. 2, с. 365 (о вымогательстве дьяками ефимков и золотых у Петра).
- ³²⁸ РШЭО, № 106, с. 165—166.

- ³²⁹ ПДС, т. 10. Спб., 1871, с. 1179. Далее идет перечень расходов этих же ефимков, полученных членами посольства в Италии.
- ³³⁰ АИ, т. 2. Спб., 1841, № 258, с. 307; СГГД, ч. 3. М., 1822, № 87, с. 326—328; АМГ, т. 2. Спб., 1894, № 975, с. 575.
- ³³¹ СГГД, ч. 3. М., 1822, № 87, с. 327.
- ³³² Там же, № 95, с. 338.
- ³³³ ДАИ, т. 5. Спб., 1853, с. 211—247.
- ³³⁴ Крепостная мануфактура в России, ч. 1. Л., 1930, с. 24, 26—28.
- ³³⁵ Там же, с. 104.
- ³³⁶ ААЭ, т. 2. Спб., 1836, № 144 и 145, с. 259; РИБ, т. 12. Спб., 1890, с. 14.
- ³³⁷ Временник МОИДР, т. 15. М., 1852, с. 23, 25—28; Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в..., с. 110—111.
- ³³⁸ Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968, № 7, с. 213.
- ³³⁹ АМГ, т. 2. Спб., 1894, № 636, с. 397.
- ³⁴⁰ ДАИ, т. 3. Спб., 1848, № 66, с. 241.
- ³⁴¹ Там же, № 65, с. 236.
- ³⁴² РШЭО, № 73, с. 110—111.
- ³⁴³ F. C. Spooner, *L'économie mondiale et les frappes monétaires en France. 1493—1680*, Paris, 1956, p. 8—9.

НОВОДЕЛЫ

Непривлекательную особенность монетного фонда русской нумизматики и своеобразное явление в истории русского собирательства составляют так называемые новоделы — подобию преимущественно редких русских монет, изготовлявшиеся в течение не менее полутора столетия по заказам желающих на монетных дворах страны. Подвергаясь со временем некоторым ограничениям, это странное производство сохранилось по 1890 г., когда было окончательно запрещено в результате протестов со стороны собирателей.

Новоделы — особый вид поддельной коллекционной монеты. Клиент монетного двора, пополнивший свою коллекцию новоделом, знал, за что платил, но при дальнейшем движении монеты из рук в руки различие между „честным“ новоделом и „бесчестным“ фальсификатом исчезало: и то и другое могло выдаваться и приниматься за подлинную, порой редкую и высокоценную монету. Главное же заключается в том, что лишь ничтожная часть подобной продукции монетных дворов, будучи полным повторением оригиналов, сохраняет познавательную ценность. Все остальное имеет в лучшем случае отклонения от оригинальных монет (в металле, весе, гуртовке), а чаще всего является грубейшим искажением их типа.

Даже фальшивые монеты представляют собою определенное явление денежного обращения и потому не безразличны нумизматике. Некоторые виды поддельной серебряной монеты веками безотказно поглощались обращением России (поддельные „новгородки“ конца XV в., копейки шведских оккупантов начала XVII в.). Массовая контрабандная переборка поддельной медной монеты из Польши была, можно сказать, стимулятором частых перемен в чеканке медной монеты Петра I. Рискованное ремесло „домашних“ фальшивомонетчиков XVIII и XIX вв., которые подбрасывали на рынок убогие имитации серебряных и золотых монет, ориентируясь на беспросветную крестьянскую темноту, были постоянным предметом беспокойства правительства и иногда вызывали изменения типа монеты: такова причина замены в 1895 г. гуртовой надписи рубчиками на серебряных четвертаках; их золотили и сбывали за имперIALы.

Ценные и содержательные памятники истории денежного хозяйства оставили тайные государственные выпуски иноземной монеты, знакомые и России („лобанчики“ XVIII—XIX вв., турецкое серебро начала XIX в.).

Нумизматика не может игнорировать народные монетовидные украшения: просверленные монеты выпадают из обращения, но представляют собою сокровище, хотя и не тайное, как клад, а выставленное напоказ. На Балканах, в некоторых славянских областях девушки-невесты украшали себя даже бумажными деньгами. Известно, что „мордовки“

Поволжья — примитивные подражания допетровским копеечкам — принимали на себя роль местных денег и исправно уходили в клады! В данном случае правильнее говорить об имитации, а не о подделке.

Среди всех „ненастоящих“ монет, с которыми может иметь дело нумизматика, самые ненастоящие — антикварные подделки и новоделы: они не „бывшие деньги“, а лишь призрачные подобию их, порожденные собирательской страстью, и могут представлять интерес лишь для истории собирательства. Но, хотя бы во избежание неприятных ошибок и огорчений, знать кое-что о них следует и работнику музея, и собирателю-любителю. В нумизматических коллекциях нашей страны новоделы оставили основательный осадок, тем более ощутимый, что множество из них уже оказывается итогом „сотрудничества“ монетных дворов и профессиональных фальсификаторов. Недаром при ограничении этой чеканки около 1840 г. и при полном ее запрещении причиной называлось то, что торговцы подделками превращают Монетный двор в своего „сообщника“.

Статью сопровождают 5 таблиц с образцами наиболее типичных новоделов, для некоторых приводятся и оригиналы.

Монетные штампы — громоздкое хозяйство, требующее места, внимания и ухода. Монетный двор мог позволить себе оставить для удовлетворения заказов ограниченное количество образцов устаревших штампов, но хранить весь гуртильный инструмент (оборудование для нанесения на кромку разных по размеру монет узора, надписей и т. д.) не было никакой возможности. Для тиснения новоделов во многих случаях пользовались более или менее подходящими кружками-вырубками, которые вовсе не гуртились. Столь частая на новоделах монет XVIII — начала XIX в. примитивная косая или прямая насечка, а порою и более сложная отделка гурта, нередко была уже делом торговцев.

Новодельные монеты не обойдены вниманием в известных руководствах для собирателей Х. Гиля и его последователей, как и в многотомном издании „Русские монеты“, но эта литература почти не содержит каких-либо исторических справок и, в особенности, оценки новоделов по существу. Только А. А. Ильин, говоря о сомнительных монетах-уникалах Петровского времени, очень глухо выразил свое отношение к ним: „Среди их есть такие, вопрос о подлинности или более позднейшей чеканке которых никогда не получит окончательного разрешения по имени для того надлежащих данных“¹.

Сравнительно немногие новоделы точно определяются благодаря дошедшим до нас документам; часть образцов сохраняет такие веские „улики“, как следы трещины на одном из штампов или тронувшей их ржавчины и несоответствие металла (или его пробы) номиналу. Проще всего обнаруживаются „вольности“ в гуртовке и в комбинациях разнородных штампов одного размера; так, например, использовались для чеканки рублей штампы наградных медалей; вполне очевидна природа екатеринбургских поздних повторений старинных образцов. Но множество монет оставалось составителями описаний „в сомнении“. Особенно часто подводят новоделы зарубежных исследователей и публикаторов русских монет.

Представления о том, что называть новоделом, крайне расплывчаты. А. К. Маркову, ведавшему в Эрмитаже русскими монетами до А. А. Ильина, принадлежит определение: „Новодел — так называется

монета, отчеканенная для собирателей старым штемпелем, служившим для выбивания в прошлые века монет, экземпляры которых стали редкими². Таким образом, огромное большинство рассматриваемых изделий монетных дворов он оставляет за бортом. Даже если игнорировать отсутствие правильного гурта на монетах, то и тогда предлагаемое определение не охватит и десятой доли эрмитажного собрания новоделов.

Среди коллекционеров для части новоделов принято выражение „новоштемпельная монета“. Им пользуются кому как нравится: и петербургские рубли Алексея Михайловича, и екатеринбургская медь с заново резанных штемпелей — все это чеканено „новыми штемпелями“, как и вообще все чеканенные фальшивыми штемпелями антикварные подделки. Много ли общего между столь разными монетами?

Слово „новодел“ в его широком значении уже шагнуло из русского языка в нумизматическую терминологию Запада и Америки: русские монеты на зарубежном рынке в моде, а новоделы даже начинают там собирать как редкости особого рода, причем новодел понимается как не совсем настоящая, но, безусловно, коллекционная монета.

Для характеристики уровня научных представлений о новоделах в не столь далеком прошлом можно указать, что составлявшийся в Эрмитаже после 1900 г. многотомный каталог собрания русских монет с 1725 г., при наличии значительной части отмеченной выше литературы, выбрал в свой строй все новоделы, по большей части даже не оговаривая это. Только после 1921 г., когда хранителем стал А. А. Ильин, они были удалены из всех разделов основного собрания и ушли на пополнение коллекции новоделов И. И. Толстого. Последняя была частью огромного собрания, принесенного в дар Эрмитажу в 1917 г., и впервые в русской нумизматике была создана Толстым после приобретения им собрания Ф. Ф. Шуберта, необыкновенно богатого новоделами, подделками, гальванокопиями и т. п. Ильин составил каталог, включающий в настоящее время 1044 монеты. Имея в виду наибольшее удобство при обращении к этому каталогу и самой коллекции в справочных целях, он не ограничился только продукцией монетных дворов и объединил любые поддельные монеты, лишь бы они были исполнены в технике чеканки.

Начало производства новоделов русских монет неразрывно связано с Петербургским монетным двором и таится, видимо, в первой половине XVIII в., как можно думать, где-то около 1738 г., когда он окончательно водворился в Петропавловской крепости³. Расцвет (чтобы не сказать „разгул“) этого производства относится к периоду царствования Екатерины II, когда еще сравнительно немногочисленных серьезных собирателей, руководствовавшихся искренним влечением, на время оттесняет в тень пестрая толпа высокопоставленных „собирателей поневоле“. В „лучших домах“ столицы по велению моды и хорошего тона становилось обязательным иметь пышно обставленную библиотеку, а в ней непременно какие-нибудь древности — если не мраморы, то хотя бы коллекцию „медалей“, т. е. монет и медалей (слово монета тогда звучало как-то грубо, „неблагородно“). Не такой уж редкостью было, когда картины требующегося размера подбирались по дешевке на толчке, книги — по высоте корешка, а уж с „медалями“ было бы совсем скучно, если бы не Монетный двор!

На возникновение фабрикации новоделов самое непосредственное и прямое влияние оказали коммеморативные медали: изготовленные

их сохраненными штемпелями по заказам началось, вероятно, еще в самом начале XVIII в. в Москве, лишь только были отчеканены первые медали на Кадашевском монетном дворе в Замоскворечье. С конца XVIII в. Монетный двор время от времени уже выпускал проспекты-ценники; не затронуло такие заказы и распоряжение 1890 г.⁴

К 1724 г., когда исполнилась давняя мечта Петра иметь монетный двор под рукой, в Петербурге, московскими медальерами за четверть века была создана значительная коллекция штемпельных пар для медалей, увековечивавших важнейшие события царствования Петра. За первые четыре года работы Монетного двора в Петербурге эта коллекция пополнилась несколькими новыми сюжетами. Нет сомнения, что в 1724 г. в Петербург была доставлена вся коллекция медальных штемпелей: только столичному двору надлежало готовить под присмотром царя новые и чеканить понадобившиеся старые медали! В 1728 г. Монетный двор вслед за покинувшим Петербург царским двором перебазировался в Москву. В ближайшие годы медаль владычи жалкое существование, но остается фактом, что в начале 1738 г., сразу после возобновления работы Монетного двора в Петербурге, все собрание штемпелей находилось там, и им занимался И. А. Шлаттер, который к началу 1740 г. закончил составление каталога, включавшего рисунки, описание и истолкование 58 сюжетов имевшихся штемпелей. Рукопись предполагалось публиковать, и это мотивировалось тем соображением, что книга будет способствовать увеличению заказов на чеканку медалей⁵. Сохранившиеся списки этого труда (на русском и немецком языках) свидетельствуют, что читатели у него были.

Сама смерть Петра могла послужить первым толчком к усиленному собиранию вещественных памятников его царствования; общественное сознание ощущало его значимость для будущего страны, а довольно обильные медали представляли своего рода готовую летопись в образах и изречениях. Заметное оживление собирательства русских нумизматических памятников в 1730-х гг. засвидетельствовано сохранившимся в нескольких экземплярах старейшим русским рукописным альбомом рисунков монет и медалей с их толкованием, немного опередившим каталог Шлаттера. В нем названо довольно большое число владельцев лучших „кабинетов“, т. е. коллекций, Петербурга⁶. Не случайно, что во второй половине века почти для всех старых петровских медалей пришлось возобновлять штемпели: прежние из-за постоянного употребления выходили из строя.

Вследствие неоднократных возобновлений штемпелей росло количество разновидностей медалей в пределах одних и тех же сюжетов и увеличивалась возможность создавать „гибридные“ медали, комбинируя старые и новые или взятые из разных пар штемпели. Заказы исполнялись по желанию в любых металлах, от золота до олова.

Именно рост интереса к Петровскому времени и мог повести к началу чеканки сохранившимися штемпелями, кроме медалей, еще и монет, тем более, что в то время лишь часть нумизматического наследия Петра оставалась в обращении — в основном золото (дукаты и двухрублевники); ранние рублевники были редки, а медь успела несколько раз обновиться. Опыт, сложившийся при изготовлении „заказных“ медалей, — использование штемпелей до полной негодности и замена после этого вновь вырезаемыми, „гибридизация“ — сознательное перемешива-

ние штемпелей лицевых и оборотных сторон от разных медалей, вольности с выбором металла и т. д. — все это со временем делается ощутимым и в производстве новоделов-монет. „Естественное“ возникновение их представляется так: чеканка сперва старыми штемпелями, а когда они разбивались, штемпелями-копиями.

Во второй половине XVIII в. Монетный двор умножил запас медальных сюжетов: после временного охлаждения царского двора к медали в 30—40-х гг. снова исправно выпускались новые медали, славившие „деяния“ императрицы, а специально созданные „Медальные комитеты“ передавали для исполнения проекты „ретроспективных“ медалей на обойденные в прошлом темы; создавались, кроме того, две громадные серии — портреты князей и царей, начиная с Рюрика, и „историческая“. Однако петровская тема оставалась вне конкуренции; ее-то и стремились пополнять „Комитеты“⁷.

Понимания принципиального отличия монет от медалей тогда не существовало; в собирательстве оно вызрело очень поздно (даже в Эрмитаже медали, традиционно возглавлявшие в коллекциях годовые группы монет, отделились в самостоятельное собрание лишь в последней четверти XIX в.!). Все было „médaille“ и рассматривалось как памятники тех или других царствований; отсюда и классификация „по царям“. Эта нераздельность облегчала „естественное“ появление идеи о правомочности изготовления заново монетных штемпелей, когда собиратель находил, что монет не мешало бы добавить.

В медалях для показных „кабинетов“ недостатка не было, но тем беднее выглядели рядом русские монеты: вполне „приличных“, т. е. не уступающих европейским, круглых, правильной чеканки было удручающе мало: ведь после Петра, покончившего с чеканкой монеты на проволоке, сменилось только шестое царствование, да и то, одного из них как бы и не было! Шлаттер счастливо вовремя закончил свой каталог накануне смерти Анны Иоанновны, но выпущенная в память этого события медаль из-за упоминания в ней злосчастливого Иоанна Антоновича вскоре разыскивалась властями по всей стране и уничтожалась как самая злая крамола; таким же преследованиям подвергались и портретные монеты Иоанна. Каталогизаторам второй половины века приходилось обходить это царствование...

Окончательно изгнанные из обращения в 1750-х гг., старые проволочные копеечки были не в чести (их не жаловал, правду сказать, и сам Петр); древнейшие монеты XV и XIV вв. были также „неизящны“. Никакого значения не имело то, что в это же самое время в тиши Кунсткамеры Академии наук развертывалась вдохновленная Ломоносовым захватывающе интересная работа А. И. Богданова по научной систематизации древнейших русских монет, начиная с серебра Дмитрия Донского. Серьезные собиратели и ученые спешили обзавестись списками богдановского каталога, но в хоробах знати не место было наглядному свидетельству о недавнем „варварстве“⁸: язык не повернулся бы назвать серебряную чешуйку „médaille“.

В освещении прошлого России медали достигали отдаленнейших рубежей: например, в сочиненной самой Екатериной „исторической серии“ только событиям, предшествовавшим крещению Руси, отводилось до сотни сюжетов! А коротенькая, не охватывавшая и столетия, цепочка монет рядом с ними никуда не годилась. Подавало какие-то надежды

Рис. 1. Медаль Лжедмитрия. Чеканка Петербургского монетного двора. Начало XIX в. Оба штемпеля — возможно, не первая копия с подлинных польских штемпелей

лишь то, что в Кунсткамере и в немногих частных коллекциях уже имелось небольшое число довольно аккуратных и достаточно репрезентативных монет XVII в. — одиночные и кратные червонцы Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Федора Алексеевича, серебряные рубль и полуполтина 1654 г. (полтина еще не была известна) и ефимки 1655 г. (талеры XVI—XVII вв. разных стран с русской надчеканкой); от времени регентства царевны Софьи уцелели ее наградные золотые разных достоинств за Крымские походы 1687 и 1689 гг., сохранились и редчайшие жалованные петровские золотые начала века, впоследствии прозванные „крестильными“⁹. Но разве таких редкостей, известных по одной — две штуки, на всех желающих напасешься? Однако выход был найден — можно было не ждать новых счастливых находок.

Монетный двор получил задание по предоставленным оригиналам изготовить набор штемпелей для чеканки подобных редкостей и пополнить его „улучшенными“ штемпелями мелких монет, т. е. копеечек и денежек, тех же правителей. В подлиннике они тогда никакой редкости не составляли, но их стали чеканить на слегка овальных, вполне правильной формы пластинках: если еще делать их золотыми вместо серебряных, получалось совсем пристойно! Таким образом охватывалась уже история всей династии. Конечно, чтобы осуществить эту затею, требовалась изрядная доля таившегося за блеском двора Екатерины деятельного и ни с чем не считавшегося невежества. Самым смелым из всей серии был ефимок: для него отлично изготовили штемпели нидерландского пагогна.

Существует возможность определить подбор новоделов, выпускавшихся в Петербурге в конце 1780 — начале 1790-х гг. В библиотеке отдела нумизматики Эрмитажа хранится редкое издание XVIII в. в виде переплетенных вместе трех тетрадей, озаглавленных „Собрание медалей на славных в Росий деяний“, „Собрание портретов великих князей и государей росийских“ и „Собрание монет росийских“, без указания места и года издания. По всей вероятности, это первый дошедший до нас проспект Монетного двора на изделия для коллекционеров, выпущенный, судя по дате позднейшей медали, не ранее 1789 г. В XIX в.

Табл. I. Новоделы монет XVII — начала XIX в.:

1—3 — Новодельные рубли Алексея Михайловича 1654 г. Лицевая сторона: 1 — чеканка на патагоне (Испанские Нидерланды). Очень высокий рельеф, рукав верхней одежды царя не изображен (*Die Reichelsche Münzsammlung*, № 4858). Копия Петербургского монетного двора XVIII в. (вероятно, первая); 2 — другой штампель Петербургского монетного двора, XVIII в. (*Die Reichelsche Münzsammlung*, № 4599). Сохранился гурт перечеканенного рубля Екатерины I; 3 — копия предыдущего новодела. Исполнена в более свободной манере. Многие экземпляры чеканены на тонких кружках, иногда в плохом металле. Изготовление на Монетном дворе сомнительно; 4 — сфимок Монетного двора, XVIII в. Надчеканка штампельком, известным по новодельным копеечкам, на копии патагона Альберта и Елизаветы; 5 — 8 — новоделы Монетного двора XVIII — начала XIX в.: копейка Михаила Федоровича, подполтина 1654 г., копейка Федора Алексеевича (лицевая сторона — от копейки Петра СЗ — 1699 г.) и на большом кружке — повторение копейки Петра «PWSIA».

подобные проспекты выпускались неоднократно, но уже только на медали¹⁰. Список монет очень лаконичен и даже не всегда называет номиналы, но почти для каждого наименования в эрмитажном собрании новоделов имеются соответствующие монеты. Он начинается с монет Михаила Федоровича; вероятно, из соображений „такта“ в нем не названы золотые копейки Владислава — было бы непристойно открывать ими список. Следует отметить отсутствие упоминаний о серебряных двухрублевиках Петра I 1722 г. и Екатерины I 1726 г. Их штемпели либо были уже разбиты, либо оставались в неизвестности. Нет и хорошо известных новоделов обоих бородовых знаков 1705 г. и 1725 г.

Ниже приводится полный текст списка с необходимыми уточнениями (упорядочена изредка нарушаемая в списке последовательность дат выпуска монет).

„МОНЕТЫ. Царя Михайлы Федоровича. 1—4 — золотая (четыре червонца, червонец, $\frac{1}{2}$ червонца, $\frac{1}{8}$ червонца. — *И. С.*); 5—10 — серебряная копейка (со знаками , МО, М, МОСКВА, НРГІ, ПС; их же штемпелями чеканились более крупные „алтыны“. — *И. С.*).

Царя Алексея Михайловича. 14, 15 — серебряной рубль 7162 года, серебряная полуполтина 7162 года; 11 — серебряная иностранная, на которой ударен герб московский 1655 года (ефимок. — *И. С.*); 13 — серебряная (вероятно, „гривенник“ с изображением, подобным имеющемуся на рубле. — *И. С.*); 12 — серебряная копейка; 16—20 — медная (алтыны и копейки без знака и с , НС, П под конем или у плеча всадника. — *И. С.*).

Царя Феодора Алексеевича. 21, 22 — золотая (двойной червонец, червонец. — *И. С.*); 23—25 — серебряная (копейки, знаки и М, денга. — *И. С.*).

Государя и великого князя Иоанна Алексеевича. 26 — золотая (копейка. — *И. С.*); 27—29 — серебряная (копейка, знаки , М и денга. — *И. С.*).

Царей Иоанна... Петра... и царевны Софии... 30—32 (четыре червонца, червонец, $\frac{1}{2}$ червонца. — *И. С.*).

Государя... Петра Великого. 33, 34, 40, 41 — серебряная (алтыны без дат. — *И. С.*); 35, 36 — серебряная 7205, 7207 года (алтыны с датами. — *И. С.*); 37 — серебряная копейка 7207 года; 42 — ...гривенник 1701 года; 43 — ...десять денег 1701 года; 45, 46 — ...полтина, полуполтинник 1702 года; 47—51 — ...полтинник, полуполтинник, гривенник, десять денег, алтын 1704 года; 52—55 — ...рубль, полтинник, полуполтинник, гривна 1705 года; 57 — серебряная 1706 года (тынф. — *И. С.*); 58 — серебряная копейка 1706 года; 59—61 — ...рубль, полтинник, полуполтинник 1707 года; 62 — серебряная 1708 года (тынф. — *И. С.*); 63 — ...гривна 1709 года; 64, 68, 65 — полтина, пять копеек, алтын 1712 года; 66—71 — ... полуполтинник, гривенник, алтын, копейки (круглые. — *И. С.*) 1713 года; 72 — медная копейка 1713 года; 73—75 — золотой двойной червонец, серебряные пять копеек, копейка 1714 года; 76—78 — ...гривенник, алтынник, копейка 1718 года; 79 — ...гривенник 1719 года; 81 — ...рубль 1720 года; 80 — золотой двухрублевик 1722 года; 82 — ...рубль 1723 года; 83—85 — ...рубль со звездой, рубль, полтинник 1725 года.

Табл. II. Екатеринбуржские новоделы середины XIX в. и их оригиналы:

1, 2 — пробный пятак 1723 г. и его повторение по рисунку Шогуара (Обозрение... табл. 21, 2); 3, 4 — пятак 1725 г. и его повторение; 5, 6 — пробная гривна (медь) 1726 г. Московского монетного двора с гуртовой надписью выгнутыми буквами в углубленном желобке и повторение по рисунку Шогуара (Обозрение... табл. 16, 6). Гуртовая надпись набита вглубь пунсонами

...Екатерины Алексеевны. 86—90 — золотой двухрублевый червонец, серебряной рубль, полтина, полуполтина, медные пять копеек 1726 года.

...Петра II. 91, 93, 94 — золотой двухрублевик...полтинник, медные пять копеек 1727 года; 92, 95 —...рубль, медная копейка 1728 года.

...Анны Иоанновны. 96 — серебряной гривенник 1731 года; 97 — рубль 1732 года; 98 — медная полушка 1735 года; 99 — золотой червонец 1738 года; 100—102 —...полтинник, полуполтинник, медная деньга 1739 года.

1

2

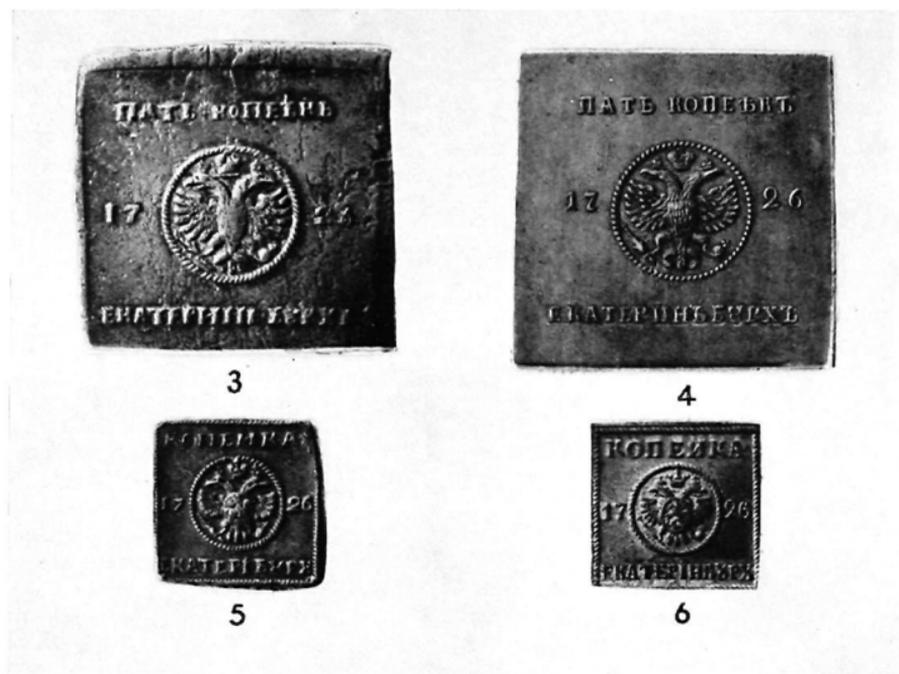

Табл. III. Екатеринбургские новоделы середины XIX в. и их оригиналы:

1, 2 — гривна-плата 1726 г. и ее повторение;

3, 4 — квадратный пятак 1726 г. и его повторение; 5, 6 — квадратная копейка 1726 г. и ее повторение

...Елисаветъ Петровны. 104 — серебряной гривенник 1745 года; 106 — медная деньга 1748 года; 108, 103 — золотой двойной червонец, серебряной рубль 1751 года; 109, 107 — золотой одинакой червонец, серебряной полуполтина 1753 года; 111, 105, 110 — золотой червонец, серебряной полтинник, медная копейка 1755 года; 112, 114, 116, 126 — золотой империял, полуимпериял, двухрублевник, полтинник, серебряная полливонеза...пяतिकопеешник 1756 года; 118 — серебряной ливонез, четверть ливонеза, двухгрошевик, медной пяतिकопеешник, грошевик, копейка, деньга, полушка 1757 года; 115 — золотой рублевик 1758 года.

...Екатерины Алексеевны II. 127, 128 — золотой империял, полуимпериял 1762 года; 129, 148 — золотой червонец, медная копейка 1763 года, 130—135 — сибирской медной гривенник, пяतिकопеешник, двухкопеешник, копейка, деньга, полушка 1764 года (образцовые монеты Петербургского монетного двора. — И. С.); 150 — медная полушка 1769 года; 149 — медная деньга 1771 года; 147 — медной двухкопеешник 1776 года; 136 — золотой полтинник 1777 года; 139 — серебряная полтина 1778 года; 137 — золотой рублевик 1779 года; 138 — серебряной рубль 1780 года; 140—143 — полуполтина, двадцатикопеешник, пятналтынник, гривенник, медной пяतिकопеешник 1781 года; 145 — полуимпериял 1782 года, империял 1783 года“.

Табл. IV. Екатеринбургские новоделы середины XIX в. и их оригиналы:

1, 2 — пробный пятак 1740 г. и его повторение по рисунку Шодуара (Обозрение... табл. 31. 1); 3, 4 — пробный грош 1740 г. и его повторение по рисунку Шодуара (Обозрение... табл. 29. 1); 5, 6 — пробный (?) грош Иоанна Антоновича 1740 г. (оборотный штемпель вышеописанной монеты, чеканка на пятаке не ранее 1741 г.; лицевой штемпель полтины) и его повторение по рисунку Шодуара (Обозрение... табл. 32. 1); 7, 8 — денга 1748 г. и ее повторение

Из более ранних монет в набор попали сравнительно немногие. Копеечки Владислава понадобились, может быть, потому, что их можно было „поддержать“ его красивыми польскими медалями. Такие же основания были для изготовления „улучшенных“ копеек Лжедмитрия, так как в распоряжение Монетного двора могли быть предоставлены подлинные штампы его „рубля“. Их вырезали когда-то в Польше для чеканки медалей-донативов (скорее всего, португалов — золотых в 10 дукатов) отправлявшегося походом в Московию претендента-авантюриста для предстоящих пожалований в войске или после вступления на „отеческий“ престол.

Не ошестенные исследователем этой медали¹¹ обстоятельства прихода ее штампов в Россию излагаются Я. Я. Рейхелем, Ф. Ф. Шубертом и всего подробнее в записках Г. И. Лисенко (1784—1842), известного петербургского собирателя. Обнаружил эти штампы в Кракове и увез в Москву Петр I, отдавший их в Оружейную палату. По подсказке придворного Екатерины II — А. Л. Нарышкина — штампы вытребовали в Петербург и дали на Монетный двор отчеканить несколько „рублей“ для царицы и ее приближенных. Позже по приказу Павла они были переданы из Кабинета Монетному двору в постоянное пользование. Начиная свою карьеру чиновника с 1806 г. на Монетном дворе, Лисенко застал их там с уже расколотым гербовым штампом и сам обзавелся чеканенным с этим дефектом экземпляром, а в 1811 г. медальер Шилов должен был вырезать новый штамп, который вышел из строя еще быстрее¹². По сохранившимся медалям известно несколько разновидностей обеих штампов. (Кое-кто из собирателей до сих пор предпочитает именовать эту польскую медаль рублем Лжедмитрия.)

Записки Лисенко зафиксировали еще один, кажется довольно распространенный в XVIII и начале XIX в., способ пополнения коллекций новоделами. За скромную плату Лисенко получил от знакомого мастерового Монетного двора „пугачевский рубль“ — чеканку на обычном серебряном рублевом кружке средней частью огромных штампов сестрорецкого медного рубля 1771 г. История чеканки самих этих рублей, производившейся полулегальным образом не ранее второй половины 1840-х гг., остается неясной и, может быть, намеренно запутанной¹³. По всей вероятности, именно таким способом, обращаясь к мастерам Монетного двора, легче всего было обзавестись самыми замысловатыми гибридами, вроде сочетания обыкновенного александровского рубля с его же портретным пробным штампом и т. п. Очень богата новоделами XVIII и первой половины XIX в. коллекция Ф. Ф. Шуберта. Комментарий Х. Х. Гиля к его каталогу отмечает их во множестве¹⁴.

Вероятно, и у московских коллекционеров XVIII в. также имелась возможность на месте пополнять свои коллекции новоделами. Известен документ 1788 г., свидетельствующий, что на Московском монетном дворе хранились 32 штуки „ветхих штампов разных старинных монет для обучения учеников“¹⁵. Вполне понятно, что и серьезные собиратели не отказывались от приобретения новоделов любых видов. Так, например, коллекция генерал-прокурора А. А. Вяземского, считавшаяся одной из лучших в Петербурге, в 1776 г. пополнилась двойным подбором „древней и нынешней российской золотой, серебряной и медной монеты“ на сумму 173 рубля 63 копейки¹⁶. Дата заказа очень существенна для истории новоделов екатерининского времени.

Табл. V. Новоделы ливонеза и молдавского пятакa и их оригиналы:

1, 2 — ливонез 1757 г. Петербургского монетного двора и повторение этой монеты с использованием подлинного штемпеля петербургского рубля 1758 г. Неофициальная чеканка; 3, 4 — екатеринбургские новоделы: пробный молдавский пятак 1771 г. и его повторение по рисунку Шодуара (Обозрение... табл. 41. 1)

Как ни удивительно, первенство в производстве поддельных нумизматических древностей в России принадлежало не антикварам, как обычно бывает, а двору Екатерины III! Новоделы появились в русских коллекциях за добрые полстолетия до того, как в двери богатых коллек-

ционеров Петербурга и Москвы стали стучаться „торгаши“ (разносчики монет) с фальшивым товаром. Деятельность их хорошо освещена в записках Г. И. Лисенко. Антиквары наверстали свое в первой половине XIX в., после выхода в 1834 г. первого иллюстрированного каталога русских монет XIV—XV вв. Иллюстрации послужили точкой опоры. И вскоре фальсификаторы развернулись вовсю и стали создавать и собственные „типы“¹⁷. Угрожающий рост активности антикварной торговли, черпавшей „товар“ и на Монетном дворе, отчасти ускорил конец государственной фабрикации „древностей“.

По свидетельству Я. Рейхеля, который присутствовал при уничтожении фальшивых штемпелей¹⁸, а скорее всего, как признанный специалист-нумизмат и медальер сам производил отбор их около 1840 г., эта операция производилась „по высочайшему повелению“, чтобы прекратить продажу антикварами новоделов за подлинные монеты. Но Николай I, возможно, впервые заинтересовался „подделками“ Монетного двора еще в 1835 г., в связи с завещанием А. А. Аракчеева, пожелавшего отдать из библиотеки Грузина Новгородскому кадетскому корпусу нумизматическую коллекцию. При передаче в ней оказалось (кроме медных монет) 148 позолоченных и 606 посеребренных монет „от начала тиснения их по царствование императора Павла“. В результате произведенного по приказу Николая I следствия выяснилось, что коллекция именно в таком исполнении „под натуру“ была заказана самим Аракчеевым в 1824 г., безропотно выполнена Монетным двором и отправлена в Грузино, но Александр I, узнав об этом из отчета министра финансов, распорядился повторить весь заказ в золоте и серебре как подарок „без лести преданному“¹⁹. (Об этих монетах завещание не упоминало.)

Объем уничтоженной Монетным двором коллекции штемпелей можно отчасти представить по разделу рейхелевского каталога „Fälschungen“ (см. также „бородовые знаки“, № 4554, 4553)²⁰ и по приведенному выше списку XVIII в.

Каталоги Рейхеля и Шуберта вызывают раздумья относительно одного из новоделов рубля Алексея Михайловича: отметив вариант „без рукава“ и „с рукавом“²¹, они не упоминают разновидность, в настоящее время встречающуюся не реже и примечательную в том отношении, что ее автор в наибольшей мере сумел преодолеть сухость манеры профессионального медальера и приблизиться к духу оригинала. Когда и где она увидела свет? Может быть, это явление такого же рода, как чеканенный явно не на Монетном дворе поддельный рубль царевны Софьи с царевичами²². Новоделам рублей Алексея Михайловича посвящены статьи Д. И. Прозоровского, который упорно видел в них подлинные монеты, а после знакомства с экземплярами, сохранившими гуртовые надписи перечеканенных рублевиков XVIII в., все еще защищал подлинность самих штемпелей²³.

После пересмотра штемпелей в Петербурге допускалась уже только выделка новоделов подлинными старыми штемпелями, но нельзя поручиться, что в число признанных достойными сохранения не затесалась и какие-либо из старых копий XVIII в. Кроме того, здесь могло по-прежнему иметь место и выполнение „индивидуальных заказов“ мастерами. Нечего и надеяться выяснить все виды подобных работ; лишь благодаря случайному упоминанию А. А. Ильина известно, например, что вел. кн. Георгий Михайлович, посетивший Екатеринбургский монетный

двор в год его закрытия (1876), вывез оттуда разные штемпели, в том числе указанного года в $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ копейки, и „частным образом“ отчеканил ими монеты в Петербурге²⁴. Завершая характеристику деятельности Петербургского монетного двора в интересующей нас области, отметим еще один вид русских монет XIX—XX вв., которые изготовлялись исключительно для коллекционных целей и остаются где-то у грани подлинности.

Примерно с середины XIX в. Петербургский монетный двор, обязанный доставлять в Эрмитаж образцы своей чеканки, принял за обыкновенные готовить их в „улучшенном исполнении“: переведенные с обычного маточника штемпели для этой чеканки подвергались полировке, благодаря чему монеты выходили из прессы со сверкающим фоном. Только в отдельные годы об этом забывали, и музей получал монеты в их нормальных рабочих „мундирах“. Однако полированные штемпели хорошо известны и весьма ценящим их коллекционерам, а в собрании Эрмитажа имеется несколько комплектов „полированной“ медной монеты второй половины XIX в., уложенной в специальные футляры вроде пеналов с выдвигаемыми крышками и круглыми гнездами; они происходят из известной частной коллекции и позволяют признать, что, готовя образцы для Эрмитажа, Монетный двор делал впрок еще какое-то количество комплектов для снабжения особенно разборчивых коллекционеров. Назвать такие „эстетские“ монеты ненастоящими так же трудно, как и утверждать, что они неотделимы от подлинных.

Своеобразный характер имело производство новоделов на втором по значению и длительности существования монетном дворе — Екатеринбургском, специальностью которого была медная монета. Оно началось значительно позже, чем в Петербурге, — только в 1840 г., а ранее, несомненно, и не практиковалось, так как периферийным монетным дворам вменялось в обязанность уничтожать штемпели, как только они становились ненужными.

В 1840 г. Министерство финансов, вероятно, позабыв об уничтожении штемпелей, предписало изготовить коллекцию монет, чеканившихся в Сибири с 1757 по 1840 г. включительно, и Екатеринбургский монетный двор покорно изготовил заново все требовавшиеся штемпели по имеющимся образцам подлинной монеты, отчеканил все требуемое и немедленно уничтожил штемпели! (Из брошюры Гиля известно, что заказ в Министерство поступил от вел. кн. Марии Николаевны, супруги герцога Лейхтенбергского.)

Екатеринбургские новоделы чеканились с соблюдением всех требований, непременно на более или менее правильно гурченных кружках, однако это не означает, что они повторяли все мелкие особенности оригинальных, т. е. подлинных, годовых выпусков. Такая задача и не ставилась, достаточно было, чтобы монеты соответствовали некогда узаконенному указом типу. Также не видел Монетный двор необходимости повторять в точности годовые наборы номиналов. Для каждого года были приготовлены штемпели всех номиналов! Поэтому среди отправленных в Петербург образцов оказалось немало монет с такими сочетаниями даты и достоинства, какие в подлиннике не существуют. (Штемпели серебряных сибирских монет 1764 г. в 20, 15 и 10 копеек были изготовлены одновременно с пробными медными сибирскими 1764 г. и никогда Петербург не покидали.)

В 1856 г. Министерству снова потребовалась коллекция, на этот раз начинающаяся уже с 1726 г., т. е. со второго года чеканки плат. Снова вырезывалось огромное количество штемпелей, при этом Монетный двор, не располагавший столь старыми образцами монет, испросил разрешение воспользоваться в случае отсутствия оригиналов рисунками в труде С. И. Шодуара. Тут уже было не до гуртов. В Петербург отправили 1740 монет; по труду Шодуара воспроизвели монеты, в Екатеринбурге не чеканившиеся (пробные монеты 1740 г., монеты для Молдавии и др.), а поскольку рисунки на таблицах Шодуара далеки от совершенства, и на штемпели они перешли не в лучшем виде.

На этот раз начало производство предусмотрительно распорядилось штемпели не уничтожать, и они, действительно, еще раз пригодились: в 1870 г. ими было отчеканено четыре коллекции такого же состава, как в 1856 г., для Всероссийской мануфактурной выставки в Петербурге²⁵. Однако можно не сомневаться, что новыми штемпелями выполнялись и заказы для частных лиц, о чем свидетельствует обилие чеканенных в Екатеринбурге новоделов плат всех сортов. Они опознаются с первого взгляда по прокатанному, а не кованому металлу, по опиленным боковым граням и по надписям, шрифт которых немислим для первой четверти XVIII в. Как указывалось выше, самые последние по датам новоделы монет Екатеринбургского монетного двора ($\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ копейки 1876 г.) чеканились уже в Петербурге.

Взаимосвязь и аналоги, наблюдаемые между производством медалей и монет-новоделов на Петербургском монетном дворе, позволяют сделать вывод о том, что применение в любое время имеющихся старых штемпелей для чеканки или воспроизведения последних в случае утраты перенесли из медального дела в производство новоделов-монет. На монету смотрели, главным образом, как на памятник деятельности того или иного государя, и ее денежная сущность признавалась несущественной. А памятники, как известно, воздвигаются в любое время, когда это находят уместным. Поэтому в Петербурге (правда, уже во второй половине XVIII в.) так усердно проектировались и изготовлялись ретроспективные медали-„памятники“.

Естественно, возникает вопрос: а не распространилась ли подобная „ретроспекция“ еще в XVIII в. и на монеты? Подобное желание пополнить существующий подбор старинных подлинных монет придуманной „монетой-памятником“, явно „недостающей“ в нем, казалось бы, могло возникнуть. Именно в таком плане вопрос о некоторых сомнительных редкостях, несущих даты царствования Петра I, недавно поставлен в статье В. А. Дурова. Автор доказывает, что хорошо известные денги (полукопеечные монеты) 1700 г. с латинскими легендами (именно их имел в виду А. А. Ильин в приведенном выше высказывании) являются первыми русскими „новоштемпельными“ монетами²⁶.

Непосредственный повод для создания этих монет В. А. Дуров видит в выходе в свет в 1739 г. ставшего вскоре популярным в России труда Х. Ф. Вебера, упомянувшего об отрицательном отношении Петра к предположению помещать на русских монетах латинские надписи²⁷. Существование единственной петровской золотой монеты с латинскими легендами на обеих сторонах могло как-то поддерживать инициатора этой чеканки. То обстоятельство, что на денге латынь присутствует только на одной стороне, делало бы возможным предположение о том, что в чеканке

соединили сохранившиеся „архивные“ штемпели со специально изготовленными: к мысли о такой „гибридизации“ невольно обращает искусственность сочетания двух языков без всякой видимой причины. Но и исполнение русских штемпелей способно вызывать сомнение, как и необычное противопоставление сторон обеих монет (↑ ↓ тогда как у всех монет 1700 г. ↑ ↑).

В. А. Дуров усматривает возможное время изготовления исследованных им монет годами управления Петербургским монетным двором Х. Ф. Миниха (1740—1742), увлекавшегося нумизматикой. Действительно, только к этому времени могут относиться медные пробные монеты с портретами Анны Иоанновны (и Иоанна Антоновича), точно датируемые одним из проектов Миниха. Такой же иллюстрацией или „пробой“ к еще одному его проекту являются известные крестовые пятаки с надчеканкой в одном или двух углах креста²⁸. Портрет Петра на „латинском“ штемпеле довольно близок манере И. Лефкена — фактически единственного и не очень талантливого медальера тех лет; назвать медальера с подобной „рукой“ для 1700 г. трудно.

Первым владельцем обеих рассматриваемых монет был П. И. Мусин-Пушкин, коллекция которого, конфискованная в 1740 г., вошла в собрание Кунсткамеры. (В принадлежащем Эрмитажу рукописном каталоге последней имеются соответствующие пометки)²⁹. Мусин-Пушкин участвовал в управлении Московским монетным двором после временного закрытия Петербургского в 1727 г. (Остатки коллекции Миниха еще в начале XIX в. находились в Петербурге в частных руках.) *Terminus ante quem* дает для обеих монет впервые упоминающий их первый печатный каталог русских монет³⁰ — каталог Кунсткамеры, но точно так же и *terminus post quem* ставят, по сути, и отмечавшиеся выше особенности истории Петербургского монетного двора, нормальная работа которого возобновилась в 1738 г. и после этого уже не прерывалась. Петербург был бы наиболее бесспорным местом возникновения „иллюстраций“ к труду Вебера. Но и причастность первого известного владельца обеих монет к Московскому монетному двору как раз в то время, когда он на десяток лет вернулся к положению главного, не следует упускать из виду.

Чеканка меди в Москве в 1700 г. на первом Медном монетном дворе, снаряжавшемся в величайшей спешке к новому, да еще „круглому“ (1700!) году, как свидетельствуют скудные упоминания И. Т. Посошкова³¹, совсем не располагала к сочинению „проектов“, да еще столь несоответствующих весьма напряженной обстановке в связи с необходимостью преодолеть отвращение народных масс к меди³².

Из аргументации В. А. Дурова в пользу позднего (после 1721 г.) создания обеих монет можно отклонить присутствие в титуле слова *imperator*; его не обязательно воспринимать как „император“. Ведь только так можно перевести на латынь (*impegare* — повелевать) постоянно присутствующее в легендах ранних петровских денег и копеек слово „повелитель“. Кроме того, к осторожности в окончательном решении склоняет уникальность обеих монет, для новоделов в сущности противопоставленная. Между тем, именно таковы пришли в Эрмитаж из Кунсткамеры редкие пробные медные монеты Петра I и большая серия (к сожалению, не сохранившихся, но зафиксированных рисованными таблицами XVIII в.) пробных медных монет Петра II 1727 и 1728 гг., о которых до-

стоверно известно, что представленные В. Н. Татищевым, они рассматривались в январе 1728 г. Верховным тайным советом³³.

Новоделы русских монет, чеканенные до 1890 г., по их специфическим особенностям можно разделить на следующие группы, памятуя при этом, что общим и неизменным признаком для всех новоделов остается изготовление их на монетных дворах: 1 — монеты, чеканенные сохранившимися подлинными штемпелями данного монетного двора; 2 — монеты, чеканенные штемпелями-повторениями вышедших из строя „местных“ штемпелей; 3 — монеты, в которых заново вырезанные штемпели данного монетного двора представляют сочетания даты и номинала, на подлинных монетах невозможные; 4 — повторения монет, на данном монетном дворе не чеканившихся; 5 — „гибридные“ сочетания штемпелей от разных пар; 6 — „додуманные“ монеты, в подлиннике не существовавшие.

В заключение вернемся к вопросу о наиболее поздних „новоделах“ совсем особого и далекого от рассмотренных выше рода. Они упоминались в статье, рассматривавшей чеканку последних лет царской России³⁴. Там утверждалось, что в 1915 г. Петроградским монетным двором было отчеканено 600 рублевиков с обозначением именно этого года и что после дочеканки в 1916 г. 300 экземпляров гангутского рубля 1914 г. на Монетном дворе вплоть до полного прекращения его работы в 1918 г. и демонтажа оборудования не чеканилась ни одна рублевая монета. Одновременно высказывалось опирающееся на рекламные каталоги СФА (Советской филателистической ассоциации) соображение, что около 1927 г. для нее чеканилось некоторое количество рублей 1915 г. и гангутских 1914 г. в различном исполнении (обыкновенные, полированные и „зеркальные“)³⁵. Такими потребностями объясняется и производившаяся в мае 1927 г. чеканка сохранившимися штемпелями всех разновидностей медной пробной монеты 1916 г.³⁶

Статья вызвала многочисленные отклики, исходившие от собирателей, живущих на Дальнем Востоке; они дружно доказывали, что в их местах рубль 1915 г. совсем не редок и встречается у старожилов во многих экземплярах в одних руках, а поэтому сомневались в точности названного в статье количества отчеканенных монет. Однако для 1915 — начала 1918 г. оно безупречно, так как обосновано производственными рапортами Передела (монетного цеха), составлявшимися ежедневно после упаковки выделанной монеты. Если не верить таким документам, то каким же материалам верить? Само собой разумеется, что никакая чеканка вообще не была возможна с начала 1918 г. по вторую половину 1921 г., когда на восстановленном Монетном дворе начали чеканку советской монеты.

Однако и сообщавшиеся в письмах факты требуют удовлетворительного объяснения, поскольку версии, выдвигавшиеся в них и даже в газетных статьях, серьезной критики не выдерживают (легенды о „золотом эшелоне“ или чеканке полноценной русской монеты японскими оккупантами!)³⁷. Нельзя не согласиться, что обилие рублей 1915 г. в Дальневосточном Приморье объяснить одним только фактом продажи этой монеты в течение нескольких лет магазинами СФА довольно трудно.

Хорошо известно, что с момента провозглашения Дальневосточной республики в начале 1920 г. (т. е. за полтора года до восстановления в Петрограде Монетного двора) Советское правительство, признавшее Республику 14 мая 1920 г., сразу стало оказывать ей разностороннюю

помощь, включая, в частности, финансовую³⁸. Вполне понятно, что в конкретной обстановке Дальнего Востока того времени последняя могла осуществляться в основном в полноценной монете царской чеканки. Было не до нумизматических тонкостей, и не востребуемые в 1915 г. за-казчиком — Военным ведомством — и сданные Монетным двором в Казначейство мешки с 600 добротными рублевиками, вместе с другой имевшейся в запасе монетой, вполне могли уйти в распоряжение правительства Дальневосточной республики и осесть в местном обращении.

Если это так, то подлинными приходится признать полированный экземпляр, полученный Эрмитажем для коллекции в 1915 г., да монеты, находящиеся теперь в коллекциях дальневосточных собирателей, а нумизматическое наследие СФА можно отнести к „новоделам“, хотя и совершенно неотличимым от подлинной монеты.

Обращение СФА к заказу именно на рубль 1915 г. и на гангутский рубль 1914 г. вполне объяснимо, поскольку о их своевременной чеканке знали собиратели в стране и за границей, а между тем ни у кого их не было. Такой же коммерческий интерес представляла и пробная медь 1916 г., а СФА ориентировалась не только на внутренний антикварный рынок, но и на международный.

Что касается гангутского рубля, то платежное использование этой „медальной монеты“ исключалось и отношение к ней в государственном хранении было иным. Вполне вероятно, что основная масса 30-тысячного тиража 1914 г. прекратила существование в начале 1920-х гг., послужив сырьем для Монетного двора. В таком случае количество существующих подлинников этой монеты должно исчисляться примерно 135—150 экземплярами, разошедшимися по рукам в год чеканки. В 1916 г., чтобы не быть в долгу перед Казначейством, Монетный двор дочеканил эту убыль и обеспечил себе запас в 165 штук — для возможных просителей. Количество „новоделов“, изготовленных для СФА, едва ли было велико.

¹ Ильин А. Русские монеты. Медная монета с 1700—1725 г. Петра I. Пг. 1918, с. 4.

² Новодел.— Энцикл. словарь, Брокгауз и Эфрон. Кн. 41 (т. 21), 1897, с. 278. Подобного мнения придерживался и С. И. Чижов. Он предлагал монеты, выполненные новыми штемпелями, назвать „в отличие от фальшивых частной работы, копиями, изготовленными на монетном дворе“ (Чижов С. И. Бородовые знаки.— ТМНО, 1905, т. 3, с. 248). Стоит отметить, что в каталогах, которые вел сам А. К. Марков, термин „новодел“ употребляется в самом широком смысле. Так называл он, например, чеканенные в Петербурге турецкие куруши.

³ Спасский И. Г. Петербургский монетный двор от возникновения до начала XIX в. Л., 1949, с. 14.

⁴ Последний проспект с ценником: Смирнов В. П. Каталог русских медалей. Спб., 1908.

⁵ Щукина Е. С. Медальерное искусство в России XVIII в. Л., 1962; Щукина Е. С. Медали.— В кн.: Памятники, с. 119—142.

⁶ Спасский И. Г. Очерки по истории русской нумизматики.— „Труды ГИМ“, 1955, вып. 25 (Нумизматический сборник, ч. 1), с. 39—41, 43—45, 49, 51, 54, табл. 7—12.

⁷ Иверсен. Деяния Петра; Стахович А. А. Комментарий к „Медалям на деяния имп. Петра Великого“ Ю. Б. Иверсена. Париж, 1958; Щукина Е. С. Медальерное искусство в России..., с. 69—81.

⁸ Спасский И. Г. Очерки..., с. 55—77.

⁹ Спасский И. Г. „Золотые“— воинские награды в допетровской Руси.— ТГЭ, 1961, т. 4, с. 111—113, 119, 125—128, 132, табл. 2—6; Спасский И. Г. Талеры в русском денежном обращении 1654—1659 годов. Сводный каталог ефимков. Л., 1960.

¹⁰ Список медалям С. Петербургского монетного двора, находящимся в продаже у комиссионера Департамента горных и соляных дел А. Прево у Полицейского моста в доме Голландской церкви в Санктпетербурге. Спб., 1841; Каталог медалей, приготавливаемых в Санктпетербургском монетном дворе с обозначением продажной цены. Спб., 1868 (изд. 2-е—того же года). См. также примечание 4.

¹¹ Карзинкин А. А. О медалях царя Дмитрия Ивановича.—ТМНО, 1898, т. 1.

¹² *Die Reichelsche Münzsammlung...*, Т. 1, 1842, S. 23, Nr. 570; *Monnaies et médailles russes d'après l'état donné par le cabinet du général d'infanterie T. F. Schubert à Saint-Petersbourg*, 1ère partie. (*Monnaies*), Leipsic, 1858, p. 83, N° 720, 721; Спасский И. Г. Очерки..., с. 42, примечание 3.

¹³ Спасский И. Г. Сестрорецкие рубли (1770—1778).—ТГЭ, 1971, т. 12.

¹⁴ Ch. Giel, *Quelques remarques sur la collection Schubert*, St. Pétersbourg, 1880.

¹⁵ Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствования имп. Екатерины II, т. 1. Спб., 1894, док. № 351.

¹⁶ Там же, док. № 248.

¹⁷ Чертков А. Д. Описание древних русских монет. М., 1834; Гагарин Ф. О подделке русских монет.—ЗАНО, 1849, т. 1; Спасский И. Г. Очерки..., с. 89.

¹⁸ Гуттен-Чапский Э. К. Удельные, великокняжеские и царские деньги древней Руси. Спб., 1875, с. 180, примечание.

¹⁹ Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствования имп. Николая I. Спб., 1890, док. № 126—129.

²⁰ *Die Reichelsche Münzsammlung...*, Т. 1, S. 408.

²¹ *Ibid.*, Nr. 4568, 4569.

²² Серебряный рубль царевны Софьи с царевичами, получивший известность как подлинная монета благодаря роману А. Толстого „Петр Первый“, в 1857 г. был впервые опубликован в атласе Шуберга: *Monnaies russes des derniers trois siècles, depuis le Czar Joan Wasiliewicz Groznyj jusqu'à l'empereur Alexandre II, 1547—1855, par le général T. F. de Schubert*, Leipsic, 1857, pl. 4, но в 1843 г. этой монеты у Шуберга не было (см.: Описание русских монет и медалей собрания генерал-лейтенанта Ф. Ф. Шуберга, ч. 1. Спб., 1843), и, скорее всего, она еще и не существовала.

²³ ИРАО, 1863, т. 5, с. 358, 383.

²⁴ Пометка А. А. Ильина в рукописи каталога.

²⁵ Деммени М. Г. К истории Екатеринбургского монетного двора.—ТМНО, 1898, т. 1; Шодуар С. Обзорные русские денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древних времен. Собрание изображений. Спб., 1837.

²⁶ Дуров В. А. Медные монеты Петра I с латинскими легендами.—Нумизматический сборник, 1971, ч. 4, вып. 1.

²⁷ Ch. F. Weber, *Das veränderte Russland*, Bd. 2, Hannover, 1739, S. 177.

²⁸ Брикнер А. Материалы для истории финансов в России. Пятикопеечники 1723—1756 гг. Спб., 1867, с. 59, 61—62.

²⁹ Рукопись „Ревизия, учиненная в 1768 г. находящимся при императорской Кунсткамере золотым, серебряным и прочим драгоценным вещам, также и всему Минцкабинету с приложением краткого перечня и вновь сочиненного обстоятельного Каталога российских деньгам, монетам и медалям“, л. 33 (в каталоге).

³⁰ *Musei imperialis Petropolitani*, vol. II, pars III (*Nummi ruthenici*), Petropoli, 1745.

³¹ Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951, с. 203.

³² Спасский И. Г. Русская монетная система. Изд. 4-е. Л., 1970, с. 26—31, 139, 143—149.

³³ Спасский И. Г. Очерки..., с. 67—69, табл. 15; Сб. РИО, Спб., 1891, т. 79, с. 58, № 35: „Потом впущен и советник Татищев; и объявили медным копейкам новые штемпеля, из которых один апробован: с крестом и с российской надписью“. (Московский экземпляр портретной латиноязычной денги, признаваемой В. А. Дуровым поздней подделкой, по всей вероятности, инспирирован червонцем 1702 г.)

³⁴ Спасский И. Г. Несколько замечаний по поводу русской монетной чеканки 1914—1917 гг.—НисС, 1968, т. 3, с. 147—148.

³⁵ Там же.

³⁶ Книга поступлений отдела нумизматики 44а, № 628, 16 мая 1928 г. Пробные бронзовые монеты 1916 г., все варианты.

³⁷ Спасский И. Г. Несколько замечаний..., с. 144.

³⁸ Аглас З. В. Социалистическая денежная система. Проблемы социалистического преобразования и развития денежной системы СССР. М., 1969, с. 118—119, 204.

О РОССИИ ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ

Западноевропейские медали собрания Эрмитажа на события истории России конца XVII — первой четверти XVIII века

Вряд ли есть необходимость доказывать ценность памятников, свидетельствующих об экономических, политических и культурных связях России с зарубежными государствами. Повествуя о значительных событиях мировой истории, они позволяют рассмотреть одни и те же явления в разностороннем освещении их современниками и очевидцами. Медали на темы истории России, выпущенные за пределами страны, давно привлекали внимание исследователей. В 30—40-х гг. прошлого столетия солидное количество таких медалей опубликовал Я. Я. Рейхель¹. Собираением коллекции россики и изданием ее отдельных частей занимался Ю. Б. Иверсен². В каталоге русских медалей, хранящихся в Эрмитаже, этот раздел составил и пополнял А. А. Ильин. Работая в стенах Эрмитажа над трудом о медалях Северной войны, большое внимание россики уделила Л. С. Пискунова³. Исследованию россики периода Отечественной войны 1812—1814 гг. посвятили свои работы В. А. Ашик, И. М. Холодковский и С. И. Чижов⁴. В 1940—1950-х гг. многократно касался этой темы В. Г. Рихтер⁵.

Понятие россики многозначно. К россики относят как медали, отчеканенные за пределами России по ее приказам, так и памятники, возникшие по инициативе государств, являвшихся союзниками или, наоборот, противниками русской державы. В россику нередко включают творения иностранных медальеров, приглашенных в Россию и работавших по более или менее длительным договорам на русских монетных дворах.

Настоящая статья касается медалей, выпущенных за пределами России в конце XVII — первой четверти XVIII в., и является частью работы над каталогом россики, которая ведется в отделе нумизматики Государственного Эрмитажа.

Во время заграничных поездок Петр I и его сподвижники часто знакомились с медалями и нередко привозили их с собой на родину. Естественно, что, в первую очередь, их внимание привлекали медали с „русскими“ сюжетами. В документах Кабинета Петра I сохранились записи о наличии в нем иностранных медалей с указаниями путей их поступления⁶. Составление милицейских кабинетов, распространившееся в начале столетия, говорит о том, что, несмотря на сложный, полный иноязычных изобразительный язык, латинские надписи легенд, западноевропейские медали получают все более широкое распространение в России⁷.

Помимо исторической ценности, памятники россики, относящиеся к последней трети XVII — первой четверти XVIII в., представляют большой интерес как произведения искусства. Именно в это время рождается русская памятная медаль. Освоение богатых традиций западноевропейского медальерного искусства, преломление этих традиций в русских

условиях дают своеобразную и яркую картину первоначального этапа ее развития. Общеизвестная полнота эрмитажного собрания, в котором представлены многие редчайшие экземпляры, позволяет проследить этот процесс во всех деталях.

Если западноевропейские медали XVI—первой половины XVII в., прямо или косвенно связанные с Россией, отмечали успехи иноземных интервентов или заявляли о притязаниях польских и шведских королей на титул царя московского, то материалы конца XVII в. красноречиво свидетельствуют о возрастающем значении России как европейской державы и все более пристальном внимании к ней за рубежом.

Одним из узловых вопросов европейской дипломатии последней трети XVII в. был создаваемый под эгидой Австрии союз против Турции. В России Европа видела мощный заслон против турок и татар. Военные неудачи Собесского в 1684—1685 гг. побудили Польшу к скорейшему заключению союза с Россией. По договору о „Вечном мире“, подписанному в 1686 г. во Львове, Россия брала на себя обязательство военной помощи Польше против Турции и татар. То обстоятельство, что медаль в память „Вечного мира“ была исполнена в Италии Гульельмадой (Giovanni Battista Guglielmada, 1667—1689), художником, работавшим при папском дворе, вполне объяснимо. Ватикан с напряженным вниманием следил за созданием антитурецкой коалиции, которая после окончательного оформления в „Священную лигу“ была объявлена находящейся под покровительством папы.

Портрет Яна Собесского на лицевой стороне медали окружен латинским титулом, именуящим его королем валахов, поляков, турок и татар. Обратная сторона, подчеркивая равенство договаривающихся государств, изображает Собесского и царевну Софью, держащихся за руки и попирающих полумесяц. Здесь же латинская надпись: PAX FUNDATA CUM MOSCHIS (заключен мир с Московией), а внизу, в обрете медали: DECENNALIA AUG. (славное десятилетие) [со дня коронации Я. Собесского в 1676 г.]⁸.

Изображение одежд славянских правителей всегда было камнем преткновения для европейских медальеров. Долгополые кафтаны и опушенные мехом шапки не дают точного представления ни о польском, ни о русском costume. Любопытнее всего, что на медали правительницей России представлена Софья. Известны ее постоянные притязания на единовластие, стремление оттеснить от правления братьев, конфликты по вопросам подписи государственных бумаг и тонкостей протокола. Год заключения „Вечного мира“ был апогеем правления Софьи. Последовавшие затем Крымские походы, стрелецкие мятежи и, наконец, решительные действия Петра, приобретшего реальную поддержку в созданных им „потешных“ полках, положили конец ее политической карьере.

В 1686 г. состоялось вступление России в „Священную лигу“. Исполненная на это событие медаль типична для своего времени. Согласно олицетворяет сидящая на берегу моря перед пропилеями женская фигура с пучком стрел в руках. Вступившие в лигу государства — Австрия, Россия, Польша и Венеция — представлены четырьмя гербами, прикрепленными к колоннам. Надпись: CONCORD. CHRISTIAN. (христианский союз), монограмма Христа на спускающейся с небес хоругви и связанный турок у ног Согласия демонстрируют высокие побуждения сторон. Двенадцатистрочная надпись оборотной стороны раскрывает истинный

Табл. I

1 — медаль в память „Вечного мира“ между Польшей и Россией 1686 г. Работа Д. Б. Гульельмады; 2 — медаль в память заключения „Священной лиги“ в 1686 г. Лицевая сторона. Работа Г. Хаутча; 3 — медаль в память взятия Азова русскими войсками в 1696 г. Работа Яна Боскама.

смысл события, объявляя лигу союзом держав, соединяющих свои армии для войны с Турцией⁹.

Медаль исполнена в Нюрнберге в мастерской Георга Хаутча (Georg Hautsch, 1683—1711), многочисленными заказами связанного с Австрией. Позднее, в 1712 г., Хаутч переехал в Вену, где и работал на Моетт-дворе до своей смерти.

Россия выполнила свои обязательства перед „Священной лигой“. Взятие Азова и победы над татарами принесли русскому оружию заслуженные лавры. Путешествуя по Европе в составе Великого посольства в 1697—1698 гг., Петр предстает перед европейцами в ореоле славы победителя турок.

Известна разносторонность занятий Петра во время пребывания его в Голландии. Посещения им Шхонебека создали даже миф о занятиях царя гравированием. Царь мог побывать и в мастерской крупного медальера Яна Боскама (Jan Boskam, работал в 1689—1708), которым исполнена медаль на взятие Азова. На лицевой стороне ее — портрет Петра I в лавровом венке и плаще; на оборотной — характерная для боскамовских медалей аллегорическая композиция — Победа, попирающая поверженные турецкие трофеи. Латинская надпись — HISCE AXENUS FIAT EUXINUS (пусть для них это гостеприимное [понт Эвксинский] Черное море станет негостеприимным) — кратко выражает цель завоеваний России на юге¹⁰. Медаль Боскама сравнительно мало распространена в России; в собрании Эрмитажа всего три ее экземпляра. Почти все 20 медалей, изготовленных по заказу Великого посольства, разошлись за границей в качестве дипломатических подарков.

В Голландии во время пребывания Петра отчеканена еще одна редчайшая медаль в память свидания царя в Утрехте с Вильгельмом III Оранским, королем Англии и штатгальтером Нидерландов. Один экземпляр ее поступил в Эрмитаж в составе коллекции Строганова¹¹. Она явно приурочена „к случаю“ и изготовлена очень спешно. Для лицевой стороны с портретом Вильгельма Оранского использован штемпель работы Яна Смелтцинга (Jan Smeltzing, 1656—1693), уже служивший для медалей 90-х гг. Над штемпелем оборотной стороны работал Н. Шевалье (Nicolas Chevalier, умер в 1720), уроженец Франции, бежавший в Голландию после Нантского эдикта. В сцене встречи двух монархов подчеркнута уважение, оказываемое главе русского государства королем Англии, спускающимся навстречу царю по ступенькам портика. Медальер не отказал себе в удовольствии обыграть экзотику русской одежды, изобразив Петра в мантии и с короной на голове. Надпись над изображением гласит: SIC OLIM HEROES (как некогда герои).

Путешествие Петра по землям Германии нашло отклик в нескольких медалях крупнейшей в то время мастерской Христиана Вермута (Christian Wermuth, 1661—1739), находившейся в Готе (Саксония) и чеканившей медали на события истории всех европейских держав. Вермут изготовлял медали по заказам правительств и, вместе с тем, по собственной инициативе, живо откликаясь на европейские новости и выпуская затем медали в продажу. Сохранился своего рода „проспект“ работы мастерской Вермута, содержащий список в 1500 медалей¹².

Путешествию Петра посвящена большая медаль Вермута, на лицевой стороне которой — погрудный портрет царя в богатом русском одеянии. Оригиналом для него послужил так называемый версальский

Табл. II

1 — медаль в память свидания Петра I с Вильгельмом Оранским в Утрехте в 1697 г. Работа Я. Смелъцинга и Н. Шевалье; 2, 3 — медаль и жетон в память первого заграничного путешествия Петра I 1697—1698 гг. Работа Х. Вермута

тип портрета¹³. Круговая надпись медали — латинская калька традиционного титула русских царей: „Петр Алексеевич божиею милостию всея великие малые и белые Руси царь и самодержец“. На оборотной стороне, на фоне бомбардируемых Азова и Перекопа, изображен Георгий Победоносец, фигура которого может быть истолкована двояко: как

герб России и как самое Петр. Такая персонификация государственного герба — привычное явление в медальерном искусстве. Карл XII на многих медалях того же времени изображен в виде льва. Латинская надпись: *CLAUSTRIS CRIMEA RESERATIS... CULTIORES EUROPAE REGIONES INVISIT MDIIC* (открыв ворота Крыма... посетил образованнейшие страны Европы в 1697 г.) говорит о том, сколь свежи были в памяти европейцев победы России над турками¹⁴.

В мастерской Вермута были исполнены также несколько вариантов миниатюрных медалей с изображением на оборотной стороне странствующего Геркулеса и надписью: *PERLUSTRAT TERRAS* (обходит землю). Надписи, которые не помещались на плоскости медали, медальеры XVIII в. переносят на гурт. На гурте некоторых медалей можно прочесть: „Его неслыханный пример Германия увидела впервые“¹⁵.

Изображение Петра в виде Геркулеса на гравюрах и медалях обычно связывается с победами над Швецией (львиная шкура воспринимается как намек на герб противника). Однако медали Вермута опрокидывают это представление. На языке медальных аллегорий Геркулес, чаще всего — олицетворение правителя могущественного государства.

Мирно путешествующий Геркулес на медалях Вермута сменяется сценой расправы героя с гидрой: так изобразил медальер стрелецкий бунт, прервавший путешествие Петра I¹⁶. На оборотной стороне надпись: *SEQUITUR TERRAQUE MARIQUE* (преследует на суше и море). Медали, явившиеся откликами на первое путешествие Петра, свидетельствуют о значительных изменениях во взглядах на Россию за ее пределами.

В области внешней политики первые годы самостоятельного правления Петра I были посвящены решению турецкого вопроса и подготовке к Северной войне. Длительные переговоры в Карловицах, где приходилось преодолевать не только противодействие противника — Турции, но вероломство вчерашних союзников и, в первую очередь, Австрии, закончились Константинопольским миром. Это событие отразила медаль работы Г. Хаутча и Г. Ф. Нюренбергера. На оборотной стороне ее — Петр подает манифест коленопреклоненной фигуре, олицетворяющей Азов. Налицо и фигура Мира — женщина с рогом изобилия. Латинская легенда медали: *QUA VICIT VICTOS PROTEGIT ILLE MANU: CLAUD* (тою же рукою побеждает и защищает побежденных) — цитата из Клавдия, что и оговорено в конце надписи¹⁷. Введенная в самом начале века „мода“ на использование сочинений классиков античности для надписей на медалях удерживается почти до середины столетия, и в серии на события Северной войны, заказанной в 1714 г. Мюллеру, все события прокомментированы цитатами из античных авторов.

Северная война более двадцатилетия была основным вопросом внешней политики не только России: в ее сферу были непосредственно втянуты несколько держав, а вся Европа с напряженным вниманием следила за ходом событий. Специально занимавшаяся медалями Северной войны Л. С. Пискунова составила каталог, насчитывающий 273 медали (сюда вошли русские памятные и наградные медали, а также работы медальеров Германии, Швеции, Дании, Австрии)¹⁸.

Среди этого обилия памятников есть официальные, торжественные медали, объявляющие об одержанной победе, есть и дешевые массовые поделки, в сатирических тонах комментирующие неудачи противной

стороны на поле боя или в области дипломатических интриг. Одновременное выполнение заказов враждующих сторон в частных (таких, как Вермута или Мюллера) мастерских приводило порой к курьезам. Известно, например, что Хаутч снабдил поочередно медали в честь Петра I и Карла XII гуртовой надписью: „Никто не был выше его в благочестии и сильнее его на войне“. Боясь преследования со стороны оскорбленного ядовитыми намеками государя, медальеры часто выпускали свои произведения анонимно. Коллекция немецких медалей Эрмитажа изобилует подобными экземплярами, напоминающими сатирические летучие листки, распространяемые типографиями.

Неудача, постигшая русское войско под Нарвой в 1700 г., вызвала целый дождь медалей, живописующих событие всеми красками — от патетических до сатирических. В собрании отдела нумизматики насчитывается 14 разновидностей таких медалей¹⁹. Наиболее редкая среди них (один свинцовый экземпляр) — работа неизвестного, скорее всего шведского, медальера. На лицевой стороне ее изображен сидящий в палатке Петр, который греет руки у огня мортир, обстреливающих Нарву. На оборотной — он бежит, плача, путаясь в полах длинной одежды, теряя царскую шапку и сломанный меч. Слова латинской легенды: PETRUS ASSIDEBAT IGNI (Петр сидел у огня) — на лицевой стороне и FUGIENS PLORANT AMARE (убегая, горько плакал) — на оборотной, навеяны строками из Евангелия от Луки²⁰. На другой медали Петр сравнивается с падающим Икаром. Медаль, прославляющая Карла XII, представляет битву как единоборство льва с драконом²¹. Мощная держава, все активнее действующая на мировой арене, начинает не на шутку беспокоить Европу, и нарвская „конфузия“ особенно охотно раздувается противниками России.

Общеизвестно высказывание Маркса о том, что „Нарва была первым серьезным поражением поднимающейся нации, умевшей даже поражения превращать в орудия победы“²². Четыре года, отделяющие нарвское поражение от нарвской победы, прошли в военной подготовке и сплачивании антишведской коалиции.

На медалях неизвестного немецкого медальера в память союза России с Данией и договора между Петром и Августом в Биржах изображения союзных монархов сопровождаются латинской надписью: JUNGIT CONCORDIA MAGNOS (согласие объединяет великих)²³. Медали, посвященные антишведской коалиции, вызывают полемический ответ противника. Медаль работы И. Р. Энгельгардта (Johann Reinhold Engelhart, умер в 1713) изображает Карла XII в виде Геркулеса, замачнувшего палицей на трехглавого Цербера²⁴. Надпись гласит: NEC LEO ME NEC FORMA TRIPLEX TUA CERBERE MOVET (меня не смутит ни лев, ни твоя тройная природа, Цербер).

Предостерегающая немецкая надпись („он бдит во сне“) имеется на другой медали того же автора, изображающей спящего льва²⁵. Карл XII широко пропагандирует успехи своей армии в 1700—1703 гг. Лев, заносающий меч над убегающим медведем, меч и лавровая ветвь на фоне картушей с наименованием взятых городов — недвусмысленная символика изображений на медалях, посвященных победам шведского оружия²⁶.

Нарвская виктория 1704 г. была отмечена двумя медалями, вышедшими из мастерской Вермута²⁷. Вполне понятно их появление в Саксонии — главной союзнице России в Северной войне. SIC SOLEO INIMI-

COS (так поступаю с врагами) — провозглашает надпись на обороте медали вокруг изображения орла, преследующего льва. Композиция оборотной стороны другой медали с надписью: LIVONIA CAPTA (Ливония взята) повторяет медаль 1579 г. на взятие Полоцка Стефаном Баторием, а обе медали восходят к памятной монете Веспасиана с изображением пленников у пальмы и надписью: IUDEA CAPTA.

Известен случай, когда медаль времени Северной войны стала предметом своеобразной полемики. В 1706 г. после успехов Карла на территории Саксонии ему удалось вынудить Августа заключить сепаратное Альтранштадтское соглашение, которым Саксония фактически предавала своего союзника. По этому поводу в Германии Меммиусом (Johann Memmius, 1673—1711) была выпущена медаль с изображением льва меж двух колонн, одну из которых лев сломал (Саксония), другую пошатнул (Россия)²⁸. CONCUSSIT UTRAMQUE (потряс обе) — значится в надписи по сторонам изображения. Фейерверк по случаю нового, 1710 года, вскоре после блистательной Полтавской победы был прямым ответом на медаль 1706 г. Экспозиция повторяла медаль: орел, вылетающий из туч, нападал на льва, и колонны выпрямлялись²⁹.

Решающее сражение Северной войны — Полтавское — вызвало к жизни большое количество медалей³⁰. Первым внешнеполитическим результатом победы явилось возобновление Данией и Саксонией союза с Россией. Воочию убедившись в мощи России, ее далеко не безупречные союзники теперь всячески стремятся выразить свои дружеские чувства. Мастерская Вермута посвятила Полтаве три медали (все три уже упомянуты в издании 1709 г.). JUSTISSIME TRIUMPHAT OB DEVICTOS SVECOS AD PULTAVA 29 IUN. MDCCIX (справедливейше торжествует, победив шведов под Полтавой 29 июня 1709 года) — начертано на оборотной стороне первой из них с изображением античной триумфальной колесницы³¹. Изображение поражаемого молнией гербового щита Швеции, висящего на увитом лаврами обелиске, комментируется надписью: NON LAURI FULMINA TERRENT (лавры не отпугивают молнией); в обрезе можно прочесть: TOT ABSTULIT VICTORIAS UNS AD PULTAVAM IUN 1709 (сколько славных побед уничтожила одна под Полтавой)³². Наконец, дракон, разрывающий лавровые венки на третьей медали, окружен надписью: COLLECTAS DISCERPIT/DEL. SVEC. EXERC. AD PULTAV. 17 IUN. 1709 (разорвал собранное, уничтожил шведское войско под Полтавой 17 июня 1709 г.)³³. Как видно, все три медали, вышедшие почти одновременно из одной и той же мастерской, имеют разные и все три — неверные даты сражения.

Для лицевых сторон полтавских медалей Вермут воспользовался уже имевшимися в мастерских портретными штемпелями медалей в память первого путешествия Петра и взятия Нарвы.

Откликнулся на Полтавскую битву и Хаутч³⁴. Тяготая к банальным композициям, он помещает на обороте медали изображение Георгия Победоносца, поражающего дракона. PIETATE ET FORTITUDINE (благочестию и храбрости) — также ни к чему не обязывающая легенда. На некоторых экземплярах имеется гуртовая надпись: IUSTOR ALTER NEC PIETATE FUIT NEC BELLO MAJOR (никто не был честнее его в благочестии и выше его на войне).

Мастерские крупных немецких медальеров были солидно поставленными коммерческими предприятиями, их владельцы мало смущались

Табл. III

1 — сатирическая медаль в память поражения русской армии под Нарвой в 1700 г. Работа неизвестного медальера; 2, 3 — медали в память взятия Нарвы русскими войсками в 1701 г. Работа X. Вермута; 4 — медаль в память Полтавской битвы 1709 г. Работа неизвестного медальера; 5 — медаль в память Полтавской битвы 1709 г. Обратная сторона. Работа X. Вермута

тем, что приходилось почти одновременно исполнять медали, прославляющие доблести представителей враждующих сторон.

Не имеет инициалов медальера еще один памятник полтавской победы — медаль, на лицевой стороне которой — портрет Петра I, окруженный титулом: PETRUS ALEXIEV MAGN. RUSS. ZAAR (Петр Алексеевич, великий царь России). Портрет близок к изображениям царя на русских медалях того времени, что говорит о знакомстве иностранного мастера с образцами русского медальерного искусства. На обороте медали — портик античного храма с двумя статуями в нишах, окруженный надписью: VICIT FORTUNAE ATQUE HERCULIS AEDEM (одержав победу над храмом Фортуны и Геракла); в обресе начертано: OB DEVICTOS SVECOS AD PULTAV MDCCIX D. 29 IUN ST. V. (одержав победу над шведами под Полтавой 1709 29 июня старого стиля)³⁵. Исследователи считают, что медаль принадлежит резцу датчанина Петра Берга; в пользу этого предположения говорит как стилистическое сходство полтавской медали с другими работами Берга, так и двоякая гласная в слове зааг в титуле.

К 1709 г. медаль преимущественно в качестве воинской награды прочно завоевывает в России права гражданства. Полтава нашла свое отражение в наградных медалях для солдат и урядников Семеновского и Преображенского полков. По сложившейся традиции, на лицевой стороне медалей изображен Петр, на оборотной — под краткой русской надписью „За Полтавскую баталию“ — батальная сцена. Мемориальная медаль по случаю решающего сражения Северной войны должна была стать торжественным памятником, объявляющим всей Европе о „преславной виктории“. Такая медаль была заказана известному немецкому медальеру Филиппу Генриху Мюллеру (Philipp Heinrich Müller, 1654—1718). Его мастерская в Нюрнберге, где вместе с ним работали сыновья, исполнила огромное количество медалей для всех европейских держав. Заказать медаль этому известному мастеру было вопросом международного престижа.

Большинство медалей Мюллера выдержаны в размере около 40 мм; полтавская резко выделяется среди них своей величиной — 66 мм. О заказном характере работы говорят композиции обеих сторон, в основу которых были положены гравюры, присланные из России³⁶. Лицевая сторона полна динамики. Переноса на медальный штемпель композицию гравюры — Петр верхом на вздыбленном коне на фоне сражения — Мюллер показал себя блестящим мастером барочного рельефа.

Полтавская медаль — торжественная ода, панегирик военной мощи России и полководческому гению Петра. Эффектным изобразительным приемом соответствуют звучные строчки легенды, начертанной по верхнему ободку лицевой стороны: HIC HONOR IN NOBIS INVIDIOSUS ERIT. OVID (нам позавидуют в сей славе) — цитата из Овидия. Надпись в обресе не менее знаменательна: PETRO ALEXIADI D. G. MAGNO RUSS. IMP. PIO. FELICI AUG. TRIUMPHATORI (Петру Алексеичу, божие милостию великому императору российскому, благочестивому, счастливому, августейшему, торжествующему).

Начиная с 1709 г. большинство иноземных медальеров титул „великий царь московский“ заменяют титулом „император российский“, переводя на латынь слово „повелитель всея России“. Значение полтавской победы не ограничивалось лишь тем, что, по образному выражению

В надписи над изображением оборотной стороны — *poLtaVa Mİra CLaDe InsIgnIs* (Полтава, удивляющая чудесным поражением) — скрыта хронограмма — особый прием написания даты. Сумма цифровых значений букв, выделенных крупными шрифтами, составляет дату 1709 г. В обрзе указано: *UNIVERSO SVECORUM EXERCITU DELETO D. 27 IUN* (все шведское войско истреблено 27 июня).

Несмотря на достаточные размеры медали и ее эпиграфическую насыщенность, Мюллер использует и гурт, помещая на нем надпись: *FERT PETRO SOLIDAS INGENIS VICTORIA PALMA* (великая победа доставляет Петру надежное торжество).

Полтавская медаль работы Мюллера — один из наиболее популярных памятников росники. Упомянутая и воспроизведенная уже в издании 1709 г., она многократно встречается в зарубежных изданиях XVIII в. Преследуемая русским правительством цель была достигнута: медаль сыграла немаловажную роль в оповещении современников о знаменательном событии русской истории. Полтавская же медаль послужила толчком к заказу у Мюллера большой серии медалей, посвященных Северной войне.

Эта серия, включающая 28 медалей, охватывает события с 1702 по 1714 г. и представляет собой своеобразную медальную летопись Северной войны, отмечающую основные сражения и военные достижения России. Выполненная в Германии в 1714—1716 гг. (позднее штемпели были перевезены в Москву), она придерживается основных канонов медальерного искусства того времени. Несомненна ее внешнеполитическая направленность: язык надписей — латынь — был международным в Европе того времени. Почти все легенды — цитаты из античных авторов. Основу композиций оборотных сторон составляют чаще всего планы сражений, посланные Мюллеру из России. Оригиналом для трех вариантов портретов лицевых сторон послужил профильный портрет Петра работы Я. Купецкого³⁸. Серия получила широкое распространение в Европе, правда, не в первой четверти XVIII в., а во второй половине столетия, и не в оригиналах, а в многочисленных позднейших копиях.

Следует отметить, что противники русской коалиции также откликнулись на Полтавское сражение, точнее, на его последствия. Швеция заказывает медали Мюллеру и Вермуту, стремясь объяснить пребывание Карла XII в Бендерах после бесславного бегства как временный отдых уставшего героя. На обороте мюллеровской медали вокруг изображения спящего льва и в обрзе — надпись: *PER AMICA SILENCIA LUNAE OCVLVS DORMI TAT APERTIS* (в дружественном безмолвии лунной ночи спит с открытыми глазами)³⁹. Вермут в своей медали прибегает к той же аллегории (возможно, по желанию заказчика). Фигура спящего льва окружена надписью: *IL DORT APRES TANT DES FATIGUES* (он спит после стольких трудов)⁴⁰. Другая медаль Вермута изображает Христа, шествующего по водам и удерживающего на воде апостола Петра. *MERGOR UT EMERGAM* (погружаюсь, чтобы выплыть) — легенда, выражающая настроение Швеции, жаждущей реванша⁴¹.

Последовавший за Полтавой год был годом блистательных побед русского оружия. Эльбинг, Выборг, Рига, Динамунде, Пернов, Кексгольм, Аренсбург, Ревель — этот калейдоскоп взятых городов нашел позднее отражение в медалях серии Северной войны работы Мюллера. Лишь взятие Риги было отмечено медалью неизвестного (возможно,

немецкого) медальера. Изображение античного тарана на обороте заимствовано из книги „Символы и эмблемата“⁴². Надпись REPETITIA VICE FORTIUS (повторение с новой силой) подразумевает возрастающую мощь победоносной русской армии. Ошибочная дата на медали (13—14 вместо 4 июля) — обычное явление для зарубежных медалей на русские события.

Выше уже говорилось о том, что фонд медалей первой четверти XVIII в. не ограничивается официальными торжественными памятниками. Мелкие ремесленные мастерские выпускали анонимные дешевые медали, живо откликавшиеся на события. Не представляя собой художественной ценности, они, тем не менее, часто бывают любопытными памятниками эпохи. Таковы две чисто эпиграфические немецкие медали. Первая из них, 1713 г., связана с событиями, предшествующими сдаче армии Стенбока при Тёнингене, и с пребыванием Петра I в Гамбурге⁴³.

Вторая, 1716 г., с надписью: MOSCAU/WILL ICH/KRÄNKEN/POHLEN/WIRD SICH/LENKEN PREUSSE/WIRD ICH SCHENKEN/DEN-MARK/WOHL/GEDENCKEN (Москву я хочу оскорбить, Польша даст с собой управиться, Пруссию прощу, а Дании припомню)⁴⁴, является сатирическим откликом на намерение Карла XII продолжать войну.

Среди медалей, отчеканенных в честь Петра I за пределами России, есть редкий и загадочный памятник, который пока трудно связать с каким-то конкретным событием. После смерти Петра Вермут, как свидетельствует о том своего рода печатный проспект⁴⁵, посылает Екатерине I несколько медалей на события русской истории. Находящаяся в их числе медаль с датой 1715 г. имеет на лицевой стороне портрет Петра, окруженный титулом: „Петр Великий российский император отец отечества“. Портрет (Петр в лавровом венке и мантии со знаками ордена Андрея Первозванного) близок к портретам мюллеровской серии. На обороте в венке, составленном из атрибутов наук, искусств и ремесел, — латинская надпись: MAXIMUS/E/MINIMO/TANTISPER/SCEPTRA/RELINQUENS/FABRILES ARTES/DUM/FABERIPSE/DOCET/MDCCXV (великий муж оставляет скипетр для малых дел и, будучи сам художником, учит художествам). В эрмитажном экземпляре, так же как и в известном Ю. Б. Иверсену, в дату добавлена еще одна цифра X, вбитая вглубь пунсоном.

Рейхель⁴⁶, издавший медаль впервые, считал ее наградой, которую Петр I раздавал ученым, художникам и ремесленникам. Редкость медали (в эрмитажном собрании лишь один экземпляр) опровергает эту точку зрения. Ю. Б. Иверсен полагал, что дату Вермут сначала проставил ошибочно, а потом дополнил ее еще одной десяткой, так как медаль, по его мнению, была приурочена к учреждению Академии наук⁴⁷. Однако легенда медали обращена скорее к личности самого Петра, чем к какому-либо из созданных им учреждений; во всяком случае, в упоминавшемся выше проспекте Вермута конкретных указаний на это нет. Титул императора и отца отечества свидетельствует о том, что медаль могла чеканиться уже после Ништадтского мира; возможно, медаль связана с пребыванием Петра за границей в 1715—1717 гг., когда он предпринимал дипломатические попытки к скорейшему завершению Северной войны и заключению мира.

В 1717 г. Петр совершает поездку во Францию — страну, долгое время державшуюся антирусской ориентации. Прием, оказанный там

главе русского государства, — свидетельство коренных перемен в отношениях между государствами. Красноречивым доказательством неизмеримо возросшего международного веса России и уважения к личности Петра являются медали, посвященные этому визиту.

Во Франции во второй половине XVII в. сложилась каноническая форма серии медалей на события правления короля. С тщательной последовательностью из года в год Парижский монетный двор чеканил медали одного размера с традиционным, менявшимся в зависимости от возраста, портретом короля на лицевой стороне. Все события рассматривались и освещались через призму личности монарха⁴⁸. Приезд Петра, его встречи с малолетним королем и регентом, герцогом Орлеанским, также нашли отражение в серии медалей Людовика XV. PETRI RUSSOR AUTOCRATOR CUM REGE CONGRESSIO (свидание короля с Петром Алексеевичем, русским самодержцем) — надпись над изображением на оборотной стороне одной из медалей⁴⁹, живо передающей атмосферу дружественной встречи. Медаль органично вписывается в серию, посвященную правлению Людовика XV. Существуют два варианта лицевой стороны этой медали: один с портретом Людовика XV, другой — с портретом регента, герцога Орлеанского.

Совершенно иной, исключительный характер носит медаль, преподнесенная Петру на Парижском монетном дворе. История ее возникновения довольно подробно освещена современниками, на которых личность царя, манера его поведения, живейший интерес, проявленный ко всем сторонам жизни Франции, произвели большое впечатление⁵⁰.

Мысль о преподнесении Петру медали, отчеканенной в его присутствии, пришла герцогу д'Антенну, заведовавшему всеми мануфактурами Лувра и сопровождавшему Петра при осмотре достопримечательностей Парижа. Монетный двор был предметом особого внимания Петра, посетившего его дважды — 11 и 20 июня. В 1698 и 1699 гг. здесь были установлены два мощных прессы-балансира для чеканки медалей с высоким рельефом. На одном из них в присутствии царя были отчеканены золотая медаль и 40 ее экземпляров в серебре (по другим сведениям, 30 серебряных и 40 бронзовых медалей для сопровождавшей свиты). Штемпель лицевой стороны был выполнен Жаном Дювивье (Jean Duvivier, 1687—1761), который, не имея портрета Петра, был вынужден украдкой делать наброски, сопровождая царя при осмотре Парижа. Над штемпелем оборотной стороны работал другой медальер, Мартин Рер (Martin Roeg, 1685—1736).

Портрет Петра окружен титулом: „Петр Алексеевич, царь, великий император российский“. На обороте медали — Слава с трубой, к которой прикреплено полотнище с изображением Георгия Победоносца. „Шествуя, возрастает силою“, — так можно перевести надпись (VIRES ACQUIRIT EUNDO)⁵¹. Медаль — великолепный пример репрезентативного торжественного памятника. В иконографии Петра портрет Дювивье не принадлежит к удачным, но созданный медальером величественный и суровый образ необычайно выразителен, а сочетание его с динамичным изображением на обороте передает неукротимую энергию царя. Петр остался чрезвычайно доволен медалью и, по свидетельству современников, постоянно держал ее на своем столе. Она так и была записана в перечень вещей Кабинета: „Медаль золотая с персоною его императорского величества, которую подарили его величеству в Париже

1

2

Табл. V

1 — медаль в память встречи Петра I с Людовиком XV в 1717 г. Работа Ж. Дювилье; 2 — медаль в память посещения Петром I Парижского монетного двора в 1717 г. Работа Ж. Дювилье и М. Рега

на монетном дворе, а на другой стороне — глория; оная медаль в футляре черном кожаном, обитом красным бархатом". В том же списке указано, что при втором посещении Монетного двора Петру были подарены две серебряные монеты Людовика XIV и Людовика XV⁵².

К сожалению, в Эрмитаж золотая медаль не попала. Переданная в Академию наук, она была, видимо, похищена оттуда уже в XX в. В отделе нумизматики Эрмитажа — четыре экземпляра работы Дювивье и несколько хороших копий штемпеля Тимофея Иванова⁵³.

Двадцатилетнюю Северную войну современники сравнивали с потопом. Ее окончание было праздником, торжественно отмечавшимся во всей Европе. Швеция посвятила этому событию несколько медалей, изображения и легенды которых умалчивают о бесславном конце кампании, выражая надежды на прочный и счастливый мир. FERRUM SPLENDESCAT ARRANDO (пусть железо засверкает от пахоты). — начертано на медали работы К. Гедлингера (Johann Carl Hedlinger, 1691—1771), изображающей женскую фигуру, олицетворяющую Мир, на фоне идиллически спокойного пейзажа; кадущей и колосья на другой медали того же мастера окружены надписью: VIGEAT CONCORDIA FELIX (да крепнет счастливое согласие)⁵⁴.

Находящийся в Копенгагене министр-резидент России А. П. Бестужев к празднику по случаю заключения Ништадтского мира заказал медаль датскому медальеру Антону Шульцу (Anton Schultz, работал в 1716—1731 гг.). Для портрета на ее лицевой стороне художник воспользовался, видимо, медалью неизвестного медальера в память Полтавской битвы. Обратная сторона, чисто эпиграфическая, гласит: EXANTLATUS / PER QUATUOR / ET / QUOD EXCURRIT / LUSTRA PRUSQUAM HERCULEIS / BELLI LABORIBUS / PACI NEOSTADI IN FINLANDIA / 30 AUG. S. V. 1721 / GLORIOSISSIME / QUOD IPSA FATEBITUR / INVIDIA / SANCTIA EXOPTATAM / ARCTOD ORBI QUIETEM / DONAVIT A. SCHULTZ. FEC. HAFEN. D. A. (после перенесенных более чем двадцатилетних воинских трудов, более тяжелых, чем геркулеовы, утвердив мир в Финляндии в Ништадте 30 августа старого стиля 1721 года, с величайшей славой, что признает сама зависть, даровал Северному миру желанное спокойствие. А. Шульц делал. Копенгаген)⁵⁵.

Экземпляр шульцевской медали находился в Кабинете Петра, в описи Кабинета она значится как „медаль серебряная, учиненная в 1722 году в Копенгагене; прислана от резидента Алексея Бестужева о вечном мире со Швециею“⁵⁶. Спустя несколько лет Шульц приезжает в Россию; в 1727—1735 гг. он выполнил несколько работ на Московском и Петербургском монетных дворах.

28 января 1722 года в Москве во время празднования Ништадтского мира участникам Северной войны в соответствии с их чинами были розданы медали с изображением на лицевой стороне голубя над Ноевым ковчегом и двух столиц, соединенных в знак мира радугой. Многострочная надпись оборотной стороны объявляет Петра отцом отечества и императором. Наряду с огромным количеством медалей с русскими надписями сохранилось сравнительно немного медалей, имеющих латинские легенды. Документы об их рассылке за границу и о вручении „в презент чужестранным министрам“ говорят о том, что русские медали становятся средством международной пропаганды, демонстрируя успехи империи за ее рубежами.

Русское медальерное искусство конца XVII — первой четверти XVIII в. оставило солидный фонд памятных медалей. Работы западноевропейских медальеров существенно дополняют „металлическую летопись“ одного из интересных и бурных периодов истории нашего государства. На примере этих памятников можно проследить, как рос интерес к России за рубежом, ширился круг международных связей страны, упрочивались ее позиции на европейской политической арене.

¹ СРМ.

² Иверсен. Деяния Петра; Иверсен Ю. Б. Сатирические медали на события Северной войны. — ТМНО, 1901, т. 2.

³ Ильин А. А. Рукописный каталог собрания русских медалей ОНГЭ; Пискунова Л. С. Северная война в медальерном искусстве (см. в библиотеке ОНГЭ).

⁴ Ашик В. А. Памятники и медали в память боевых подвигов русской армии в войнах 1812, 1813 и 1814 годов и в память императора Александра I. Спб., 1913; Холодковский И. М. Нумизматические памятники Отечественной войны. Спб., 1912; Чижев С. И. Две медали Парижского монетного двора с портретами Петра Великого и Александра I. — НС, М., 1911, т. 1; Чижев С. И. Иконография Александра I по медалям. — НС, М., 1912, т. 2; Дополнение к иконографии Александра I по медалям. — НС, М., 1914, т. 3.

⁵ Рихтер фон, В. Г. Собрание трудов по русской военной медалистике и истории. Париж, 1972.

⁶ 200-летие Кабинета его императорского величества. 1704—1904. Спб., 1911. Приложение III, с. 59—68.

⁷ Спасский И. Г. Очерки по истории русской нумизматики. — Труды ГИМ*, вып. 25 (Нумизматический сборник, ч. 1). М., 1955.

⁸ ОНГЭ, инв. № РМ 19, ИМ 6085; медь, 64 мм. E. Hutten-Czapsky, *Catalogue de la collection des médailles polonaises*, v. 1, Saint-Petersbourg — Paris, 1871, № 2523. Чанский отмечал исключительную редкость медали.

⁹ ОНГЭ, инв. № ИМ 19162, 19163; серебро, медь, 44 мм. Надписи: LEOPOLDI MAGNI/ROM. IMPERATORIS/IOHAN III POLON./REGIS/ET/REPUBLICAE VENETIA/CONCORDIBUS ARMIS./ADVERSUS TURCAS/EXERCITUS/MOSCOCVITARUM/STABILI FOEDERE/IUNGITUR MDCLXXXVIII/LGL (Л. Г. Лауэр — минцмейстер в Нюрнберге).

¹⁰ ОНГЭ, инв. № ИМ 22975, 27169, 31490; серебро, медь, 49 мм. Памятники, № 800.

¹¹ Иверсен. Деяния Петра, с. 6, VII.

¹² *Specificatio Wermuthscher-Medaillen*, Leipzig, 1713; *Curieuse Medaille, oder: Schau und Gedächtnispenfeninge welche sr. Kaiserl. russ. Majestät zu Ehren ausgefertigt und der Kayserin Catharina Alexiewna dediciret werden*, Leipzig, 1725.

¹³ Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов, т. 3. Спб., 1888, стб. 1610. ОНГЭ, инв. № РМ 59. ИМ 19356; серебро, 62 мм.

¹⁴ Памятники, № 801.

¹⁵ Там же, № 802—804. ОНГЭ, инв. № ИМ 18939, 18940, РМ 60; серебро, 20 мм. Миниатюрные медали отличаются друг от друга вариантами портрета на лицевой стороне и деталями изображения на оборотной (львиная шкура накинута на плечи Геркулеса или спущена с них).

¹⁶ ОНГЭ, инв. № РМ 68; серебро, 35 мм. Памятники, № 805. Вполне возможно, что медаль не современна событию, так как впервые упоминается в числе медалей, поднесенных Вермутом Екатерине I в 1725 г. (см. примечание 12).

¹⁷ ОНГЭ, инв. № РМ 71; серебро, 40 мм. Памятники, № 806; *Pax in nummis. Médailles, jetons et monnaies ayant rapport aux divers traités de paix conclus depuis le XVIe siècle jusqu'à nos jours, décrits par J. Schulman*, Amsterdam, [1912] № 393.

¹⁸ Пискунова Л. С. Указ. соч.

¹⁹ Там же, с. 67—72.

²⁰ ОНГЭ, инв. № РМ 96; свинец, 38 мм. Иверсен Ю. Б. Сатирические медали..., с. 228, № 5.

²¹ ОНГЭ, инв. № РМ 18618. Hild., b. 1, p. 505, nr. 50

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 10, с. 589.

²³ ОНГЭ, инв. № РМ 101; серебро, 35 мм. Памятники, № 807.

²⁴ ОНГЭ, инв. № РМ 97; серебро, 47 мм. Hild., v. 1, p. 509, nr. 57.

- ²⁵ ОНГЭ, инв. № РМ 98; серебро, 47 мм. Hild., b. 1, p. 511, nr. 60.
- ²⁶ ОНГЭ, инв. № РМ 245; серебро, 29 мм. Hild., b. 1, p. 524, nr. 81. Работа Давида Герхарта фон Хахтена (Dawid Gerhart von Nachten, работал в 1704—1728 гг. в Гамбурге). ОНГЭ, инв. № РМ 181; серебро, 44 мм. Hild., b. 1, p. 523, nr. 78.
- ²⁷ ОНГЭ, инв. № РМ 243; серебро, 31,5 мм. Памятники, № 846; ОНГЭ, инв. № РМ 244; медь, 32 мм. Памятники, № 847.
- ²⁸ ОНГЭ, инв. № РМ 268; серебро, 29 мм.
- ²⁹ Записки Ю. Юля, датского посланника при Петре Великом. 1709—1711 гг. М., 1899, с. 134; В а с и л ь е в В. Н. Старинные фейерверки в России. Л., 1960, рис. 17, 18.
- ³⁰ Полтавская победа в исторических и художественных памятниках из собрания Эрмитажа. Л., 1906, с. 19—24.
- ³¹ ОНГЭ, инв. № ИМ 19438, 19424; серебро, медь, 32 мм. Памятники, № 891.
- ³² ОНГЭ, инв. № ИМ 19423; серебро, 21 мм. Памятники, № 890.
- ³³ ОНГЭ, инв. № РМ 346; серебро, 21 мм. Памятники, № 889.
- ³⁴ ОНГЭ, инв. № РМ 343, ИМ 19137; серебро, 32 мм. Памятники, № 886, 887.
- ³⁵ ОНГЭ, инв. № РМ 340; серебро, 42 мм. Памятники, № 884.
- ³⁶ ОНГЭ, инв. № Аз 1336, ИМ 18076; золото, серебро, 66 мм. Памятники, № 880. Оригиналом для лицевой стороны послужила гравюра с портретом Петра I (П о в и н с к и й Д. А. Словарь русских гравированных портретов, т. 3. Спб., 1888, стб. 314).
- ³⁷ Ф е й г и н а С. А. Полтава и зарубежная общественно-политическая жизнь. В кн.: Полтавская победа. М., 1959, с. 163—183.
- ³⁸ Щ у к и н а Е. С. Медальерное искусство в России XVIII в. Л., 1962, с. 26—32; Памятники, с. 122—142.
- ³⁹ ОНГЭ, инв. № РМ 348; серебро, 44 мм.
- ⁴⁰ ОНГЭ, инв. № РМ 347, ИМ 19413; серебро, 21 мм. Hild., v. 1, p. 566, nr. 149. Имеется вариант медали с надписью: S'il dort il sera guerri Jean XI [если он уснул, то выздоровеет (Евангелие от Иоанна)]. Hild., b. 1, p. 567, nr. 150.
- ⁴¹ ОНГЭ, инв. № ИМ 19417; медь, 32,5 мм. Hild., b. 1, p. 516, nr. 148.
- ⁴² ОНГЭ, инв. № РМ 414; медь, 33 мм. Памятники, № 917; П и с к у н о в а Л. С. Указ. соч., с. 125, примечание к № 144.
- ⁴³ ОНГЭ, инв. № РМ 573. И в е р с е н. Деяния Петра, с. 40, XXXVIII.
- ⁴⁴ И в е р с е н Ю. Б. Сатирические медали. . . , с. 237—238, табл. IX, № 13; Hild., b. 1, p. 589, nr. 192.
- ⁴⁵ См. примечание 12.
- ⁴⁶ СРМ, № 69.
- ⁴⁷ И в е р с е н. Деяния Петра, с. 59, VI.
- ⁴⁸ *Médailles sur les principaux événements du règne de Louis le Grand, Paris, 1702; La Médaille au temps de Louis le Grand. Catalogue de l'Exposition, Hôtel de la Monnaie, Paris, janvier — mars 1970.*
- ⁴⁹ ОНГЭ, инв. № РМ 661, ИМ 1167; серебро, 41 мм. Памятники. № 1006, 1004.
- ⁵⁰ Ч и ж о в С. И. Две медали Парижского монетного двора. . .
- ⁵¹ ОНГЭ, инв. № РМ 661, ИМ 1011; серебро, 60 мм. Памятники, № 1007; СРМ, № 73.
- ⁵² 200-летие Кабинета. . . , Приложение III, с. 61.
- ⁵³ ОНГЭ, инв. № РМ 664. В собрании французских медалей есть также новодел, отчеканенный во время посещения Парижского монетного двора Николаем II в 1897 г. (инв. № ИМ 1013, серебро).
- ⁵⁴ ОНГЭ, инв. № ИМ 10994; серебро, 39 мм. Hild., b. 2, p. 34, nr. 14. ОНГЭ, инв. № ИМ 10994; серебро, 40 мм. Hild., b. 2, p. 35, nr. 15.
- ⁵⁵ ОНГЭ, инв. № Аз 117, ИМ 762; золото, серебро, 50 мм. Памятники, № 1059; СРМ, № 84; И в е р с е н Ю. Б. Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц, т. 1. Спб., 1880, с. 34—35.
- ⁵⁶ 200-летие Кабинета. . . , Приложение III, с. 66.

НЕСКОЛЬКО НЕИЗДАННЫХ ХЕРСОНЕССКИХ МОНЕТ ИЗ СОБРАНИЯ ЭРМИТАЖА

В процессе работы над античными монетами из собрания Государственного Эрмитажа мне удалось выявить неизданные и редкие монеты городов Северного Причерноморья — Херсонеса и Феодосии.

Прежде всего обратим внимание на уникальную серебряную монету Херсонеса (инв. № 25946), описание которой имеется в каталоге А. Н. Зографа:

„Л. с. Голова Девы с короткими волосами, заложенными позади под повязку (?), с ожерельем на шее и колчаном (?) за плечом, вправо. Об. с. Надпись (начальные буквы названия города. — Л. Б.) вверху, бодающий бык вправо на палице, обращенной рукоятью влево. Диам. 18 мм. Вес 6,39 г. Кн. пост. 44а, № 451“.¹

Эта монета, дидрахма, не издана; неровная поверхность и расплывающиеся контуры изображения и букв, в особенности на оборотной стороне, на первый взгляд, создают впечатление, что монета литая. Но отсутствие оригинала, с которого она могла быть отлита, и соответствие ее веса группе, представленной в эрмитажном собрании (№ 9, вес 6,67 г, издана А. Н. Зографом)², позволяют считать ее настоящей (табл. I, 1). Описанную уникальную дидрахму № 12 А. Н. Зограф датирует временем около 370 г. до н. э., как и монету того же номинала № 9.

Далее следуют две группы интересных монет Херсонеса с новыми типами, неизвестными в нумизматической литературе.

Первая группа включает пять медных монет. На их лицевой стороне представлена голова в пилосе, обрамленном венком, вправо. На оборотной стороне, вверху те же начальные буквы названия города, ниже — прора (корабельный нос) влево, под нею — имя магистрата: А KINOV (табл. I, 2). Инв. № 26161. Вес 3,30 г, размеры этой неправильной формы монеты 15×17 мм. Соотношение штемпелей: ↑ ↑.

Второй экземпляр аналогичен первому, но сохранился несколько хуже (легкая потертость). От имени остались только две буквы: АК. Инв. № 26163. Вес 3,78 г, диаметр 17 мм. Axis: ↑ ↑. Оба экземпляра — неизвестного поступления.

Третья монета с именем А KINOV повреждена двумя четкими надчеканками, но изображения и надписи все же видны. Контрамарки помещены на лицевой стороне: в круге представлен букраний (череп оленя в фас), в овале — палица, эмблемы богини Девы и эпонима города Херсонеса — Геракла (табл. I, 3). Эти изображения контрамарок присущи и типам херсонесских монет³. Инв. № 26162. Вес 3,92 г, диаметр 17 мм. Axis: ↑ ↑. Указанный третий экземпляр найден в Херсонесе при раскопках некрополя⁴ и передан из бывшей Археологической комиссии в собрание Эрмитажа в 1925 г.⁵ К сожалению, в могиле № 235, кроме интересующей нас монеты, не оказалось других предметов, датирующих

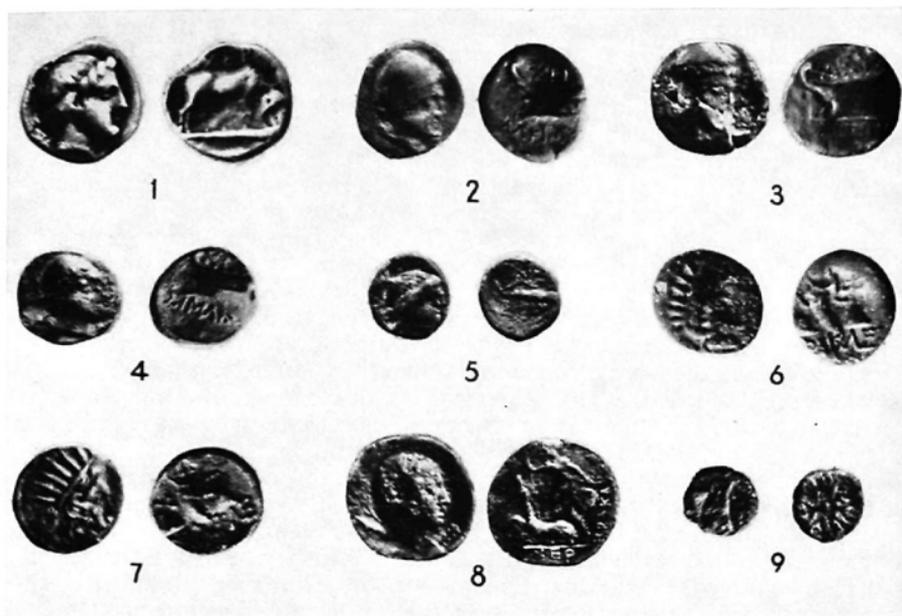

Табл. I. Неизданные монеты:

1 — серебряная дидрахма Херсонеса; 2 — медная монета Херсонеса; 3 — медная монета Херсонеса с именем А ΚΙΝΟΥ; 4 — медная монета Херсонеса с именем ΙΜΑΙΟΥ; 5 — вариант монеты Херсонеса с именем ΙΜΑΙΟΥ; 6 — медная монета Херсонеса с именем ΗΡΑΚΛΕΟΥ; 7 — вариант медной монеты Херсонеса с именем ΗΡΑΚΛΕΟΥ; 8 — серебряная драхма Херсонеса с именем ΗΡΑΚΛΕΟΥ; 9 — медная монета Феодосии

захоронение. Некрополь у южной городской стены Херсонеса по времени далеко не однороден. В могилах обнаружены предметы и монеты, датруемые III в. до н. э. и IV в. н. э. (например, в могиле № 204).

Четвертый экземпляр из этой группы (инв. № 1494) поступил в собрание Эрмитажа из раскопок Херсонеса 1955 г.⁶ Найден он на одной из древних улиц городища. От предыдущих данная монета отличается именем магистрата. На реверсе внизу под пророй читается имя: ΙΜΑΙΟΥ (табл. I, 4). Вес 2,00 г, диаметр 15 мм. Axis: ↑ ↗

Пятый экземпляр (инв. № 5467), также с именем ΙΜΑΙΟΥ, был найден при раскопках Херсонеса в 1961 г. Сохранность его очень плохая. Однако монета, пострадавшая от огня, все же сохранила на лицевой стороне изображение головы в пилосе, вправо. Штемпель аверса тот же, что и на монете инв. № 1494.

Если имя магистрата Α ΚΙΝΟΥ, помещенное под корабельным носом, уже встречалось на монетах Херсонеса⁷, то имя магистрата ΙΜΑΙΟΥ на неизданной монете является почти неизвестным или малоизвестным. Зато на херсонесских амфорных ручках имя астинома ΓΙΜΑΙΟΥ или ΜΑΙΟΥ встречается нередко⁸.

В конце прошлого века коллекционер-нумизмат X. X. Гиль опубликовал неизвестную до тех пор маленькую медную монету Херсонеса⁹. На лицевой стороне этой монеты изображена голова Девы вправо. На

обороте сверху — начальные буквы названия города, внизу — имя магистрата: ΙΜΑΙΟΥ. Между надписями помещено изображение колчана с луком и крышкой, вправо. Где находится в настоящее время эта монета, не известно. В нумизматическом фонде Эрмитажа был обнаружен неизданный вариант: на обороте колчан с луком и крышкой, обращен влево. Имя магистрата то же: ΙΜΑΙΟΥ (табл. I, 5). Инв. № 33563. Вес 1,76 г, диаметр 13 мм. Axis: ↑ ↗. Происхождение этой монеты не выяснено.

Кроме перечисленных экземпляров из собрания Эрмитажа, известен еще один с именем магистрата ΜΑΙΟΥ под пророй, происходящий из раскопок в Херсонесе в 1934 г., но, к сожалению, плохой сохранности¹⁰.

Итак, можно с уверенностью утверждать, что монеты описанной группы чеканились на монетном дворе Херсонеса, на что указывает и начало имени города, поставленное на реверсе. На лицевой стороне неизданной группы монет с головой в пилосе, обрамленной лавровым венком, по всей вероятности, изображена голова одного из Кабиров.

Великие боги Кабиры, как известно, считались покровителями плодородия и торговли. Поклонялись им и как богам, дающим изобилие и богатство. По верованию древних греков, Кабиры обладали также силой избавлять человека от бед и опасностей. Кроме того, они являлись покровителями мореплавателей. С течением времени Великие боги Кабиры были отождествлены с Диоскурами. Кабиры весьма почитались в некоторых областях древней Греции — Беотии, Делосе, Лемносе и других местах. Но главным центром их культа была Самофракия. В Малой Азии почитание Великих богов нашло отражение в монетном деле: изображение Кабира встречается на монетах Кизика, Лампсака, Трояды и других городов¹¹. Широко был распространен их культ и в Северном Причерноморье¹². В Нимфее при раскопках было открыто святилище Кабиров¹³. Найденны следы их культа на Березани¹⁴. На ранних серебряных монетах Фанагории конца V — начала IV в. до н. э. на аверсе помещена голова Кабира в пилосе.

На реверсе херсонесской монеты с головой Кабира в остроконечной шапке, увенчанной лавровым венком, вполне естественным является изображение проры как мореходного символа: Херсонес был городом с широко развитой морской торговлей, игравшей большую роль в его экономической жизни.

Еще в V в. до н. э. завязались торговые сношения Херсонеса с Ионией и Афинами. В IV в. до н. э. установились прочные связи его с городами Малой Азии, а в III—II вв. до н. э. велась оживленная торговля с островами Родос, Фасос, г. Книдом и другими центрами.

Херсонесские монеты, имеющие на реверсе изображение проры, эмблемы развитого кораблестроения и оживленного мореплавания, не представляют редкости. До сего времени прора сочеталась с изображением на лицевой стороне либо головы Геракла, либо голов Диоскуров, либо головы Девы¹⁵. Аналогичные монеты были найдены при раскопках Херсонеса в 1951 и 1953 гг.¹⁶ По стилю и фактуре монеты с головой Кабира близки к монетам Херсонеса III в. до н. э. Предположительно их можно отнести ко второй половине III в. до н. э. Для более точной датировки данных нет.

Что касается маленькой медной монеты с изображением головы Девы и колчана с луком (табл. I, 5), то, несмотря на одинаковое имя ΙΜΑΙΟΥ, монета близка к медной монете Херсонеса более позднего вре-

мени¹⁷. По фактуре и стилю изображения датировать ее можно было бы концом II — первой половиной I в. до н. э.

Не менее интересна другая группа херсонесских медных монет с новыми типами, до сего времени оставшимися неизвестными. В основном собрании Эрмитажа находятся четыре экземпляра этой группы. На лицевой стороне монеты представлена мужская голова вправо, с волосами, спадающими до плеч. На голове — венец с длинными лучами. На обороте монеты вверху — первые буквы названия города и рог изобилия между шапками Диоскуров; внизу — имя магистрата: H[PAKAE]O. Конец рога разделяет это имя на две части. Интересно отметить, что шапки Диоскуров увенчаны не звездами, как обычно, а буквами, составляющими начало названия города. В левом монетном поле шапка увенчана буквой X, а в правом — EP, а точнее — P. На всех четырех экземплярах имя магистрата полностью не вышло вследствие малого размера монетных кружков. К тому же штемпель на всех монетах сдвинут влево или вниз.

Одна монета (инв. № 33203) второй группы поступила в собрание Эрмитажа из частной коллекции (по книге поступлений 44а, № 475; табл. I, 6). Вес 2,20 г, диаметр 16 мм. Axis: ↑ ↑. Кем-то она была определена как монета города Гераклеи Понтийской, что и было обозначено на конверте, в котором она хранилась. Очевидно, имя магистрата ошибочно приняли за название города, а на буквы над шапками Диоскуров не обратили внимания.

В 1925 г. из бывшей Археологической комиссии было передано в отдел нумизматики Эрмитажа большое количество монет из раскопок древних городов Северного Причерноморья, имевших место в период с 1889 по 1899 г.¹⁸ Среди нумизматического материала из раскопок в Херсонесе оказался еще один экземпляр (инв. № 26158) интересующей нас второй группы. К сожалению, монета плохой сохранности: она потерята, видимо, вследствие длительного участия в денежном обращении. Вес 2,12 г, диаметр 15,5 мм. Axis: ↑ ↑. После определения монета была включена в каталог основного собрания монет Херсонеса.

Остальные два экземпляра из той же группы являются беспаспортными, откуда и когда они поступили, неизвестно. Вес одного экземпляра (инв. № 33561) — 3,16 г, диаметр 16 мм, axis: ↑ ↑. (табл. I, 7); вес другого (инв. № 33562) — 2,25 г, диаметр 15,5 мм, axis: ↑ ↑.

В 1909 г. при раскопках в Херсонесе были найдены (притом на разных участках раскопа) две подобные монеты¹⁹. О принадлежности Херсонесу монет второй группы с изображением головы в лучистом венце на лицевой стороне говорит не только сокращенное название города, как оно обозначалось почти на всех его монетах эллинистического периода, но и находки на территории древнего Херсонеса. Мужская голова в лучистом венце, по всей вероятности, представляет бога Гелиоса, который, как известно, изображался безбородым юношей в лучевом венце, с длинными прядями волос.

Культ Гелиоса был распространен по всей Элладе, а также в городах Малой Азии. Но особенно почитался бог Солнца на о. Родос, где на монетах главным и почти неизменным изображением в течение всего монетного производства оставался Гелиос. Находимые в Херсонесе монеты с головой в лучистом венце сходны с родосскими монетами II в. до н. э., имеющими такое же изображение головы Гелиоса²⁰. Как упоминалось,

Херсонес вел оживленную торговлю с Родосом, монеты которого неоднократно находили при раскопках в Херсонесе, так же как амфорные ручки с родосскими клеймами.

Монетные типы с головой Гелиоса и звездоносными шапками Диоскуров известны в нумизматике городов Понта и Пафлагонии. Датируют их II — первой половиной I в. до н. э.²¹ В городах Северного Причерноморья культы Гелиоса и Диоскуров нашли отражение в памятниках эпиграфических, керамических, нумизматических и других. В течение всего II и первой половины I в. до н. э. в Ольвии, Пантикапее, Горгиппии, а также на монетах с именем Савмака, вождя восставших рабов, изображались головы Гелиоса, Диоскуров и атрибуты братьев-близнецов²².

В Херсонесе Гелиос упомянут в присяге среди главнейших божеств города: „Клянусь Зевсом, Геей, Гелиосом, Девою, богами и богинями олимпийскими, героями, владеющими городом, территорией и укрепленными пунктами херсонесцев...“²³. Гелиос, как видим, почитался в Херсонесе с древнейших времен.

На обороте интересующих нас монет второй группы помещен рог изобилия между шапками Диоскуров. Рог изобилия, символ богатства и плодородия, известен на херсонесских монетах²⁴. Но дополнительные к нему атрибуты братьев-близнецов в виде шапок мы встречаем впервые.

В различных эллинистических городах в течение длительного времени (II—I вв. до н. э.) среди разных денежных единиц выпускались монеты с определенным, характерным для того или иного города изображением между звездными шапками Диоскуров. Так, на монетах г. Катаны (Сицилия)²⁵ представлена сова между шапками Диоскуров. В Афинах на реверсе монет между шапками изображен Зевс, мечущий молнии. В Лакедемоне (Пелопоннес) на реверсе помещена амфора; в Фессалии — Афина; в Томи — колос; в Апамее (Фригия) — орел; в Берите (Финикия) — дельфин; в Ольвии — дельфин. Следует отметить особенное сходство типов на обороте описанной группы монет Херсонеса с типами монет городов Понта и Пафлагонии: Амассии, Амиса, Синопы, а на Боспоре — Пантикапея, датируемых последней четвертью II в. до н. э. На этих монетах рог изобилия изогнутым влево концом разделяет название города на две части²⁶. Но ближайшей аналогией является серебряная драхма Горгиппии²⁷, где на лицевой стороне представлена голова Гелиоса в лучистом венце, вправо, а на обороте — рог между звездами (без шапок) Диоскуров. Конец рога также изогнут влево, разделяя название города на две части, как на херсонесской медной монете, где рог разделяет имя магистрата.

Имя **HPAKΛEΩV**, помещенное на реверсе неизданной монеты, встречается на монетах более раннего периода²⁸. Встречается оно на ручках херсонесских амфор²⁹, а также на эпиграфических памятниках Херсонеса III—I вв. до н. э.³⁰ Интересным документом с именем **HPAKΛEΩV** является мраморная плита с надписью о заключении мирного договора между Херсонесом и царем Понта Фарнаком I в 179 г. до н. э.³¹ В этом договоре дана клятва об оказании помощи друг другу и о защите существующего политического строя: „Клятва, которую поклялся царь Фарнак, когда к нему явились послы Матрий и Гераклий. Клянусь Зевсом, Солнцем и всеми богами олимпийскими и богинями...“³² Здесь упоминаются бог солнца Гелиос и общественный деятель Гераклий — посол Херсонеса.

Известны медные херсонесские монеты с головой Гермеса на лицевой стороне и рогом изобилия на обороте, датируемые II в. до н. э.³³ Монеты же с новыми типами Гелиоса и рогом с шапками Диоскуров отличаются от них по рисунку — небрежному, сухому и резкому. Кружки для штемпелей настолько малы, что имя магистрата полностью не вышло ни на одном из сохранившихся экземпляров. Внешний вид монет, вероятно, не привлекал особого внимания нумизматов или не внушал доверия. Так, один из них определил попавшую в его руки монету как выпущенную в Гераклее (Понт), другой известный ученый отнес аналогичную монету к группе негодных, а третий включил один из экземпляров в собрание подделок.

В цистерне И в Херсонесе в 1965 г. была обнаружена редкая и интересная серебряная херсонесская драхма (инв. № 5861). Аналогичная ей монета издана в каталоге П. Бурачкова³⁴ с именем магистрата ΔΕΜΕΤΡ... В основном собрании Эрмитажа имеются две подобные драхмы³⁵ с именами ΜΕΝΕ... и ΕΥΡΙΑ ΑΜ.

На лицевой стороне драхмы изображена голова богини Девы с волосами, подобранными в узел ниже затылка, в венке, вправо; за плечом — цилиндрический колчан и лук. На обороте внизу — начальные буквы названия города, Дева в коротком хитоне и эндромидах (охотничьих сапогах), влево, с луком в левой руке, поражающая копьём упавшего оленя; справа в поле монеты — имя магистрата ΗΡΑΚΛΕ... Металл — серебро с большой примесью меди. Вес 3,85 г. Axis: ↑ ↑ (табл. I, 8).

Драхма³⁶ из цистерны И отличается от прочих, уже известных, не только именем магистрата, но и двумя надчеканками. Одна из них помещена на голове Девы: шести- или восьмилучевая звездочка в круге. Другое клеймо — палица в прямоугольнике — находится у подбородка богини. Это те же клейма, которые имеются на малом номинале, уже изданном³⁷, тоже серебряном с большой примесью меди. Драхма и малый номинал с одинаковыми надчеканками относятся к одному времени, ко второй половине правления Митридата VI Евпатора и датируются промежутком между 90 и 80-ми гг. до н. э.³⁸

Монеты Феодосии, как известно, весьма немногочисленны. В рукописном каталоге Эрмитажа „Города Северного Причерноморья“, составленном А. Н. Зографом, их насчитывается всего 9 экземпляров, в том числе 2 серебряных и 7 медных.

В фондах Эрмитажа была обнаружена чрезвычайно редкая медная монета г. Феодосии (инв. № 33565), почти неизвестная в литературе. На лицевой стороне этой монеты изображена голова быка в трехчетвертном повороте вправо. На обороте — ΘΕΟ[.]Ο. Буквы размещены между лучами шестиконечной звезды. Сохранность монеты средняя. Вес 1,08 г, диаметр 10 мм; axis: ↑ ↑ (табл. I, 9). Описанная монета имеет сходство с ранней медной херсонесской; на ее обороте изображена звезда, между лучами которой помещены начальные буквы названия города, а на лицевой стороне — голова льва с разинутой пастью, вправо. По фактуре и стилю монеты тождественны. На этом основании неизданную монету Феодосии из собрания Эрмитажа предположительно можно датировать серединой IV в. до н. э.

Э. Миниз, упоминая об этой неизданной феодосийской монете, указывает, что она находилась в коллекции Якунчикова³⁹. Но Миниз монету в оригинале не видел, так как Якунчиков показал ему только слепок

с этой редчайшей монеты. Никаких сведений о том, где она находится в настоящее время, нет.

Что касается феодосийской монеты с новыми типами из собрания Эрмитажа, то известно, что она найдена при раскопках в Херсонесе, поступила в отдел Античного мира, а затем была передана в отдел нумизматики⁴⁰.

¹ Книга поступлений 44а, № 451. 25 мая 1925 г.; Зограф А. Н. Северное Причерноморье, ч. I, № 12 (рукописный каталог, хранящийся в ОНГЭ).

² Зограф А. Н. Античные монеты. — МИА, М. — Л., 1951, № 16, табл. XXXV, 4.

³ Там же, табл. XXXV, 3, 13—15; XXXVI, 15; Орешников А. В. Монеты Херсонеса Таврического. — НС, М., 1912, т. 2, с. 36, рис. 11; Бурачков П. О. Общий каталог монет, принадлежащих эллиническим колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, ч. I. Одесса, 1884, табл. XV, 54—57, 72, 73.

⁴ ОАК за 1892 г., Спб., 1894, с. 114, могила 235.

⁵ Книга поступлений 44а, № 485.

⁶ Инвентарная опись монет из археологических раскопок в городах Северного Причерноморья.

⁷ Бертъе-Делагард А. Л. Несколько новых и малоизвестных монет Херсонеса. — ЗООИД, 1906, т. 26, с. 61.

⁸ Махов в Ив. Амфорные ручки Херсонеса Таврического с именами астиномов. — ИТУАК, Симферополь, 1912, вып. 48, с. 14, 27.

⁹ Гиль Х. Х. Новые приобретения моего собрания. — ЗРАО, 1892, вып. 5, табл. IV, 8.

¹⁰ Белов Г. Д. Раскопки в Херсонесе в 1934 г. Симферополь, 1936, с. 42, № 4.

¹¹ H. von Fritze, «Birytis und die Kabiren auf Münzen», *Zeitschrift für Numismatik*, XXIV, 1904, S. 105, Taf. V.

¹² *Ibid.*, S. 114; Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956, с. 50; Зограф А. Н. Кизикины коллекции Строганова. — «Сборник Эрмитажа», 1926, вып. 3, с. 67; Зограф А. Н. Античные монеты, с. 170.

¹³ Худяк М. М. Два святилища на акрополе Нимфея. — ТГЭ, 1958, т. 2, с. 83.

¹⁴ Передельская А. А. Следы культа Кабиров на Березани. — СГЭ, 1960, [вып.] 19, с. 23; Зограф А. Н. Античные монеты, табл. XXXIX, 43, 44; Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора..., табл. II, 26; Худяк М. М. Предварительные итоги раскопок последних лет в Нимфее. — В кн.: Археология и история Боспора. Симферополь, 1952, с. 81.

¹⁵ Бертъе-Делагард А. Л. Указ. соч., с. 29, рис. 8; с. 35, рис. 10.

¹⁶ Хранятся в собрании Эрмитажа (см. инвентарную опись монет из раскопок, № 1349, 1455).

¹⁷ Зограф А. Античные монеты, табл. XXXVI, 16.

¹⁸ Книга поступлений 44а, № 485.

¹⁹ Херсонесский сборник, т. 2. Севастополь, 1927, с. 198. Полевая опись, № 4241/09, 343/09; Архив Херсонесского музея, д. 102. Монеты хранятся в Херсонесском музее (инв. № 1399, 2330). Обе — плохой сохранности.

²⁰ B. V. Head, *CBM* (Caria and the Islands), London, 1897, pl. XL, 1—11, 16—18.

²¹ E. Babelon, Th. Reinach, *Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure*, Paris, 1904, t. I, p. 28, N° 4—5, pl. IV, 7—8.

²² Зограф А. Н. Античные монеты, табл. XXXVI, 11; 20—21; XLII, 14, 27—29.

²³ Жебелев С. А. Херсонесская присяга. — ИАН, 1935, № 10.

²⁴ Зограф А. Н. Античные монеты, с. 150, табл. XXVI, 11; Бертъе-Делагард А. Л. Указ. соч., табл. II, 18—19.

²⁵ S. W. Grose, *Fitzwilliam Museum: Greek Coins*, v. I, pl. 70, No. 9; B. V. Head, *CBM* (Attica etc.), London, 1888, pl. XIV, 4; P. Gardner, *CBM* (Peloponnesus), London, 1887, pl. XXI, 4—6; P. Gardner, *CBM* (Thessaly to Aetolia), London, 1883, pl. I, 7; B. Pick, *Die antiken Münzen von Dacien und Moesien*, Berlin, 1898, Taf. V, 20; B. V. Head, *CBM* (Phrygia), London, 1906, pl. X, 1—5; G. F. Hill, *CBM* (Phoenicia), London, 1910, pl. VII, 6—7; B. Pick, *op. cit.*, Taf. X, 31.

²⁶ E. Babelon, Th. Reinach, *op. cit.*, pl. IV, 7; VII, 28; XXVI, 10; Зограф А. Н. Античные монеты, табл. 20; Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора..., с. 170.

²⁷ Зограф А. Н. Античные монеты, табл. XLII, 14; Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора..., с. 176.

²⁸ Зограф А. Н. Античные монеты, табл. XXXV, 19—20; XXXVI, 5; Бурачков П. О. Указ. соч., табл. XV, 49.

²⁹ Махов Ив. Указ. соч., с. 17—18, 24.

³⁰ Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948, с. 80 (надгробие III в. до н. э.); Латышев В. В. Эпиграфические новости из Южной России. — ИАК, Спб., 1906, № 18, с. 116, № 24.

³¹ *JPE*, I², № 402.

³² Белов Г. Д. Херсонес Таврический, с. 91.

³³ Бертье-Деллагард А. Л. Указ. соч., с. 270; Зограф А. Н. Античные монеты, с. 150, табл. XXXVI, 11.

³⁴ Бурачков П. О. Указ. соч., табл. XIV, 7.

³⁵ Зограф А. Н. Северное Причерноморье, № 181, 182.

³⁶ Каталог-опись монет из раскопок городов Северного Причерноморья, инв. № 5861.

³⁷ Белова Л. Н. Неизданные монеты Херсонеса. — СА, 1941, № 7, с. 326.

³⁸ Зограф А. Н. Античные монеты, с. 151, примечание 4.

³⁹ Ellias H. Minns, *Scythians and Greeks*, Cambridge, 1913, p. 559; Зограф А. Н. Античные монеты, с. 162, примечание.

⁴⁰ Акт № 822 от 30 ноября 1950 г. Книга поступления 583, № 876; шифр ОП. I. № 556.

ПОДЛИННА ЛИ МОНЕТА АТЕЯ ИЗ СОБРАНИЯ ЭРМИТАЖА?

В отделе нумизматики Эрмитажа хранится серебряная монета Атея, скифского правителя IV в. до н. э. Ее диаметр 19 мм, вес 5,78 г, соотношение осей: ↑.

За последние два десятилетия монетная чеканка Атея привлекла значительное внимание. Такой интерес оправдан: большинство отечественных исследователей считают, что упомянутый правитель создал первое скифское государство, охватывавшее Северное и часть Западного Причерноморья — от Азовского моря до Добруджи, со столицей на месте Каменского городища на Днепре¹. О монетах Атея стали говорить как о несомненном факте и в научной, и в популярной литературе². Но все ли представляется здесь бесспорным?

В 1956 г. А. Рогальский опубликовал несколько редких монет Каллатии (гераклейская колония на западном побережье Черного моря) из собрания Народного музея в Варне. В их числе была серебряная монета с изображением на лицевой стороне головы Артемиды вправо, с луком и колчаном за плечами, а на оборотной — стреляющего из лука конного скифа влево; за последним — надпись ΑΤΑΙΑ; внизу буквы ΚΑΛ. Ссылаясь на Ф. Имхоф-Блумера и Г. Хилла, издавших еще в начале столетия две аналогичные монеты из музея Готы и Британского музея, автор подтвердил место и датировку данной чеканки — Каллатия, IV в. до н. э. — и тоже усмотрел в указанной надписи некое скифское имя. Он упомянул имя царя Атея, но не связывал его с монетной надписью, считая, что последняя называет имя магистрата³.

В 1959 г. В. А. Анохин сообщил об уникальной серебряной монете из московского Государственного Исторического музея и опубликовал ее, сопроводив краткой информацией. На лицевой стороне монеты вычеканена голова юного Геракла в львиной шкуре, обращенная влево, а на оборотной — конный скиф, подобный упомянутому выше, и надпись ΑΤΑΙΑΣ. Вероятно, указанная статья А. Рогальского осталась тогда не известной В. А. Анохину, который пришел к следующим выводам относительно открытой им монеты: она подлинная, принадлежит скифскому царю Атею и чеканена в южнопонтийском городе Гераклее в середине IV в. до н. э. (о чем свидетельствует, например, сходство с изображениями головы героя на гераклейских монетах того времени)⁴.

В 1961 г. была напечатана статья А. Рогальского о монетах с именем скифского царя Атея, в которой автор, ссылаясь на мнение Анохина, высказывался за принадлежность Атею всех четырех монет (трех — с изображением головы Артемиды, одной — с изображением головы Геракла), но говорил об их чеканке в Каллатии⁵. В 1962 г. о том же писал П. О. Карышковский в рецензии на несколько выпусков „Известий Варненского археологического общества“, добавляя, что „на обороте драх-

мы с изображением Геракла, находящейся ныне в собрании ГИМ, внизу у края монетного кружка заметны верхние части букв КАА (Каллатия. — В. Б.)“ и что „другой экземпляр такой же драхмы имеется в коллекции Государственного Эрмитажа“⁶.

В 1965 г. В. А. Анохин опубликовал статью о монетах скифского царя Атея на основе новых материалов, которыми он располагал: Л. Н. Белова (хранитель античных монет отдела нумизматики Эрмитажа) сообщила об имеющейся в музейном собрании „второй такой монете“, аналогичной экземпляру из ГИМ, но значительно худшей сохранности, „а из публикации Рогальского“, относящейся к 1956 г., „стало известно о существовании трех монет“, чеканенных в Каллатии. Автор не упомянул статью Рогальского о чеканке Атея, вышедшую в 1961 г., хотя выразил недоумение по поводу высказывания Карышковского о наличии букв КАА на монете из ГИМ (сославшись на рецензию, где Карышковский говорил и о статье Рогальского, относящейся к 1961 г.). В своей статье Анохин пришел к таким выводам: монета Атея из эрмитажного собрания, безусловно, подлинная, как и из собрания ГИМ; обе эти монеты, имеющие на лицевой стороне изображение головы Геракла, чеканены при скифском царе Атее в Гераклее; три другие монеты (из музеев Готы, Варны и из Британского музея) с изображением головы Артемиды на лицевой стороне, всадником и буквами КАА на оборотной стороне выпущены при Атее же в Каллатии⁷.

В 1967 г. Т. Герасимов, ознакомившись с эрмитажной монетой Атея и усмотрев на ней следы букв КАА (как и на экземпляре из ГИМ), напечатал статью, где, ссылаясь на работы Рогальского и Анохина, высказал предположение, что в любом случае обе эти монеты не являются гераклеийской чеканкой. Более того, основываясь главным образом на стилистических особенностях изображений и анализе надписей ΑΤΑΙΑΣ и ΑΤΑΙΑ, помещенных на пяти экземплярах монет, он пришел к выводу, что все эти монеты, приписываемые скифскому правителю Атею, — подделки нового времени. В подтверждение такого мнения автор привел, в частности, выявленную им деталь: буквы ΤΑΙ в надписи ΑΤΑΙΑΣ на экземпляре из ГИМ имеют двойное очертание⁸.

В 1970 г. А. Рогальский отверг в очередной статье о чеканке Атея все доводы Герасимова, настаивая (на основании приведенных нумизматических параллелей) на подлинности всех известных пяти монет данного царя. На этот раз автор был солидарен с Анохиным, считая, что монеты с изображением головы Геракла и без букв КАА могли быть вычеканены в Гераклее, а монеты с изображением головы Артемиды и буквами КАА — в Каллатии. Двойное очертание букв ΤΑΙ в имени Атея на экземпляре из ГИМ автор объяснял тем, что такой контур мог получаться в отдельных деталях надписи или изображения при чеканке монет. Как бы в подтверждение его слов, увеличенная фотография монеты из собрания ГИМ, сопровождавшая статью, демонстрировала аккуратные двойные очертания не только указанных букв на оборотной стороне монеты, но и всего абриса лица Геракла на ее лицевой стороне⁹.

По запросам Герасимова и Рогальского в 1971 г. эрмитажная монета Атея была исследована автором данной статьи.

Прежде всего, при чистке загрязненной поверхности монеты обыкновенным мягким ластиком не удалось обнаружить каких-либо признаков букв КАА на ее оборотной стороне. Зато выявилось другое, в связи

Монета Атея из собрания Эрмитажа (*увеличена*)

с чем следует подробнее сказать об отдельных утверждениях В. А. Анохина. Исследователь писал: „В 1959 г., когда был известен только один экземпляр монеты Атея (из ГИМ. — В. Б.), вопрос о ее подлинности стоял довольно остро, хотя и тогда не было никаких оснований считать монету поддельной. Никаких следов вторичной доработки изображений резцом не замечается“. Другой экземпляр этого типа (из Эрмитажа) „также не производит впечатления поддельного и в этом смысле никогда не вызывал сомнений у Л. Н. Беловой. Наличие двух экземпляров этих редчайших монет, чеканенных одной парой штемпелей (это мнение высказано Л. Н. Беловой и разделяется мною), но различной сохранности, устраняет всякие сомнения в их подлинности“¹⁰.

Однако монета Атея из эрмитажного собрания сразу же производит впечатление литой. Кроме того, вряд ли можно говорить о тождественности штемпелей монет из ГИМ и эрмитажной: изображения на последней значительно грубее.

Далее, на лицевой стороне монеты наблюдается не двойной контур лица Геракла, как на экземпляре из ГИМ, а явные следы доработки резцом. Такая же доработка выполнена аккуратнее в теменной и затылочной частях головы.

Наконец, на оборотной стороне монеты не прослеживаются двойные очертания букв ТАΙ в имени Атея, как на экземпляре из ГИМ. Зато изображение головы коня, приходящее к тому же на некую раковину в металле (последняя могла появиться при изготовлении монеты способом литья), свидетельствует о доработке монеты резцом.

Основные результаты визуального изучения монеты позволили с уверенностью говорить, что эрмитажный экземпляр представляет позднейшую и достаточно грубо изготовленную подделку („моделью“ для которой, может быть, послужила монета из собрания ГИМ). Об этом говорилось на научном заседании в отделе нумизматики¹¹ и было сообщено Т. Герасимову, А. Рогальскому и В. А. Анохину. Герасимов использовал полученные сведения в своей работе 1972 г. в качестве дополнительных доказательств поддельности всех известных монет с именем Атея¹²; Рогальский согласился с вероятностью подделки эрмитажной монеты¹³;

Анохин в новой статье о чеканке упомянутого правителя подробно развил ранее изложенные положения о подлинности всех пяти монет Атея¹⁴. В отношении же экземпляра из Эрмитажа Анохин утверждал следующее: идентичность штемпелей, которыми чеканены монеты из Эрмитажа и ГИМ, „почти не вызывает сомнений“; на эрмитажной монете имеются следы не доработки резцом, а порчи изображений в результате сильной равномерной коррозии в естественных условиях на протяжении многих лет (что, по словам исследователя, подтвердил геолог А. Д. Быков при осмотре монеты)¹⁵.

Однако нет никаких сведений об археологическом происхождении эрмитажного экземпляра монеты Атея, и по просьбе автора данной статьи в физико-рентгеновской лаборатории Эрмитажа был проведен рентгеноструктурный анализ этой монеты. Анализ показал, что монета не чеканенная, а литая. Следовательно, тем больше оснований считать ее поддельной¹⁶.

¹ Подробно о царстве Атея см.: Шелов Д. Б. Скифо-македонский конфликт в истории античного мира. — МИА, 1971, № 177, с. 54—63. Ср.: Шелов Д. Б. Социальное развитие скифского общества. — „Вопросы истории“, 1972, № 3, с. 77.

² Например: Карышковский П. О. Скифские сюжеты в типологии монет античного Причерноморья. — В кн.: Академия наук СССР. Ордена Трудового Красного Знамени Институт археологии. Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972, с. 309; Карышковский П. О. Про так звані портретні монети скифського царя Скілура. — „Археологія“, 1973, № 9, с. 30; Лесков А., Хазанов А. Кто вы, скифы? — „Вокруг света“, 1971, № 12, с. 31.

³ А. Рогалски, «Образът на Артемида върху монети от Калатис», *Известия на археологическо дружество гр. Варна*, 1956, кн. 10, с. 119—123.

⁴ СА, 1959, № 3, с. 276; ВДИ, 1959, № 4, с. 210; „Советский Союз“, 1959, № 7, с. 34. Ср.: Анохин В. А. Монеты скифского царя Атея. — НиС, 1965, № 2, с. 3—15.

⁵ А. Рогалски, «Монети с името на скитския цар Атей», *Известия на Варненското археологическо дружество*, 1961, кн. 12, с. 23—27.

⁶ Карышковский П. О. Известия на Варненското археологическо дружество, кн. 8—12. — ВДИ, 1962, № 2, с. 147—148.

⁷ Анохин В. А. Указ. соч., с. 3—15.

⁸ Т. Герасимов, «Истински ли са монетите с надпис АТАΙΑΣ и АТАΙΑ», *Известия на Археологическия институт. София*, 1967, кн. 30, с. 181—185.

⁹ А. Рогалски, «За някой „фалшиви“ антични монети, сечени на Балканския полуостров. 4. Фалшиви ли са монетите с надпис АТАΙΑΣ и АТАΙΑ», *Известия на Народния музей. Варна*, 1970, кн. 6, с. 3—19.

¹⁰ Анохин В. А. Указ. соч., с. 5—6.

¹¹ 4 июня 1971 г.

¹² Т. Герасимов, «Отново за фалшивите монети с надписи АТАΙΑΣ и АТАΙΑ», *Известия на Народния музей. Варна*, 1972, кн. 8, с. 3—16.

¹³ Письмо от 8 ноября 1971 г.

¹⁴ Анохин В. А. Монеты Атея. — В кн.: Скифские древности. Киев, 1973, с. 20—41.

¹⁵ Там же, с. 30—32.

¹⁶ Статья находилась в печати, когда была опубликована работа А. Рогальского „К вопросу о монетах скифского царя Атея“ (НиС, 1974, № 5, с. 3—13). По-прежнему считая указанные монеты подлинными и как бы заканчивая дискуссию о них, автор допускал уже более осторожную формулировку в отношении эрмитажного экземпляра: „... даже если предположить, что этот экземпляр не оригинален и получен путем отливки, все-таки это не доказывает, что московский экземпляр является фальшивым“ (Рогальский А. Указ. соч., с. 12). В связи с таким высказыванием подчеркнем, что настоящая статья касается только эрмитажной монеты.

О МОНЕТНОЙ ЧЕКАНКЕ БОСПОРА ПРИ МИТРИДАТЕ ЕВПАТОРЕ

Время правления Митридата Евпатора было одним из самых сложных в истории Боспора. Усиление скифского давления на греческие колонии Северного Причерноморья в конце III—II в. до н. э., невозможность со стороны правителей Боспора своими силами противостоять скифам и связанная с этим передача власти понтийскому царю, длительная его борьба с Римом, в которой Боспор играл далеко не последнюю роль, — все эти события нашли отражение и в монетной чеканке.

Однако, прежде чем непосредственно обратиться к монетным выпускам Боспора митридатовского времени, следует остановиться на весьма примечательных боспорских монетах предшествующего периода. Это серия медных монет, на большем номинале которых изображены Сатир на лицевой стороне и рог изобилия с шапками Диоскуров на оборотной стороне, а на меньшем номинале — голова безбородого Сатира и шапки Диоскуров со звездами (табл. I, 1). А. Н. Зограф относил указанные монеты к III в. до н. э.¹, однако наблюдения над перечеканками этих монет, сделанные Д. Б. Шеловым² и К. В. Голенко³, несомненно, позволяют датировать их концом II в. до н. э.

В этих монетах сразу бросается в глаза возвращение к старому боспорскому типу Сатира, не появлявшемуся на монетах уже более ста лет. Еще А. Н. Зограф отмечал сходство изображений на оборотных сторонах этих монет с изображениями на монетах Понта⁴. Если учесть, что Сатир — традиционный монетный тип периода расцвета Боспора, а культ Диоскуров был весьма широко распространен в Понте, то сочетание указанных изображений на боспорских монетах этого времени представляется не случайным. Их появление, видимо, относится к периоду, когда военное положение Боспора ухудшилось из-за скифского наступления на греческие колонии и боспорские правители вели переговоры с понтийскими царями о покровительстве с их стороны. Сочетание на монетах типов, характерных для обоих центров, должно было указывать на готовящееся объединение двух государств. Как известно, передаче власти Митридату Евпатору помешало восстание Савмака, только после его подавления Митридат стал фактическим правителем Боспорского царства.

Приход Митридата к власти должен был отразиться и на монетной чеканке Боспора. Однако прежде чем перейти непосредственно к боспорской чеканке, нужно сказать несколько слов о собственно понтийских выпусках. Денежное обращение Понта этого времени складывалось, во-первых, из серебряных царских выпусков, во-вторых, из многочисленных городских монет с названиями различных городов, но одинаковыми типами, и, в-третьих, из безыменных монет, относившихся к военным выпускам наместников Митридата.

Табл. I. Боспорские монеты времени Митридата VI из собрания Эрмитажа:

1 — медная монета Боспора конца II в. до н. э. с изображением шапок Диоскуров; 2 — драхма I в. до н. э. с изображением Диониса и оленя; 3 — монета с Дионисом и тирсом, Фанагория; 4 — тетрахаалк с головой Артемиды и оленем, с именем Пантикапея; 5 — тетрахаалк с именем Фанагорин; 6 — дирахма с Дионисом и венком; 7 — обол с головой Мена; 8 — медная монета с головой Диониса; 9 — безыменная монета Боспора; 10 — дирахма (инв. № 27150), лицевая сторона; 11 — дирахма (инв. № 27397), лицевая сторона; 12 — дирахма (инв. № 27146), лицевая сторона; 13 — дирахма (инв. № 27497), лицевая сторона; 14 — тетрахаалк (инв. № 27193), лицевая сторона; 15 — тетрахаалк (инв. № 27513), лицевая сторона

Рассмотрим монетные выпуски Боспора митридатовского времени. К первым монетам, чеканенным здесь при этом правителе, следует отнести: драхмы с изображением Диониса на лицевой стороне, с оленем и тирсом — на оборотной (табл. I, 2). О том, что именно эти монеты следует считать наиболее ранними из митридатовских выпусков на Боспоре, говорит перечеканка большинства их на монетах Амиса с головой богини в венце на лицевой стороне и совой — на оборотной. К. В. Голенко удалось собрать 21 монету этого типа, и на каждой из них можно усмотреть следы перечеканки, иногда весьма четкие⁵. Серебряные монеты данного типа выпускались от имени Пантикапея и Горгииппии. Думается, что к этому первому выпуску следует отнести и монеты Фанагории с изображением Диониса на лицевой стороне и тирсом на оборотной (табл. I, 3). Дионис по стилю не отличается от изображения этого божества на монетах с названием Пантикапея, упоминавшихся выше. При этом монеты Фанагории кажутся более поздними, поскольку среди девяти этих монет эрмитажного собрания только две по своей фактуре и стилю, а также отсутствию монограмм полностью соответствуют монетам с Дионисом, тирсом и оленем. Остальные монеты Фанагории этого типа уже имеют монограммы, чеканены более небрежно, и качество серебра у них хуже. Кроме драхм, к первому выпуску боспорских монет митридатовского времени следует отнести и триоболы с изображением Диониса и тирса, чеканенные как от имени Пантикапея, так и от имени Фанагории. На них встречаются различные монограммы. Некоторые из них, например, P одинаковы для обоих городов. Наименьший номинал этого выпуска — обол с именем Пантикапея, Дионисом и дельфином.

К первому выпуску митридатовских монет на Боспоре принадлежит и ряд медных монет. Это, во-первых, оболочки с названием Пантикапея, Посейдоном на лицевой стороне и пророй — на оборотной, во-вторых, тетраخالки с головой Артемиды и лежащим оленем. Они чеканены как от имени Пантикапея, так и от имени Фанагории. Обращает на себя внимание, что тетраخالки с названием Фанагории более многочисленны и, по-видимому, начали чеканиться раньше (табл. I, 4, 5).

Дело в том, что в написании названий городов встречаются два варианта буквы: A и A . Все монеты с названием Пантикапея имеют букву A , большая же часть монет Фанагории — букву A . Среди фанагорийских монет только одна — с буквой A . Наличие надчеканки в виде колоса позволяет считать ее более поздней, чем остальные. Надчеканки есть и на монетах с названием Пантикапея и буквой A . По-видимому, эти монеты выпускались в следующей последовательности: сначала начали чеканить монеты с A и названием Фанагории, затем с A и от имени Фанагории и Пантикапея, но уже в большем числе от имени Пантикапея. Последние из этих монет надчеканивались колосом.

Таким образом, первый выпуск монет Митридата на Боспоре носит своеобразный переходный характер. С одной стороны, появляются совершенно новые монетные типы, не характерные для боспорской нумизматики: Дионис и его атрибуты — типы, обычные для монетной чеканки Понта. С другой стороны, сохраняются изображения, связанные с популярными на Боспоре культами Посейдона, Артемиды. Хотя выпуск состоит, как и в Понте, из серебра и меди сходных для разных горо-

дов типов, серебро чеканится в сравнительно небольших номиналах, редки и большие номиналы меди, что сближает этот выпуск с монетной традицией Боспора.

Следующий выпуск монет Митридата на Боспоре также состоит из серебра и меди. Из серебра чеканятся дидрахи с Дионисом в плющевом венке на лицевой стороне и венком с виноградной гроздью — на оборотной (табл. I, 6). Выпускаются они от имени трех городов: Пантикапея, Фанагории и Горгиппии. В этот выпуск входят и драхмы с головой Артемиды на лицевой стороне и оленем — на оборотной. Количество их невелико, и в легенде они имеют название Пантикапея.

Медные монеты выпуска состоят из крупных монет с головой бога Мена на лицевой стороне и стоящим Дионисом и пантерой — на оборотной (табл. I, 7), монет меньшего номинала с головой Диониса (А. Н. Зограф считает его Аполлоном) — на лицевой и треножником и тирсом на оборотной стороне (табл. I, 8). Медные монеты чеканятся от имени трех городов — Пантикапея, Фанагории и Горгиппии.

Второй выпуск монет Митридата можно считать более понтийским по своему характеру. Нет мелких номиналов серебряных монет, в большом числе чеканятся крупные медные монеты. Все монеты снабжаются монограммами, типологически господствуют понтийские божества — Мен, Дионис. Значительная часть медных монет этого выпуска перечеканена либо на монетах с Посейдоном и пророй, либо на монетах города Амиса с Афиной и Персеем, меньшие номиналы — на монетах с Артемидой и оленем или на монетах Амиса с Горгоной.

Остановимся на типологии монет этих двух выпусков. Большинство экземпляров имеет на лицевой стороне изображение головы божества в венке, которого в литературе иногда называют Дионисом, иногда Аполлоном. Нет разногласий только по поводу дидрахм, где венки на голове божества явно плющевой. На драхмах с оленем и тирсом или только с тирсом рассмотреть венки труднее, но изображение тирса на оборотной стороне монет позволяет считать, что божество на лицевой стороне — Дионис. Сложнее с тетрахаиками второго выпуска, где на лицевой стороне — голова божества в венке, а на оборотной — тирс и треножник. Исходя из того, что треножник — атрибут Аполлона, А. Н. Зограф считал это божество Аполлоном⁶.

Однако интересно сравнить изображения на тетрахаиках, дидрахмах и драхмах. Сходство лиц, причесок здесь несомненно, одинаково переданы пряди волос. Едва ли это случайное совпадение. Скорее, здесь можно видеть отражение политики, цель которой — подчеркнуть связи Боспора и Понта. Поэтому понтийского Диониса (вернее, Митридата в виде Диониса) изображают на монетах так, что он неотличим от традиционного для Боспора Аполлона. Этим же можно объяснить и совмещение на оборотных сторонах монет атрибутов обоих этих божеств: тирса и треножника.

Отметим, что на крупных серебряных и медных монетах, предназначенных, прежде всего, для оплаты военных издержек и жалованья войску, понтийский характер изображений (Дионис в хорошо различимом плющевом венке) проявляется более ярко, а лицевую сторону медных оболов занимает голова бога Мена с эмблемой понтийских правителей — звездой и полумесяцем, явно чуждой нумизматическим и религиозным традициям Боспора.

Несколько слов следует сказать о безыменных монетах Боспора этого времени. Крупные медные монеты весом до 20 г с изображением Диониса в плющевом венке на лицевой стороне и лука в горите — на оборотной имеют монограммы (около 10 вариантов). Возможно, это выпуски царских наместников, предназначенные для оплаты военных расходов⁷. Во всяком случае, эти монеты чеканились довольно долго, о чем свидетельствуют их большое количество, значительное число монограмм и постепенное падение веса (к концу выпуска их стали надчеканивать). Выпуск безыменных монет прекратился только в последние годы правления Митридата Евпатора, что подтверждают наблюдения над монетами его последних выпусков — многие из них перечеканены на безыменных (табл. I, 9).

Заключительные выпуски монет Боспора при Митридите относятся к последним годам его правления. Это только медные монеты — оболы с изображением головы Аполлона на лицевой стороне и орла на молнии со звездой и монограммой — на оборотной, триболы с головой Аполлона на лицевой стороне и треножником — на оборотной. Как уже упоминалось, оболы частично перечеканены на безыменных монетах.

Последние годы правления на Боспоре были для Митридата трудными. Потеряв Понт, до предела напряжена экономика для подготовки грандиозного похода на Рим. Основной опорой царя стал Пантикапей, с названием этого города и чеканятся последние монеты Митридата. В них уже нет никаких понтийских мотивов: Аполлон, треножник — это атрибуты, характерные для боспорской нумизматики предшествовавшего Митридату периода.

И наконец, несмотря на то, что монеты Митридата временами выпускаются от имени трех городов — Пантикапея, Фанагории и Горгиппии, тождество изображений и монограмм позволяет предположить их чеканку в одном месте. Это предположение подтверждается и наблюдениями над перечеканками. К. В. Голенко обнаружил, что дидрахма с именем Пантикапея из собрания Эрмитажа (инв. № 27150) и дидрахма Фанагории того же собрания (инв. № 27397) чеканены одним штемпелем (табл. I, 10, 11), то же самое можно сказать в отношении монеты с именем Пантикапея (инв. № 27146) и монеты Горгиппии (инв. № 27497)⁸ (табл. I, 12, 13). Автору данной статьи удалось также обнаружить, что тетрахалк с треножником и названием Пантикапея (инв. № 27193) и тетрахалки с названием Горгиппии (инв. № 27513, 27514) биты одним штемпелем лицевой стороны (табл. I, 14, 15). По-видимому, все монеты митридатовского времени на Боспоре чеканились в Пантикапее, крупнейшем из городов Боспорского царства.

В целом выпуски Митридата на Боспоре отражают время становления власти понтийского царя, наибольшего ее расцвета и период кризиса.

¹ Зограф А. Н. Античные монеты. — МИА, М. — Л., 1951, № 16, с. 180.

² Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956, с. 171.

³ Голенко К. В. Из истории монетного дела Боспора I в. до н. э. — НЭ, 1960, вып. 2, с. 31.

⁴ Зограф А. Н. Указ. соч., с. 180.

⁵ Голенко К. В. Указ. соч., с. 29.

⁶ Зограф А. Н. Указ. соч., с. 187.

⁷ Там же, с. 186.

⁸ Голенко К. В. Указ. соч., с. 34.

И. Г. Добровольский

РЕДКИЕ ГРУЗИНСКИЕ МОНЕТЫ В СОБРАНИИ ЭРМИТАЖА

Пожалуй, ни одна область восточной нумизматики за годы Советской власти так бурно не развивалась, как изучение монет Грузии. Большое число исследователей в той или иной степени касались этого интереснейшего вопроса, однако, как справедливо отмечал Д. Г. Капанадзе, „изучение грузинской нумизматики, конечно, необходимо продолжать“. Эта необходимость, по мнению Капанадзе, вызвана, в первую очередь, тем, что не все фонды наших музеев и отдельных коллекций вполне известны¹, а отсюда следует, что и по сей день ряд интересных монет не вошел в научный обиход. Предлагаемый обзор ставит своей целью ознакомление с рядом редких грузинских монет, выявленных при обработке нумизматических фондов Эрмитажа, а также поступивших в собрание отдела нумизматики за последние годы.

В Эрмитаже в составе бывшей коллекции С. Г. Строганова имеется драма картлийского эристава Стефаноса II (639—663)², которую, в числе двух других, упоминает без указания варианта Е. А. Пахомов³. На лицевой стороне драмы — бюст царя; легенда шрифтом мтаврули в две строки: *Стефанос*. Буквы „а“ и „н“ соединены в монограмму, которая до сих пор не встречалась на монетах этого правителя. Обратная сторона — обычная. Диаметр 28 мм, вес 2,88 г (табл. I, 1).

Хотя монета прекрасно сохранилась, сразу обращают на себя внимание находящиеся на оборотной стороне различные по глубине выемки. Внимательное изучение этих дефектов дает основание утверждать, что по конфигурации все они точно соответствуют наиболее выпуклым местам лицевой стороны монеты. Нечто подобное наблюдается почти на всех грузино-сасанидских монетах⁴. Можно предложить следующее объяснение этому любопытному в техническом отношении явлению. Дело в том, что при достаточно глубоко врезанном штемпеле и тонком монетном кружке при прочих равных условиях (сила удара, качество металла) появление подобных дефектов зависит от размеров свободной, не заполненной никакими другими элементами, вырезанной поверхности. Такими поверхностями на штемпеле лицевой стороны драмы Стефаноса II являются нижняя часть лица, верхняя часть короны и шар над ней. Именно эти части и обозначились вогнутостью на оборотной стороне⁵.

Аббасидские дирхемы, чеканенные в Тифлисе, как неоднократно указывалось, очень редки. Первый известный нам аббасидский дирхем тифлиского чекана выпущен в 210 г. х. (825—826 гг.), а последний, как считают Е. А. Пахомов, Д. Г. Капанадзе и Г. И. Джапаридзе, — в 331 г. х. (942—943 гг.)⁶. Однако до нас дошли монеты далеко не всех годов этого периода. Поэтому любой новый экземпляр известного года, а тем более монета, дата которой до сих пор не была известна, представляет собой

большой интерес для истории аббасидского чекана в Грузии. В собрании отдела нумизматики в настоящее время, кроме трех аббасидских дирхемов тифлисского чекана, указанных Д. Г. Капанадзе⁷, хранятся еще восемь монет, две из которых дают новые года чеканки аббасидских дирхемов в Тифлисе. Первая монета — дирхем 287 г. х. (900 г.)⁸. На лицевой его стороне — внутренняя круговая легенда: *Во имя аллаха чеканен этот дирхем в Тифлисе в 287 году*, остальные легенды обычны. На оборотной стороне в центре, в поле: *Аллаху Мухаммад посланник аллаха ал-Мутадид*, в центре поля — точка. Диаметр 25 мм, вес 2,88 г. (табл. I, 2).

Второй дирхем, чеканенный в Тифлисе в 335 г. х. (965—966 гг.), представляется значительно более интересным, так как он расширяет временной диапазон аббасидского чекана в Тифлисе до указанного года. Ранее дирхем находился среди несистематизированных материалов собрания бывшего Азиатского музея⁹. На лицевой стороне этой монеты — внутренняя круговая легенда: *Во имя аллаха чеканен этот дирхем в Тифлисе в 335 году*; остальные легенды обычны; внизу, в поле — две точки. На оборотной стороне — в поле, в круге: *Мухаммад посланник аллаха ал-Муттаки*; круговая легенда обычна; внизу, в поле — точка. Обратная сторона чеканена старым штемпелем с именем халифа ал-Муттаки. Диаметр 25,5 мм, вес 2,97 г. Монета погнута (табл. I, 3).

Остальные шесть аббасидских дирхемов тифлисского чекана следующие: ал-Мустаина 248 г. х. (862—863 гг.)¹⁰ — два экземпляра; ал-Муктафи 294 г. х. (906—907 гг.)¹¹ — три экземпляра; ал-Муктадира 311 г. х. (923—924 гг.)¹² — один экземпляр.

Несомненный интерес для грузинской нумизматики представляет также обнаруженный среди несистематизированного материала бывшего Азиатского музея тифлисская дирхем джафариды Джафара ибн Мансура, чеканенный в 367 г. х. (977—978 гг.)¹³. На лицевой его стороне — внутренняя круговая легенда: *Во имя аллаха чеканен этот дирхем в Тифлисе в 367 году*; остальные легенды обычны. На оборотной стороне — в поле, в круге: *Аллаху Мухаммад посланник аллаха ат-Таулиллахи Джафар ибн Мансур*; круговая легенда обычна. Монета подверглась двойному удару. Диаметр 26 мм, вес 1,51 г (табл. I, 4).

Величайшую редкость, как отмечает Д. Г. Капанадзе, представляют собой серебряные монеты с византийской титулатурой. К числу этих монет относятся три экземпляра царя Георгия II. Первая монета поступила в Эрмитаж в составе коллекции факультета восточных языков Петербургского университета. Монета сильно потерта, но на основании титула „севастос“ датируется 1072—1081 гг.¹⁴. На лицевой ее стороне — изображение Влахернской богородицы; от легенды *Влахернская* сохранилась только вторая часть. На оборотной стороне круговая легенда почти полностью стертa. От полной легенды: *Христе, возвеличь Георгия, царя абхазов и картлов и севастоса* сохранились несколько букв круговой легенды и все ее продолжение в центральной: *Христе, возвеличь. . . и картлов и севастоса*. На данном экземпляре, как и на опубликованном Е. А. Пахомовым, буква „р“ повернута влево. Диаметр 27 мм, вес 1,46 г (табл. I, 5).

Вторая монета Георгия II, входившая в состав коллекции И. И. Толстого, была приобретена Эрмитажем в 1965 г. На основании титула „кайсарос“ она датируется 1081—1089 гг.¹⁵ На лицевой стороне — изображение Влахернской богородицы. На оборотной сохранилась часть

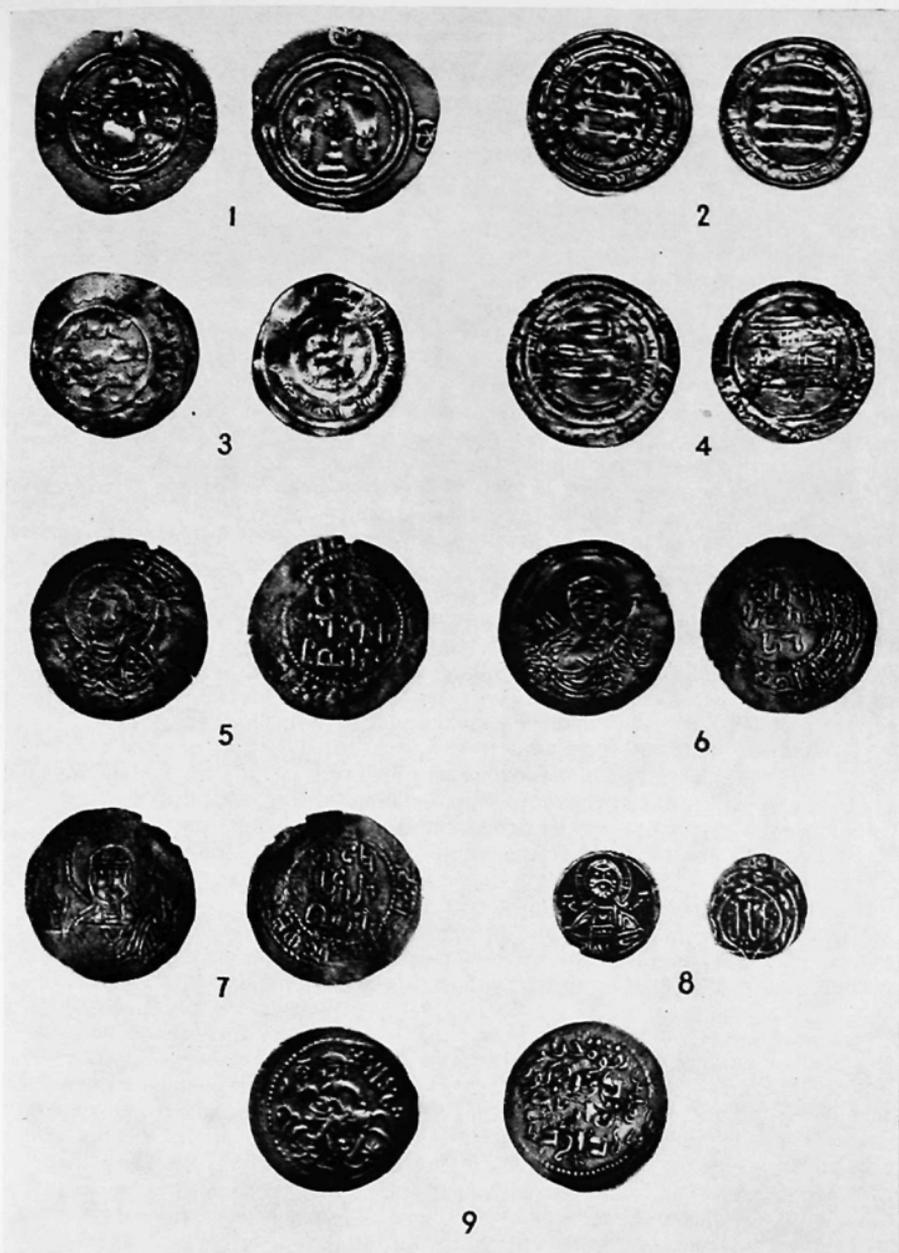

Табл. I

1 — драма эристава Стефаноса II (639—663); 2 — дирхем аббасидского халифа ал-Муталида. Тифлис, 287 г. х. (900 г.); 3 — дирхем аббасидского халифа ал-Мути. Тифлис, 335 г. х. (965—966 гг.); 4 — джафариды. Дирхем Джафара ибн Мансура. Тифлис, 367 г. х. (977—978 гг.); 5 — серебряная монета Георгия II с титулом „свастос“ 1072—1081 гг.; 6, 7 — серебряные монеты Георгия II с титулом „кайсарос“ 1081—1089 гг.; 8 — полудрама Русулаи 1223—1247 гг.; 9 — драма Давида Нарина. Тифлис, 467 г. короникона (1247 г.)

круговой легенды и вся центральная: *Христе, возвеличь... картлов и кайсароса*. Диаметр 26 мм, вес 1,05 г (табл. I, 6).

Третья монета этого типа (диаметр 26 мм, вес 1,14 г; табл. I, 7) чеканена той же парой штемпелей, что и эрмитажный экземпляр (инв. № 14222), упоминаемый Е. А. Пахомовым¹⁶.

В коллекции И. И. Толстого, приобретенной Эрмитажем в 1965 г., были еще две редкие грузинские монеты. Первая из них — полудрама царицы Русудан¹⁷. На лицевой ее стороне — изображение Христа с гладким нимбом, разделенным на три части; верхняя часть Евангелия украшена четырьмя точками. По сторонам — греческая легенда: *Иисус Христос*. Круговая легенда отсутствует. На оборотной стороне, в поле, — сокращенное имя Русудан. По сторонам легенды и внизу между буквами „р“ и „с“ — по три точки. Поле заключено в фигурную рамку. Необходимо отметить, что подобный орнаментальный рисунок оборотной стороны на полудрамах Русудан встречается впервые. От круговой легенды: *Царица цариц, величие мира и религии, Русудан дочь Тамары, поклонница мессии* остались первое и часть последнего слова. Диаметр 17 мм, вес 1,20 г (табл. I, 8).

Е. А. Пахомов, описывая полудрамы Русудан, отмечал, что в отличие от эрмитажного экземпляра¹⁸, на котором отсутствуют круговые легенды, два другие, находящиеся в собрании Государственных музеев в Берлине, были обрезаны и сохранили остатки круговых легенд, что, однако, по его мнению, не препятствует тому, чтобы считать их фрагментами драмы, т. е. полудрамами. Основываясь на этом мнении и учитывая размер и вес вышеописанной монеты, можно видеть в ней новый вариант монет Государственных музеев в Берлине.

Второй не менее интересной монетой этого поступления является драма Давида Нарина, чеканенная в Тифлисе в 467 г. короникона (1247 г.)¹⁹. На лицевой ее стороне — изображение всадника влево. Справа — лигатура букв — Давид. Слева дата по короникону — 467 г. На оборотной стороне, в поле, в четырех строках персидская легенда: *Божьим могуществом, милостью Куюк Каана раб и царь Давид*. Справа: *Чекан Тифлиса*. Диаметр 25 мм, вес 2,74 г (табл. I, 9).

Характеризуя сравнительно нечасто встречающиеся тифлисские драмы Давида Нарина, Д. Г. Капанадзе подчеркнул, что очень редко всадник на этих монетах бывает обращен не вправо, а влево, как на данном экземпляре²⁰.

Среди монет бывшего собрания С. Г. Строганова находится редкая серебряная монета, чеканенная от имени двух соцарствующих Давидов — Давида Нарина и Улу-Давида²¹. На лицевой ее стороне — изображение двух стоящих царей. Слева легенда: *Царь Давид*, справа: *Царь царей Давид*. На оборотной стороне — изображение Богоматери на троне. Легенда: *Матерь божья*. Диаметр 23 мм, вес 2,51 г (табл. II, 10).

В несистематизированных фондах нумизматического собрания Эрмитажа была обнаружена еще монета двух Давидов, отличающаяся от вышеописанной незначительными деталями²² (табл. II, 11). Оба экземпляра чеканены штемпелями, отличными от штемпелей монет, опубликованных Е. А. Пахомовым, Д. Г. Капанадзе, Т. Я. Абрамишвили, К. В. Голенко²³.

В 1955 г., в числе других восточных монет, переданных в дар Эрмитажу Б. Аугстом (ЧССР), в отдел нумизматики поступила грузинская

Табл. II

10, 11 — серебряные монеты Давида Нарина и Давида Улу. Около 1261 г.; 12 — серебряная монета Баграта V. Вторая половина XIV в.; 13 — серебряная монета Георгия II Имеретинского (1564—1585); 14 — анонимные бисты. Тифлис, 1995 г. х. (1683—1684 гг.); 15, 16 — золотые монеты Ираклия II. Тифлис, 1203 г. х. (1788—1789 гг.) и 1796 г.; 17 — 20 пули русско-грузинского типа, 1800 г., оловянный оттиск; 18 — 10 пули русско-грузинского типа, 1800 г., оловянный оттиск; 19 — 20 пули русско-грузинского типа, 1801 г., оловянный оттиск.

серебряная монета царя Баграта V (вторая половина XIV в.)²⁴. На лицевой ее стороне в поле, в круге — изображение тура вправо. Круговая легенда неразборчива. На оборотной стороне — в квадрате, вписанном в круг, — неразборчивая легенда в две строки и несколько кружков. Легенда в сегментах также неразборчива. Штемпель сдвинут. Диаметр 18 мм, вес 1,01 г (табл. II, 12).

К большому сожалению, неразборчивые легенды данного экземпляра, так же как и ранее известных монет, не могут дать ключа к окончательному разрешению вопроса о принадлежности монет с изображением тура Баграту V (1360—1393)²⁵.

Обработка фондов восточных монет позволила выявить еще одну редкую грузинскую серебряную монету — монету Георгия II Имеретинского (1564—1585)²⁶. На лицевой стороне изображена в фас голова царя в короне. Поле в двух кругах, из которых один — точечный. На оборотной стороне в поле — однострочная легенда: *Царь Георгий*. Диаметр 15 мм, вес 1,57 г (табл. II, 13).

Хотя Е. А. Пахомов относил монеты подобного типа к числу неопределенных XV—XVI вв.²⁷, находка большого клада в с. Патара Джихаиши дала возможность датировать эти монеты и отнести их к чеканке Георгия II Имеретинского²⁸.

Сравнительно небольшая по своему размеру эрмитажная коллекция медных монет тифлисского чекана конца XVII в. в настоящее время пополнилась исключительно редким экземпляром чекана 1095 г. х. (1683—1684 гг.), находившимся ранее в собрании Археологического общества²⁹. На лицевой стороне на фоне растительного орнамента — изображение лошади влево. На оборотной стороне в поле — легенда: *Фулус, чекан Тифлиса, 1095*. Диаметр 33 мм, вес 20,43 г (табл. II, 14).

Размер и вес полубисти этого типа колеблется между 22—25 мм и 6,48—10,08 г. Известны монеты вдвое меньшего достоинства (пули), размеры которых достигают 20 мм, а вес 4,31 г³⁰. Вышеописанный экземпляр, — пожалуй, единственный ныне бисти этого типа.

Заслуживает внимания обнаруженная в фондах отдела нумизматики Эрмитажа еще одна золотая монета Ираклия II, чеканенная в Тифлисе. Монета ранее, видимо, находилась в собрании И. И. Толстого³¹. На лицевой ее стороне — одноглавый орел и дата: 1796. На оборотной — в поле, в фигурной рамке: *Чекан Тифлиса*. Вверху в овале: *О, великодушный!* Дата: 1203. Диаметр 24 мм, вес 7,14 г (табл. II, 15).

Монета чеканена той же парой штемпелей, что и ранее известная, входившая в состав собрания бывшего Азиатского музея (диаметр 25 мм, вес 7,65 г, табл. II, 16)³². Как отмечает Д. Г. Капанадзе, в типологическом отношении эти монеты кажутся странными: „Во-первых, не соответствуют европейская дата и дата хиджры и, во-вторых, непонятно сочетание двух совершенно разных штампов: для лицевой стороны использован штамп, применяемый для изготовления медной монеты, а для оборотной — штамп серебряной монеты“³³. К вышесказанному необходимо добавить, что цвет монеты — подозрительно белесый, особенно в наиболее выпуклых частях.

Вторая монета во всех деталях повторяет первую (форма монетного кружка во внимание не принимается), но на оборотной стороне ее — впадина другой конфигурации, расположенная несколько выше. Анализ металла обеих монет установил, что они электровые³⁴. Детальное изуче-

ние упомянутых дефектов на оборотных сторонах этих монет и сопоставление их с лицевой стороной дают основание утверждать, что впадины соответствуют наиболее выпуклым и большим по площади деталям лицевых сторон, а именно туловищам орлов. Таким образом, на монетах Ираклия II, вероятно, встречается та же техническая особенность, что и на грузино-сасанидских драмах, чеканенных почти на 1200 лет раньше. И. Г. Спасский по аналогии с русским монетным делом считает эти экземпляры „жалованными золотыми“, однако вопрос о причинах появления этих монет все же не решен окончательно. По-видимому, близка к мнению И. Г. Спасского точка зрения А. Комарова, который пишет, что чекан этот был случайным, вынужденным крайними обстоятельствами³⁵. Однако нельзя забывать свидетельство генерал-майора Лазарева, сообщавшего в рапорте от 6 марта 1801 г. генерал-лейтенанту Кноррингу, что „золотых монет здесь нет, а существуют серебряные и медные“³⁶. Д. Г. Капанадзе видит в золотых Ираклия II новодельные раритеты, изготовленные для коллекционеров³⁷.

Завершающим этапом грузинской монетной чеканки являются так называемые русско-грузинские монеты. Ознакомление с эрмитажным собранием этих монет позволило выявить два серебряных экземпляра, не упоминавшиеся ранее в литературе³⁸. Это полуабаз 1807 г. (инициалы мастера А. К., диаметр 16 мм, вес 1,53 г)³⁹ и абаз 1811 г. (инициалы мастера — А. Т., диаметр 20 мм, вес 2,91 г)⁴⁰. Они поступили в составе коллекции Ф. Копытковского, собранной в Тифлисе в начале XX в.

Несомненный интерес представляют также три односторонних оловянных оттиска русско-грузинских монет, переданных в Эрмитаж Ленинградским монетным двором. Два оттиска имеют дату 1800 г. и номинал в 20 и 10 пули (табл. II, 17, 18), третий оттиск в 20 пули имеет дату 1804 г. (табл. II, 19). Необычность типа и особенно дата — 1800 г. — дают основание предполагать, что это проекты русско-грузинских монет, выпуск которых начался только с 1804 г.⁴¹

Настоящий обзор был бы недостаточно полным, если бы не отметить весьма редкие медали, выбитые в ознаменование открытия монетного двора в Тифлисе в 1804 г. В собрании отделения медалей Эрмитажа имеются: золотая, входившая ранее в коллекцию И. И. Толстого⁴² (диаметр 25 мм, вес 13,57 г) и серебряная⁴³ (диаметр 25 мм, вес 8,45 г); медали, выпущенные в честь этого события, с легендами: *Тифлисской монетный двор открыт 15 сентября 1804*. В настоящее время собрание пополнилось еще одной серебряной медалью из собрания бывшего Азиатского музея с вариантом той же легенды: *Тифлисский монетный двор открыт 15 сентября 1804* (диаметр 25 мм, вес 7,57 г.)⁴⁴.

¹ Капанадзе, с. 7.

² Инв. № 7515.

³ Пахомов. Монеты, с. 32.

⁴ Там же, табл. 1, 2; Капанадзе, табл. 2, 3.

⁵ Приношу благодарность старшему научному сотруднику отдела Востока Государственного Эрмитажа А. А. Вайману за консультацию по вопросу техники чеканки монет.

⁶ Пахомов. Монеты, с. 39—46; Капанадзе, с. 52—53; Джапаридзе Г. И. Из истории арабской нумизматики и метрологии (IX—X вв.). Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Тбилиси, 1968, с. 17.

⁷ Дирхем 297 г. х. из Муромского клада был отнесен В. Тизенгаузеном к чекану Тифлиса (Монеты восточного халифата. Спб., 1873, № 2892). Эти данные приводят

и А. К. Марков (Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896, с. 50, № 926; Топография кладов восточных монет. СПб., 1910, № 28), Е. А. Пахомов (Пахомов. Монеты, с. 42—43) и Д. Г. Капанадзе (Капанадзе, с. 53). Однако еще Р. Р. Фасмер переопределил данную монету так же, как и тифлисский дирхем 298 г. х. (Пахомов. Монеты, с. 43; Капанадзе, с. 53), и справедливо отнес их чекан к Фарису.

⁸ Инв. № 2397.

⁹ Инв. № 1360.

¹⁰ Инв. № 2227, диаметр 25 мм, вес 3,12 г (бывш. коллекция В. В. Вельяминова-Зернова); инв. № 4551, диаметр 25,5 мм, вес 2,91 г, пробит.

¹¹ Инв. № 2449, диаметр 24 мм, вес 2,91 г (бывш. коллекция В. В. Вельяминова-Зернова); инв. № 15510, диаметр 25 мм, вес 3,03 г; инв. № 15511, диаметр 25 мм, вес 2,91 г. Данные монеты и экземпляр, указанный Д. Г. Капанадзе (инв. № 2448; Капанадзе, с. 53), чеканены одной парой штемпелей.

¹² Инв. № 1339, диаметр 25,5 мм, вес 2,98 г (бывш. коллекция Азиатского музея). Монета, указанная Е. А. Пахомовым (Пахомов. Монеты, с. 44, табл. II, № 28), в коллекции Эрмитажа отсутствует.

¹³ Инв. № 3686; Капанадзе, с. 53.

¹⁴ Инв. № 8235; Пахомов. Монеты, с. 67; Капанадзе, с. 55—57.

¹⁵ Инв. № 9459; Пахомов. Монеты, с. 67; Капанадзе, с. 56—57.

¹⁶ Инв. № 19597; Пахомов. Монеты, с. 73, табл. V, № 69.

¹⁷ Инв. № 9462; Пахомов. Монеты, с. 110—111, 303; Капанадзе, с. 71.

¹⁸ Инв. № 14381.

¹⁹ Инв. № 9464.

²⁰ Пахомов. Монеты, с. 129; Капанадзе, с. 75; D. M. Lang, "Studies in the Numismatic History of Georgia in Transcaucasia", *The Numismatic Society*, New York, 1955, p. 37, pl. IV, No. 2.

²¹ Инв. № 7517.

²² Инв. № 17067.

²³ Пахомов. Монеты, с. 198—199, 319—320; Капанадзе, с. 77; Абрамшвили Т. Я. Монета двух Давидов. — "Вестник Государственного музея Грузии", 1950, вып. 16-В, с. 139—143; Голенко К. В. Клад монет из села Тобаниери. — "Византийский временник", 1959, т. 16, с. 136.

²⁴ Инв. № 9123.

²⁵ Пахомов. Монеты, с. 213, 328—329; Капанадзе, с. 101.

²⁶ Инв. № 15693.

²⁷ Пахомов. Монеты, с. 211—212.

²⁸ Пахомов. Монеты, с. 327—328; Капанадзе, с. 112—113.

²⁹ Инв. № 17860.

³⁰ Пахомов. Монеты, с. 337—338; Пахомов Е. А. Вес и достоинство медной монеты Тифлиса XVII—XVIII вв. — В кн.: Востоковедение, т. 3. Баку, 1928, с. 124, 129.

³¹ Инв. № 4171; Пахомов. Монеты, с. 344. Как ни странно, но именно этот экземпляр был опубликован Д. Г. Капанадзе (Капанадзе, с. 128, табл. XIV, 186).

³² Инв. № 3866; Пахомов. Монеты, с. 260, табл. XVII, 187а.

³³ Капанадзе, с. 129, 159—160.

³⁴ Анализ произведен в реставрационной мастерской Эрмитажа И. Л. Ногид. (Удельные веса: золото — 19,3; серебро — 10,4; монеты — около 14.)

³⁵ Комаров А. Чеканилась ли в Грузии золотая монета? — "Известия Кавказского общества истории и археологии", Тифлис, 1884, т. 1, вып. 2, с. 10.

³⁶ Акты Кавказской Археографической комиссии, т. 1, с. 516, № 623.

³⁷ Капанадзе, с. 160.

³⁸ Выражаю благодарность главному хранителю отдела нумизматики Эрмитажа И. Г. Спасскому за предоставленную возможность ознакомиться с собранием русско-грузинских монет.

³⁹ Инв. № 14077; Пахомов. Монеты, с. 350; Капанадзе, с. 135; Винклер П. Из истории монетного дела России. СПб., 1898, с. 32, 34.

⁴⁰ Инв. № 14096.

⁴¹ Выражаю благодарность хранителю отделения медалей отдела нумизматики Эрмитажа Е. С. Щукиной за предоставление материала.

⁴² Инв. № Аз. 330; Пахомов. Монеты, с. 271, 350; Капанадзе, с. 160.

⁴³ Инв. № Р.М.2043; Пахомов. Монеты, с. 350; Капанадзе, с. 134.

⁴⁴ Инв. № Р.М.11050; Пахомов. Монеты, с. 350; Капанадзе, с. 160.

К ДАТИРОВКЕ ТИПОВ ХЕРСОНСКИХ МОНЕТ МАВРИКИЯ (582—602) и ВАСИЛИЯ I (867—886)

В „Обзоре монетного дела средневекового Херсона“ В. А. Анохин ярко показал, насколько мало разработана эта область нумизматики¹. Однако, если некоторые из проблем не решены из-за недостатка материала или односторонности источников, то другие остаются невыясненными лишь из-за невнимания к ним исследователей. В настоящей статье делается попытка проверить гипотезы ученых по поводу двух групп монет разных периодов только путем анализа помещенных на этих монетах изображений.

Первый раздел статьи посвящен монетам, чеканившимся в Херсоне в правление императора Маврикия. Замечательные памятники этого времени — фоллисы и полуфоллисы — отличаются от фоллисов и полуфоллисов других монетных дворов оригинальным типом: на их лицевой стороне, вместо обычного погрудного изображения императора, представлены в рост, в фас император Маврикий и его жена Константина, причем круговая легенда содержит то имя и титул императора — DNMAVRICPPAVC, то название монетного двора — XEPCOHOC. На оборотной стороне, как и на всех медных монетах Византии того времени, помещен знак стоимости, который, однако, на херсонских монетах занимает лишь правую меньшую часть монетного кружка, на левой же изображен сын Маврикия Феодосий в рост, в фас.

Еще У. Рос предполагал, что причина выпуска херсонским монетным двором монет с семейным портретом кроется в не известных нам событиях и что этот чекан является своеобразным выражением благодарности той или другой стороны за оказанные услуги². В настоящее время не выявилось дополнительных фактов, которые позволили бы высказать какие-либо новые соображения о явлениях, вызвавших к жизни эту своеобразную эмиссию Херсона, оказавшую влияние на монетный тип всех монетных дворов империи³, кроме уже изложенных автором каталога византийских монет Британского музея. Что же касается проверки даты, то сами монеты, как кажется, дают не использованный еще исследователями материал для ее уточнения.

Изображение Феодосия, сына Маврикия, уже само по себе ограничивает время чеканки монет периодом с 589 или 590 г. (год коронации Феодосия)⁴ по 602 г. (свержение с престола и смерть Маврикия и его сына)⁵. У. Рос, допуская, что на монетах представлен не ребенок, а юноша, считал возможным связать выпуск „фамильных“ монет с предпологавшимся в 596—597 гг. разделом империи, по которому Константинополь и восток страны отходили Феодосию. Эмиссия должна была прекратиться в связи со ссорой Маврикия с Феодосием, принимавшим участие в заговоре против отца⁶. Ф. Гриерзон полагает, что херсонские монеты чеканились в самом конце царствования Маврикия, в 602 г.⁷

В. А. Анохин, отмечая три очевидные серии в херсонской чеканке, не высказывает определенного мнения о дате этих монет⁸.

Названные В. А. Анохиным три серии фоллисов и соответствующих им полуфоллисов (которые соответствуют двум сериям в двух типах по каталогу византийских монет собрания Думбартон Окс⁹ или трем типам в сводке херсоно-византийских монет В. А. Орешникова¹⁰) различаются по надписи лицевой стороны и цифровому обозначению номинала на оборотной.

Первая серия — фоллисы с цифрой М и полуфоллисы с цифрой К, несущие на лицевой стороне надпись ХЕРСΩΝΟΣ.

Вторая серия — фоллисы с цифрой Н и полуфоллисы с цифрой Δ, имеющие на лицевой стороне ту же надпись.

Третья серия — фоллисы с цифрой Н и полуфоллисы с цифрой Δ с круговой легендой на лицевой стороне DNMAVRICPPAVC.

Все нумизматы считают монеты с цифрами М и К наиболее ранними¹¹, замененными новой эмиссией с цифрами Н и Δ, отразившей кризисные явления в византийской экономике¹². Подтверждает это всеобщее мнение постепенно уменьшающийся вес фоллисов: более высокий у монет первой серии, с цифрой М (от 13,5 до 16,2 г), снижающийся до 15—9 г у фоллисов с цифрой Н. Употребление знака стоимости Н полтора десятилетия спустя — на монетах Ираклия — также указывает на то, что эмиссия с цифрой М предшествовала сериям с цифрой Н.

Последовательность выпусков с цифрами Н и Δ не вполне ясна до сих пор. В. А. Анохин полагает, что надпись ХЕРСΩΝΟΣ сближает первую и вторую серии, и поэтому третью серию, с именем императора, можно считать последней. Противоречит такой датировке, по его мнению, присутствие на монетах с названием города надчеканок Ираклия.

Действительно, многие монеты второй серии, как фоллисы, так и полуфоллисы (объединенные в настоящей статье в первую группу), имеют большое сходство с монетами первой серии не только в содержании легенды, но и в иконографии. На монетах этой первой группы императрица представлена в короне с тремя лучами, подобно тому, как она изображена на всех известных экземплярах с цифрой М (эрмитажных и других, опубликованных в различных каталогах); крест она держит правой рукой за самый его конец; корона на голове Маврикия той же формы, что и на монетах первой серии; вокруг голов императорского семейства — нимбы. Отличием монет второй серии от первой, помимо обозначения номинала, является написание названия города с омикроном вместо омеги. Однако на одной из монет эрмитажного собрания, выделенных в первую группу (инв. № 1989), можно видеть то же грамматически правильное написание этого слова, что подтверждает хронологическую близость первой группы к монетам первой серии.

Таким образом, не только надпись, но и сходство ряда элементов изображения позволяют считать указанную группу монет с цифрами Н и Δ следующим за первой серией вторым выпуском. На некоторых (немногих) монетах этого выпуска над головами императорской четы находится равноконечный крестик, а Феодосий вместо хризмы держит в руках крест.

Во вторую группу монет с цифрами Н и Δ, которую, я полагаю, можно считать хронологически третьим выпуском, объединяются экземпляры с надписью DNMAVRICPPAVC. Характерным отличием этого

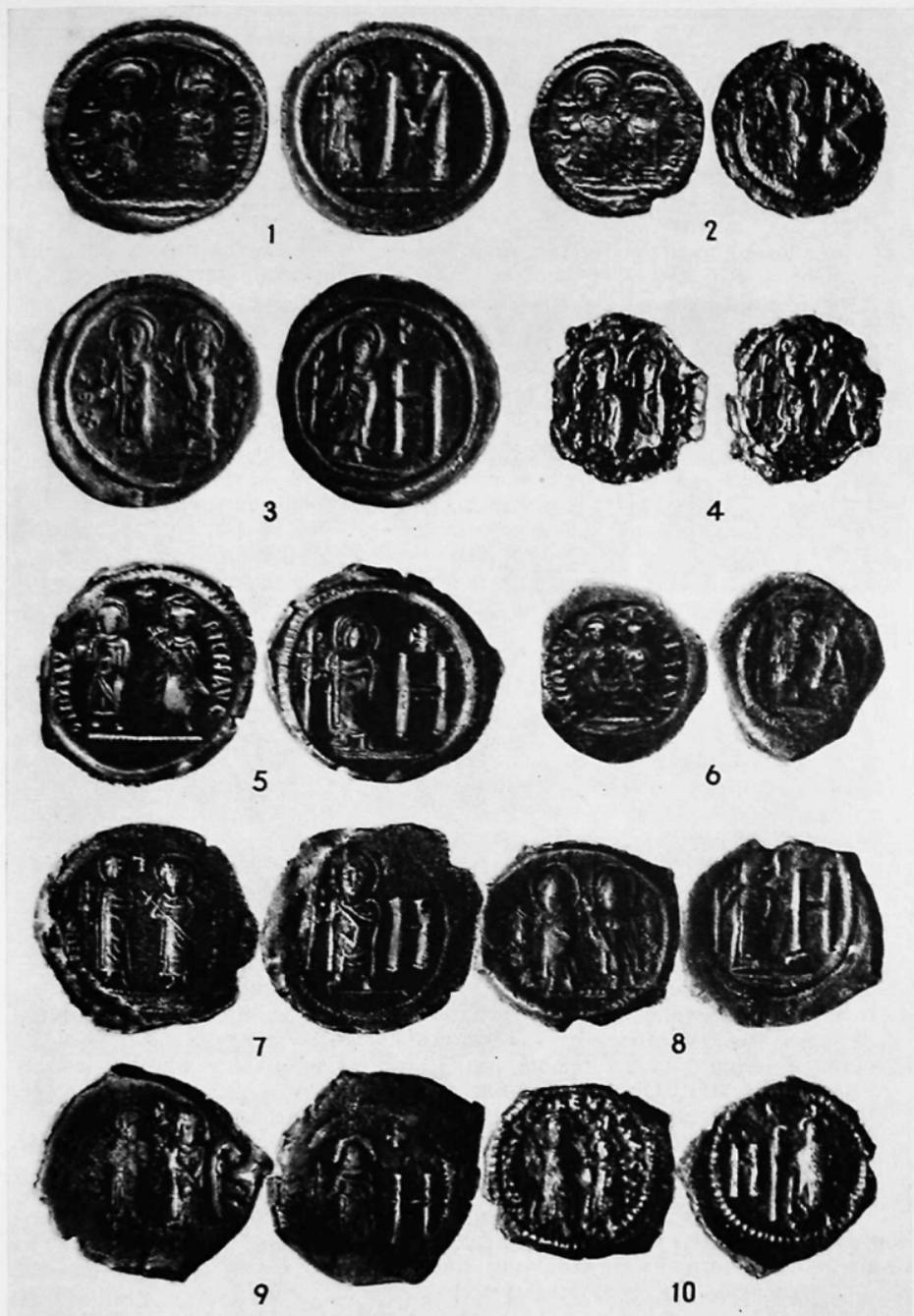

Табл. 1

Монеты Маврикия (1, 2 — первый выпуск; 3, 4 — второй выпуск; 5, 6 — третий выпуск; 7—9 — четвертый выпуск) и монета Ираклия (10)

выпуска от предыдущего, помимо надписи, является изображение в правой руке Константины креста с настолько длинным нижним концом, что он виден слева от императрицы у подола ее платья: лучи на ее короне заменяются двумя треугольными зубцами. Феодосий представлен как с крестом, так и с хризмой, причем невозможно уследить какую-нибудь закономерность в появлении этих символов. По-видимому, помещение креста или хризмы уже не имело в то время принципиального значения, так как на паре монет следующей, третьей, группы, связанных общим лицевым штемпелем, Феодосий в одном случае изображен с крестом, в другом — с хризмой.

Очень трудно провести грань между второй и следующей, третьей, группой. Вполне возможно, что между этими эмиссиями не существовало того четкого разделения, которое замечается между первой и второй группами. Несомненными последними монетами херсонской эмиссии конца VI — начала VII в. являются экземпляры с надписью ΧΗΡСΟΝ. Здесь вместо греческой эпсилон ошибочно поставлена греческая же буква эта, а греческая литера ρο заменена латинской R (Эрмитаж, инв. № 1985, 1986). На ряде других монет, выполненных в том же стиле, что две описанные выше, сохраняется эпсилон, заменена только ρο (Эрмитаж, инв. № 1988, 1990, 1992, 1994, 2287—2289). Манера выполнения их — грубая, схематичная; изображенные на царских особах короны — неопределенной формы, нимбы отсутствуют или имеют необычную, не сужающуюся книзу форму. Эти монеты с ошибочным написанием города и выделены мной в третью группу. К этой же группе я решаюсь приписать монеты с надписью, заключающей имя и титул императора, которые, сохраняя элементы, характерные для монет второй группы (корона императрицы), по стилю изображений и, главное, по неточности надписи примыкают к экземплярам с неправильным написанием названия города (Эрмитаж, инв. № 1996, 1998, 1999, 2003).

На всех известных мне экземплярах этой третьей группы (за исключением одного — инв. № 1998) цифра Η — меньшего размера, чем на монетах двух предыдущих выпусков. Имеется еще один аргумент в пользу того, что монеты выделенной мной третьей группы являются обособленными, отделенными от первой группы с аналогичной надписью: они чеканены небольшим количеством штемпелей, связывающих их в компактную группу (7 монет эрмитажного собрания чеканены 3 штемпелями лицевой стороны), чего нельзя сказать о монетах первой группы.

Я считаю третью группу четвертым выпуском херсонского монетного двора. В пользу этого, кроме упоминавшейся деградации стиля и надписи, говорит более низкий, чем у предыдущих выпусков, вес монет с надписью ΧΗΡСΟΝ, относящихся к этой группе, а также наличие именно на этих монетах (и очень редко — на монетах третьего выпуска) надчеканок Ираклия. Таким образом, устраняется и противоречие, которое возникло при хронологической последовательности серий, предложенной В. А. Анохиным.

Мне известен лишь один экземпляр с цифрой Δ, который, как кажется, следовало бы отнести к четвертому выпуску. Однако существование подобного экземпляра чрезвычайно важно. На мой взгляд, тождество изменений на фоллисах и полуфоллисах лишний раз доказывает, что чеканка монет в Херсоне VI в. производилась партиями, выпусками, и различия в изображениях получались в результате хронологического

Табл. II. Херсонские монеты IX—XI вв.:

1 — Василия I и Константина; 2 — анонимная; 3—5 — Василия I; 6 — Романа II и Василия II; 7 — Василия II; 8 — Константина VII; 9, 10, 11 — Романа I; 12, 13 — Константина VII. 914 г.

разрыва между выпусками, а не вследствие одновременной работы разных мастеров.

Таким образом, можно отметить четыре монетных выпуска в Херсоне в конце VI — начале VII в.:

Первый выпуск: фоллисы с цифрой М и полуфоллисы с цифрой К (первая серия, по классификации Анохина).

Второй выпуск: фоллисы с цифрой Н и полуфоллисы с цифрой Δ, с надписью ΧΕΡСΩΝΟΣ, на которых императрица изображена в короне с лучами и с коротким крестом в руках (часть второй серии, по классификации Анохина).

Третий выпуск: фоллисы с цифрой Н и полуфоллисы с цифрой Δ с надписью ΔΝΜΑΥΡΙΚΡΡΑΥΣ, на которых императрица изображена в короне с зубцами и с длинным крестом в руках (часть третьей серии, выделенной Анохиным).

Четвертый выпуск: фоллисы и полуфоллисы с цифрами Н и Δ, с обеими надписями, но неполными или содержащими ошибки, с небрежно выполненным изображением императорской семьи в коронах неопределенного вида или вовсе без корон (часть монет второй и третьей серий, по Анохину).

Таким образом, можно утверждать, что последовательность выпусков не соответствует тем хронологическим сериям, которые предложил В. А. Анохин. Существование эмиссий с постепенно снижающимся весом монет отвергает мнение Ф. Грнерзона об одновременной чеканке в конце правления Маврикия: постепенное снижение веса и изменение элементов типа возможно лишь при длительности чеканки. Поэтому кажется более правильным датировать херсонскую эмиссию времени Маврикия периодом от коронации Феодосия до падения династии, т. е. 590—602 гг. Если учитывать сообщение источников о выступлении Феодосия против отца в 601 г., то и тогда время эмиссии сокращается только на год. Впрочем, может быть, именно в этот последний год царствования Маврикия в связи с опалой Феодосия и была возвращена на монеты надпись с названием города, хотя и в прежней, не упоминавшей Феодосия, не было ничего криминального.

Накопление материала, в частности монет с именем Маврикия, на которых Маврикий и Константина представлены как бы на пьедестале¹³, вероятно, разъяснит некоторые вопросы датировки херсонских монет и причины появления на них особого иконографического типа.

Второй раздел статьи посвящен монетам, которые выпускались в Херсоне тремя столетиями позже, в правление императора Василия I. К тому времени на монетном дворе Херсона совершенно изменилась техника производства: чеканка заменилась литьем, и, вероятно, в связи с этим изображения и надписи на лицевой стороне монет заменились инициалами или монограммами императора, на оборотной же в большинстве случаев стали помещать крест.

На интересующих нас монетах на лицевой стороне имеется монограмма $\kappa\rho\omega$, заключающая имена Василия и Константина, на оборотной — шестиконечный крест на четырех ступенях. Атрибуция монет со времени их первого прочтения не вызвала сомнений: их всегда относили к совместному правлению Василия I и его сына Константина. Однако В. А. Анохин высказал мнение, что они должны быть датированы временем Василия II и Константина VIII¹⁴, поскольку на них помещен такой же крест, как на монетах с монограммой ρ , отнесенных мной к концу XI—XIII вв.¹⁵, а В. А. Анохиным — к периоду царствования одного из Романов (XI в.)¹⁶. Предложенная В. А. Анохиным датировка монет с монограммой $\kappa\rho\omega$ не имеет, однако, достаточных оснований.

В. А. Анохин обращает внимание на то, что монеты с монограммой $\kappa\text{R}\omega\text{B}$ не встречаются вкладах совместно с монетами X в., выводя из этого факта заключение, что они не участвовали в денежном обращении Херсона X в. С другой стороны, они и по типу креста, ободку и, главное, по весу (в X в. ни один из императоров не чеканил такую крупную монету) близки монетам с монограммой L

Действительно, внешнее сходство монет Василия и Константина с анонимными, имеющими монограмму L , настолько броско, что кажется логичным связать оба типа в близкую по времени группу. Однако, как нам представляется, приведенных аргументов недостаточно, чтобы датировать монеты с монограммой $\kappa\text{R}\omega\text{B}$ не IX, а XI в. Во-первых, на основании одного отсутствия монет крупного диаметра и более тяжелого веса вкладах иного метрологического состава нельзя отрицать совместное обращение монет разных номиналов; важно отсутствие их в тех редких, точно датированных археологических слоях, которые не позволяют определить и находимые в них вещи временем, более поздним, чем X в. Если такие раскопки подтверждают, что монеты с монограммой L не участвовали в обращении в X в., то о монетах Василия и Константина этого сказать нельзя. Например, в Херсоне, в помещении 9а (раскопки 1931 г.), были найдены 73 монеты, среди которых оказались и монеты Василия I и Константина¹⁷. В этом помещении слой IX—X вв. четко отделялся от последующего строительного периода мощной засыпью, не прорезанной насквозь ни одним позднесредневековым фундаментом, — одна из редких удач в раскопках Херсона. Помещение находилось на северном берегу городища около самого моря, так что одну из стен разрушил прибой. Пол был на 6—10 см выше скалы, стены же покоились на остатках стен постройки эллинистического времени. Найденные монеты лежали на полу в слое пожарища, так что нет сомнения, что все они попали туда одновременно в момент разрушения здания. Таким образом, эта находка прежде всего опровергает мнение В. А. Анохина о том, что монеты с монограммой $\kappa\text{R}\omega\text{B}$ выпускались после разрушения Херсона. Однако она еще не исключает возможности выпуска монеты до разрушения Херсона, но все же при Василии II (в помещении были найдены обычные херсонские монеты Василия II, а также анонимные фоллисы Константинопольского монетного двора, чеканившиеся при этом императоре). Чтобы принять или отвергнуть такую версию, следует изучить монетные изображения.

Херсонские монеты с именем одного Василия II имеют на лицевой и оборотной сторонах крестообразные монограммы. Подобные монограммы господствовали в монетном типе Херсона со времени Романа I, однако это не исключало периодического появления на монетах монограммы иного вида или просто первых букв имени императора (см., например, монеты Романа II и Василия). Поэтому считать форму монограмм датирующим признаком мы не можем. Форма креста также, на мой взгляд, не является уникальной или характерной для какого-то определенного периода: впервые появившись на монетах Василия I, шестиконечный крест на Голгофе исчезает к концу чеканки этого императора,

но потом вновь возникает в XI в. на монетах с монограммой , причем кресты настолько близки по начертанию, что кажутся оттиснутыми одним штампом. Поэтому более достоверной представляется датировка данных памятников по форме букв.

Монограмма лицевой стороны состоит из трех букв: В, К, ω. Хотя консервативность техники и эпиграфики в Херсоне (как и вообще в средние века) чрезвычайно велика, все же можно выделить какие-то особенности письма в небольшие отрезки времени. В частности, из тех букв, которые присутствуют в монограмме, интересующей нас, в букве К мне не удалось заметить каких-либо изменений в течение столетия, что же касается В и ω, они, несомненно, дают датирующий материал.

Буква В встречается на монетах времени Михаила III (литеры МВ), Василия I, Романа II и Василия II, Василия II и Константина VIII. На первых бета имеет очень простое начертание: два полукружия, прислоненные к вертикальной черте. На всех монетах времени Василия I, несмотря на многообразие форм, в этой литере есть одна общая деталь: нижняя горизонтальная черта далеко выступает за пределы вертикальных элементов. Такое начертание беты постоянно в византийской сфрагистике как раз до времени Василия I включительно. Этот элемент настолько характерен для херсонских монет времени Василия I, что его можно выделить как датирующий палеографический признак. Во времена Василия II выступающая за пределы вертикальных линий горизонтальная черта в этой букве отсутствует и на печатях, и на монетах, в том числе и на монетах Херсона. В изучаемой же монограмме бета написана с широкой горизонтальной чертой, что свидетельствует в пользу выпуска монеты в IX в.

К такой же дате склоняет нас и начертание омеги. На монетах с монограммой средний элемент этой буквы имеет вид петельки.

Такое начертание встречается на монетах Романа I с погрудным изображением, на некоторых из его монет с крестообразной монограммой первого и второго типов¹⁸, а также на монетах Константина VII с погрудным изображением на лицевой стороне, т. е. на монетах, выпускавшихся до 40-х гг. X в. Напротив, на монетах Константина VII с изображением креста средняя черта уже не образует петельки, без петли омега в монограммах Константина VII и Романа II и монограммах их преемников. Таким образом, и этот элемент монограммы не дает основания датировать интересующие нас монеты второй половиной X в.

Итак, имеющиеся в настоящее время в нашем распоряжении факты не позволяют исключить монеты с монограммой из числа херсонских выпусков IX—X вв. Палеографические признаки, еще более ограничивающие возможную дату дискуссионных монет (не позднее 40-х гг. X в.), оставляют лишь одну возможную датировку — правление Василия I и Константина, т. е. 868—879 гг.

Может быть, монеты Василия I и Константина отливались не на всем протяжении их совместного царствования (существование разных типов херсонских монет Василия I вполне допускает это), однако в настоящий момент нет данных для уточнения хронологии, так же как и для ответа на вопрос, почему не выпускались в Херсоне X в. монеты той весовой категории, что и монеты Василия I и Константина. Решение этих вопросов — дело будущего.

¹ Анохин В. А. Обзор монетного дела средневекового Херсона. — НИС, 1968, вып. 3, с. 99—112.

² W. Wroth, *Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum*, v. 1, London, 1908, p. XXII.

³ A. Bellinger, *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection*, v. 1, Washington, 1966, p. 373, note.

⁴ Ph. Grierson, "The Date of the Dumbarton Oaks Epiphany Medallion", *Dumbarton Oaks Papers*, v. XV, p. 222, note 13.

⁵ W. Wroth, *op. cit.*, p. XXII.

⁶ *Ibid.*

⁷ Ph. Grierson, "Coinage and Money in the Byzantine Empire", *Settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto medioevo*, VIII, Spoleto, 1961, p. 437; A. Bellinger, *op. cit.*, p. 373, note.

⁸ Анохин В. А. Указ. соч., с. 100.

⁹ A. Bellinger, *op. cit.*, p. 373—375.

¹⁰ Орешников А. В. Херсоно-византийские монеты. — ТМНО, 1905, т. 3, с. 363—364.

¹¹ Ph. Grierson, "Coinage and Money...", p. 437; A. Bellinger, *op. cit.*, p. 373; W. Wroth, *op. cit.*, p. 158—159.

¹² Ph. Grierson, "Coinage and Money...", p. 437.

¹³ A. Bellinger, *op. cit.*, p. 375, note 303, 2, pl. LXXX. Аналогичный полуфоллис находится в собрании Эрмитажа.

¹⁴ Анохин В. А. Указ. соч., с. 106.

¹⁵ Соколова И. В. Датировка некоторых монет Херсона. — НИС, 1968, вып. 3, с. 86—98.

¹⁶ Анохин В. А. Указ. соч., с. 112—113.

¹⁷ Белов Г. Д. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931—1933 гг. — МИА, 1941, № 4, с. 208.

¹⁸ Орешников В. А. Указ. соч., табл. X, 53, с. 49—50.

КЛАД МЕДНЫХ ГРУЗИНСКИХ МОНЕТ XVIII ВЕКА В СОБРАНИИ ЭРМИТАЖА

Медные грузинские монеты XVIII в. с именами карталинских царей и правителей известны уже с первой половины XIX в. Изданные впервые Х. Д. Френом¹, эти монеты к настоящему моменту достаточно хорошо изучены, а фундаментальные исследования Е. А. Пахомова² и Д. Г. Капанадзе³ оставляют мало надежды обнаружить среди этих монет что-либо примечательное. Все вышесказанное справедливо, когда речь идет об отдельных монетах, наличие же клада в значительной степени меняет картину.

В сентябре 1939 г. Эрмитажем была приобретена у А. С. Дзудцева группа медных грузинских монет XVII—XVIII вв., насчитывающая 60 экземпляров⁴. Изучение состава этого комплекса говорит о том, что перед нами, бесспорно, монетный клад, хотя, к большому сожалению, о месте захоронения клада, а также о времени и условиях его находки мы не имеем никаких сведений. В кладах представлены перечисленные ниже медные грузинские монеты:

1. Анонимное полубисти XVII в. Лицевая сторона: лев влево. На оборотной стороне — город и год стерты. Лицевая и оборотная стороны неоднократно подвергались ударам острым предметом. Диаметр 25, вес 10,41⁵, инв. № 8639 (табл. I, 1).
2. То же, но монета не повреждена. На лицевой стороне — граффити. Диаметр 25, вес 10,25, инв. № 8641 (табл. I, 2). Хотя на обеих монетах место чеканки и год не сохранились, сравнение их с другими монетами этого типа позволяет утверждать, что они чеканены в Тифлисе в 1014 г. х. (1605—1606 гг.)⁶.
3. Полубисти Вахтанга VI. Лицевая сторона: корабль. Внизу остатки европейской даты — 170(8) или 170(9) г. Обратная сторона стерта. Диаметр 26, вес 9,11, инв. № 8585 (табл. I, 3).
4. То же. Дата на лицевой стороне стерта. Диаметр 22, вес 8,63, инв. № 8584.
5. Бисти Свимона 1124 г. х. (1712 г.). Лицевая сторона: дракон влево. Обратная сторона: *Чекан Тифлиса 1124*. Диаметр 25,5, вес 11,72, инв. № 8586 (табл. I, 4).
6. Полубисти Свимона 1124 г. х. (1712 г.) — 8 экземпляров разных матриц. Диаметр 26, вес 8,68, инв. № 8587 (табл. I, 5) диаметр 25, вес 8,93 инв. № 8588; диаметр 23,5, вес 8,85, инв. № 8589; диаметр 24,5, вес 8,97, инв. № 8590; диаметр 25,5, вес 9,09, инв. № 8591; диаметр 23, вес 8,78, инв. № 8592; диаметр 23, вес 8,98, инв. № 8593; диаметр 24, вес 8,81, инв. № 8594.

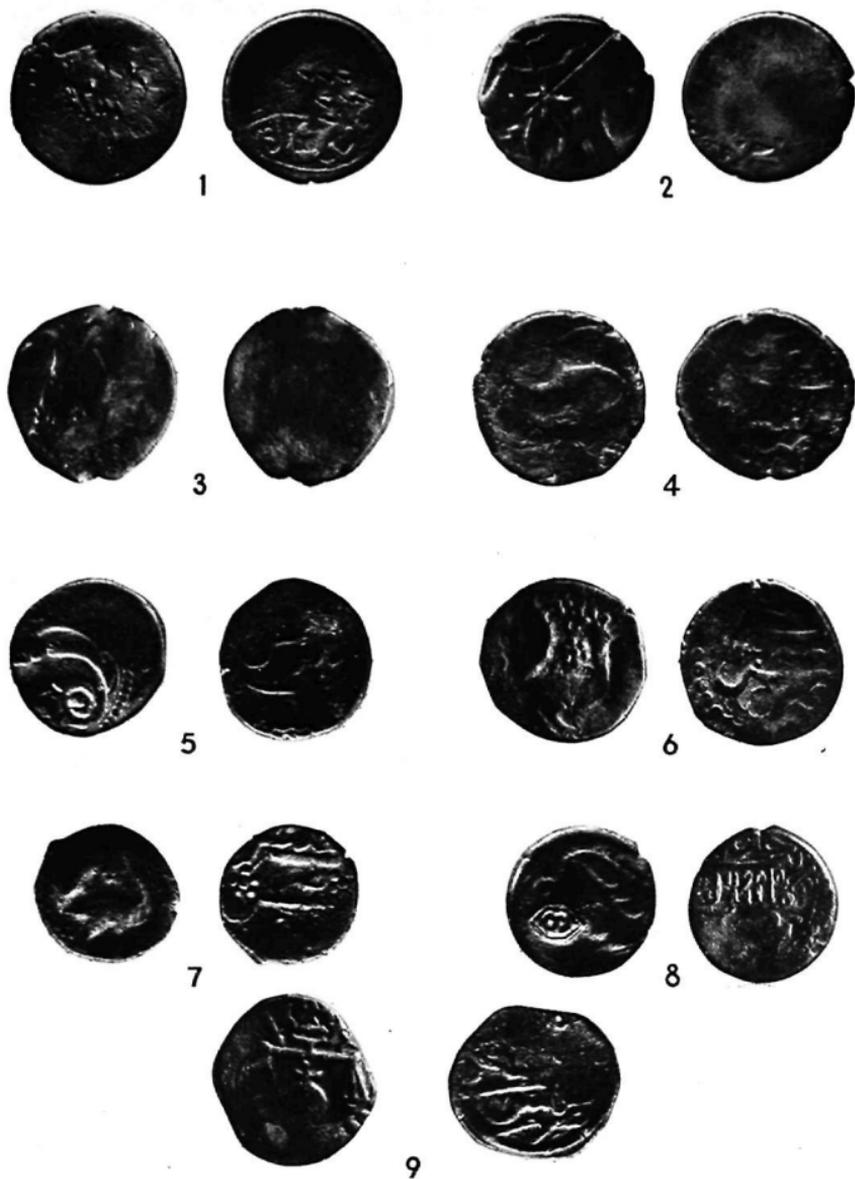

Табл. I

1 — анонимное подубисти. Год стерт; 2 — анонимное подубисти. Год стерт; 3 — подубисти Вахтанга VI. Год стерт; 4 — бисти Симона 1712 г.; 5 — подубисти Симона 1712 г.; 6 — подубисти Бакара 1717—1718 гг.; 7 — пули Бакара 1718—1719 гг.; 8 — подубисти Теймураза II и Ираклия II 1751—1755 гг.; 9 — подубисти Ираклия II 1765—1766 гг.

7. То же — 4 экземпляра. Год стерт. Диаметр 25,5, вес 8,89, инв. № 8595; диаметр 25, вес 8,93, инв. № 8596; диаметр 25, вес 9,09, инв. № 8597; диаметр 24, вес 8,81, инв. № 8598.
8. То же — 3 экземпляра. Город и год стерт. Диаметр 26, вес 9,25, инв. № 8599; диаметр 26, вес 7,71, инв. № 8600; диаметр 23, вес 8,52, инв. № 8601.
9. То же. Лицевая сторона: дракон вправо. Обратная сторона: *Чекан Тифлиса*, год стерт. Диаметр 25,5, вес 8,82, инв. № 8603.
10. То же. Год стерт. Диаметр 25, вес 6,77, инв. № 8602.
11. Полубисти Бакара 1130 г. х. (1717—1718 гг.) — 5 экземпляров. Лицевая сторона: павлин вправо. Обратная сторона: *Чекан Тифлиса 1130*. Диаметр 23, вес 8,46, инв. № 8604 (табл. I, 6); диаметр 25, вес 8,44, инв. № 8605; диаметр 24,5, вес 8,40, инв. № 8606; диаметр 24, вес 8,49, инв. № 8607; диаметр 22, вес 8,49, инв. № 8608.
12. То же. Лицевая сторона: павлин влево. 5 экземпляров. Диаметр 25, вес 8,48, инв. № 8609; диаметр 23,5, вес 8,64, инв. № 8610; диаметр 23, вес 8,50, инв. № 8611; диаметр 25, вес 8,48, инв. № 8613; диаметр 25, вес 8,50, инв. № 8614.
13. То же. Год стерт. Диаметр 24, вес 8,43, инв. № 8636.
14. Пули Бакара 1130 г. х. (1717—1718 гг.) — 2 экземпляра. Диаметр 21, вес 4,24, инв. № 8612; диаметр 21, вес 4,33, инв. № 8615.
15. То же. Год стерт. Диаметр 23, вес 4,23, инв. № 8637.
16. Полубисти Бакара 1131 г. х. (1718—1719 гг.) — 9 экземпляров. Лицевая сторона: павлин вправо. Обратная сторона: *Чекан Тифлиса 1131*. Диаметр 25, вес 8,60, инв. № 8616; диаметр 26, вес 8,37, инв. № 8617; диаметр 24, вес 8,39, инв. № 8618; диаметр 24,5, вес 8,64, инв. № 8619; диаметр 24, вес 8,61, инв. № 8620; диаметр 24, вес 8,38, инв. № 8621; диаметр 24, вес 8,50, инв. № 8622; диаметр 25, вес 8,50, инв. № 8623; диаметр 25, вес 8,49, инв. № 8628.
17. Пули Бакара 1131 г. х. (1718—1719 гг.) — 4 экземпляра. Диаметр 20, вес 4,21, инв. № 8624 (табл. I, 7); диаметр 21, вес 4,11, инв. № 8625; диаметр 21, вес 4,21, инв. № 8626; диаметр 21, вес 4,41, инв. № 8627.
18. Полубисти Бакара 113... г. х. — 2 экземпляра. Диаметр 25, вес 8,21, инв. № 8629; диаметр 27, вес 8,53, инв. № 8630.
19. То же. Зеркальное изображение надписи на оборотной стороне. Диаметр 24, вес 8,45, инв. № 8631.
20. То же. Год — 11... г. х. Диаметр 24, вес 8,51, инв. № 8632.
21. То же — 2 экземпляра. Год стерт. Диаметр 23, вес 8,32, инв. № 8633; диаметр 25, вес 7,95, инв. № 8634.
22. Пули Бакара. Год стерт. Диаметр 22, вес 4,13, инв. № 8635.
23. Полубисти Теймураза II и Ираклия II 1168 г. х. (1754—1755 гг.). Лицевая сторона: сокол, терзающий лань. Обратная сторона:

Чекан Тифлиса 1168. На лицевой стороне в фигурной рамке надчеканка — начальная буква имени Теймураза. Диаметр 22, вес 8,56, инв. № 8638 (табл. I, 8).

24. Полубисти Ираклия II 117(9) г. х. (1765—1766 гг.). Лицевая сторона: герб грузинских Багратидов. Обратная сторона: *Чекан Тифлиса 117(9)*. Диаметр 25, вес 8,44, инв. № 8640 (табл. I, 9).
25. Неопределенные, возможно, грузинские, монеты очень плохой сохранности — 2 экземпляра. Диаметр 21, вес 3,64, инв. № 8643; диаметр 24, вес 3,65, инв. № 8642.

Таким образом, наиболее ранними монетами клада являются два анонимных полубисти, чеканенных в 1014 г. х. (1605—1606 гг.). Наиболее поздняя монета — полубисти Ираклия II чеканки 1179 г. х. (1765—1766 гг.). Остальные монеты по правителям распределяются следующим образом: 2 экземпляра монет Вахтанга VI, 18 — Свимона, 34 — Бакара, 1 — Теймураза II и Ираклия II, 1 — Ираклия II и 2 неопределенных экземпляра. Как мы видим, основная масса монет клада — 52 экземпляра — относится к чеканкам Свимона и Бакара (1712—1719 гг.). Захоронение клада, учитывая позднейшую монету, не могло произойти ранее 1765 г. Все монеты очень плохой сохранности, что, видимо, явилось следствием их долгого обращения.

Среди монет привлекает внимание бисти Свимона 1124 г. х. Исследуя вес и достоинство тифлисской медной монеты XVII—XVIII вв., Е. А. Пахомов установил, что вес полубисти 1124 г. х. колеблется от 8,61 до 9,84 г, а пули от 3,40 до 4,38 г; полубисти же 1130 г. х. весят от 7,60 до 8,61 г, а пули от 3,83 до 4,27 г⁷. Д. Г. Капанадзе расширил рамки этих весовых колебаний. По его данным, полубисти 1124 г. х. весят от 8,30 до 9,84 г, а пули от 3,29 до 4,40 г; полубисти 1130 г. х. весят 7,60—8,61 г, а пули — 3,17—4,27 г⁸. Кроме того, Д. Г. Капанадзе приводит данные о монете 1130 г. х. весом в 10,30 г, называя ее бисти, хотя вес полубисти, как он указывает, колеблется между 7,60 и 8,61 г. Если считать, что монета весом в 10,30 г — бисти, то кладовая монета Свимона чекана 1124 г. х., весом в 11,72 г, является единственным известным в настоящее время бисти этого правителя.

Находки грузинских медных монет XVIII в. на Кавказе немногочисленны. Е. А. Пахомов в своей топографии монетных находок на Кавказе, состоящей из 2158 номеров, отмечает только 27 случаев находок медных грузинских монет правителей XVIII в. Так, зарегистрированы четыре находки монет Вахтанга VI⁹, четыре — Свимона¹⁰, шесть — Бакара¹¹, три — Теймураза II¹², две — Теймураза II и Ираклия II¹³, восемь — Ираклия II¹⁴. Топография подтверждает вывод Е. А. Пахомова о том, что находки медных монет последних грузинских правителей, к которым в конце столетия примешиваются русские пятаки, сконцентрированы в восточной Грузии. Отметим, что из 27 находок интересующих нас монет, только в одном случае они входили в состав клада, в остальных же случаях были единичные монеты. Е. А. Пахомов сообщает, что в Горийском уезде в 1906 г. был найден клад, содержащий 60 абазов Ираклия II и более пяти пудов медной монеты¹⁵. Е. А. Пахомов видел менее полупуда монет из этого клада, состоящих из русских пятаков второй половины XVIII в. и монет Ираклия II с одноглавым и двуглавым орлами. Поскольку в данном кладае есть монеты Ираклия II с одноглавым орлом,

он мог быть зарыт не ранее самых последних годов XVIII в., так как указанные монеты чеканились только в 1796 г. Клад же, хранящийся в Эрмитаже, был зарыт, по-видимому, в конце третьей четверти XVIII в. и по своему составу является, вероятно, единственным, так как никаких сведений о находках подобного рода нет.

¹ Ch. M. Fraehn, *Recensio numorum muhammedorum*, Petropoli, 1826.

² Пахомов. Монеты, с. 250—274.

³ Капанадзе, с. 122—129.

⁴ Книга поступлений отдела нумизматики № 583 (см. № 539).

⁵ Диаметр монет в миллиметрах, вес в граммах.

⁶ Капанадзе, с. 123, табл. XII, 156.

⁷ Пахомов Е. А. Вес и достоинство медной монеты Тифлиса XVII—XVIII вв.— В кн.: Востокведение, т. 3. Баку, 1928, с. 108.

⁸ Капанадзе, с. 129.

⁹ Пахомов. Монетные клады, вып. 2, 1939, № 569; вып. 5, 1949, № 1490, 1491; вып. 9, 1966, № 2142.

¹⁰ То же, вып. 5, 1949, № 1491; вып. 6, 1949, № 1225—1227.

¹¹ То же, вып. 2, 1938, № 569; вып. 4, 1949, № 1228—1230; вып. 5, 1949, № 1490, 1491.

¹² То же, вып. 4, 1949, № 1231, 1232; вып. 8, 1959, № 2044.

¹³ То же, вып. 2, 1938, № 558; вып. 4, 1949, № 1233.

¹⁴ То же, вып. 1, 1926, № 230, 231; вып. 2, 1938, № 570—572; вып. 4, 1949, № 1234; вып. 5, 1949, № 1494; вып. 7, 1957, № 1861.

¹⁵ То же, вып. 1, 1926, № 230.

МЕДНЫЕ МОНЕТЫ ИРАНСКИХ ГОРОДОВ С НАДЧЕКАНЕННЫМ ДВУГЛАВЫМ ОРЛОМ

Среди медных монет, относящихся к автономному чекану иранских городов, встречаются экземпляры, имеющие надчеканку в виде двуглавого русского орла. Впервые на эти монеты обратил внимание А. К. Марков, который 5 ноября 1916 г. на заседании Нумизматического отделения Русского археологического общества сделал доклад о двух известных ему тогда экземплярах таких монет, принадлежавших Эрмитажу. Текст доклада не сохранился. Есть только протокол заседания с кратким изложением доклада, из которого видно, что А. К. Марков относит эти надчеканки ко времени персидского похода Петра I, к мероприятиям русских оккупационных властей по упорядочению денежного обращения в оккупированных областях Гилян и Мазендаран. Обе монеты¹, на которых сделаны надчеканки, А. К. Марков считал выпущенными в Исфахане, одну в 1131 г. х. (1718—1719 гг.), другую в 1138 г. х. (1725—1726 гг.) (табл. I, 7, 10). Позже в Эрмитаж поступил третий экземпляр монеты с надчеканкой (табл. I, 8), которую, по мнению А. К. Маркова, выпустили в Гандже².

В 1926 г. была напечатана статья Р. Р. Фасмера „Персидские монеты с надчеканкой Петра I“, продолжающая тему доклада А. К. Маркова³. К этому времени в собрании Эрмитажа насчитывалось уже 10 экземпляров монет с надчеканками (вместе с известными А. К. Маркову тремя экземплярами). Все 10 монет впервые были опубликованы Р. Р. Фасмером, в статье которого справедливо исправлялось определение монет, сделанное А. К. Марковым. Р. Р. Фасмер пишет: „На трех эрмитажных экземплярах Марков прочел следующее: на первой — Исфахан, 1138 г. х., на второй — Мазендаран⁴, 1131 г. х., на третьей — Ганджа. Первая из этих трех монет бесспорно относится к Исфахану, но года я на ней прочесть никак не могу... На второй я вижу цифры 113, но не вижу слова Мазендаран; на третьей, со стертым изображением, отнесенной Марковым к Гандже, сохранилась только одна буква, которую Марков, очевидно, принял за начальное س , но я должен сказать, что на всех известных медных монетах Ганджи начальное س имеет совершенно другой вид“⁵.

Кроме того, Р. Р. Фасмер вносит следующую поправку в рассуждения А. К. Маркова: русскими войсками фактически была оккупирована только провинция Гилян, в Мазендаране же русских войск не было.

Однако в главном — в предположении о причинах и времени появления надчеканок — Р. Р. Фасмер полностью согласен с А. К. Марковым.

К настоящему времени число известных нам медных монет иранских городов с надчеканенным двуглавым орлом возросло до 28 экземпляров: 24 экземпляра (включая 10 монет, опубликованных Р. Р. Фасмером) хранятся в Эрмитаже и по одному экземпляру — в ГИМ (Москва)⁶,

Табл. I

1-14 — монеты иранских городов с надчеканками

в Музее истории Армении⁷, в частной коллекции в Ленинграде, в отделе нумизматики Британского музея⁸.

Ниже мы даем описание всех 28 монет, включая 10 экземпляров, известных Р. Р. Фасмеру, поскольку в его статье нет описания каждой монеты (см. Приложение).

Из всех монет только одна, хранящаяся в Музее истории Армении, паспортизована: она найдена в 1936 г. в Армении, в с. Аспаран, у крепости Тртата (Тртатаберд).

Все монеты сильно потертые, некоторые имеют вид просто толстых медных кружков (табл. I, 1—3, 12; табл. II; 16, 19, 20, 22—24). Это затрудняет, а иногда делает невозможным определение монет.

Только одна монета (табл. I, 5) определяется полностью—Исфахан, 1128 г. х. (1715—1716 гг.).

Монеты 6, 7 (номера монет — по приложению и таблицам) чеканены в Исфахане, но годы их выпуска установить не удается.

Относительно монеты 9 Р. Р. Фасмер писал: «... я вижу буквы *وین* или *ویر*, что может быть значит *قزوین* (Казвин). Однако такого распределения букв, чтобы *ق* находилось внизу, а *وین* наверху, — я на известных казвинских монетах не находил...»⁹ Но такие монеты есть. В Эрмитаже их две — одна из собрания Азиатского музея, другая — из собрания Е. А. Пахомова (табл. III, 1, 2). Сопоставление их с указанной монетой 9 убеждает в том, что она казвинская. Более того, внимательное сличение остатков надписей на других экземплярах с этими казвинскими монетами позволяет отнести к чекану Казвина еще две монеты — 8, 15, а также предположить казвинский чекан для монет 13 и 14. Таким образом, те монеты, которые дают возможность определить город, чеканены в Исфахане или Казвине (8 экземпляров).

К сожалению, ни одна из 18 новых монет не дала нам даты, лишь на монете 11 видны цифры *۱۲* (12) и на монете 15 — цифра *۳* (3).

Несмотря на плохую сохранность большинства монет, на реверсе 19 экземпляров можно рассмотреть одинаковое изображение (лев, идущий вправо, за ним — восходящее солнце).

Надчеканка расположена на аверсе (сторона с надписью) на 6 экземплярах (6, 8, 13, 15, 22, 27), на реверсе (сторона со львом) — на 15 экземплярах (1, 4, 5, 7, 9—12, 14, 16—18, 21, 23, 28) и не ясно, на какой стороне (из-за очень плохой сохранности), — на 7 монетах (2, 3, 19, 20, 24—26). Надчеканки имеют диаметр 13—15 мм, за исключением меньшей по диаметру надчеканки на монете 6, равной 10 мм.

По типу двуглавый орел в надчеканках близок к орлу на полушках Петра I 1718—1722 гг. (табл. III, 4), однако в деталях разница между ними весьма существенна. Короны над головами орлов в надчеканках стилизованы, разнообразны, на некоторых экземплярах вместо трех коронок над головами орлов — только одна. Совершенно очевидно, что для надчеканок не использовались готовые штампы полушек, а были резаны специальные штампы.

Четыре экземпляра имеют вторую надчеканку — слово „рандж“. У монеты 22 эта надчеканка расположена на реверсе (орел на аверсе), у монет 23 и 28 — на аверсе (орел на реверсе) и у монеты 26 — на реверсе, поверх надчеканенного орла.

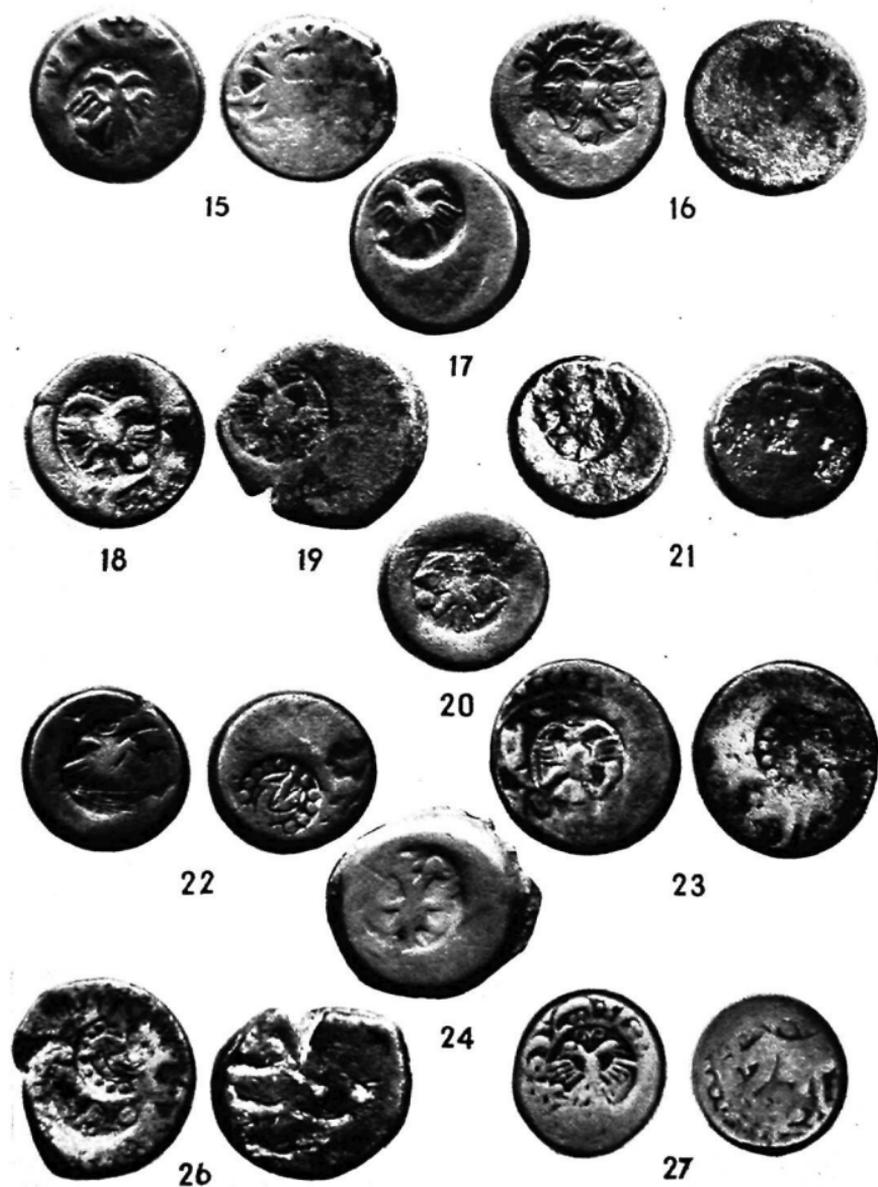

Табл. II
15—24, 26, 27 — монеты иранских городов с надчеканками

Вес монет колеблется от 16,75 г (№ 16) до 19,60 г (№ 10).

Итак, А. К. Марков и вслед за ним Р. Р. Фасмер датируют надчеканки временем персидского похода Петра I и относят их к мероприятиям русских оккупационных войск на территории персидских прикаспийских областей. Однако у А. К. Маркова не было документальных данных. Он опирался только на те скудные сведения, которые предоставили известные ему тогда две монеты, и исходил из анализа событий, относящихся ко времени, которым он датировал монеты.

По статье Р. Р. Фасмера видно, что он потратил много труда в поисках доказательств, подтверждающих мнение А. К. Маркова, просмотрел большое количество документов, литературы, но в результате был вынужден сказать: „Весьма странно, что нигде нет упоминаний о медных монетах с русской надчеканкой“¹⁰. Однако это не поколебало веры Р. Р. Фасмера в правоту А. К. Маркова. Суть предполагаемого решения вопроса о русских надчеканках он сформулировал следующим образом: „... в оккупированных персидских провинциях обычный порядок был таков, что поступающую на месте персидскую монету отсылали в Москву, там ее сплавляли и из полученного металла чеканили русскую монету. Как видно из указа № 5623 от 28 октября 1730 г. ... часто не дожидались переделки и посылали в Персию монету из наличного запаса. Очевидно, бывали случаи, когда такого наличного запаса русской монеты не было, так как иногда проходило 11 месяцев, прежде чем прибывали деньги в Персию. Долгорукий в конце 1726 года выдал даже жалованье солдатам персидской монетой. Весьма вероятно, что во избежание этой продолжительной процедуры иногда на месте же на персидскую монету в знак апробации русского правительства ставился штамп, благодаря которому персидская монета получала значение русской“¹¹. Отметим, что нам кажется несколько непонятным, почему, назвав статью „Персидские монеты с надчеканкой Петра I“, автор подкрепляет свое мнение фактами 1726 г. и документами 1730 г., — Петр I умер в январе 1725 г.

На первый взгляд, причины появления надчеканок, названные А. К. Марковым и Р. Р. Фасмером, кажутся возможными. Однако увеличение числа известных монет с надчеканками дает нам некоторые, пусть скудные, но новые сведения, в частности, о монетах, чеканенных в Казвине; позволяет заметить определенные закономерности, которые трудно объяснить с позиции А. К. Маркова и Р. Р. Фасмера, а также ставит ряд следующих дополнительных вопросов.

1. При первом же знакомстве с этой группой монет бросается в глаза, что все надчеканенные экземпляры либо сильно потерты, либо стерты до того, что имеют вид просто медных кружков, и установить, на какой стороне сделана надчеканка, невозможно. В то же время, надчеканки сохранились достаточно хорошо. На некоторых четко видны даже мелкие детали — перья в крыльях орлов, клювы и т. п. (например, на монете 4). Очевидно, до надчеканивания монеты находились в обращении несколько десятков лет. Однако вспомним, что А. К. Марков относил надчеканивание монет к 1723—1725 гг., датировал одну из них 1131 г. х. (1718—1719 гг.), а другую — 1138 г. х. (1725—1726 гг.), т. е. считал монеты и надчеканки почти или совершенно синхронными. Увидеть дату на монетах, о которых говорил А. К. Марков, очень трудно. Возможно, он датировал монеты по однотипным им городским монетам хорошей

Табл. III

1, 2 — монеты Казвина начала XVIII в.; 3 — русский пятак 1724 г.; 4 — русская полушка Петровского времени; 5 — грузинская монета 1789 г. с русским орлом; 6 — надчеканка „райдж“ на стертой мазендаранской монете

сохранности. Р. Р. Фасмер публикует монету (табл. I, 5), которая одна из всех дает город и дату — Исфахан, 1128 г. х. (1715—1716 гг.). Расхождение между выпуском монеты и надчеканкой всего 8—10 лет, что по разнице в сохранности монеты и надчеканки трудно представить и тем более объяснить.

2. Как уже отмечалось выше, все монеты, на которых можно различить изображение, имеют на реверсе один и тот же сюжет (лев, идущий вправо, за ним — восходящее солнце). Трудно считать это простой случайностью, особенно если вспомнить разнообразие реверсов на монетах иранских городов.

3. Русские войска оккупировали только провинцию Гилян. В этой провинции чеканили свои монеты города Решт и Лахиджан. Монеты со львом и солнцем точно такого типа для этих городов неизвестны.

4. Восемь монет дают возможность определить место чеканки — Исфахан и Казвин. Кроме этих городов, монеты с реверсом указанного типа чеканили в различные годы город Кашан и провинция Мазендаран. Однако Исфахан, Казвин и Кашан в оккупированную зону не входили. Не был фактически оккупирован и Мазендаран.

5. Вернемся к факту выплаты Долгоруким жалованья русским солдатам в конце 1726 г. персидской монетой. Если имеется возможность за отсутствием русских денег обойтись персидскими, зачем же вводить практику надчеканивания, чтобы „персидская монета получила значение русской?“ Ведь это требует определенных расходов — устройства мастерской, выделки штемпелей и т. д. С другой стороны, если надчекани-

вание монет на месте дает возможность обойтись без пересылки персидских монет в Москву и затем, после передела, — обратно, что также требует затраты больших средств и времени, почему же не сделать эту практику постоянной, а прибегать к ней только иногда? Далее, если надчеканки относятся ко времени Петра I (вспомним названия доклада А. К. Маркова и статьи Р. Р. Фасмера), то в 1726 г. надчеканивание монет для русской администрации оккупированной зоны должно было быть фактом известным и в определенных обстоятельствах практикуемым. Отчего же Долгорукий, не дождавшись в конце 1726 г. денег из Москвы, выдал жалование солдатам персидской монетой и сообщается об этом как о чрезвычайном происшествии?¹²

Можно предположить, что названия доклада и статьи следовало бы несколько изменить и говорить не о надчеканках Петра I, а о русских надчеканках, имея в виду мероприятия русских оккупационных властей после Петра I (русские войска ушли из прикаспийских областей только в 1732 г.). Это может объяснить отсутствие сведений о надчеканках в многочисленных и подробных документах и письмах Петра I, может объяснить приведенный эпизод с Долгоруким, относящийся к 1726 г. (надчеканок, предположим, еще не было), но ни в какой степени не объясняет всех остальных вопросов.

6. Ни один каталог персидских монет не имеет описания экземпляров с такой надчеканкой [кроме каталога монет Азиатского музея, изданного Х. Френом¹³, в котором он сообщает об одной монете с надчеканкой, хранящейся ныне в Эрмитаже (табл. I, 11)].

Х. Рабино, автор книги о монетах, медалях и печатях Ирана XVI—XX вв.¹⁴, исследовал собрания и каталоги всех крупнейших музеев мира, а также многие частные коллекции. В 1895 г. он собрал коллекцию и составил каталог персидских монет для Государственного банка Ирана. Однако о персидских медных монетах с надчеканенным орлом он знал лишь из написанной Р. Р. Фасмером статьи „Мазендарен“ в „Энциклопедии ислама“¹⁵.

Высказанные выше сомнения и отмеченные неясности наводят на мысль, что надчеканки не так уж безоговорочно можно отнести к мероприятиям русского правительства времени прикаспийского похода. Но как иначе можно объяснить причину и время появления этих надчеканок? Логично думать о государстве или территории, для которой была бы привычна персидская медь, с одной стороны, и существовала бы политическая и экономическая связь с Россией — с другой стороны. Этим условиям отвечает политическая и экономическая история Грузии конца XVIII в. Не могли ли надчеканки быть сделаны на территории Грузии? Это предположение опирается на несколько нумизматических и исторических фактов.

1. Начиная с середины XVI в. Грузия неоднократно подвергалась нашествиям персидских правителей. В 1614 г. шах Аббас I подчиняет Персии Восточную Грузию, включая Тифлис. Серебряная тифлисская монета начинает чеканиться по общеперсидскому типу. Медная монета в течение всего XVII в. чеканилась по образцу персидских городских монет, по той же весовой системе, отличаясь от них только названием монетного двора — „Тифлис“. Д. Г. Капанадзе пишет: «...выпуск медной монеты в Восточной Грузии возобновляется с самого начала XVII в. Но первоначально, на протяжении почти целого столетия, она выпускалась

анонимной — собственных имен на ней не проставлялось совершенно. На одной стороне персидская надпись сообщает о том, что „фулус чеканен в Тифлисе“ в том или ином году (по хиджре), а другая сторона уделяется какому-либо изображению... Этот же порядок существовал и в Иране; совершенно очевидно, что тбилисская медная монета XVII в. выпускалась по иранским образцам»¹⁶.

С начала XVIII в. на медной тифлисской монете, все еще чеканенной по образцу персидской, появляются грузинские буквы или надписи, обозначающие сокращенные или полные имена грузинских правителей и царей. В таком виде она чеканится практически вплоть до присоединения Грузии к России.

2. В 1783 г. между Ираклием II и Екатериной II был заключен Георгиевский трактат, по которому Грузия приняла протекторат России. С этого времени на медных грузинских монетах появляется эмблема России — двуглавый орел со скипетром и державой в лапах, но без короны над головами (табл. III, 5). На аверсе — имя Ираклия II по-грузински и обозначение монетного двора — по-персидски.

Монеты этого типа имеют двойное обозначение даты: по хиджре на аверсе и в европейском летосчислении — на реверсе (сторона с орлом) и известны для 1201, 1202 и 1203 годов хиджры, что соответствует 1787 и 1789 гг. и в единственном экземпляре для 1206 г. х. (1791 г.). Среди этих вариантов встречаются два с несоответствующими датами: 1201/1781 и 1202/1781. Последний отличается от всех других вариантов более тщательно исполненным изображением орла, но имеет некоторые искажения грузинских и персидских надписей.

В 1795 г. двуглавый орел заменяется одноглавым, а после присоединения в 1801 г. Грузии к России и открытия Тифлисского монетного двора начинается выпуск общеизвестной русско-грузинской монеты.

3. В XVII—XVIII вв., помимо собственной меди, чеканенной по образцу персидской, в Грузию заходили и занимали определенное место в денежном обращении собственно персидские городские монеты. В XVIII в. начинает появляться русская медь. „В XVII столетии, — пишет Е. А. Пахомов, — ... сильное развитие получает... персидская анонимная медь... Переходя к XVIII столетию, мы по-прежнему находим, чтоклады точно отражают исторические судьбы страны... Медь по-прежнему состоит из анонимных городских выпусков, а памятником русского владычества в прикаспийских областях являются находки русских медных монет начала XVIII века, среди которых наиболее часты полушки 1721 года и пятаки 1726—1730 гг.“¹⁷

В начале XIX в. соотношение количества обращавшихся в Грузию персидских и русских монет меняется. В это время „недостаток денежных знаков пополнялся, во-первых, запасом старо-чеканенной монеты, во-вторых, заходившими в Грузию деньгами Персии и закавказских ханств и, в-третьих, приливом русского чекана. Затруднения при перевозке больших сумм, а также ряд других соображений заставили русскую администрацию еще в 1802 г. поднять вопрос об открытии в Тифлисе монетного двора“¹⁸. И еще: „... в начале XIX в. ... персидская и турецкая монета постепенно, но очень медленно вытесняется русской, чеканки частью имперской, частью тифлисской“¹⁹.

4. В Грузии еще в XII в. известен обычай надчеканивания медных монет; в XIII в. этот обычай исчез, возродился в XVIII в. при Теймуразе II

и существовал, проявляясь в более широких масштабах, при Ираклии II, вплоть до конца XVIII в. При нем надчеканка имеет вид монограммы, более или менее сложной, составленной из букв имени царя. Эта надчеканка встречается не только на монетах самого Ираклия II, но во многих случаях на медных монетах, занесенных извне, в том числе и на фельсах Тебриза и Эривани XVIII в., сбитых персидских фельсах, а также русской денеге первой половины XVIII в. По словам Е. Н. Пахомова, эта надчеканка „очевидно... накладывалась на всевозможные монеты, приносимые на монетный двор, даже из древних, находимых в кладах, лишь бы они соответствовали своим размером грузинским деньгам конца XVIII столетия“²⁰.

5. В конце XVIII — начале XIX в. в Грузии ощущается нехватка медной монеты. Явление это хорошо известно исследователям грузинской нумизматики и отражено в документах, особенно в тех, которые касаются денежного обращения Грузии начала XIX в. Так, в предписании графа Мусина-Пушкина маркшейдеру Зайцеву и берг-пробиреру Карпинскому от 13 сентября 1804 г. относительно работы вновь открывающегося Тифлиского монетного двора среди прочих указаний значится: „А как в Высочайшем повелении о заведении здесь Монетного двора предполагается и битье медной монеты, которая тем более необходима, что нуждаются крайне здешние обыватели в оной при размене в торговых оборотах, то и предписываю вам и таковую монету... тиснить на здешнем Монетном дворе в свободное время от переделов серебряной монеты...“²¹

В другом документе — проекте Положения о грузинском горном производстве — в разделе о Монетном дворе читаем: „Учреждение в Грузии Монетного двора не было соединяемо с начальным предметом тамошней Горной экспедиции. Граф Мусин-Пушкин сделал о нем представление к генерал-прокурору 12 июля 1802 года, в котором писал, что по недостатку тамо в обращении медной монеты, курс червонцев упал с 3 руб. 50 коп. до 2 руб. 60 коп., отчего как войска, так и все получающие жалованье теряют на курс почти треть оного, и что отвратить сие зло можно устройением небольшого Монетного двора для битья мелкой монеты серебряной и медной...“²²

Сведения о недостатке медной монеты в разные годы содержатся и в других документах.

Вполне возможно, что сочетание перечисленных факторов — привычного и свободного обращения персидской меди, существования традиции надчеканивания монет, появления в 1783 г. на медной грузинской монете двуглавого орла, нехватки медной монеты в обращении — вызвало надчеканивание персидских фулусов двуглавым русским орлом как одну из мер, призванных в известной степени удовлетворить нужду в медной монете.

Предположив это, мы не можем внести уточнение, в какой именно период могли быть сделаны надчеканки — в годы протектората России над Грузией или уже после ее официального присоединения к Российской империи в 1801 г.

Однако при этом предположении легче объяснить некоторые вопросы, невольно возникающие, если относить появление надчеканок ко времени русского прикаспийского похода, и тем более — ко времени Петра I:

1. Разница в сохранности монет и надчеканок столь велика, потому что сами фулусы относятся к началу (или середине) XVIII в., а надчеканки к концу XVIII в. или даже началу XIX в.

2. Как уже отмечалось, все монеты, на которых сделаны надчеканки, либо совершенно стерты, либо дают возможность рассмотреть на реверсе изображение льва и солнца. Надчеканки в большинстве случаев расположены именно на реверсе. Если надчеканивание стертых монетных кружков давало возможность вернуть кружки в обращение как монету, то надчеканивание монет со львом и солнцем имело, вероятно, и политический смысл. Лев с восходящим за его спиной солнцем традиционно воспринимался как символ персидского государства²³. Можно предположить, что надчеканивание русского орла на монетах с этим сюжетом было своего рода „погашением“ персидской государственности.

3. Все монеты, поддающиеся определению, чеканены на монетных дворах Исфохана и Казвина. Но фулусы этих крупных торговых городов в большом количестве обращались на территории Грузии и очень часты в находках. Лев и солнце встречаются на реверсе монет этих городов в различные годы. Во вступительной статье к первому выпуску „Монетных кладов Азербайджана“ Е. А. Пахомов пишет о находках монет в Восточном Закавказье в XVIII в.: „Среди персидских монет попадаются толстые (до 5 миллим. толщиной) монеты Исфагана и Казвина начала XVIII в., снабженные надчеканкой с изображением русского двуглавого орла. По мнению А. К. Маркова, это результат попытки русских властей в Гиляне пустить в обращение персидскую медь в качестве русской монеты. Архивных материалов по этому вопросу мне неизвестно“²⁴.

Из приведенного отрывка видно, что к предположению А. К. Маркова Е. А. Пахомов относится с некоторым сомнением. Первый выпуск „Монетных кладов Азербайджана“ вышел из печати в 1926 г. — в тот же год, когда появилась статья Р. Р. Фасмера с опубликованием 10 зрительных монет, из которых ни одна не имеет паспорта. Все 5 фулусов с надчеканкой, хранившиеся в собственном собрании Е. А. Пахомова и перешедшие позже в Эрмитаж, стерты и не дают возможности прочесть название монетного двора. Судя по всему, Е. А. Пахомов говорит о других известных ему экземплярах монет с интересующей нас надчеканкой, находку которых он относит к территории Восточного Закавказья.

На четырех монетах имеется вторая надчеканка — слово „раидж“ („имеющая хождение“). В трех случаях она сделана на стороне, противоположной надчеканке с орлом. Мы могли бы сказать, что не знаем, какая надчеканка старше — орел или „раидж“, если бы не имели четвертого экземпляра, где надчеканка „раидж“ расположена поверх орла, т. е. сделана позже.

Надчеканки „раидж“, известные для Ирана, никогда не были предметом специального исследования и не могут дать сведений о точном времени, месте и причине (цели) их появления. В собрании Эрмитажа среди медных иранских монет с надчеканкой „раидж“ есть потерянная мазендаранская монета (табл. III, 6), на которой надчеканка по почерку, размеру и ободку вокруг нее сходна с такой же надчеканкой на монете 26 (см. Приложение).

Если принять наше предположение о появлении в Грузии монет с надчеканенным орлом, надчеканку „раидж“ на них можно объяснить

тем, что вернувшимся на территорию Ирана монетам с орлом второй надчеканкой — „раидж“ — возвращалось значение персидской монеты.

История иранских городов — область, мало изученная. Специальных научных исследований, посвященных ей и тем более автономному чекану персидских городов — важному аспекту их экономической жизни, не существует. „К сожалению, — пишет Е. А. Пахомов, — нумизматика городской персидской монеты еще совершенно не разработана, и этим объясняется вероятное число ошибок даже самых надежных в других отношениях каталогов“²⁵.

Еще менее освещен вопрос о надчеканках как на иранских, так и на грузинских монетах.

Высказанное нами предположение о возможности надчеканивания иранских городских монет двуглавым русским орлом в Грузии в конце XVIII — начале XIX в. не является безапелляционным. Предположение это опирается на тот документальный и нумизматический материал, который накоплен к сегодняшнему дню. Появление новых документов или монет может либо подтвердить наше мнение, либо опровергнуть его, подтвердив точку зрения А. К. Маркова и Р. Р. Фасмера, либо дать какой-то третий и, может быть, окончательный вариант решения вопроса.

¹ Происхождение монет и номера поступления неизвестны.

² Происхождение монеты, время и номер поступления неизвестны.

³ Фасмер, с. 119—132.

⁴ В отчете о докладе А. К. Маркова говорится, что, по мнению Маркова, обе монеты чеканены в Исфахане. Вероятно, позже Марков изменил точку зрения и считал одну из этих монет чеканенной в Мазендаране.

⁵ Фасмер, с. 130—131.

⁶ Слепок с этой монеты любезно прислала нам заведующая отделом нумизматики ГИМ С. А. Янина.

⁷ Фотографию монеты и все сведения о ней с готовностью предоставил нам заведующий отделом нумизматики Музея истории Армении Х. А. Мушегян.

⁸ Мы признательны хранителю отдела нумизматики Британского музея Н. Ловику за сведения об этой монете.

⁹ Фасмер, с. 131.

¹⁰ Там же, с. 130.

¹¹ Там же.

¹² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1963, т. 19, с. 16.

¹³ *Ch. M. Fraehnii Numi muhammedani, qui in Academiae Imperialis Scientiarum Petropolitanae Museo Asiatico asservantur*, Petropoli, 1826, sectio 3, p. 509.

¹⁴ H. L. Rabino di Borgomale, *Coins, Medals and Seals of the Shāhs of Iran. 1500—1941*, Herford, 1945, p. 108.

¹⁵ H. L. Rabino di Borgomale, *Album of Coins, Medals and Seals of the Shāhs of Iran (1500—1948)*, Oxford, 1951, p. 34.

¹⁶ Капанадзе, с. 122.

¹⁷ Пахомов. Монетные клады, 1926, вып. 1, с. 32—33.

¹⁸ Пахомов. Монеты, с. 271.

¹⁹ Пахомов. Монетные клады, вып. 1, с. 34.

²⁰ Капанадзе, с. 127; Пахомов. Монеты, с. 270.

²¹ Георгий Михайлович, вел. кн. Русские монеты, чеканенные для Грузии. 1804—1833. Спб., 1893, с. 8.

²² Там же, с. 15.

²³ Лев и солнце являлись официальными знаками персидского государства, начиная со времени сефевидов. См., например, Найяр Нури, Х. Шир ва хуршид ва парчам-и Иран. — Нашри-йи визарат-и умур-и хариджи. Доур-йи 2, № 2. Тегран, 1335 с. х. (1957 г.), с. 40—42 (на персидском яз.).

²⁴ Пахомов. Монетные клады, вып. 1, с. 33.

²⁵ Пахомов. Монеты, с. 226.

№ п. п.	Определение	Аверс	Реверс	На какой стороне надчеканка	Вес монеты	Диаметр монеты
1	—	Стерт полностью	Лев, идущий вправо, за ним—восходящее солнце	На реверсе	16,92	18
2	—	То же	Стерт полностью	?	17,10	17
3	—	"	То же	?	17,08	20
4	—	Стерт	Лев, идущий вправо	На реверсе	17,35	21
5	Исфахан, 1128 г. х.= 1715/1716 г.	Стерт, однако дает возможность определить место и год чеканки	Лев, идущий вправо	На реверсе	17,96	19
6	Исфахан, год не виден	Остатки надписи	То же	На аверсе	17,96	22
7	Исфахан, 1120 г. х.= 1708/1709 г.?	Остатки надписи	"	На реверсе	18,12	20
8	Казвин?	То же	Стерт полностью	На аверсе	18,32	18
9	Казвин	"	Лев, идущий вправо: за ним восходящее солнце	На реверсе	18,50	19
10	—	Остатки надписи, не дающие возможности определить город. От даты сохранилась цифра (3)	Лев, идущий вправо; за ним восходящее солнце	На реверсе	19,60	19
11	—	Остатки надписи цифра 12 (?)	То же	Там же	17,98	19
12	—	Полностью стерт	"	"	18,13	24

Диаметр надчеканки	Где издана	Место хранения	Происхождение	Примечание
15	Ф а с м е р	Отделение русских монет ОНГЭ, инв. № 1293	Из коллекции Н. П. Лихачева	Надчеканка очень хорошей сохранности
14	Там же	Там же, инв. № 1292	Из коллекции А. А. Ильина	Надчеканка грубой работы
15		Отделение восточных монет ОНГЭ	Поступление времени А. К. Маркова, номер поступления неизвестен	
14	.	Отделение русских монет ОНГЭ, инв. № 1291	Из собрания И. И. Толстого	Надчеканка с четко проработанными деталями, прекрасной сохранности
13	Ф а с м е р	Там же, инв. № 1294	Из собрания Н. Г. Строганова	
10	Там же	Там же, инв. № 1290	Из собрания И. И. Толстого	Надчеканка меньшего диаметра, чем остальные
12	.	Там же, инв. № 1286	Поступление времени А. К. Маркова, номер поступления неизвестен	В надчеканке держава у орла в правой лапе, скипетр—в левой
14	.	Там же, инв. № 1287	Неизвестно	Монета была известна А. К. Маркову, определившему ее как чеканенную в Гандже
14	.	Там же, инв. № 1289	Из собрания И. И. Толстого	
12	Ф а с м е р	Там же, инв. № 1288	Неизвестно	
12	Ф р е и (см. примечание 13)	Отделение восточных монет ОНГЭ	Бывшее собрание Азиатского музея	
14	Не издана	Там же	То же	На аверсе следы двух ударов

№ п. п.	Определение	Аверс	Реверс	На какой стороне надчеканка	Вес монеты	Диаметр монеты
13	—	Остатки надписи	Лев, идущий вправо; за ним восходящее солнце	На аверсе	18,34	20
14	Казвин?	То же	То же	На реверсе	18,46	19
15	Казвин, 1131 или 1138 г. х.	"	"	На аверсе	18,65	19
16	—	Стерт	"	На реверсе	16,75	20
17	—	То же	Лев?	Там же	18,54	20
18	—	Стерт	Лев, идущий вправо; за ним восходящее солнце	На реверсе	17,60	20
19	—	Стерт полностью	Стерт полностью	На реверсе?	16,96	22
20	—	То же	То же	?	17,32	17
21	—	Неясные остатки надписи	"	На реверсе	18,06	17
22	—	Стерт	Лев, идущий вправо; за ним—солнце	На аверсе	18,19	17
23	—	То же	То же	На реверсе	18,39	21
24	—	"	Стерт	?	18,50	20
25	—	Стерт	Стерт	?	17,40	21
26	—	"	"	На реверсе?	17,50	22
27	—	Неясные остатки надписи	Лев, идущий вправо	На аверсе	18,21	24
28	—	?	То же	На реверсе	—	—

Медные монеты иранских городов с надчеканенным двуглавым орлом

Диаметр надчеканки	Где издана	Место хранения	Происхождение	Примечание
14	Не издана	Отделение восточных монет ОНГЭ	Бывшее собрание Азиатского музея	
14	"	"	То же	
14	"	"	"	
15	"	"	"	
13	"	"	Номер поступления неизвестен	Скипетр в левой лапе орла, держава— в правой
14	Не издана	Отделение русских монет ОНГЭ, Кп 583 № 838	Дар В. Г. Гаршина 1949 г.	
12	То же	Отделение восточных монет ОНГЭ	Бывшее собрание Е. Г. Пахомова	
12	"	Там же	То же	Скипетр в левой лапе орла, держава— в правой
15	"	"	"	
	"	"	"	На реверсе—вторая надчеканка „раидж“ в ободке из 15 точек
	"	"	"	На аверсе вторая надчеканка „раидж“
14	"	ГИМ, отдел нумизматики		
14	Не издана	Музей истории Армении, отдел нумизматики, инв. № 13594/5	Найдена в 1936 г. в Армении, в с. Аспаран, у крепости Тртата (Тртатаберд)	
14	То же	Отделение русских монет ОНГЭ, инв. Кп 583 № 1600	Дар А. Н. Белова, 1966 г.	Поверх надчеканки орла вторая надчеканка „раидж“
14	"	Частная коллекция в Ленинграде		
—	"	Британский музей, отдел нумизматики, номер неизвестен		На аверсе—надчеканка „раидж“

ПОЛЬСКИЕ МОНЕТЫ ИЗ КЛАДОВ НА ТЕРРИТОРИИ СССР И ПОЛЬШИ В СОБРАНИИ ЭРМИТАЖА

Среди многочисленных великолепных коллекций западноевропейских монет отдела нумизматики польская коллекция, насчитывающая более 40 000 монет, представляет большой интерес.

Она выделяется по своему количеству, качеству, и многие монеты ее, впрочем, как и монеты других коллекций, происходят из кладов. Достаточно назвать древнейшую монету Мешко I и денарий Болеслава Храброго с русской легендой, редкие дукаты, золотые донативы, неаполитанские талеры с контрамаркой Сигизмунда Августа и т. д.

Из 40 000 польских монет, не считая монет, хранящихся в кладовых комплексах, 5000 монет наиболее рано влились в собрание и являются основой польской коллекции. Конечно, не только из кладов происходят польские монеты Эрмитажа, значительная часть их находилась в старых собраниях (например, в коллекции Я. Я. Рейхеля, в собрании Строгановых, в коллекции ленинградского нумизмата Йозефа). Целый ряд польских монет был куплен у различных нумизматических фирм. Известно, что в 1911 г. у нумизматической фирмы „Адолф Хесс“ были куплены дукат и 5 дукатов Владислава IV, 29 экземпляров дукатов Яна Казимира и монеты в 5, 3 дуката, 3 талера, 6 грошей Сигизмунда III и т. д. Возможно, большинство из 40 000 польских монет тоже происходят из кладов. Такие клады многочисленны на территории СССР, особенно на Украине и в Белоруссии. Основная группа монет, состоящая из 5000 экземпляров и занесенная в рукописные каталоги, представляет наибольшую возможность для уточнения их происхождения. В настоящей статье мы попытаемся подкрепить тезис о кладовом происхождении большинства монет польской коллекции и в ряде случаев конкретно указать, из каких находок происходят монеты. Такая работа облегчит в дальнейшем проведение самых различных исследований по истории польского монетного дела и денежного обращения как на территории Польши, так и на территории СССР, а также по истории эрмитажного собрания. То, что мы остановились на основной группе польских монет, поступивших в Эрмитаж еще до Великой Отечественной войны, не случайно. За последние десятилетия получили развитие методы нумизматического исследования, изменилось отношение ккладам, и если в XIX в. и в начале нашего столетия монеты из кладов рассредоточивались по собраниям, часто депаспортизируясь, то в последние десятилетия монетные клады не сливаются с собранием и сохраняются в Эрмитаже как единые неделимые комплексы. К сожалению, значительная часть польской коллекции пришла в Эрмитаж после 1917 г. из ряда собраний без документации, раскрывающей происхождение экспонатов. Наша задача заключалась в установлении происхождения возможно большего числа монет основной группы польской коллекции путем сличения данных о монетах со све-

денями архивных источников, находящихся в отделе нумизматики и центральном архиве Эрмитажа, а также материалами Археологической комиссии, хранящимися в Ленинградском отделении Института археологии Академии наук СССР.

Кроме того, мы пользовались как советскими, так и иностранными публикациями польских кладов.

Рассмотрим польские монеты основного собрания в хронологическом порядке. Наиболее ранняя известная нам монета — денарий Болеслава Храброго (992—1025) со славянской надписью¹ (инв. № 58370) — происходит из клада первой четверти XI в. в Великой Польше („Познань“)². Точное место находки неизвестно.

В собрании находятся 2 гроша (инв. № 58727, 58728) Казимира Великого (1333—1370), которые достаточно редки; один из них происходит из клада Мокра Лева³. Клад датируется временем после 1619 г. и обнаружен в повете Скирневице (воеводство Лодзь).

Из 10 квартиков Казимира Великого (инв. № 58729—58738) 5 — из этого клада. Правда, трудно выделить, какие именно экземпляры принадлежат данному кладу.

Можно предположить, что все 14 денариев Владислава Ягелло (1386—1434) эрмитажного собрания (инв. № 58850—58853, 58867—58876) происходят из клада Гостынин⁴, датируемого временем после 1414 г. и найденного в повете и всеводстве Варшавском.

В польской коллекции имеется 14 полугрошей Казимира Ягеллончика (1447—1492). Возможно, один из них (инв. № 58836) происходит из клада Свендув⁵ (повет Бжезины, воеводство Лодзь), датируемого временем после 1609 г.

Трудно сказать, какой экземпляр из 9 полугрошей Яна Ольбрехта (1492—1501) (инв. № 58858—58866) происходит из клада Лубнице⁶ (повет Вершув, воеводство Лодзь), датируемого временем после 1751 г.

Гроши Сигизмунда I (1506—1548) 1545 г. (1 экземпляр среди инв. № 58960—58963), 1546 г. (2 экземпляра, инв. № 58966—58978), 1547 г. (2 экземпляра, инв. № 58979—58981), полгроша 1507 г. (инв. № 58910—58913), 1508 г. (инв. № 58914, 58915), 1510 г. (инв. № 58923, 58924) происходят из клада Мокра Лева⁷, а полгроша 1507 г. (инв. № 58910—58913), 1508 г. (инв. № 58914, 58915), 1509 г. (2 экземпляра, инв. № 58916—58922) — из клада Лубнице⁸. Из книги поступлений 44/192 известно, что Эрмитажем было куплено 2 полугроша Сигизмунда I (год неизвестен) из клада Черниговской губернии (Суражский уезд, дер. Болсуново)⁹.

Весьма редкие 10 дукатов 1580 г. Стефана Батория (1576—1586), (А-3 63/Д*, № 638) поступили из клада Киево-Печерской лавры¹⁰.

Замечательный клад Киево-Печерской лавры, обнаруженный в 1898 г. на хорах Успенской церкви и состоящий из 6190 золотых и 9889 серебряных монет весом 1 пуд 26 фунтов и 50 золотников золота и 16 с лишним пудов серебра, был приобретен Эрмитажем в 1899 г. Собрание пополнилось уникальными монетами.

Необходимо отметить, что 6 трехгрошевики Стефана Батория неизвестных годов поступили из клада Могилевской губернии (Горицкий уезд, хутор Федоровка)¹¹, а 3 гроша 1582—1584 гг. (инв. № 59619—

* А-3 63/Д — инвентарная книга драгоценных металлов.

59625, 59629—59633, 59639—59644), 1586 г. (инв. № 59667—59678) — из клада Свендув¹². Солиды Стефана Батория 1583 г. (инв. № 59634—59638), 1585 г. (инв. № 59658—59661), 1586 г. (инв. № 59679—59683) поступили в собрание из клада Мокра Лева¹³. Солид Стефана Батория неизвестного года происходит из клада Лифляндской губернии (Феллинский уезд, усадьба Пебо)¹⁴.

Из представляющего значительный интерес клада Киево-Печерской лавры происходят и 90 дукатов (донатив) 1621 г. Сигизмунда III (1587—1632) (А-3 63/Д, № 656), 40 дукатов 1617 г. (А-3 63/Д, № 27), 10 дукатов 1612 г. (А-3 63/Д, № 648), 10 дукатов 1616 г. (А-3 63/Д, № 652), 10 дукатов 1617 г. (А-3 63/Д, № 661), 5 дукатов 1611 г. (А-3 63/Д, № 647), дукат 1592 г. (А-3 63/Д, № 41)¹⁵.

Дукат 1628 г. (А-3 63/Д, № 658) поступил из клада Ломжинской губернии (посад Новоград)¹⁶, талеры 1627 г. — 4 экземпляра (инв. № 61531—61540), 1628 г. — 2 экземпляра (инв. № 61576—61592), 1630 г. — 4 экземпляра (инв. № 61610—61629), 1631 г. — 2 экземпляра (инв. № 61632—61644) — из клада Киево-Печерской лавры¹⁷, талер 1632 г. (инв. № 61646—61649) — из клада Волынской губернии (Владими́ро-Волынский уезд, дер. Порванче)¹⁸. Трехгрошевики 1591 г. — 1 экземпляр (инв. № 59820—59840), 1593 г. — 2 экземпляра (инв. № 59889—59910), 1594 г. — 1 экземпляр (инв. № 59916—59942), 1596 г. — 2 экземпляра (инв. № 60065—60115), 1597 г. — 6 экземпляров (инв. № 60150—60249), 1598 г. — 6 экземпляров (инв. № 60258—60334), 1599 г. — 3 экземпляра (инв. № 60344—60403) — из клада Мокра Лева¹⁹. Три гроша 1588—1605 гг. (инв. № 59775—60543), количество экземпляров неизвестно, поступили из клада Свендув²⁰. Шесть трехгрошевиков Сигизмунда III неизвестного года — из клада Киевской губернии (Каневский уезд, с. Яблоново, имение Янковского)²¹ и 96 трехгрошевиков его же, неизвестных годов выпуска, — из клада Могилевской губернии (Горицкий уезд, хутор Федоровка)²². Также неизвестны годы выпуска четырех ортов Сигизмунда III, поступивших в собрание из клада Могилевской губернии (Мстиславский уезд, дер. Будогощи)²³. Среди многочисленных полтораков Сигизмунда III в эрмитажном собрании полтораки 1618 г. (инв. № 60942—60970) и 1622 г. (инв. № 61152—61179) происходят из клада Мокра Лева²⁴.

Полтораки 1622 г. (инв. № 61152—61179), 1623 г. (инв. № 61282—61321), 1625 г. (инв. № 61438—61458) — из находки в местечке Завада²⁵ в повете Ченстохов воеводства Катовицкого. Этот клад датируется временем после 1757 г.

Два полторака Сигизмунда III неизвестных годов — из клада Харьковской губернии (Змиевский уезд, с. Каменная Яруга)²⁶.

Гроши Сигизмунда III 1605 г. — 1 экземпляр + x (неизвестное количество) (инв. № 60544—60552), 1606 г. — 2 экземпляра + x (инв. № 60557—60591), 1614 г. (инв. № 60817—60829), 1615 г. (инв. № 60836—60864) — происходят из клада Мокра Лева²⁷. Гроши 1606 г. (инв. № 60557—60591), 1608 г. (инв. № 60632—60679), 1609—1629 гг. (инв. № 60680—60693, 60695—60701, 60704—60718, 60719—60737, 60738—60769, 60817—60829, 60862—60864, 60906, 61100, 61322—61329, 61406—61415, 61459, 61460) — из клада Свендув²⁸.

18 грошей 1622 г. (инв. № 61152—61179) поступили из клада Волынской губернии (Ровенский уезд, с. Деревянное)²⁹.

Также не известно, какого года грош Сигизмунда III, который поступил из клада Виленской губернии (Лидский уезд, г. Ошмяны)³⁰.

Считаем необходимым отметить и те монеты из эрмитажного собрания, количество и годы которых невозможно установить, но известен правитель. Два гроша Сигизмунда III поступили из клада Черниговской губернии (Суражский уезд, дер. Болсуны)³¹. Двадцать солидов Сигизмунда III — из клада Лифляндской губернии (Феллинский уезд, усадьба Пебо)³² и солид — из клада Бокснице (повет Опатув, воеводство Келецкое)³³, датируемого временем после 1703 г.

Довольно редкие монеты Владислава IV (1633—1648) также попали в эрмитажное собрание из богатейшего клада Киево-Печерской лавры³⁴, о котором мы упоминали выше. Это — 5 дукатов 1647 г. (А-3 63/Д, № 670), дукат 1641 г. (А-3 63/Д, № 667) — 1 экземпляр, дукат 1647 г. — 2 экземпляра (А-3 63/Д, № 671), талер 1633 г. — 1 экземпляр (инв. № 61959—61965), 1634 г. — 1 экземпляр (инв. № 61966—61974), 1635 г. — 2 экземпляра (инв. № 61976—61982), 1640 г. — 1 экземпляр (инв. № 61993).

Довольно большое количество монет Яна Казимира (1649—1668) также поступило в собрание из Киево-Печерской лавры³⁵. В их числе 10 дукатов 1661 г. — 1 экземпляр (А-3 63/Д, № 701), 2 дуката 1655 г. — 3 экземпляра (А-3 63/Д, № 683, 684, 685), 1657 г. — 1 экземпляр (А-3 63/Д, № 689), 1658 г. — 2 экземпляра (А-3 63/Д, № 691), 1659 г. — 1 экземпляр (А-3 63/Д, № 694), 1660 г. — 1 экземпляр (А-3 63/Д, № 689—700), 1664 г. — 2 экземпляра (А-3 63/Д, № 708, 709), 1668 г. — 1 экземпляр (А-3 63/Д, № 713), дукат 1651 г. — 1 экземпляр (А-3 63/Д, № 675), 1653 г. — 1 экземпляр (А-3 63/Д, № 680), 1654 г. — 2 экземпляра (А-3 63/Д, № 681, 682), 1655 г. — 2 экземпляра (А-3 63/Д, № 686, 687), 1661 г. — 1 экземпляр (А-3 63/Д, № 704). Из клада Ломжинской губернии (посад Новоград³⁶; клад датируется временем после 1699 г.) происходят серебряные монеты Яна Казимира: 30 грошей 1663—1666 гг. (инв. № 62340—62356, 62378—62390, 62413—62433, 62447—62455) и орты 1650 г. — 1 экземпляр (инв. № 62037—62046), 1653 г. — 1 экземпляр (инв. № 62121—62127), 1656—1659 гг. (инв. № 62147—62155, 62157—62166, 62172—62188, 62191—62199) и орты 1663—1668 гг. (инв. № 62357—62362, 62392—62397, 62475—62479, 62501—62521). Известно, что из многочисленных монет клада, найденного в Шимановице (повет Лович, воеводство Лодзь³⁷; клад датируется временем после 1710 г.), 18 монет приобрел Эрмитаж. В кладах находились: 30 грошей 1663—1666 гг., орты 1658 г., 1667 г., 1668 г. (инв. № 62172—62188, 62475—62479, 62522, 62523) и шестигрошевики 1661—1667 гг. (инв. № 62241—62270, 62287—62319, 62363—62372, 62398—62408, 62434—62442, 62457—62470, 62480—62500).

Пятнадцать шестигрошевиков и грош Яна Казимира, неизвестных годов выпуска, происходящие из клада Волинской губернии (Владими́ро-Волинский уезд, дер. Залужье)³⁸, дополнили собрание польских монет в 1907 г. Солиды 1659 г. (инв. № 62209), 1660 г. (инв. № 62233—62240) поступили из клада Стара Весь³⁹. Клад датируется временем после 1666 г. и найден в повете Люблин воеводства Люблинского. Солиды 1664 г. (инв. № 62373—62376) происходят из клада Завада⁴⁰. Солиды Яна Казимира (годы выпуска и количество неизвестны) поступили из клада Букова Гура (повет Шидловец, воеводство Келецкое)⁴¹. Дата

зарытия клада неизвестна. Среди многочисленных монет Яна III Собеского (1674—1696) в собрании Эрмитажа имеются орты 1674 г. — 4 экземпляра (инв. № 62625—62633), 6 грошей 1678—1684 гг. — 59 экземпляров (инв. № 62642—62645, 62648—62653, 62655—62663, 62665—62675, 62676—62688, 62689—62698, 62704—62710; происходят из клада Шимановице в повете Лович воеводства Лодзь⁴²; клад датируется временем после 1710 г.). Гроши Августа III (1733—1763) 1754—1755 гг. (инв. № 62871—62885, 62938—62958) и солиды 1751—1754 гг. (инв. № 62732—62735, 62739—62744, 62792—62797, 62886, 62889) — всего 37 монет — приобрел Эрмитаж из клада Завада⁴³.

Известно, что талер 1772 г. (инв. № 63158, 63159) Станислава Августа (1764—1795) происходит из клада Волинской губернии (Кременецкий уезд, предместье г. Кременца — Бановка)⁴⁴. Грош 1767 г. — 1 экземпляр (инв. № 63081—63089) — из клада Модлин (повет Новый Двор, воеводство Варшавское), датируемого временем после 1785 г.⁴⁵.

В ряде случаев нам не удалось до конца выяснить, какие именно польские монеты, каких лет и правителей поступили в Эрмитаж. Например, известно, что 20 монет XVI—XVII вв. поступили из клада Минской губернии (Минский уезд, дер. Сухарево)⁴⁶. Двадцать пять польских монет приобрел Эрмитаж из клада Волинской губернии (Ковельский уезд, с. Нужель)⁴⁷. Монета XVII в. приобретена из клада Волинской губернии (Дубенской уезд, дер. Зарудье)⁴⁸; 250 монет польских и немецких городов поступили в собрание из клада Киевской губернии (Киевский уезд, с. Новые Безредичи)⁴⁹; 27 польских, литовских и других монет XVII в. — из клада Киевской губернии (Таращинский уезд, с. Великая Березянка)⁵⁰. Эрмитаж приобрел 37 экземпляров из клада Петраковской губернии (пост пограничной стражи „Завада“⁵¹), куда входили: 2 золотые, 144 серебряные и 53 медные монеты (польские, шведские, австрийские и др.). Из 2608 русских, польских и других монет XVI—XVII вв. клада Подольской губернии (Брацлавский уезд, с. Бондуровка)⁵² 81 экземпляр поступил в Эрмитаж. Из 1362 серебряных польских, шведских и других монет XVI в. клада Лифляндской губернии (Венденский уезд, усадьба Элиши)⁵³ 102 экземпляра приобрел Эрмитаж. Из 1022 серебряных русских, шведских, польских и балтийских монет XVI в. клада Лифляндской губернии (Феллинский уезд, усадьба Нягоци)⁵⁴ 38 экземпляров поступили в Эрмитаж. Из 1520 серебряных польских и других монет клада Бессарабской губернии (Оргеевский уезд, с. Кокорозены)⁵⁵ 230 экземпляров приобрел Эрмитаж. Из 112 ортов и шестигрошевигов клада Волинской губернии (Староконстантиновский уезд, с. Волиця Вонсовича)⁵⁶ 17 влились в эрмитажное собрание. Из клада XVII в. Люблинской губернии (Люблинский уезд, дер. Абрамово)⁵⁷ 10 экземпляров — в Эрмитаже. Из 42 серебряных польских и других монет XVI—XVII вв. клада Волинской губернии (Кременецкий уезд, с. Влащинцы)⁵⁸ 11 экземпляров поступили в Эрмитаж. Из 200 серебряных монет, польских, прусских и других XVII в. клада Волинской губернии (Дубенской уезд, с. Шепетино)⁵⁹ 54 экземпляра приобрел Эрмитаж. Из польских и других монет второй половины XVI — первой четверти XVII в. из клада Курляндской губернии (Газенпотский уезд, имение Альшванген)⁶⁰ 33 экземпляра были переданы в Эрмитаж.

В собрании ОНГЭ находится более десятка кладов, в состав которых входят польские монеты. Эти клады насчитывают около 20 000 монет,

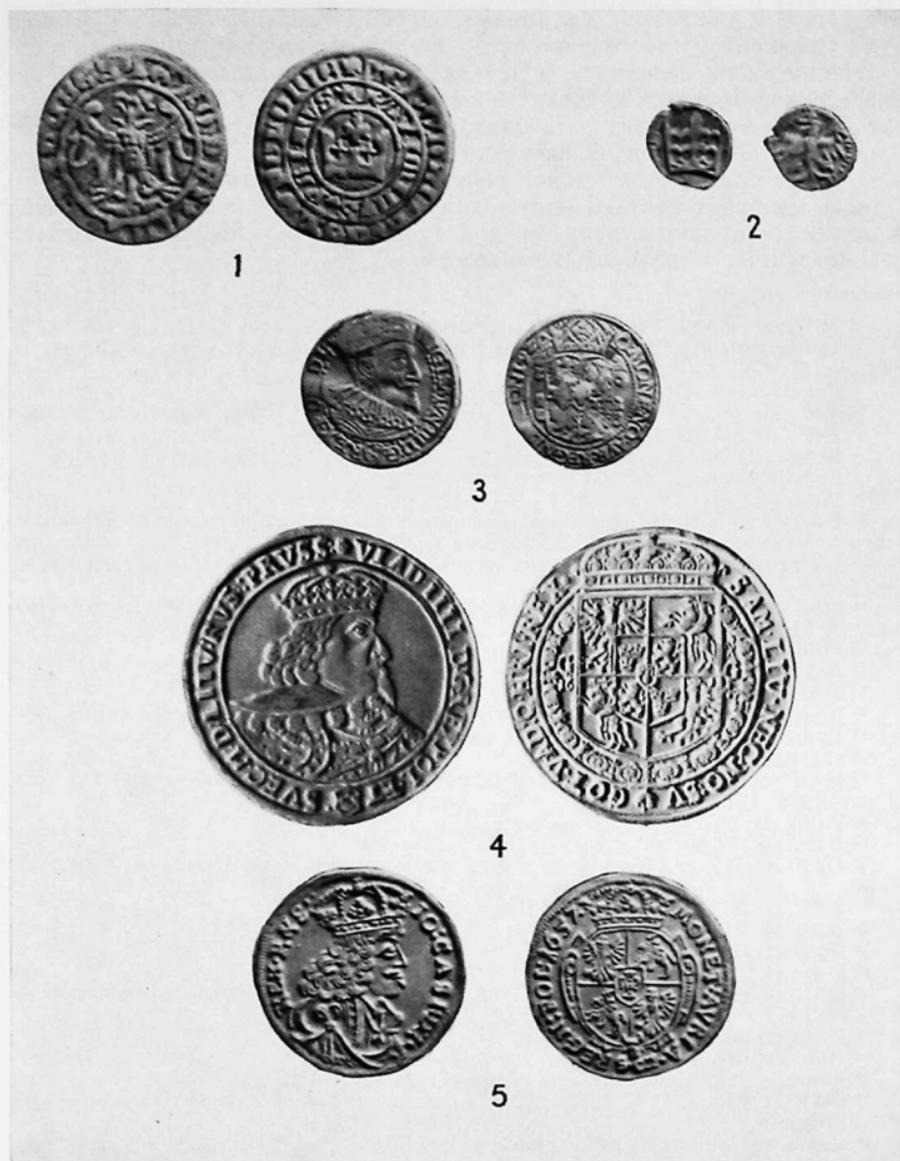

Табл. I. Кладовые монеты эрмитажного собрания:

1 — грош Казимира Великого (1333—1370). Из клада Мокра Лева; 2 — денарий Владислава Ягелло (1386—1434). Из клада Гостынин; 3 — дукат 1592 г. Сигизмунда III (1587—1632). Из клада Киево-Печерской лавры; 4 — талер 1640 г. Владислава IV (1633—1648). Из клада Киево-Печерской лавры; 5 — два дуката 1657 г. Яна Казимира (1649—1668). Из клада Киево-Печерской лавры

относящихся к различным периодам денежного обращения на территории Речи Посполитой (постепенно автор данной статьи их публикует).

Несмотря на неполноту, а нередко неточность записей кладов в архивных документах и в книгах поступлений ОНГЭ, все же можно сказать, что значительная часть находящихся в польском собрании монет происходит из кладов. В настоящее время установить происхождение всех монет польского собрания невозможно. Это наша первая попытка. Однако мы будем считать нашу задачу выполненной, если данная статья послужит отправным пунктом для больших исследований в области реконструкции разрозненных ранее кладов.

- 1 М. Gumowski, *Podręcznik Numizmatyki Polskiej*, Kraków, 1914, str. 155, nr. 20.
- 2 Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л., 1968, с. 185.
- 3 Potin (I), str. 51, nr. 100.
- 4 *Ibid.*, str. 20, nr. 14.
- 5 *Ibid.*, str. 69, nr. 142.
- 6 Potin (II), str. 225, nr. 58.
- 7 Potin (I), str. 51, nr. 100.
- 8 Potin (II), str. 225, nr. 58.
- 9 Рябцевич В. Н. Денежное обращение и клады на территории Чернигово-Северской земли и Восточной Белоруссии в XVI в. — НиС, Киев, 1968, т. 3, с. 180.
- 10 Петров Н. И. Археологическая находка на хорах в Великой церкви Киево-Печерской лавры. Киев, 1899.
- 11 ОАК за 1913—1915 гг. Пг., 1918, с. 256; Книга поступлений отдела нумизматики, № 44/185.
- 12 Potin (I), str. 69, nr. 142.
- 13 *Ibid.*, str. 51, nr. 100.
- 14 ОАК за 1905 г. Спб., 1908, с. 125.
- 15 Книга поступлений отдела нумизматики за январь 1893 — февраль 1910 гг.
- 16 Книга поступлений отдела нумизматики за 1879—1892 гг.
- 17 См. примечание 15.
- 18 ОАК за 1909—1910 гг. Спб., 1913, с. 253; Книга поступлений отдела нумизматики за 1893—1910 гг.
- 19 Potin (I), str. 51, nr. 100.
- 20 *Ibid.*, str. 69, nr. 142.
- 21 ОАК за 1911 г. Пг., 1914, с. 103; Книга поступлений отдела нумизматики, № 44.
- 22 ОАК за 1913—1915 гг. Пг., 1918, с. 256.
- 23 ОАК за 1900 г. Спб., 1902, с. 91.
- 24 Potin (I), str. 51, nr. 100.
- 25 Potin (II), str. 242, nr. 104.
- 26 ОАК за 1907 г. Спб., 1910, с. 140; Книга поступлений отдела нумизматики за 1893—1910 гг.
- 27 Potin (I), str. 51, nr. 100.
- 28 *Ibid.*, str. 69, nr. 142.
- 29 Книга поступлений отдела нумизматики за 1879—1892 гг.
- 30 ОАК за 1908 г. Спб., 1912, с. 202; Книга поступлений отдела нумизматики за 1893—1910 гг.
- 31 Книга поступлений отдела нумизматики № 44.
- 32 ОАК за 1905 г. Спб., 1908, с. 125.
- 33 Potin (I), str. 25, nr. 31.
- 34 Книга поступлений отдела нумизматики за 1893—1910 гг.
- 35 См. примечание 34; Список золотых и серебряных монет и медалей, принадлежащих Киево-Печерской лавре. Киев, 1899, с. 13.
- 36 Книга поступлений отдела нумизматики за 1893—1910 гг.
- 37 Potin (I), str. 71, nr. 146.
- 38 ОАК за 1907 г. Спб., 1910, с. 136; Книга поступлений отдела нумизматики за 1893—1910 гг.
- 39 Potin (I), str. 67, nr. 137.

- ⁴⁰ Potin (II), str. 242, nr. 104.
⁴¹ *Ibid.*, str. 249, nr. 121.
⁴² Potin (I), str. 71, nr. 146.
⁴³ Potin (II), str. 242, nr. 104.
⁴⁴ Книга поступлений отдела нумизматики за 1893—1910 гг.; ОАК за 1903 г. Спб., 1906, с. 207.
⁴⁵ Potin (II), str. 227, nr. 63.
⁴⁶ ОАК за 1904 г. Спб., 1907, с. 158.
⁴⁷ См. примечание 34; ОАК за 1906 г. Спб., 1909, с. 146.
⁴⁸ См. примечание 31.
⁴⁹ См. примечание 16.
⁵⁰ ОАК за 1900 г. Спб., 1902, с. 143.
⁵¹ ОАК за 1902 г. Спб., 1904, с. 121.
⁵² ОАК за 1903 г. Спб., 1906, с. 147.
⁵³ ОАК за 1904 г. Спб., 1907, с. 110—111.
⁵⁴ Там же, с. 111.
⁵⁵ ОАК за 1909—1910 гг. Спб., 1913, с. 251.
⁵⁶ Там же, с. 253.
⁵⁷ Там же, с. 257.
⁵⁸ ОАК за 1911 г. Пг., 1914, с. 102.
⁵⁹ ОАК за 1912 г. Пг., 1916, с. 109.
⁶⁰ ОАК за 1913—1915 гг. Пг., 1918, с. 255.

МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ИНОСТРАННЫЙ ИСТОЧНИК О МОНЕТАХ, ЦЕНАХ И МЕРАХ В РОССИИ НАЧАЛА XVI ВЕКА

В 1955 г. немецким историком Куртом Форстрейтером опубликованы заметки Дитриха Шенберга. Источник датируется 15 апреля 1518 г. и происходит из архива Тевтонского ордена. Шенберг — одно из доверенных лиц магистра ордена Альбрехта посетил Москву в феврале — марте 1517 г. и весной 1518 г.

Текст источника, сопровождаемый переводом, приводится с небольшими сокращениями.

42 lb thut ein Moscowiter puda
2 grivennen thun 1 Lb griven ist 1 margk

1 grivia thut 10 dennick

3 dennick 1 altin

2 moskoffsken 1 dennick

1 fl. Ungrisch 17 altin

1 rubel 33 altin

1 pud wat gilt iczt 47 altin

Es wollen die Moskawitter sagen 2 1/2 fl.

Ungrisch, nota ergo das die Ungrischen
gulden meher gelten dann 51 d.

Item pud ist die grost gewicht der Moska.
Item di gewicht in der stat Moska, New-
garten und Pleskaw seindt gleich.

Item die elle zur Moska und Newgarten
und Pleska ist gleich.

Item ein scheffel in der Moska heist ko-
recz, zu Newgarten och korecz, zu Pleska
och korecz.

1 sch. czu Newgarten thut 2 in der Moska,
1 sch. czu Pleska thut 1 1/2 in der Moska.

1 cimner hermel 1 rubel.

Item gilt in der Moska grawergk 14 rubel
1000 grawergk.

1 cimner czobel 11, 12, 15, 18 Rubel.

1 cimner marder 4 och 5 och 6 rubel.

Lasur die best 1 griven ader margk, 1 fl.
ungrisch och 20 altin.

42 фунта² составляют московитский пуд³

2 гривны составляют 1 фунт. Гривна —
1 марка⁴

1 гривна состоит из 10 денег⁵

3 денги — 1 алтын

2 московки — 1 денга

1 венгерский флорин — 17 алтын

1 рубль — 33 алтына⁶

1 пуд воска стоит теперь 47 алтын⁷

Если московиты хотят сказать 2 1/2 вен-
герских дуката, заметь тогда, что вен-
герский дукат обращается по цене в
51 денгу.

Также пуд — наибольший вес Москвы⁸.
Также меры веса в городах Москве, Нов-
городе и Пскове одинаковы.

Также [мера длины] локоть в Москве и
Новгороде и Пскове одинаков.

Также шеффель в Москве называется
корец, в Новгороде также корец, в Пско-
ве также корец⁹.

1 шеффель в Новгороде составляет 2
[шеффеля] в Москве, 1 шеффель в Пскове
составляет 1 1/2 [шеффеля] в Москве¹⁰.
40 шкурок [cimner] горностаев [стоят]
1 рубль.

Так же ценится в Москве белка [Grawerk,
Grauwerk]. 14 рублей — 1000 белок [этого
сорта].

Сорок соболей [стоят] 11, 12, 15, 18 руб-
лей.

Сорок куниц [стоят] 4, а также 5 и 6 руб-
лей.

Лазурь лучшая 1 гривна или марка [стоит]
1 венгерский дукат, а также 20 алтын.

Lasur die ergst griven 10 altins.
Cziwerski 40 altenn.
Item furlon ausbescheiden czol debet (?)
1 pud winter und sommer 20 altin von
der Moska czu Pleska.

Item poltin uff Moskowitisch bedeut
50 gros dennigk.

Item ein mira thut vor pudenn.
ein pud honnigk 2 dennick klein.
ein czetvert rockenn ader weis gleich
20 dennick och klein.
einn czetvert haffer 9 moskoffsken.
ein schlitten hew 12 moskoffken.

Ein margk [preussisch] silber vor 2 1/2 ru-
bel. 1 grivia facit 260 gros dennigk, 1 deng
vor ein prewssischen gr. facit 13 margk
Prewsch.

5 klein dennigkt al tag das jar facit 17 fl.
Un grisch 8 dennigk.

24 pud honigk facit (5 fl. ungerisch minus
10 gros dennigk, durchstrichen) 60 den-
nigk.

24 czetwer mel facit 5 fl. ungerisch mi-
nus 10 gr.

24 zetfar rocken 5 fl. Ungerisch minus
10 gr.

36 czedtvar haffer facit 3 fl. Ungerisch
12? dennigk.

24 czetwer mel facit 5 fl. Ungerisch mi-
nus 10 gr.

36 schlitten hew, ein schlitten vor 6 gros
dennigk, facit 1 (sol) fl. Ungerisch 28 gros
dennigk.

Facit in summa 32 fl. Ungerisch 38 gros
dennigk. Zu prewssischen gelde facit 51
prewsch marck 18 gr.

Гривна худшей лазури стоит 10 алтын.
Cziwerski — 40 алтын¹¹.

Также плата за проезд, исключая тамо-
женный сбор, с одного пуда зимой и
летом 20 алтын от Москвы до Пскова¹².

Также полтина по-московски означает
50 больших денег.

Также мера равнялась ранее пуду¹³.
Один пуд меда [стоит] две малые денги.
Одна четверть ржи или пшеницы [стоит]
также 20 малых денег.

Одна четверть овса — 9 московок.
Одни сани сена — 12 московок.

Одна (прусская) марка серебра равна
2 1/2 рублям 1 гривне, что составляет
260 больших денег, [так как] 1 денга
равна прусскому грбшу, [это] составляет
13 прусских марок¹⁴.

5 малых денег ежедневно в течение года
составляют 17 венгерских дукатов и
8 денег.

24 пуда меда стоят (зачеркнуто: 5 вен-
герских дукатов минус 10 больших де-
нег) 60 денег.

24 четверти муки стоят 5 венгерских ду-
катов минус 10 больших денег.

24 четверти ржи — 5 венгерских дукатов
минус 10 больших денег.

36 четвертей овса стоят 3 венгерских
дуката 12 (?) денег¹⁵.

24 четверти муки стоят 5 венгерских ду-
катов минус 10 больших денег.

36 сней сена, одни сани за 6 больших
денег, стоят 1 (?) венгерский дукат 28
больших денег¹⁶.

В сумме составляет 32 венгерских фло-
рина 38 больших денег. В прусских день-
гах это составляет 51 прусскую марку
18 грошей¹⁷.

Комментируемый источник дает в отношении использовавшихся мо-
нет, цен на товары, метрологии более конкретные и более полные сведе-
ния, чем известное сочинение Герберштейна, хотя и не лишённые неточ-
ностей. Рубль, по Шенбергу, равняется 33 алтынам, хотя в действитель-
ности — 33 алтынам и 1 денге. Стоимость пуда меда указывается равной
двум малым денгам, или московкам (Шенберг употребляет и то и другое
название), но несколькими строчками ниже Шенберг подсчитывает, что
24 пуда меда стоят 60 денег, хотя должна бы быть названа сумма в 48 де-
нег (те же различия мы видим при подсчете стоимости ржи, овса, сена).

Видимо, Шенберг использовал более ранние записи о ценах за несколько лет, отличавшиеся друг от друга, а также допустил некоторые ошибки при подсчетах. Очень важны указания стоимости венгерского дуката в России первой четверти XVI в. — 51 денга (или 102 московки), а также равноценности русской денги и прусского грошена. Здесь, как и в других источниках XVI—XVII вв., русская денга выступает по содержанию серебра и покупательной способности в качестве монеты типа гроша (грошены, виттены, шиллинги и т. п.).

¹ Forstreuter K. Preussen und Russland von den Anfängen des Deutschen Ordens bis zu Peter dem Großen. Göttingen, 1955, S. 235—237.

² Сокращения, имеющиеся в оригинале, при переводе даются полностью.

³ В пуде было 40, а не 42 фунта (Торговая книга. — ЗОРСА, Спб., 1851, т. 1, отд. 3, с. 114). 16,38 кг (пуд) : 42 = 390 г. Прусская марка весила около 187 г, следовательно, фунт равнялся 378 г, что также не соответствует подсчетам Шенберга. Или Шенберг в данном случае ошибался, написав 42 вместо 40, или исчислил вес пуда в фунтах весьма приблизительно.

⁴ Здесь имеется в виду малая гривенка, равная 48 золотникам (см.: Торговая книга, с. 114), т. е. 204, 816 г.

⁵ Шенберг различает московку, или малую денгу, и большую денгу, или просто денгу (так называемую новгородку).

⁶ Точнее 33 алтына и денга (2 московки).

⁷ Надо полагать, что wat (was) означает воск. При достаточной дешевизне воска он мог в XVI в. стоить 47 алтын, т. е. около 1 1/2 рублей (ср.: Торговая книга, с. 131). Под словом „wat“ также могла подразумеваться и ткань (некоторые ткани продавались в XVI в. на вес).

⁸ Пуд не являлся крупнейшей, но был распространеннейшей мерой веса. См.: Торговая книга, с. 114.

⁹ В „Торговой книге“ используется другое название этой меры сыпучих тел — четверик (см.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. 2. М., 1967, с. 325—326, слово „корец“). В Бранденбурге-Пруссии 1 шеффель равнялся 54,96 литра; шеффель ржи весил 80,5 фунта (H. Mohr und E. Hühns. Einführung in die Heimatgeschichte. Berlin, 1959, S. 98. Handel i Polityka handlowa Polski w XVI stolecu. t. II, Warszawa, 1958, s. 334—335). Однако из текста Шенберга не следует делать вывод о равенстве прусского шеффеля и русского корца.

¹⁰ Указание на соотношение между корцами новгородским, московским, псковским очень интересно. Если за единицу принять новгородский корец, то соотношение будет выглядеть как 1 : 1/2 : 1/3. Это различие в местных хлебных мерах было уже давно отмечено В. О. Ключевским. (Ключевский В. О. Русский рубль XVI—XVIII вв. и его отношение к нынешнему. — Сочинения, т. 7. М., 1959, с. 174—187). Комментируемые данные возможно объясняют различное весовое содержание четверти. Ср.: Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. М., 1965, с. 88—114.

¹¹ Термин не ясен.

¹² В XVII в. фрахт от Москвы до Новгорода составлял за пуд в летнее время 20—30, в зимнее — 5—9 копеек. См.: Родес, с. 182—183.

¹³ Ср. данные „Торговой книги“ (с. 115), по которой в XVI в. в четверти, равнявшейся 4 пудам, было 8 мер. Следовательно, в „Торговой книге“ мера равнялась 1/2 пуда. См.: Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Указ. соч., с. 113. Если понимать „vor“ как искаженное написание „vier“ — четыре, то следует читать: „Такая мера равняется 4 пудам“. Тогда Шенберг приравнивает меру четверти.

¹⁴ Шенберг использует при подсчетах прусскую марку серебра и счетную марку, равняющуюся 20 грошам.

¹⁵ При цене четверти овса в 9 московок стоимость 36 четвертей будет равна 324 московкам или 162 новгородкам. При условии равенства венгерского дуката 17 алтынам или 51 новгородкам 36 четвертей овса стоили не 3 флорина 12 денег, а 3 дуката 9 денег.

¹⁶ $36 \times 6 = 216$ денег; $216 : 51 = 4$ дуката 12 денег.

¹⁷ К сожалению, в общем подсчете Шенберг допустил ошибку. Сумма, выраженная в дукатах (при равенстве дуката 51 денге) и денгах, не соответствует сумме, обозначенной в прусских марках и грошам.

О. В. Васильева

ЧИСТКА ДРЕВНИХ МОНЕТ
ИЗ НУМИЗМАТИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ

Цель настоящего сообщения — познакомить интересующихся читателей с наиболее простыми и безопасными способами чистки монет, которые автор может рекомендовать на основе своего многолетнего опыта работы по реставрации археологического металла в Государственном Эрмитаже.

Расчистка монет — один из ответственных видов реставрации, она имеет важное значение для их изучения, датировки, определения и хранения.

Древние монеты из серебряных и медных сплавов, обнаруженные в кладах или в иных археологических раскопках, чаще всего поступают в реставрационную мастерскую сильно коррозированными, а подчас и полностью минерализованными. Под действием воды и солей медь разрушается в почве с образованием зеленых карбонатов и хлоридов, красной закиси меди и черной окиси. В коррозионных слоях на бронзовых монетах встречаются соединения олова и свинца. Монеты из сплава серебра с медью часто покрыты продуктами коррозии меди. Иногда серебро под действием хлористых солей превращается в серофиолетовый хлорид — роговое серебро. На воздухе медные сплавы темнеют от окисления, а серебро — в результате образования сульфида.

Реставратор должен с большой осторожностью относиться к восстановлению нумизматических памятников. В частности, надо сделать правильный выбор реактива, необходимого для очистки от коррозии, так как реактив, удачно примененный для одних монет, может оказаться непригодным для других, т. е. приведет к их уничтожению или к серьезным искажениям их вида. Желательно добиваться и сохранения „благородной патины“ — своеобразного аттестата древности предметов.

Приступая к чистке монет, следует прежде всего выяснить: из какого металла они сделаны, имеется ли в них металлическое ядро, в какой мере оно сохранилось, какими солями покрыты монеты.

Важно, например, в коррозионных корках на медных монетах определить присутствие хлористой меди, которая во влажных атмосферных условиях вызывает активный коррозионный процесс — „бронзовую болезнь“.

Для выявления хлористой меди используют увлажнительную камеру простого устройства: стеклянный сосуд заполняется водой примерно на $\frac{1}{3}$ объема; над водой помещается перфорированная (дырчатая) пластина из пластмассы, оргстекла или фарфора, на которую кладут монеты, имеющие коррозионный слой. Сосуд плотно закрывается крышкой. В таком состоянии его оставляют на 1—3 дня.

Действие увлажнительной камеры сводится к ускорению процессов, происходящих под влиянием влажности воздуха, что помогает выявить

очаги активной коррозии и дает возможность избрать более успешные способы чистки.

Кроме того, нахождение монет в камере способствует разрыхлению поверхностного слоя окислов, облегчая дальнейшие операции по очистке. Если в коррозионном слое имеется хлористая медь, то на поверхности монет обязательно появляются капельки жидкости, бесцветной или слегка зеленоватой. В противном случае капельки не выступают: углекислая медь, закись и окись меди во влажных условиях устойчивы (заметим, что роговое серебро на серебряных монетах также устойчиво). При обнаружении хлористой меди ее необходимо удалить из самых глубоких пор и весьма основательно.

Часто в археологических раскопках монеты находят „скипевшимися“, т. е. образующими благодаря соединяющим их окислам бесформенную массу. Не рекомендуем разъединять такие монеты путем накаливания и опускания в холодную воду. Во избежание утрат следует поместить такой „ком“ в 5—10%-ный раствор едкого натра и подогреть до 30—50°. После этого монеты можно отделить друг от друга, определить состояние каждой из них и приступить к чистке.

Основными способами расчистки монет являются механический, химический и электрохимический. При реставрации практикуется чаще всего сочетание механического способа с другими.

Механическая обработка заключается в удалении поверхностных наслоений: земли, песка и отдельных бугорков коррозии. Она производится с помощью различных щеточек (щетинной, латунной и из стеклянного волокна), скальпелей и зубоврачебных боров различных размеров. Но применять упомянутые инструменты необходимо с большой осторожностью. При неумелом и грубом использовании их легко нанести царапины, которые в какой-то мере искажат надпись, изображения и т. п. Химическим способом, в сочетании с механическим, очищаются монеты, покрытые толстым слоем продуктов коррозии, но сохранившие металлическую основу, а также монеты из золота и серебра.

Чтобы удалить с медных монет вишнево-красный налет закиси меди, следует опустить монеты в 5—15%-ный раствор аммиака, но так, чтобы они полностью погрузились в раствор, ибо в соприкосновении с воздухом действие аммиака на металл оказывается разрушительным. Вместо аммиака можно с успехом использовать 5—10%-ный раствор углекислого аммония, который менее агрессивен по отношению к меди и бронзе. Если медные монеты покрыты солями, состоящими из углекислой меди (темно-зеленый цвет), эти наслоения следует удалять 5—10%-ным раствором лимонной кислоты. Она медленно растворяет соли и окислы меди и не растворяет металлическую медь.

Встречаются также медные монеты, покрытые желтовато-бледным налетом углекислого свинца. Это говорит о том, что либо в сплаве самих монет много свинца, либо они лежали в земле со свинцовыми предметами. Для удаления такого налета следует применить 10%-ный раствор уксусной кислоты, легко растворяющей углекислый свинец.

В качестве „размягчителя“ коррозионных наслоений на медных монетах может служить гексаметафосфат натрия (Г.М.Ф.Н.). Это стекловидная, хорошо растворимая соль. Растворение ее нужно вести при непрерывном помешивании, так как стекловидная масса прилипает ко дну сосуда. Г.М.Ф.Н. применяется в виде 5—20%-ного раствора. В холодном

состоянии он действует медленно. Чтобы ускорить процесс, необходимо нагревать раствор до 60—80°.

Г.М.Ф.Н. абсолютно безопасен для металла и благодаря медленному действию позволяет легко проследить ход очистки и своевременно использовать механическую обработку.

Реставратору часто приходится иметь дело с монетами, полностью минерализованными, которые не всегда удается не только раскрыть, но и сохранить. Успех обработки в большой степени зависит от того, какие соединения меди заменили металл в результате сложных процессов минерализации. Сначала следует осторожно, без физического напряжения, удалить поверхностные наслоения. Если таким образом удастся вывить тот или иной орнамент, надпись и т. п., то этим следует ограничиться. Если механическая обработка не „раскрыла“ монету, применяют 5%-ный раствор едкого натра или углекислого аммония.

Учитывая, что степень сохранности монет, поступающих на реставрацию, различна, трудно дать определенные рекомендации относительно времени их пребывания в том или другом реактиве. Поэтому периодически вынимая монеты из раствора, следует постепенно снимать механическим способом размягченные слои, способствуя этим ускорению процесса расчистки.

Очистка серебряных монет производится преимущественно химическим способом. Такая очистка сводится к удалению с поверхности окислов и солей других металлов, главным образом, медных соединений. Медные соединения на серебряных монетах узнают по зеленому цвету. Для их удаления надо положить монету в стеклянный сосуд или в фарфоровую выпаривательную чашку и залить 5%-ным раствором серной кислоты. Для ускорения процесса можно вести очистку с подогревом раствора, время от времени вынимая монету, промывая водой (лучше проточной), затем счищая механически размягченные соли щеточками — щетинными или из стеклянных волокон. При неоднократных операциях такого рода наслоения постепенно уменьшаются и вовсе исчезают. Можно применять также 5—10%-ный раствор муравьиной кислоты (лучше с подогревом до 50—70°). Он хорошо размягчает и снимает окислы и углекислые соединения меди на серебре. Чем горячее раствор, тем сильнее его действие. Образования фиолетово-серого рогового серебра отличаются исключительной мягкостью. У таких монет часто отсутствует металлическое ядро, и при очистке не исключена возможность полной их утраты. Но если корка рогового серебра не слишком толстая, монету можно погрузить в 5—10%-ный раствор аммиака или хлористого аммония. В этих растворах роговое серебро размягчается, после чего осторожно удаляется механическим способом.

К монетам, сохранившим металлическое ядро, но имеющим очень плотные, твердые, „толстые“ окислы, а также к хрупким монетам можно применить метод электрохимического восстановления. Этот метод не требует специальной аппаратуры. Для электрохимических процессов обычно употребляется цинк и алюминий. Практика показала, что для очистки монет лучше всего применять пластинки из листового цинка или алюминия, с пробитыми в них отверстиями (как у терки). В качестве электролита берется едкий натр или муравьиная кислота 5—10%-ной концентрации. На дно стеклянного сосуда (в нем хорошо заметен процесс восстановления) кладется упомянутая цинковая либо алюминиевая

пластина. На „терчатую“ поверхность пластины раскладываются одна к другой несколько монет, которые накрываются „терчатой“ поверхностью другой такой же пластины. После этого сосуд заполняется приготовленным раствором так, чтобы монеты с пластинами были полностью скрыты.

Обработка указанным способом должна проводиться особенно тщательно и осторожно, с частым контролем за ходом процесса. Механически снимая восстановленные и размягченные продукты коррозии, осматривают монету в лупу для выяснения степени ее расчистки. После осмотра, если это необходимо для более четкого выявления изображения, она вновь подвергается электрохимической обработке.

Заметим, что золотые и „новые“ монеты, не побывавшие в земле, а лишь находившиеся долгое время в обращении, чистятся легко и быстро. С них необходимо удалить жировые вещества ацетоном, бензином или спиртом и опустить в 5—10%-ный раствор серной, лимонной или муравьиной кислоты.

После очистки монет тем или иным способом следует производить тщательную промывку („вываривание“) их в нескольких сменах кипящей дистиллированной воды до нейтральной реакции воды по универсальному индикатору и полного удаления растворимых хлоридов: охлажденная проба последней промывной воды не должна мутнеть от введения капли 1,7%-ного раствора азотнокислого серебра.

Вслед за промывкой производится просушка монет в ацетоне, затем в спирте в течение 30—60 минут. С этой целью можно использовать также термостат (специальный сушильный шкаф), выдерживая в нем монеты не более двух часов при температуре не выше 100° С.

Медные монеты, имевшие признаки бронзовой болезни, после очистки вновь помещаются в увлажнительную камеру. Если в отдельных местах появляются капли хлористой меди, эти очаги тщательно вычищаются механически, и монеты повторно „вывариваются“.

Если медные монеты после очистки имеют неприятный блеск, можно искусственно создать патину от светлого до темно-коричневого цвета. Для этого надо на один литр дистиллированной воды взять 50 г медного купороса и 5 г марганцовокислого калия. В приготовленный раствор, нагретый до 70—80°, опустить монеты и держать до получения желаемого оттенка.

После просушки монеты необходимо законсервировать защитным покрытием — парафином либо синтетическими смолами. Для этого можно рекомендовать 5%-ные растворы полибутилметакрилата в ацетоне, толуоле или ксилоле и поливинилбутирала в спирте или смеси спирта с бензолом (1 : 1).

После консервации необходимо хранить монеты не в „кучках“, а в отдельных коробочках или лотках, имеющих отсеки. В таком виде они не будут соприкасаться и лучше сохраняют защитное покрытие. Кроме того, при осмотре реставрированных монет будет легче выявить те из них, на которых вновь появились очаги коррозии.

Дополнительные сведения о реставрации металла можно найти в книгах М. В. Фармаковского „Консервация и реставрация музейных коллекций“ (М., 1947) и Х. Д. Плендерлиса „Консервация древностей и произведений искусства“ („Сообщения ВЦНИЛКР“, М., 1964, № 10—11).

SUMMARIES

M. Sotnikova

RESULTS OF THE STUDY OF RUSSIAN COINS FROM THE TENTH AND ELEVENTH CENTURIES IN THE HERMITAGE

Up to the present time some 340 examples of ancient Russian coins stamped with 227 different sets of dies have been discovered. They date back to the time of Prince Vladimir Sviatoslavich, Prince Yaroslav Vladimirovich and Prince Sviatopolk Yaropolkovich.

The article sets out the results of the advanced study of Russian coins from the tenth and eleventh centuries, which have been summed up in a complete catalogue (Corpus). It deals with the origin of coins, the evolution of coin types and the development of stamping techniques; the weight and standard, and the designs and inscriptions on the coins are examined in detail; and the significance of these first Russian coins as historical sources for the study of the economic, political and cultural life of the Kiev state is noted.

M. Lvov

DEVICES ON NOVGOROD COINS: A REAPPRAISAL

The fifteenth century Novgorod coins bear a characteristic device, composed of two figures, one on the left, depicted in robes, with a crown and a sword or a staff, and one on the right, naked and pleading.

After an examination of some thirty different interpretations of this device, the author puts forward the theory that the design is purely an emblematic one and that its exact meaning, in all probability, will never be discovered.

V. Kalinin

ON THE TECHNIQUE OF MINTING RUSSIAN COINS DURING THE SECOND HALF OF THE FIFTEENTH AND THE FIRST FIFTEEN YEARS OF THE SIXTEENTH CENTURY

During the period in question the centralization of money production is achieved in the Muscovite state: mintage is concentrated in Moscow, Tver, Novgorod and Pskov, the units of currency are standardized and the volume of production is increased. Corresponding changes take place in the technical aspects of minting. Thus in the second half of the fifteenth century the matrix — an instrument for the mass copying of dies — became universally accepted. The consequences of its introduction are clearly seen in coins struck at the Novgorod mints during the early 1480s. The author's analysis of Moscow and Novgorod currency from the second half of the fifteenth and beginning of the sixteenth century helps to elucidate a number of questions connected with the process of preparing matrix dies.

V. Potin

THALERS IN THE RUSSIAN STATE DURING THE SIXTEENTH AND SEVENTEENTH CENTURIES

The author uses, for the first time, Baltic and Western European sources from the sixteenth and seventeenth centuries as his basic material (these include foreign dictionaries of Russian); use is also made of recent publications of Russian sources and information concerning monetary hoards. The facts drawn from these sources indicate clearly that the development of the Russian currency system, despite its specific nature, is similar in its basic features to the development of the systems of other European states. This was reflected in the manner in which foreign thalers were used in Russia during the sixteenth and seventeenth centuries.

The article gives the precise date for the beginning of thaler imports into Russia as the end of the 1520s, i. e. earlier than was suggested by other authors of numismatic research into the history of Russian currency trading. There is evidence pointing to a connection between the beginning of thaler imports and the Russian currency reform of 1534/35.

The author states what forms of thaler were introduced into Russia and also explains various Russian names under which they circulated. The material accumulated confirms the supposition that thalers were brought into Russia both as silver and as units of currency, which were drawn into the Russian currency trading system. This can be seen not only in the existence of two exchange rates for the thaler, the official ("decreed") rate and the market rate, but also in the direct evidence of trade and financial transactions. This thaler rate from the middle of the sixteenth to the end of the seventeenth centuries is listed in a special table consisting of 61 entries.

The facts given in the paper enable us to appraise the role of thalers in the Russian state more accurately.

I. Spassky

ON THE *NOVODEL* COINS

Novodels are copies of old Russian coins which were manufactured by mints for over 200 years. The majority of them come from the St. Petersburg mint (eighteenth and nineteenth centuries) and the Ekaterinburg mint (nineteenth century). It is also possible that the Moscow mint took part in their manufacture during the eighteenth century. The manufacture of *novodels* arose from the legalized practice of making medals to order. In St. Petersburg this was common immediately after the mint started work again in 1738. In the same way as the cracked medal dies were replaced by new ones, a small number of coin dies were recopied and kept in store in anticipation of fresh orders. In time this led to the appearance of various "hybrids": the more fanciful among them were manufactured illegally by workmen in the mint, who had access to the dies. The *novodels* had some weak points as far as their technical aspects were concerned (dimensions, weight, metal, standard, edges). As a rule edging instruments did not survive.

It is possible to divide *novodels* into the following groups (not counting the "hybrid" combinations): (1) late stamping with authentic dies;

(2) stamping with copies of dies; (3) re-stamping with dies cut after previously issued coins, or even after their reproductions in books; (4) copying of coins which were produced by mints other than the one involved; (5) striking with "borrowed" dies; (6) the manufacture of coins which did not exist before.

A great many die-copies of all types were destroyed in St. Petersburg circa 1840, but since then there were two huge issues of *novodels* in Ekaterinburg, which included coins from other mints as well. Perhaps one of the first "invented" *novodels* is the *denga* of Peter the Great, bearing a Latin inscription and dating from 1700. The manufacture of *novodel* coins was officially prohibited in the 1870s.

E. Shchukina

THE HERMITAGE COLLECTION OF WESTERN EUROPEAN MEDALS
REFLECTING EVENTS IN THE HISTORY OF RUSSIA
(LATE SEVENTEENTH — FIRST QUARTER
OF THE EIGHTEENTH CENTURY)

Medals connected with Russia's history, but issued abroad, form quite a significant and valuable part of the collection of commemorative medals in the Hermitage. One of the most interesting sections contains over sixty medals, dating from the end of the seventeenth and the first quarter of the eighteenth century, and produced in Italy, Holland, England, Germany, France, Sweden, and Denmark. Reflecting the events of the time from various points of view, these medals bear witness to the growing significance of Russia as a European power, to the broadening of her international links and to the consolidation of her position in the European political arena.

L. Belova

UNKNOWN COINS FROM CHERSONESUS
IN THE HERMITAGE COLLECTION

In her article the author acquaints the numismatic world with a group of hitherto unknown coins from Chersonesus, which entered the Hermitage collection at various times, either from private collections or as a result of archaeological excavations.

One of the most interesting coins is a unique silver didrachm from Chersonesus, with the head of the goddess Athena on the obverse and a bull on the reverse.

Groups of coins with the heads of Kabeiros and Helios are also of great interest. Although the cults of these deities were known to have existed on the Northern Black Sea Coastlands, their depiction on coins was quite a rare occurrence.

The publication of these unknown pieces will undoubtedly widen our idea of the coinage in this powerful economic and political centre of the ancient coastal regions of the Black Sea.

V. Brabich

IS THE ATEAS COIN
IN THE HERMITAGE COLLECTION AUTHENTIC?

A few coins bearing the name of the Scythian king Ateas have attracted the attention of both Soviet and foreign numismatists. Certain scholars suggest that these coins are modern forgeries.

The silver coin in the Hermitage collection seems to be just such a forgery. In the author's opinion it is not identical to the coin in the History Museum collection in Moscow; it was cast, not hammered, and the devices on it were finished with a chisel.

Yu. Diukov

ON COIN MINTING IN BOSPORUS
DURING THE REIGN OF MITHRADATES EUPATOR

The author examines the question of coin minting in the kingdom of Bosphorus during the reign of Mithradates Eupator. The coinage is analysed as reflecting the important political events of the time, in particular the coming to power in Bosphorus of Mithradates Eupator of Pontus.

The first group of coins that were issued by this ruler consisted of silver and copper pieces bearing the names of various Bosphorus towns; on these coins the traditional devices of Bosphorus currency are found side by side with those characteristic of the currency of Pontus. The second issue showed more of a Pontic influence, both in the devices and in the choice of face-values. The third issue of coins by this ruler consisted entirely of copper pieces; an analysis of the dies shows them to have been minted in one place. This last issue reflects the critical state of the kingdom of Bosphorus during the last years of Mithradates Eupator's reign.

I. Dobrovolsky

RARE GEORGIAN COINS IN THE HERMITAGE COLLECTION

The paper deals with rare, previously not published Georgian coins in the collection of the Department of Numismatics in the Hermitage. The survey covers a period from the seventh to the nineteenth centuries.

I. Sokolova

ON THE DATING OF DIFFERENT TYPES OF COINS
FROM CHERSONESUS OF THE TIME OF MAURICIUS (582—602)
AND BASIL I (867—886)

The article is a reply to two remarks, made in an article by V. Anokhin, on the classification of coins from medieval Chersonesus.

After an analysis of different details in the pictures represented on Mauricius' coins, the author reaches the following conclusions: the coins

were minted in several issues, each one of which, with the exception of the last, included two different face-values. The coins of the first issue bear the figures M and K; those of the second bear the figures H and Δ, and the inscription XEPCΘNOC; the third group bear the figures H and Δ and the inscription DNMAVRICPPAVC; and the fourth group, the figure H and the same inscriptions as in the third group. The coins of the fourth issue are struck on carelessly cast blanks, and the style of the devices is coarse and slipshod. The existence of several issues which show differences not only in details of type and inscription, but also of weight, points to a long period of minting; and this enables us to date the coins between the coronation of Mauricius' son Theodosius and the fall of the dynasty, i.e. between 590 and 602.

The second part of the paper deals with those coins from Chersonesus which bear the monogram κϞϞ. Certain palaeographic peculiarities (the letter Ϟ written with the horizontal stroke extending beyond both vertical lines, the omega written with a small loop above the middle element) which were common only from the ninth to the middle of the tenth century on the coins of Chersonesus, although the beta can also be found on the Byzantine seals, lead to the conclusion that there are no grounds for V. Anokhin's suggestion that coins with the monogram κϞϞ should be re-dated to the time of Basil II and Constantine VIII. The coins could have been minted only during the reigns of Basil I and Constantine.

I. Dobrovolsky

A HOARD OF EIGHTEENTH CENTURY GEORGIAN COPPER COINS IN THE HERMITAGE

Numerous publications have acquainted scholars with Georgian copper coins of the eighteenth century which bear the names of the rulers and the kings of Kartalinia. It is a mistake to think, however, that further study of this material would not be rewarding, both in terms of history in general and in terms of Georgian history in particular. The Hermitage Department of Numismatics contains a hoard of eighteenth century Georgian copper coins, but unfortunately there are no details of findings. The collection includes: 1. anonymous seventeenth century coins from Tiflis (two pieces); 2. Vakhtang VI (two pieces); 3. Svimon (18 pieces); 4. Bakar (34 pieces); 5. Teimuraz II and Erekle II (1 piece); 6. Erekle (1 piece); 7. two more unattributed coins.

Such combinations of coins are quite rare. When Prof. Pakhomov registered the coin finds in the Caucasus, he recorded only 27 examples of these coins and in only one case was there a hoard, and not an individual coin find. One must conclude that the Hermitage hoard is of particular interest to those studying the currency trade of Georgia during the eighteenth century.

M. Severova

COPPER COINS FROM IRANIAN TOWNS
COUNTER-STAMPED WITH A TWO-HEADED EAGLE

Among the copper coins autonomously struck in Iranian towns there are coins which have been counter-stamped with a two-headed eagle, emblem of the Russian Empire. A. Markov, who knew of three such coins, and after him R. Vasmer, who knew of ten, thought that these counter-stamps were connected with Peter the Great's Caspian campaign, and with the measures taken by the Russian occupying forces to regulate the financial affairs in the occupied provinces.

At the present time we know of 28 such coins, 24 of them being kept in the Hermitage. This provides us with certain additional information, enables us to see certain general characteristics and raises a number of questions, which are difficult to explain if we stick to the theory put forward by A. Markov and R. Vasmer.

The author suggests that these counter-stampings appeared in Georgia at a period encompassing the end of the eighteenth and the beginning of the nineteenth century, and produces evidence to support this view. At the same time, the author does not exclude the possibility of a different solution of the problem, if further research should discover new specimens of coins or hitherto unknown documents.

T. Minasian

POLISH COINS DISCOVERED IN TREASURE-TROVES
IN THE USSR AND POLAND IN THE HERMITAGE COLLECTION

The author attempts to define which of the coins in the Polish collection come from treasure-troves.

Of the 40,000 Polish coins, the author deals only with the 5,000 coins of the original collection which had been listed in the manuscript scientific catalogues.

Up until the beginning of the twentieth century, the majority of coins from treasure-troves came to the Hermitage "without identity cards", and there is no mention in the catalogues of their origin; therefore, in order to establish the origins of these coins, it was necessary to use the archival documents kept in the Department of Numismatics and at the Central Record-office of the Hermitage, and also materials of the Archaeological Committee (Leningrad Branch of the Institute of Archaeology, USSR Academy of Sciences).

The detailed study of these sources has led to the conclusion that a significant number of the coins from the collection come from treasure-troves. A list of these coins is supplied.

V. Potin

REPORT OF A FOREIGN TRAVELLER ON COINS, MEASURES,
AND PRICES IN EARLY SIXTEENTH CENTURY RUSSIA

The original text of some notes, dated 1518, by Dietrich Schönberg, a confidential agent of the Grand Master of the Teutonic Order, is published in a somewhat abridged form (in parts little concerned with numismatics); it is accompanied by a Russian translation and some critical comments of the author of the present paper. Schönberg visited Muscovy twice, in 1517 and 1518; his text is a report on all matters of interest to a party engaged in active trade relations with Russia. It contains information on the principal items of Russian foreign trade, on systems of weights and measures in use in Moscow, Pskov, and Novgorod; on conditions of travel, the toll money, etc. Of great importance to numismatic studies is Schönberg's evidence concerning Russian coin systems, and the value of foreign money (Hungarian ducats, Prussian marks and groschen, etc.) in Russian currency of the period. Schönberg's report, so far but little studied, is an important source of historical knowledge.

O. Vasilyeva

ON THE CLEANING OF ANCIENT COINS
FROM NUMISMATIC COLLECTIONS

Since the 1908 article by A. Markov there have been no publications which would deal with the problems of restoring numismatic specimens. The author, a master restorer of the Hermitage, devotes her paper to the basic processes of cleaning ancient coins.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской императорской археографической экспедиции
АЕ	Археологический ежегодник
ЛИ	Акты исторические
АМГ	Акты Московского государства
АН	Академия наук
АЮБ	Акты, относящиеся до юридического быта Древней России
ВДИ	Вестник древней истории
ВИД	Вспомогательные исторические дисциплины
Временник МОИДР	Временник Московского общества истории и древностей российских
ГИМ	Государственный исторический музей
ДАИ	Дополнения к актам историческим
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ЗАНО	Записки Археолого-нумизматического общества
ЗАО	Записки Русского археологического общества
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА	Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ИАК	Известия Археологической комиссии
ИАН	Известия Академии наук СССР
Иверсен. Деяния Петра	Иверсен Ю. Б. Медали на деяния императора Петра Великого в воспоминание двухсотлетия со дня рождения преобразователя России. Спб., 1872
ИРАО	Известия Русского археологического общества
ИТУАК	Известия Таврической ученой архивной комиссии
Капанадзе	Капанадзе Д. Г. Грузинская нумизматика. М., 1955
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА	Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
Нис	Нумизматика и сфрагистика
НС	Нумизматический сборник. М., 1911—1915, т. 1—3
НЭ	Нумизматика и эпиграфика
ОАК	Отчеты Археологической комиссии
ОНГЭ	Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа
Памятники	Памятники русской культуры первой четверти XVIII века в собрании Государственного Эрмитажа. Каталог. Л.—М., 1966
Пахомов. Монетные клады	Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. Баку
Пахомов. Монеты	Пахомов Е. А. Монеты Грузии. Тбилиси, 1970
ПДС	Памятники дипломатических сношений
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей

РИБ	Русская историческая библиотека
Родес	Курц Б. Г. Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1914
Русско-белорусские связи	Русско-белорусские связи. Сборник документов (1570—1667 гг.). Минск, 1963
РШЭО	Давыдова М. Б., Шаскольский И. П., Юхт А. И. Русско-шведские экономические отношения в XVII веке. Сборник документов. М.—Л., 1960
СА	Советская археология
СГЭ	Сообщения Государственного Эрмитажа
Сб. РИО	Сборник Русского исторического общества
СГГД	Сборник государственных грамот и договоров
СРМ	Собрание русских медалей. Спб., 1840—1846
ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа
ТМНО	Труды Московского нумизматического общества
ТСА РАНИОН	Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
Фасмер	Фасмер Р. Р. Персидские монеты с надчеканкой Петра I.— В кн.: Сборник Государственного Эрмитажа, вып. 3. Л., 1926
ЧОИДР	Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете
AR	<i>Akten und Recesse der Livländischen Ständetage</i>
СВМ	<i>A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum</i>
Hild.	В. Е. Hildebrand, <i>Sveriges och Svenska Konunghusets minnespenningar, praktmynt och belöningsmedaljer</i> , b. 1, Stockholm, 1874; b. 2, Stockholm, 1875
HR	<i>Hanserecesse</i>
HUB	<i>Hansisches Urkundenbuch</i>
IPE	<i>Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae</i>
LECUB	<i>Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch</i>
NZ	<i>Numismatische Zeitschrift</i> (Wien)
Potin (I)	W. M. Potin, «Znaleziska monet na obszarze Polski według danych archiwów leningradzkich», cz. I (1859—1889), <i>Wiadomości Numizmatyczne</i> , т. XI, Warszawa, 1967
Potin (II)	W. M. Potin, «Znaleziska monet na obszarze Polski według danych archiwów leningradzkich», cz. II (1890—1913), <i>Wiadomości Numizmatyczne</i> , т. XV, Warszawa, 1971
Die Reichelsche Münzsammlung	[J. Reichel], <i>Die Reichelsche Münzsammlung in St. Petersburg</i> , T. 1—9, St. Petersburg, 1842—50

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>М. П. Сотникова.</i> Итоги изучения русских монет X—XI веков в Государственном Эрмитаже	4
<i>М. А. Львов.</i> Еще раз к вопросу об изображении на новгородских монетах	12
<i>В. А. Калинин.</i> Некоторые вопросы техники чеканки русских монет второй половины XV — начала 30-х годов XVI века	37
<i>В. М. Потин.</i> Талеры на территории Русского государства в XVI—XVII веках	50
<i>И. Г. Спасский.</i> Новоделы	105
<i>Е. С. Щукина.</i> О России за ее пределами. Западноевропейские медали собрания Эрмитажа на события истории России конца XVII — первой четверти XVIII века	126
<u><i>Л. Н. Белова.</i></u> Несколько неизданных херсонесских монет из собрания Эрмитажа	144
<i>В. М. Брабич.</i> Подлинна ли монета Атея из собрания Эрмитажа?	152
<i>Ю. Л. Дюков.</i> О монетной чеканке Боспора при Митридате Евпаторе . . .	156
<i>И. Г. Добровольский.</i> Редкие грузинские монеты в собрании Эрмитажа	161
<i>И. В. Соколова.</i> К датировке типов херсонских монет Маврикия (582—602) и Василия I (867—886)	169
<i>И. Г. Добровольский.</i> Клад медных грузинских монет XVIII века в собрании Эрмитажа	178
<i>М. Б. Северова.</i> Медные монеты иранских городов с надчеканенным двуглавым орлом	183
<i>Т. Н. Минасян.</i> Польские монеты из кладов на территории СССР и Польши в собрании Эрмитажа	198
<i>В. М. Потин.</i> Малоизвестный иностранный источник о монетах, ценах и мерах в России начала XVI века	206
Приложение. <i>О. В. Васильева.</i> Чистка древних монет из нумизматических коллекций	209
Резюме на английском языке	213
Список сокращений	220

CONTENTS

Introduction	3
<i>M. Sotnikova.</i> Results of the Study of Russian Coins from the Tenth and Eleventh Centuries in the Hermitage	4
<i>M. Lvov.</i> Devices on Novgorod Coins: a Reappraisal	12
<i>V. Kalinin.</i> On the Technique of Minting Russian Coins during the Second Half of the Fifteenth and the First Fifteen Years of the Sixteenth Century	37
<i>V. Potin.</i> Thalers in the Russian State during the Sixteenth and Seventeenth Centuries	50
<i>I. Spassky.</i> On the <i>Novodel</i> Coins	105
<i>E. Shchukina.</i> The Hermitage Collection of Western European Medals Reflecting Events in the History of Russia (Late Seventeenth—First Quarter of the Eighteenth Century)	126
<u><i>L. Belova.</i></u> Unknown Coins from Chersonesus in the Hermitage Collection	144
<i>V. Brabich.</i> Is the Ateas Coin in the Hermitage Collection Authentic?	152
<i>Yu. Diukov.</i> On Coin Minting in Bosphorus during the Reign of Mithridates Eupator	156
<i>I. Dobrovolsky.</i> Rare Georgian Coins in the Hermitage Collection	161
<i>I. Sokolova.</i> On the Dating of Different Types of Coins from Chersonesus of the Time of Mauricius (582—602) and Basil I (867—886)	169
<i>I. Dobrovolsky.</i> A Hoard of Eighteenth Century Georgian Copper Coins in the Hermitage	178
<i>M. Severova.</i> Copper Coins from Iranian Towns Counter-stamped with a Two-headed Eagle	183
<i>T. Minasian.</i> Polish Coins Discovered in Treasure-troves in the USSR and Poland in the Hermitage Collection	198
<i>V. Potin.</i> Report of a Foreign Traveller on Coins, Measures, and Prices in Early Sixteenth Century Russia	206
Appendix: <i>O. Vasilyeva.</i> On the Cleaning of Ancient Coins from Numismatic Collections	209
Summaries	213
Abbreviations	220

ПРОШЛОЕ НАШЕЙ РОДИНЫ В ПАМЯТНИКАХ НУМИЗМАТИКИ

Сборник статей

Оформление художника В. Бабанова. Редактор Г. Алексеева. Редактор английского текста И. Комарова. Художественный редактор Е. Большаков. Технический редактор Н. Соколова. Корректоры Л. Денисова, И. Стукалина. Сдано в набор 16/X 1975. М 24002. Подписано в печать 5/1 1977. Формат 70×100¹/₁₆, бумага мелованная. Усл. печ. л. 18,2. Уч.-изд. л. 17,88. Тираж 20 000. Изд. № 1297. Заказ 9517. Цена 2 р. 33 к. Издательство „Аврора“, 191065, Ленинград, Невский пр., 7/9. Ордена Трудового Красного Знамени ленинградская типография № 3 им. Ивана Федорова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 196126, Ленинград, Звенигорская, 11

